ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019 5 (821)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITARIAN SCIENCES

Issue 5 (821)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 5 (821)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CONTENTS

LINGUISTICS

LITERARY STUDIES

CULTUROLOGY

УДК 81’34

Е. А. Бурая
кандидат филологических наук, доцент,
профессор каф. фонетики английского языка
факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: helen812@list.ru

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В КАНАДСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Предметом исследования являются межвариантные различия в области словесного ударения. Рассматривается вопрос о степени влияния британской и американской произносительных норм на акцентную структуру слов в канадском английском. Данные, полученные в результате анализа словарных статей 18-го издания словаря Д. Джоунза *English Pronouncing Dictionary* (2011) и 2-го издания Canadian Oxford Dictionary (2004), позволяют сделать вывод о том, что в канадском варианте менее половины слов из списка с несовпадающей британо-американской акцентуацией (41,7 %) следуют американским вариантам, что не позволяет говорить о серьезном влиянии американской произносительной нормы на канадский английский на акцентологическом уровне. Акцентная структура 22,2 % слов не совпадает ни с британской, ни с американской. В них используются типично канадские акцентные модели. К таковым можно отнести модели в многосложных словах с третичным ударением. При увеличении количества слогов увеличивается доля слов, которые следуют британским моделям, уменьшается доля слов, которые произносятся, как в американском варианте, и увеличивается количество слов, акцентные модели которых не совпадают ни с британскими, ни с американскими.

Ключевые слова: британский / американский / канадский вариант английского языка; словесное ударение; акцентная модель; акцентуация; главное / второстепенное / третичное ударение; заимствования.

E. A. Buraya
PhD (Philology), Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of the English language, MSLU; e-mail: helen812@list.ru

CANADIAN ENGLISH WORDS-STRESS IN MULTICULTURAL WORLD

The article addresses the issue of word accent (stress). The work is designed to outline the basic present-day tendencies in Canadian English (CanE) accentuation and to determine the extent of British and American English impact on Canadian word-stress peculiarities. The comparative analysis of word entries of English Pronouncing Dictionary by D. Jones (18th ed.) and Canadian Oxford Dictionary (2nd ed.) made it possible to conclude that 41,7 % of words that are British-American stress-divergent follow the American patterns in CanE. This result does not testify to a strong impact of American pronouncing norm at the accentual level. The accentuation of 22,2 % of such words differ from both British and American patterns. Stress patterns that are characteristic exclusively of CanE include mainly those with tertiary stress in multisyllable words. The percentage of words that follow the American patterns decreases and the percentage of words that follow the British and purely Canadian patterns increases with the increase of the number of syllables in a word.

Key words: British / American / Canadian English; word stress; a stress pattern; accentuation; primary / secondary / tertiary stress, borrowings.

Тенденции в области словесного ударения в канадском варианте до сих пор не исследовались. Ч. Боберг [Boberg 2010] отмечает, что в словах, заимствованных из французского языка, и в женских именах, оканчивающихся на [-i:n], ударение в канадском варианте падает на последний слог: *balˈlet, masˈsage, Colˈleen, Eiˈleen*. В британском варианте в этих словах ударением отмечен первый слог, а в американском – последний, т. е. канадские варианты совпадают с американскими. В словах латинского происхождения, оканчивающихся на -*ate*, таких как *frustrate, vibrate*, ударение падает на первый слог, как и в американском варианте. В британском английском в этих словах ударением отмечен последний слог.

П. Традгил и Дж. Ханна [Trudgill and Hannah 1982], подтверждая, что канадский стандарт ориентирован на американскую норму, отмечают, что в отдельных словах ударение следует британской модели, например в словах *coˈrollary, caˈpillary*.

К сожалению, приведенными примерами исчерпывается описание особенностей акцентуации канадского варианта английского языка в западной англистике. Среди отечественных исследователей интерес к этой проблематике проявила Д. Т. Поздеева [Поздеева 2016; Поздеева 2017].

Для выявления тенденций в области словесного ударения в канадском варианте английского языка и определения степени влияния на него двух конкурирующих норм, британской и американской, на этом уровне фонетической системы слова из списка с несовпадающей британо-американской акцентуацией, включающего 1390 единиц [Бурая 2016], были проверены по второму изданию *Canadian Oxford*

Dictionary (2004). Была найдена транскрипция только для 859 единиц из этого списка. Около половины слов из списка в словаре отсутствуют, главным образом, по четырем причинам:

1. В словаре не приведена транскрипция для некоторых достаточно частотных слов: *adult*, *address*, *magazine*.
2. Не указана транскрипция для некоторых производных слов, например для *complimentarily*, *identifiable*, *occultism*.
3. Не приводится транскрипция для некоторых имен собственных, обозначающих географические названия, например для таких, как *Belfast*, *Amsterdam*, *Stonehenge*.
4. В словаре отсутствуют некоторые малоизвестные имена собственные, обозначающие людей, и названия, относящиеся к культурам других стран. Например, в словаре нет таких слов из списка, как *Citroen*, *Giovanni*, *Sabaoth*.

Общий подсчет показал, что в канадском варианте 36,1 % слов из списка произносятся как в британском варианте, 41,7 % – как в американском, а 22,2 % слов произносятся иначе, т. е. их акцентуация не совпадает ни с британской, ни с американской.

Приведенные результаты позволяют сформулировать первый вывод: данные не подтверждают общепринятое мнение, что канадский стандарт ориентирован на американскую норму, по крайней мере, на уровне словесного ударения. Общее количество слов из списка, произносимых с американскими акцентными моделями, составляет 41,7 %, т. е. менее половины.

Рассмотрим распределение акцентных моделей в двусложных, трехсложных и т. д. словах.

Двусложные слова

Из общего списка в словаре было найдено 339 двусложных слов. В британском и канадском вариантах они распределяются по трем акцентным моделям, а в американском – по четырем:

BrE: 1) [ˈ- -], 2) [- ˈ-], 3) [ˌ- ˈ-]
AmE: 1) [ˈ- -], 2) [- ˈ-], 3) [ˌ- ˈ-], 4) [ˈ- ˌ-]
CanE: 1) [ˈ- -], 2) [- ˈ-], 3) [ˈ- ˌ-]

Как видно, в канадском варианте присутствует двухударная модель [ˈ- ˌ-], характерная и для американского варианта, но отсутствует двуударная модель [ˌ- ˈ-], характерная для британского варианта.

Было подсчитано, что в канадском варианте 38,6 % двусложных слов произносятся, как в британском английском, например:

BrE: as'say, con'serve, lo'cate
AmE: 'assay, 'conserve, 'locate
CanE: as'say, con'serve, lo'cate

Как в американском варианте, произносятся 57,9 % слов, например:

BrE: 'beret, frag'ment, pho'nate
AmE: be'ret, 'fragment, 'phonate
CanE: be'ret, 'fragment, 'phonate

Незначительное количество слов (3,5 %) произносятся иначе, т. е. их акцентуация не совпадает ни с британской, ни с американской. К ним, в основном, относятся несколько нечасто встречающихся географических названий, например:

BrE: ˌKash'mir, ˌPun'jab, ˌShan'ghai
AmE: 'Kashmir, Pun'jab, 'Shanghai
CanE: Kash'mir, 'Punjab, Shan'ghai

Анализ количественной наполняемости каждой модели дает нам следующую картину (см. табл. 1).

Таблица 1

Акцентные модели двусложных слов (в %)

	'- -	- '-	ˌ- '-	'- ˌ-
BrE	61,0	24,8	14,2	–
AmE	37,7	55,5	6,1	0,7
CanE	44,4	55,3	–	0,3

Как видно из таблицы 1, среди двусложных слов в канадском варианте, как и в американском, незначительное предпочтение отдано модели с ударением на втором слоге: [- '-] (55,3 %). Модель с ударением на первом слоге ['- -] была использована в 44,4% случаев, а модель ['- ˌ-] была зафиксирована всего лишь один раз (0,3%). Модель [ˌ- '-] оказалась невостребованной.

Анализ акцентных расхождений в британском, американском и австралийском вариантах, проведенный ранее [Бурая 2010; Бурая 2016], показал, что среди двусложных слов высокий процент заимствований как из французского языка (их большинство), так и из других языков – итальянского, испанского, немецкого, греческого, латыни, арабского. Напомним, что британская и американская нормы по-разному адаптируют произношение большинства двусложных заимствований: в британском варианте ударение в таких словах падает, как правило, на первый слог, а в американском – на последний. В канадском варианте двусложные заимствования приблизительно поровну распределяются по этим двум моделям, с незначительным превосходством модели [- ˈ-], что не позволяет говорить о серьезном влиянии американской произносительной нормы.

BrE: ˈballet (*фр.*), ˈcafé (*фр.*), ˈchiffon (*фр.*), ˈcroissant (*фр.*), ˈdinar (*араб.*), ˈdiktat (*нем.*), ˈkoine (*греч.*), ˈsignor (*итал.*), ˈlangur (*хинди*)

AmE: baˈllet, caˈfé, chifˈfon, croisˈsant, diˈnar, dikˈtat, koiˈne, sigˈnor, lanˈgur

CanE: ˈballet, caˈfé, chifˈfon, croisˈsant, ˈdinar, ˈdiktat, ˈkoine, sigˈnor, lanˈgur

Как было отмечено, двуударная модель [ˌ- ˈ-], встречающаяся в словах из списка в британском и, реже, американском вариантах, в канадском варианте реализована не была. В канадском варианте многие из этих слов произносятся с одним ударением на первом слоге:

BrE: ˌblasˈpheme, ˌmayoˈress, ˈbonsai, ˈbeignet
AmE: ˈblaspheme, ˈmayoress, ˌbonˈsai, ˌbeigˈnet
CanE: ˈblaspheme, ˈmayoress, ˈbonsai, ˈbeignet

Трехсложные слова

Из списка было найдено 311 трехсложных слов. В британском и американском вариантах было выделено восемь акцентных моделей для этих слов; в канадском варианте также было выделено восемь моделей, однако их перечень несколько отличается:

BrE / AmE: 1) [ˈ- - -], 2) [- ˈ- -], 3) [ˌ- - ˈ-], 4) [ˌ- ˈ- -], 5) [ˈ- - ˌ-], 6) [ˈ- ˌ- -], 7) [- ˌ- ˈ-], 8) [- - ˈ-]

CanE: 1) ['- - -], 2) [- '- -], 3) [ˌ- - '-], 4) [ˌ- '- -], 5) ['- - ˌ-], 6) [- - '-], 7) [-' - ˌ-], 8) ['- ˌ- -]

Подсчет показал, что 40,3 % трехсложных слов следуют британским моделям, например:

BrE: 'emirate, li'aison, ˌmaga'zine
AmE: e'mirate, 'liaison, 'magazine
CanE: ‘emirate, li’aison, ˌmaga’zine

Как в американском варианте произносятся 31,1 % слов, например:

BrE: ‘diagnose, ˌjuxta’pose, ˌSinga’pore
AmE: ˌdiag’nose, ‘juxtapose, ‘Singapore
CanE: ˌdiag’nose, ‘juxtapose, ‘Singapore

А 28,6 % слов произносятся иначе, т. е. их акцентуация не совпадает ни с британской, ни с американской. Как видим, количество этих слов значительно возросло, например:

BrE: ‘cabaret, ˌhob’goblin, ˌsoli’taire
AmE: ˌcaba'ret, 'hobˌgoblin, 'solitaire
CanE: 'cabaˌret, 'hobgoblin, 'soliˌtaire

Конкретно по моделям трехсложные слова распределились следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Акцентные модели трехсложных слов (в %)

	'- - -	-'- -	ˌ- - '-	ˌ- '- -	- '- ˌ-	'- - ˌ-	- -'-	'-ˌ- -	- ˌ- '-
British	38,8	28,9	25,0	5,8	–	0,4	0,3	0,4	0,4
American	40,2	22,5	21,3	3,4	–	0,6	0,6	11,0	0,4
Canadian	22,8	23,3	18,6	1,9	1,3	21,5	5,8	4,8	–

При анализе таблицы 2 можно сделать вывод, что в британском и американском вариантах подавляющее большинство трехсложных слов (92,7 % и 84,0 % соответственно) произносятся лишь с тремя моделями (['- - -], [- '- -], [ˌ- - '-]) из восьми отмеченных, с некоторым преимуществом модели ['- - -] (38,8 % для британского и 40,2 % для американского варианта). В канадском варианте эти модели суммарно набирают лишь 64,7 %. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в канадском варианте достаточно частотны модели с третичным ударением: суммарно они составляют 27,6 %, против 0,8 % в британском и 11,6 % в американском вариантах. Именно они составляют значительную долю тех слов, акцентуация которых не совпадает ни с британскими, ни с американскими аналогами.

Большинство из них произносятся с моделью [ˈ- - ˌ-] (главным образом, это – заимствования из французского). Британские и американские варианты этих слов также могут быть двуударными, однако дистрибуция ударений в них иная:

BrE: ˈcabaret, ˈcalvados, ˌmayonˈnaise, ˌsoliˈtaire, ˌvivˈisect
AmE: ˌcabaˈret, ˌcalvaˈdos, ˈmayonnaise, ˈsolitaire, ˈvivisect
CanE: ˈcabaˌret, ˈcalvaˌdos, ˈmayonˌnaise, ˈsoliˌtaire, ˈviviˌsect

Другая модель с третичным ударением ([ˈ-ˌ- -]) в основном реализуется, как и в американском варианте, в словах с названием ягод: ˈ*gooseˌberry,* ˈ*raspˌberry.*

Среди слов с акцентуацией, несовпадающей ни с британской, ни с американской, следует отметить слова с моделью [- - ˈ-], практически не встречающейся в этих вариантах. В эту группу в основном входят французские заимствования и французские имена собственные. В британских аналогах этих слов ударение падает на первый или второй слог, а американские варианты – двухударны:

BrE: ˈAvignon, aˈttaché, ˈDiderot, ˈlingerie
AmE: ˌAvignˈon, ˌattaˈché, ˌDideˈrot, ˌlingeˈrie
CanE: Avignˈon, attaˈché, Dideˈrot, lingeˈrie

Четырехсложные слова

В словаре было найдено 130 четырехсложных слов из списка. Из них 42,7 % следуют британским моделям. Например:

BrE: adˈvertisement, hoˈspitable, poˈlysemy
AmE: ˌadverˈtisement, ˈhospitable, ˈpolysemy
CanE: adˈvertisement, hoˈspitable, poˈlysemy

Как в американском варианте произносится 30,5 % слов.

Например:

> BrE: ˌCopenˈhagen, ˈoccultism, saˈxophonist;
> AmE: ˈCopenˌhagen, ocˈcultism, ˈsaxophonist;
> CanE: ˈCopenˌhagen, ocˈcultism, ˈsaxophonist.

Произношение 26,8 % слов не совпадает ни с британскими, ни с американскими аналогами. Например:

> BrE: ˈaristocrat, ˈconnotative, laˈboratory;
> AmE: aˈristocrat, conˈnotative, ˈlaboratory;
> CanE: aˈristoˌcrat, ˈconnoˌtative, ˈlaboraˌtory.

Четырехсложные слова распределились в канадском варианте по 11 акцентным моделям (см. табл. 3).

Таблица 3

Акцентные модели четырехсложных слов (в %)

	ˈ- - - -	- ˈ- - -	ˌ- - ˈ- -	ˌ- - - ˈ-	ˈ- - ˌ- -	ˈ- - - ˌ-	ˌ- ˌ- - - ˈ-
BrE	13,6	31,9	41,2	4,7	2,3	0,4	0,4
AmE	32,4	15,9	20,8	4,8	13,5	–	0,5
CanE	6,9	25,2	23,7	7,6	19,1	4,6	–

	-ˌ- - ˈ-	-ˌ- ˈ- -	ˌ-ˈ- - -	ˈ-ˌ- - -	- - ˈ- -	- - - ˈ-	-ˈ- -ˌ-
BrE	2,8	0,9	0,4	–	1,4	–	–
AmE	4,2	1,0	6,4	0,5	–	–	–
CanE	3,8	–	2,3	–	3,8	0,7	2,3

Анализ данных, представленных в таблице 3, свидетельствует об увеличении и в этой группе количества слов с третичным ударением: суммарно доля слов с моделями, содержащими третичное ударение, составила в канадском английском 26,0 % против 2,7 % и 14,0 % в британском и американском вариантах соответственно.

С третичным ударением, как и в американском варианте, произносятся названия ягод: *ˈboysenˌberry, ˈsalmonˌberry, ˈloganˌberry*, а также слова, оканчивающиеся на некоторые суффиксы: ˈ*laboraˌtory*, ˈ*papilˌlary*, ˈ*milleˌnary*, ˈ*illustˌrative*. В британском и американском вариантах эти слова одноударны.

Пятисложные слова

Большинство пятисложных и далее шести- и семисложных словх – это производные слова, образованные при помощи всевозможных аффиксов. Как уже было отмечено, в словаре, на базе которого было проведено данное исследование, не представлена транскрипция для многих производных слов из анализируемого списка, поэтому количество рассматриваемых многосложных слов в канадском варианте, по сравнению с их британскими и американскими аналогами, существенно сокращено.

В канадском варианте было найдено всего 56 пятисложных слов из списка, снабженных транскрипцией. Они представлены десятью акцентными моделями. Акцентная структура 50,9 % этих слов совпадает с британскими. Например:

BrE: aˌcadeˈmician, ˌinapˈplicable, ˌinhoˈspitable;
AmE: ˌacadeˈmician, iˈnapplicable, inˈhospitable;
CanE: aˌcadeˈmician, ˌinapˈplicable, ˌinhoˈspitable.

Как в американском варианте произносятся 12,7 % слов, например:

BrE: ˌaristoˈcratic, ˌencephaˈlitis, ˌpithecanˈthropus;
AmE: aˌristoˈcratic, enˌcephaˈlitis, ˌpitheˈcanthropus;
CanE: aˌristoˈcratic, enˌcephaˈlitis, ˌpitheˈcanthropus.

Произношение слов, словесное ударение в которых не совпадает ни с британскими, ни с американскими аналогами, возросло и составляет 36,4 %.

BrE: ˌambuˈlatory, ˌdisciˈplinary, inˈfantilism;
AmE: ˈambulatory, ˈdisciplinary, ˈinfantilism;
CanE: ˈambulaˌtory, ˈdiscipliˌnary, ˈinfantiˌlism.

Среди пятисложных слов в канадском варианте заметно сокращено количество единиц, которые произносятся с второстепенным ударением. Вместе с тем надо отметить возросшее количество слов, произносимых с третичным ударением: 35,7 % пятисложных слов в канадском варианте произносятся с разными моделями, содержащими третичное ударение, против 3,3 % и 2,2 % в британском и американском стандартах соответственно.

С третичным ударением произносится большинство слов, оканчивающихся на *-ory*: *ˈcelebraˌtory, ˈrespiraˌtory, obˈfuscaˌtory*. В британском варианте эти слова также двухударные, но произносятся с моделью «второстепенное ударение + главное ударение»; в американском варианте большинство слов, оканчивающихся на *-ory*, одноударные.

Шести- и семисложные слова

Из списка в словаре было найдено только 20 шестисложных и три семисложных слова с транскрипцией. Такое небольшое количество не позволяет делать выводы о тенденциях, тем не менее, можно отметить, что количество слов, акцентные модели которых не совпадают ни с британскими, ни с американскими, составляет 39,2 %:

BrE: anˌticiˈpatory, ˈjustificatory, ˌqualifiˈcatory;
AmE: anˈticipatory, juˈstificatory, ˈqualificatory;
CanE: anˈticipaˌtory, ˈjustifiˌcatory, ˈqualifiˌcatory.

В основном, группу с собственно канадской акцентуацией составляют слова, оканчивающиеся на ***-ory***, и они произносятся с третичным ударением. Из приведенных выше примеров видно, что в словах *justificatory* и *qualificatory* ударение падает не на это окончание, а на слог, ему предшествующий.

Исследование показало, что при увеличении количества слогов увеличивается доля слов, которые следуют британским моделям, и уменьшается доля слов, которые произносятся как в американском варианте. Увеличивается также количество слов, акцентные модели которых не совпадают ни с британскими, ни с американскими (см. табл. 4)[1].

В результате анализа межвариантных расхождений было установлено, что для канадского английского акцентные модели с третичным ударением характерны в большей степени, чем для британского или американского, а именно, в канадском варианте 17,6 % слов из списка произносятся с третичным ударением против 1,0 % слов в британском и 6,8 % слов в американском стандартах соответственно.

[1] Малое количество шести- и семисложных слов не позволяет делать выводы о тенденциях, поэтому они не были включены в данную таблицу.

Таблица 4

Количество слогов в слове и выбранная норма

К-во слогов в слове	Доля слов, следующих британской норме (в%)	Доля слов, следующих американской норме (в%)	Доля слов, следующих канадской норме (в%)
2	38,6	57,9	3,5
3	40,3	31,1	28,6
4	42,7	30,5	26,8
5	50,9	12,7	36,4

Различные модели с второстепенным ударением, напротив, менее востребованы в канадском английском. Суммарно они набирают 17,7 % слов, т. е. количество слов с второстепенным и третичным ударениями практически одинаково. В британском и американском вариантах доля слов с второстепенным ударением выше – 32,9 % и 27,1 % соответственно.

Напомним, что в этом исследовании анализу подвергались слова из *референтного списка*, включающего 1390 единиц. Осмелимся предположить, что реальное количество слов с акцентными моделями, отличными от британских и американских, в канадском словаре заметно выше. Данное предположение, безусловно, нуждается в дальнейшем исследовании.

Анализа отобранных слов позволяет обобщить некоторые выводы относительно зависимости дистрибуции ударения в канадском английском от морфологической структуры слова.

1. Не подтвердилось наблюдение Ч. Боберга [Boberg 2010] о том, что в словах, оканчивающихся на ***-ate***, ударение падает на первый слог, как в американском варианте. По нашим данным, канадские аналоги двусложных глаголов, оканчивающихся на *-ate*, могут следовать как британской тенденции (с ударением на втором слоге), так и американской (с ударением на первом слоге):

BrE: dic'tate, ro'tate, fi'xate, lo'cate
AmE: 'dictate 'rotate, 'fixate, 'locate
CanE: 'dictate 'rotate, fi'xate, lo'cate

2. Суффикс женского рода ***-ess*** во всех найденных словах является безударным, как и в американском варианте:

BrE: ˌdeacoˈness, ˌpatroˈness, ˌshepherˈdess;
AmE: ˈdeaconess, ˈpatroness, ˈshepherdess;
CanE: ˈdeaconess, ˈpatroness, ˈshepherdess.

3. Канадские аналоги названий ягод произносятся, как и в американском варианте, с третичным ударением на компоненте ***-berry***:

BrE: ˈgooseberry, ˈboysenberry, ˈsalmonberry;
AmE: ˈgooseˌberry, ˈboysenˌberry, ˈsalmonˌberry;
CanE: ˈgooseˌberry, ˈboysenˌberry, ˈsalmonˌberry.

4. В большинстве случаев окончание ***-ory*** притягивает третичное ударение. В двух словах (*justificatory* и *qualificatory*) третичное ударение падает на слог, предшествующий этому окончанию.

BrE: ˌambuˈlatory, ˈjustificatory, ˌqualifiˈcatory;
AmE: ˈambulatory, juˈstificatory, ˈqualificatory;
CanE: ˈambulaˌtory, ˈjustifiˌcatory, ˈqualifiˌcatory.

5. Очевидно, не завершен процесс адаптации слов, оканчивающихся на ***-ary*** и ***-ative***. Согласно данным словаря, эти окончания могут быть безударными, как и в британском и американском вариантах, притягивать третичное ударение или притягивать второстепенное ударение на слог, им предшествующий:

BrE: cenˈtenary, milˈlenary, ˌbicenˈtenary, conˈsultative, ˈconnotative, ˌmultiˈplicative;
AmE: ˈcentenary, ˈmillenary, biˈcentenary, ˈconsultative, conˈnotative, ˈmultiplicative;
CanE: cenˈtenary, ˈmilleˌnary, ˌbicenˈtenary, conˈsultative, ˈconnoˌtative, ˌmultiˈplicative.

Выводы

Проведенное исследование позволяет обозначить некоторые тенденции в области акцентуации в канадском варианте английского языка при сопоставлении его с британским и американским вариантами.

1. На акцентологическом уровне не получил подтверждение тезис, выдвигаемый многими исследователями, о серьезном влиянии

американской произносительной нормы на канадский английский. Из референтного списка слов, включающего 1390 единиц, с американскими акцентными моделями произносятся 41,7 %, т. е. менее половины.

2. При увеличении количества слогов увеличивается доля слов, которые следуют британским моделям, уменьшается доля слов, которые произносятся, как в американском варианте, и увеличивается количество слов, акцентные модели которых не совпадают ни с британскими, ни с американскими.

3. В канадском варианте модели с третичным ударением используются с той же частотностью, что и модели с второстепенным ударением (17,6 % и 17,7 %). Для британской произносительной нормы третичное ударение не характерно (1,0 %), доля слов с третичным ударением в американском стандарте тоже невелика (6,8 %). Модели с второстепенным ударением в британской и американской традициях, напротив, достаточно популярны: 32,9 % и 27,1 % соответственно. Именно слова с третичным ударением составляют большинство в группе слов, в которых ударение распределяется иначе, чем в их британских или американских аналогах.

4. Двухсложные слова, большинство из которых заимствования, приблизительно поровну распределяются по двум акцентным моделям: [ˈ- -] и [- ˈ-], с незначительным предпочтением модели [- ˈ-], как и в американском варианте.

5. Тенденции в области влияния морфологической структуры слова на местоположение ударения сводятся к следующим пунктам: 1) в двусложных глаголах, оканчивающихся на *-ate,* ударение может падать как на первый, так и на второй слог; 2) суффикс женского рода *-ess* является безударным, как и в американском варианте: 3) компонент *-berry* в названиях ягод всегда притягивает третичное ударение, как и в их американских аналогах; 4) окончание *-ory* также притягивает третичное ударение; 5) нестабильно размещение ударения в словах, оканчивающихся на *-ary* и *-ative*. Окончания могут быть безударными, притягивать третичное ударение или притягивать второстепенное ударение на предшествующий слог.

Подводя итог проделанной работы, хотелось бы подчеркнуть, что выводы об особенностях акцентуации канадского варианта английского языка построены на анализе отдельно взятых словарных единиц. Как известно, акцентная структура слова, произнесенного в цитируемой форме, а именно так слова представлены в словаре, попадая в живую речь, может изменяться – ударения могут сдвигаться, второстепенные ударения пропадать, а безударные слоги притягивать фразовое ударение. Акцентологические изменения бывают вызваны тенденцией к ритмическому равновесию, убыстрением или наоборот, замедлением речевого темпа [Шевченко, Садовникова, Сибилева 2012]. Поэтому перечисленные тенденции дают лишь самую общую картину особенностей акцентуации в канадском варианте английского языка. Представляется, что дальнейшие исследования в этой области смогут ответить на вопрос, в какой степени отмеченные нами тенденции модифицируются в устной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурая Е. А. Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: конвергенция или дивергенция? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 1 (580). С. 23–41.

Бурая Е. А. Словесное ударение австралийского варианта английского языка в мультикультурном мире [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 1 (740). С. 19–34. URL : www.vestnik-mslu.ru/vest16-740z

Поздеева Д. Т. Ритмическая тенденция словесного ударения в канадском варианте английского языка [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 1 (740). С. 125–135. URL : www.vestnik-mslu.ru/vest16-740z

Поздеева Д. Т. Канадская идентичность в словесном ударении [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 3 (771). С. 67–79. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/3_771_gn.pdf

Шевченко Т. И., Садовникова Н. А., Сибилева Л. Н. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 1 (634). Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. С. 175–187.

Barber K. (ed.) Canadian Oxford Dictionary. 2nd ed. Toronto : Oxford University Press, 2004.

Boberg Ch. The English Language in Canada. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

Trudgill P. and Hannah J. International English. A Guide to Varieties of Standard English. London : Edward Arnold, 1982.

REFERENCES

Buraja E. A. Akcentuacija v britanskom i amerikanskom variantah anglijskogo jazyka: konvergencija ili divergencija? // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. Vyp. 1 (580). S. 23–41.

Buraja E. A. Slovesnoe udarenie avstralijskogo varianta anglijskogo jazyka v mul'tikul'turnom mire [Jelektronnyj resurs] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. Vyp. 1 (740). S. 19–34. URL : www.vestnik-mslu.ru/vest16-740z

Pozdeeva D. T. Ritmicheskaja tendencija slovesnogo udarenija v kanadskom variante anglijskogo jazyka [Jelektronnyj resurs] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. Vyp. 1 (740). S. 125–135. URL : www.vestnik-mslu.ru/vest16-740z

Pozdeeva D. T. Kanadskaja identichnost' v slovesnom udarenii [Jelektronnyj resurs] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. Vyp. 3 (771). S. 67–79. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/3_771_gn.pdf

Shevchenko T. I., Sadovnikova N. A., Sibileva L. N. Ritm i smysl prosodii diskursa: kognitivnyj podhod i statistika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. Vyp. 1 (634). S. 175–187.

Barber K. (ed.) Canadian Oxford Dictionary. 2nd ed. Toronto : Oxford University Press, 2004.

Boberg Ch. The English Language in Canada. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

Trudgill P. and Hannah J. International English. A Guide to Varieties of Standard English. London : Edward Arnold, 1982.

УДК 81’34

А. В. Горбылева

аспирант каф. фонетики английского языка
факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: nastyagorbyleva@gmail.com

О РОЛИ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ (на материале британского и американского типов произношения)

Данное исследование посвящено феномену текущих изменений в британском и американском нормативных произношениях (RP и GA) на сегментном уровне на примере дифтонга /ʊə/. Цель работы состоит в сравнительном анализе двух типов вариативности: территориальной, которая включает британский и американский типы произношения, и вариативности между подготовленной и спонтанной речью. Для изучения поставленной проблемы был взят звучащий материал британских и американских учебных пособий, а также американский корпус разговорного английского языка. Методом слухового и электронно-акустического анализа были выявлены значительные отличия формантных характеристик (F1 и F2) от эталонных значений. Результаты исследования доказывают значимость корпусного анализа в фонетическом исследовании.

Ключевые слова: корпус; корпусная лингвистика; британский произносительный стандарт (RP); американский произносительный стандарт (GA); акустический анализ; компьютерный анализ речи; формантные частоты F1 и F2; CURE lowering.

A. V. Gorbyleva

Postgraduate Student, Department of English Phonetics,
Faculty of English, MSLU;
e-mail: nastyagorbyleva@gmail.com

THE ROLE OF CORPUS ANALYSIS IN PHONETIC VARIABILITY STUDIES (based on British and American English)

The present study focuses on a phenomenon of current developments in RP and GA at the segmental level on the example of the diphthong /ʊə/. The goal of the study is to perform a comparative analysis of two types of variability: territorial varieties represented by the British and American types of pronunciation, and variability in spontaneous and non-spontaneous types of speech. The materials include various educational recordings for advanced English learners and the Santa Barbara Corpus of Spoken American English. The auditory and electro-acoustic analyses determined great deviation of the formant characteristics (F1 and F2) from the reference values. The findings demonstrate the influence of the corpus analysis on phonetic studies.

Key words: corpus; corpus linguistics; Received Pronunciation; General American; electro-acoustic analysis; computer speech analysis; formant frequencies; CURE lowering.

1. Введение

Сегодня невозможно обойтись без обширной эмпирической базы, которую предлагает корпусная лингвистика для проведения лингвистических исследований. Современные тенденции не обошли стороной и фонетические исследования. В последнее десятилетие было создано множество речевых корпусов, каждый из которых представляет базу данных, включающих аудиофайлы и транскрипции текстов [Райскина 2015].

Корпусные исследования имеют ряд неоспоримых преимуществ:

1) достаточно репрезентативный объем корпуса гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений;
2) данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что дает возможность для их всестороннего и объективного изучения;
3) однажды созданный и подготовленный массив данных может использоваться многократно, многими исследователями и в различных целях [Мякотникова 2014].

В данном исследовании изучаются современные тенденции в произносительных нормах британского и американского вариантов английского языка. В качестве объекта исследования выступает феномен *CURE lowering* – фонологическая переменная, связанная с увеличением использования монофтонга /ɔː/ вместо традиционного дифтонга /ʊə/ в таких словах, как *sure*, *pure*, *tourist* и т. д. Переменная /ʊə/ – /ɔː/ относится к недавним изменениям, и исследование текущего состояния этого дифтонга может прояснить направление, в котором движется развитие языка. Альтернативный вариант произношения уже включен в некоторые описания произносительного стандарта. Например, варьирование /ʊə/ ~ /ɔː/ в словах лексического набора CURE было отмечено в «Словаре английского произношения» Д. Джонса в его в шестнадцатом издании в 2003 г. [Jones 2003]. Словарь дает [ʊə] в качестве основного варианта и [ɔː] как дополнительного, хотя и менее частотного произношения (наряду с [oə] и [ɔə]).

Также Дж. Уэллз добавляет данное варьирование в свой словарь произношений «Longman Pronunciation Dictionary» 1990 г. [Wells 1990].

Некоторые исследователи, среди которых М. Болл, связывают *CURE lowering* с внутренними изменениями фонетического качества дифтонга /ʊə/ [Ball 1984]. А. Краттенден утверждает, что «понижение» дифтонга непосредственно связано с ранее произошедшем слиянием /ɔə/ и /ɔː/, так как ядро дифтонга /ʊə/ может быть произнесено более открыто, что обеспечивает сохранение оппозиции [ʊə] – [ɔː]. Таким образом, часть слов с /ʊə/, которые некоторые носители RP произносят с дифтонгом [ʊə], произносятся другими говорящими с дифтонгом [ɔə], например, *poor*, *sure*. Этот дифтонг [ɔə], в свою очередь, может быть «уравнен» с реализацией /ɔː/ [Cruttenden 2001].

Однако эти объяснения упускают тот факт, что дифтонг /ʊə/ для большинства говорящих остается отдельным звуком, качественно отличным от /ɔː/. У. Лабов считает, что происходит постепенная замена, в результате которой всё большее число слов набора CURE переходит в лексический набор слов FORCE. Таким образом, сближение /ʊə/ и /ɔː/ кажется случаем *слияния по переносу*: он представляет собой однонаправленный процесс, в котором слова постепенно переходят из одной фонологической категории в другую [Labov 1994].

Многие фонетисты, такие как Гимсон [Gimson 1984], Браун [Brown 1990], Бауэр [Bauer 1994], считают, что феномен *CURE lowering* изменит фонематический строй RP, и монофтонг /ɔː/ полностью заменит /ʊə/. Таким образом, существует опасность того, что фонема /ʊə/ исчезнет совсем, так как частота ее использования и функциональная нагрузка дифтонга крайне низки. Как показывают исследования, фонема /ʊə/ исчезает в речи молодого поколения носителей RP: она сливается с /ɔː/, так что в речи многих молодых людей /ʊə/ вообще не существует.

2. Методология

Исходя из вышеизложенных теоретических данных, исследование посвящено слуховому и электронно-акустическому анализу звука, который заменяет звук [ʊə]. Особое внимание уделяется противопоставлению результатов на основе территориальной вариативности (британский и американский варианты английского языка), а также вариативности, обусловленной подготовленностью или спонтанностью речи. Для изучения данных типов вариативности было отобрано в целом семь часов звучащей речи на основе учебных пособий для студентов на продвинутом этапе обучения английскому языку [BBC learning English – Keep your English up to date 2005; Cambridge Advanced English. Practice tests 2009; Longman preparation course for the TOEFL (r) test: iBT listening 2008] и Корпус Санта-Барбары разговорного американского английского (Santa Barbara Corpus of Spoken American Speech) [Du Bois et al. 2000], который представляет собой большое количество аудиозаписей американской спонтанной речи. Преобладающей формой использования языка является личная беседа.

Цель работы состоит в следующем:

1) изучение формантных значений (F1 и F2) звука, близкого к /ɔː/, который реализуется в словах лексического набора CURE вместо /ʊə/;
2) сопоставительный анализ результатов исследования с соответствующими эталонными значениями для звука /ɔː/;
3) предложить лингвистическую, в том числе артикуляционную, интерпретацию полученных данных.

За эталон в данной работе были приняты результаты предшествующих исследований формантных характеристик звуков, проведенных А. Краттенденом [Cruttenden 2001] и Дж. Хилленбрандом [Hillenbrand et al. 1995] для британского и американского типов произношения соответственно.

Как известно, форманты отображают акустическую характеристику звуков речи, связанную с уровнем частоты голосового тона и образующую тембр звука. В речи это характерная частота звуков, с помощью которой люди идентифицируют гласные. Чаще всего двух первых формант, F1 и F2, достаточно, чтобы определить гласный звук. Первая форманта соответствует открытости звука (высота гласного). Открытые гласные имеют высокие значения частоты F1, а закрытые гласные имеют низкие значения частоты F1. Вторая форманта соответствует перемещению языка в горизонтальном положении. Гласные заднего ряда имеют низкие значения частоты F2, тогда как продвинутые вперед гласные имеют высокие значения частоты F2.

В целях изучения образцов британского и американского произношения, отраженных в учебных пособиях для продвинутого этапа обучения применительно к изучаемому объекту, произношению дифтонгов в словах типа *sure*, *poor*, было отобрано 40 реализаций из речи 15 мужчин и 9 женщин в британском материале и 26 реализаций из речи 11 мужчин и 10 женщин в американском материале. Далее американские данные по образцам сопоставляются с результатами анализа 13 реализаций из американского корпуса звучащей речи, в том числе речи четырех мужчин и четырех женщин. Для проведения исследования была использована компьютерная программа Praat.

Таким образом, сравнительный анализ результатов исследования производится по двум параметрам:

1) вариативности территориальной – между британским и американским вариантами;
2) вариативности, обусловленной подготовленностью / неподготовленность речи, т. е. сравнить результаты анализа учебных материалов и речевого корпуса.

3. Территориальная вариативность

Британский вариант

Несмотря на то, что существует много исследований феномена *CURE lowering* в британском английском и что варьирование /ʊə/ – /ɔː/ уже включено в словари, данное исследование показало, что в британских аудиопособиях к языковым курсам для учеников на продвинутом этапе обучения языку говорящие произносят слова *poor* и *sure* как с /ʊə/, так и с /ɔː/ с равной частотой. Из 40 проанализированных слов только 24 слова (что составляет 60 %), как показал аудиторский анализ, были произнесены со звуком /ɔː/.

Результаты акустического анализа показывают, что формантные характеристики F1 звука /ʊə/ (как для мужчин, так и для женщин) выше, чем эталонное значение, и ближе к звуку /ɔː/, что свидетельствует о низком положении языка в полости рта (см. рис. 1). Отклонение от эталона в среднем составляет 8 Гц для мужчин и 69 Гц для женщин. Что касается F2, связанного с продвижением языка в горизонтальном направлении, то значение форманты показывает, что положение языка не претерпело существенных изменений.

Американский вариант

Как уже говорилось выше, феномен *CURE lowering* уже хорошо изучен в RP, однако на материале американского варианта английского языка (GA) феномен никогда раньше не изучался. Результаты настоящего электронно-акустического эксперимента для американского английского значительно отличаются от британского варианта. В подготовленной речи, для изучения которой были использованы аудиопособия для студентов, мужчины склонны произносить слово *sure* с монофтонгом /ɝ/. Из всех проанализированных звуков, 62 % были произнесены с монофтонгом /ɝ/, тогда как только 38 % имели ретрофлексный дифтонг /ɔɚ/. Совершенно иная тенденция отмечена в речи женщин: лишь 46 % из них реализовали монофтонг /ɝ/, а в остальных 54 % случаев был реализован дифтонг /ɔɚ/.

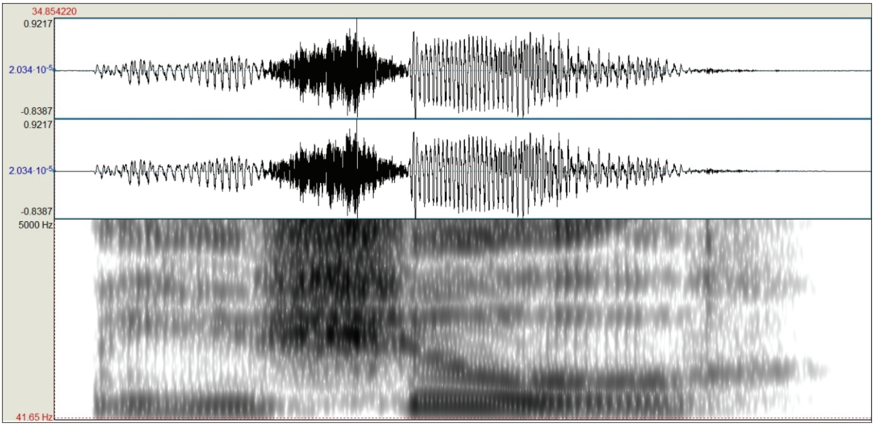

Рис. 1. Спектрограмма слова sure /ʃɔː/

Анализ формантных данных также показал небольшое отклонение от эталонных значений для двух гендерных групп. Низкие значения F1 отображают более закрытую артикуляцию, чем звук /ɝ/ (отклонение составляет 44 Гц для мужчин и 77 Гц для женщин), в то время как средние значения F2 реализуемого звука максимально приближены к эталонным показателям звука /ɝ/, хотя женщины проявили тенденцию к более отодвинутой артикуляции (см. табл. 1).

Таким образом, сравнив результаты британского и американского типов произношения, приходим к выводу, что мы не можем подтвердить гипотезу о полной замене /ʊə/ на /ɔː/. Несмотря на то, что были изучены материалы аудиокурсов для учащихся на продвинутом уровне обучения английскому языку, в британском английском замена была отмечена примерно в половине анализируемых случаев. В других примерах формантные значения рассматриваемого звука отличались от эталонных значений звука /ɔː/. Исходя из результатов исследования, можно предположить, что в американском варианте английского языка в словах *sure*, *poor* не реализуется эталонный [ur], однако также не реализуется предполагаемый монофтонг /ɔ/, вместо которого говорящие реализуют монофтонг /ɝ/ или дифтонг /ɔə/.

Таблица 1

Сравнительная таблица результатов исследования подготовленной речи и эталонных значений (американский вариант английского языка)

		Средние показатели формант		Эталонные значения (Hillenbrand, 1995)	
		F1	**F2**	**F1**	**F2**
Мужчины	/ɔɚ/	439	1261	652	997
	/ɝ/	430	1505	474	1379
Женщины	/ɔɚ/	437	1130	781	1136
	/ɝ/	446	1339	523	1588

4. Подготовленная *vs* спонтанная речь

Анализ результатов корпусного исследования спонтанной речи показал как некоторые схожие результаты, так и значительные противоречия относительно результатов подготовленной речи. В спонтанной речи сохраняется реализация монофтонга /ɝ/ и дифтонга /ɔə/. Более того, проявилась общая тенденция, действующая для спонтанной и подготовленной речи: значения F2 как для мужских, так и для женских говорящих оказываются выше среднего значения, а это означает, что реализуемый гласный становится более продвинутым вперед, чем ожидалось. Отклонение составляет 630 Гц для мужчин и 520 Гц для женщин (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2

Показатели частотных характеристик /ɔə/ and /ɜ˞/, заменяющего дифтонг [ʊr] в спонтанной речи (мужчины)

Мужчины	**F1**	**F2**
0004 HAROLD	509	1766
0004 HAROLD	401	1708
Средние значения	**455**	**1737**
Эталонные значения /ɜ˞/	**474**	**1379**
0007 PETE	683	1507
0008 ROY	980	1782
0016 DARRYL	539	1591
Средние значения	**734**	**1627**
Эталонные значения /ɔ/	**652**	**997**

Таблица 3

Показатели частотных характеристик /ɔə/ and /ɜ˞/, заменяющего дифтонг [ʊr] в спонтанной речи (женщины)

Женщины	**F1**	**F2**
0003 LYNNE	556	1732
0018 ALINA	465	1661
0018 ALINA	518	1330
Средние значения	**513**	**1574**
Эталонные значения /ɜ˞/	**523**	**1588**
0005 JAMIE	696	1522
	658	1709
0009 MARILYN	710	1784
0018 ALINA	618	1565
0018 ALINA	669	1702
Средние значения	**670**	**1656**
Эталонные значения /ɔ/	**781**	**1136**

Однако в ходе компьютерного анализа формантных характеристик рассматриваемого звука некоторые данные обнаружили значительные отличия от показателей подготовленной речи. Как оказалось, в спонтанной речи большинство мужчин и женщин продемонстрировали высокие формантные показатели F1, что свидетельствует о низком положении языка в полости рта, как для звука /ɔ/. Таким образом, корпусный анализ формантных характеристик показывает, что в американской спонтанной речи положение языка в полости рта оказывается чуть ближе к британскому варианту, что заставляет в значительной мере пересмотреть результаты, полученные при анализе образцов звучащей речи для учащихся продвинутого этапа обучения английскому языку.

Выводы

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Территориальная вариативность английского языка выявляет существенные различия в произношении ударного звука в словах типа CURE в британском и американском вариантах английского языка. Лишь в половине проанализированных случаев носители британского варианта английского языка реализовали монофтонг /ɔː/, в остальных случаях был реализован традиционный дифтонг /ʊə/. В американском варианте английского языка в словах *sure*, *poor* не реализуется эталонный [ur], однако также и не реализуется предполагаемый монофтонг /ɔ/, вместо которого говорящие реализуют монофтонг /ɝ/ или дифтонг /ɔɚ/.
2. По формантным характеристикам спонтанная речь отличается от подготовленной и способна в значительной степени изменить или даже опровергнуть результаты исследования, проведенные на материале подготовленной речи. При исследовании феномена *CURE lowering* отклонение спонтанной речи от подготовленной по показателю F1 составило 295 Гц для мужчин и 233 Гц для женщин соответственно. В подобных случаях, предпочтение, без сомнений, будет отдаваться результатам, полученным в ходе корпусного исследования, которое занимается описанием языка в том виде, в котором он проявил себя в речи.

Более того, многие речевые корпусы включают такие социальные факторы, как пол, возраст, национальность, уровень образования, что позволит в будущем проводить более глубокие социофонетические исследования [Шевченко 2016].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мякотникова С. Ю. Фонетические типы американского слова (на материале американского национального корпуса) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL : science-education.ru/ru/article/view?id=14177

Райскина В. А. Применение современных методов корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса bfm) // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XXV Междунар. студ. науч.-практ. конф. 2015. № 6 (24). С. 82–89.

Шевченко Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. 2-е изд., доп. М. : ЛЕНАНД, 2016. 240 с.

Ball M. The centring diphthongs in Southern English: a sound change in progress // Journal of the International Phonetic Association. 1984. Vol. 14. P. 38–44.

Bauer L. Watching English change. London : Longman, 1994. 200 p.

BBC learning English. Keep your English up to date. British Broadcasting Corporation. 2005. URL : bbclearnenglish.com

Brown G. Listening to spoken English. 2nd ed. London : Longman, 1990. 178 p.

Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. 6th ed. London : Arnold, 2001. 352 p.

Du Bois J. W., Chafe W. L., Meyer Ch., and Thompson S. A. Santa Barbara corpus of spoken American English. P. 1. Philadelphia : Linguistic Data Consortium, 2000.

Gimson A. C. The RP accent. In Trudgill. Language in the British Isles. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 45–54.

Hillenbrand J., Getty L. A., Clark M. J., & Wheeler K. Acoustic characteristics of American English vowels // Journal of the Acoustical Society of America. 1995. Vol. 97 (5, Pt. 1). P. 3099–3111.

Jones D. English pronouncing dictionary / ed. by P. Roach, J. Hartman and J. Setter. 16th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 628 p.

Kenny N., Newbrook J. Cambridge Advanced English. Practice tests. Longman, 2009. 240 p.

Labov W. Principles of linguistic change. Vol. 1: Internal factors. Oxford : Blackwell, 1994. 664 p.

Philips D. Longman preparation course for the TOEFL (r) test: iBT listening. 2nd ed. Pearson Education, 2008. 361 p.

Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. London : Longman, 1990. 802 p.

REFERENCES

Mjakotnikova S. Ju. Foneticheskie tipy amerikanskogo slova (na materiale amerikanskogo nacional'nogo korpusa) [Jelektronnyj resurs] // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 4. URL : science-education.ru/ru/article/view?id=14177

Rajskina V. A. Primenenie sovremennyh metodov korpusnoj lingvistiki pri analize teksta (na primere korpusa bfm) // Molodezhnyj nauchnyj forum: Gumanitarnye nauki: jelektr. sb. st. po mat. XXV Mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. 2015. № 6(24). S. 82–89.

Shevchenko T. I. Sociofonetika: Nacional'naja i social'naja identichnost' v anglijskom proiznoshenii. 2-e izd, dop. M.: LENAND, 2016. 240 s.

Ball M. The centring diphthongs in Southern English: a sound change in progress // Journal of the International Phonetic Association. 1984. Vol. 14. P. 38–44.

Bauer L. Watching English change. London : Longman, 1994. 200 p.

BBC learning English. Keep your English up to date. British Broadcasting Corporation. 2005. URL : bbclearnenglish.com

Brown G. Listening to spoken English. 2nd ed. London : Longman, 1990. 178 p.

Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. 6th ed. London : Arnold, 2001. 352 p.

Du Bois J. W., Chafe W. L., Meyer Ch., and Thompson S. A. Santa Barbara corpus of spoken American English. P. 1. Philadelphia : Linguistic Data Consortium, 2000.

Gimson A. C. The RP accent. In Trudgill. Language in the British Isles. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 45–54.

Hillenbrand J., Getty L. A., Clark M. J., & Wheeler K. Acoustic characteristics of American English vowels // Journal of the Acoustical Society of America. 1995. Vol. 97 (5, Pt. 1). P. 3099–3111.

Jones D. English pronouncing dictionary / ed. by P. Roach, J. Hartman and J. Setter. 16th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 628 p.

Kenny N., Newbrook J. Cambridge Advanced English. Practice tests. Longman, 2009. 240 p.

Labov W. Principles of linguistic change. Vol. 1: Internal factors. Oxford : Blackwell, 1994. 664 p.

Philips D. Longman preparation course for the TOEFL (r) test: iBT listening. 2nd ed. Pearson Education, 2008. 361 p.

Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. London : Longman, 1990. 802 p.

УДК 81'373

М. А. Демина

кандидат филологических наук,
доцент каф. фонетики английского языка
факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: malvinademina@rambler.ru

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНВЕРСАЦИОННОГО АНАЛИЗА

Становление метода конверсационного анализа обусловлено активными интегральными и дифференциальными процессами в современной науке, спровоцированными возросшим интересом исследователей к повседневному общению как источнику нового знания о механизмах социального взаимодействия. В данной парадигме просодия рассматривается как действенный регулятор общения между людьми, так как она во многом отвечает за установление коммуникативного контакта между собеседниками. В повседневном общении коммуниканты интерпретируют просодические сигналы друг друга и на основе этого принимают решение о том, когда и как вступать в разговор. В лингвистической литературе данная коммуникативная практика получила название *просодическая ориентация*, которая предполагает интерпретацию коммуникантами целых кластеров просодических параметров в процессе повседневного общения.

Ключевые слова: лингвистика взаимодействия; конверсационный анализ; социальное взаимодействие; повседневное общение; просодическая ориентация; коммуникативный ход; смежная пара; секвенция.

M. A. Demina

Associate professor, the Department of English Phonetics,
the Faculty of the English Language; e-mail: malvinademina@rambler.ru

THE PHONETIC COMPONENT OF CONVERSATION ANALYSIS

Scholars in a number of linguistic and related fields have in recent years turned to everyday talk as the principal source from which they can gain insights into modern linguistic and social processes. Such a research paradigm is rooted in interactional approaches to language, primarily in conversation analysis. Within this framework, prosody is approached as a resource and negotiating strategy for social interaction. In spontaneous talk, prosody plays a significant role every time participants place their turns in relation to prior turns. This prosodic practice has been referred to as prosodic orientation, a term that denotes participants' prosodic display of their awareness of other participants' prosody. The relevance of prosody for spontaneous talk goes beyond any single feature, and involves clusters of prosodic parameters.

Key words: interactional linguistics; conversation analysis; social interaction; conversation; prosodic orientation; turn; adjacent pair; sequence.

Введение

В конце XX в. в языкознании произошел научный переход от описания изолированных языковых единиц и категорий к изучению их взаимодействия в процессе живого общения людей. При этом накопленное знание о системно-структурном устройстве языка выступило тем фундаментом, на основе которого стало возможно проводить наблюдения за особенностями использования языка партнерами по коммуникации. В этом отношении формированию коммуникативного ракурса лингвистических исследований способствовал функциональный подход к изучению языковых явлений, получивший широкое распространение в отечественной и зарубежной лингвистике в XX в.

Функциональное описание языковых явлений руководствуется, прежде всего, теми свойствами языковых единиц, которые потенциально заложены в них самих и находят проявление в речи с точки зрения особенностей употребления их в тексте [Формановская 2002]. При этом в рамках указанного подхода лингвистов интересуют языковые средства не столько в их контекстной обусловленности, сколько с точки зрения их функции и участия в коммуникативных действиях. Функциональный аспект, таким образом, можно относить к употреблению языковых единиц в их обобщенности и абстрактности – в отвлечении от конкретной речевой ситуации и говорящего.

Вместе с тем функция, как неотъемлемый атрибут языкового знака в триаде «форма – значение – функция», заставила лингвистов задуматься о стратегическом использовании языковых средств говорящим и о возможных речевых тактиках воздействия на реципиента. Сложившийся коммуникативно-прагматический вектор дальнейших лингвистических исследований заставил подвергнуть проверке накопленные прошлым веком теоретические знания о системных и структурных единицах языка и оценить их функционирование в условиях реального общения. При этом коммуникативный компонент в указанном подходе вскрывает такие свойства языковых единиц, которые проявляются только в общении, т. е. во взаимодействии партнеров в процессе обмена мыслями. Именно здесь актуализируются интенциональные, социальные и другие сугубо коммуникативные смыслы. Прагматический компонент предполагает учет той значимой составляющей языковых единиц, которая связана с человеком, использующим язык как орудие общения [Формановская 2002].

В этой связи, всевозрастающий интерес исследователей к человеческому фактору в языке, а также желание выявить роль человека в коммуникационных процессах обусловили возникновение целого ряда дисциплин, развивающихся на стыке различных направлений. Одной из таких дисциплин нового порядка стала так называемая лингвистика взаимодействия (interactional linguistics) [Couper-Kuhlen, Selting 2001], совмещающая в себе сразу несколько подходов к интерпретации коммуникативных событий. Являясь следствием антопоцентрического вектора развития научного знания, лингвистика взаимодействия обращается к конвенциональным дискурсивным практикам в разных культурных сообществах и изучает лингвистические и экстралингвистические средства организации социального взаимодействия. В методологическом плане данное направление базируется на принципах и методах, разработанных в концепции конверсационного анализа.

Конверсационный анализ: определение метода

Термин «конверсационный анализ» (Conversation Analysis) был введен в научный оборот в рамках этнометодологического течения в социологии в 60–70-х гг. прошлого века. Основатели данного подхода Г. Гарфинкель [Garfinkel 1967] и Х. Сакс [Sacks 1972] и их последователи Э. А. Щеглофф [Schegloff 2004] и Г. Джефферсон [Jefferson 2004a] занимались эмпирическим изучением социальных практик, используемых людьми в повседневной жизни с целью соблюдения и сохранения общественного порядка. Таким образом, конверсационный анализ появился на стыке социологической и лингвистической традиций и подразумевал скрупулезное изучение повседневного общения людей как залога гармоничного социального взаимодействия.

Основатель данного метода Х. Сакс рассматривал общение людей как определенный гарант социального мира и своего рода влиятельный социальный регулятор, поскольку бóльшая часть происходящих в социальном мире процессов осуществляется посредством коммуникации. Более того, согласно концепции исследователя, именно общение делает человека человеком, так как с самого детства ребенок познает окружающий мир благодаря постепенному овладению речью.

В этом отношении конверсационный анализ вскрывает глубинные лингвистические свойства и структуры, лежащие в основе коммуникации и обеспечивающие социальное применение языка. В продолжение высказанной мысли можно говорить об особом «конверсационном» смысле, который возникает во время разговора между коммуникантами. Этот конверсационный смысл не является суммой лексического, грамматического, прагматического и контекстуального значений, а выступает явлением более высокого порядка, отвечающим не столько за передачу конкретной информации, сколько за взаимодействие партнеров по общению, за их взаимопонимание и коммуникативный контакт. При этом исследовать процессы установления и удержания коммуникативного контакта собеседниками представляется чрезвычайно сложной задачей, поскольку они реализуются исключительно в живом общении с помощью коммуникативных сигналов, актуализирующихся только в момент спонтанного взаимодействия людей в естественных условиях.

Гармоничное общение, таким образом, подразумевает под собой постоянное включение коммуникантов в разговор, отслеживание ими хода развития беседы, интерпретацию всех коммуникативных знаков собеседника и постоянную готовность каждого из них реагировать соответствующим образом. С помощью этих сигналов партнеры по общению договариваются о каждом отдельном коммуникативном действии, а также о своем активном либо пассивном участии в беседе. Следовательно, общение обладает сложной многослойной структурой, а его гармония выстраивается на уровне глубинных, часто импликативных структур, влияющих, прежде всего, на «конверсационный смысл» взаимодействия и уместность реплик коммуникантов.

Естественно, что самый большой интерес для исследователей в области конверсационного анализа представляет сам процесс смены коммуникативного хода, как именно осуществляется его передача либо удержание, как участники разговора договариваются об этом и на какие импликативные средства, «ключи» они ориентируются в процессе общения. Стоит отметить, что в рамках описываемого подхода исследователи обращаются к разноуровневым вербальным и невербальным средствам коммуникации с учетом аспектов лингвистической вариативности и механизмов освоения языкового мастерства. Детальное рассмотрение организации естественной коммуникации при этом осуществляется через анализ «смежных пар» (adjacent pairs), представляющих собой конвенциональные речевые формулы (приветствия, прощания, этикетные формы) и контекстуально связанные реакции коммуникантов (вопросно-ответные реплики, приглашение-принятие, просьба-выполнение и др.). Такие коммуникативные диады представляют собой в определенной степени типологизированные парные действия собеседников, взаимообусловленные вследствие социальных ожиданий. Последовательность таких реплик образует «секвенцию» (sequence), некое коммуникативное целое, отличающееся содержательной и организационной когерентностью и обладающее определенной импликативностью. Именно верное толкование имплицитных кодов участниками общения гарантирует «нормативное» речевое поведение, соблюдение конвенций и принципов вежливости.

Таким образом, конверсационный анализ представляет собой одновременно и междисциплинарный подход к изучению лингвистической стороны повседневного общения, и концепцию регулирования социального взаимодействия, и метод исследования спонтанного разговора в естественных условиях.

Коммуникативная роль просодии

Обращение к естественной речи и языку в действии заставило исследователей по-новому взглянуть на роль просодических средств в коммуникативном процессе, а также признать их функциональную нагрузку и интерактивное значение. Просодия «оживляет» разговор и во многом реализует иллокутивный потенциал высказываний с учетом коммуникативного контекста. Благодаря просодии слова и грамматические структуры становятся коммуникативными действиями, несущими конкретный смысл для собеседников. При этом изучение коммуникативной роли просодии выходит за границы четких грамматических структур и проводится на уровне коммуникативного хода, рассматриваемого в непосредственной связи с предшествующим и последующим контекстом. Просодия трактуется как неотъемлемая характеристика диалогического дискурса, обеспечивающая координацию реплик собеседников.

Такой взгляд на коммуникативную роль просодических средств в повседневном общении заставил некоторых исследователей искать более детальные системы транскрибирования естественного разговора с фиксацией не только языкового материала, но и невербальных компонентов, а также просодических характеристик с целью изучения их конверсационной нагрузки. При этом, по убеждению ряда ученых, традиционный понятийный аппарат фонетических исследований с интонационной группой как базовой единицей не в полной мере отвечает требованиям конверсационного анализа, который оперирует понятиями другого уровня и рассматривает просодию в большей степени как категорию говорящего, чем языка [Couper-Kuhlen, Selting 1996]. В этой связи последователями конверсационного анализа было разработано несколько систем транскрипции разговора, самой известной из которых является нотационная система Г. Джефферсон [Jefferson 2004b], в которой мельчайшие детали, сопутствующие общению (например, междометия, нечленораздельные звуки, смех, вздохи, кашель и т.д.) рассматриваются как информативный ресурс, способствующий взаимной ориентации собеседников в дискурсе.

Основные векторы изучения просодической составляющей повседневного общения в области конверсационного анализа обусловлены тремя базовыми формами организации разговора, выделенными основателем данного подхода Х. Саксом [Sacks 2004].

1. *Вербальная и невербальная манифестация отдельного коммуникативного акта*. Данный аспект интереса конверсационистов в определенной степени сопряжен с представлением о локутивной фазе речевого акта в рамках прагматической теории и предполагает, что для реализации какого-либо коммуникативного действия говорящий должен соблюсти целый комплекс речевых средств, предписанных определенными социальными практиками в конкретной ситуации взаимодействия коммуникантов.

2. *Композиционная организация спонтанного общения*. Сторонники конверсационного анализа рассматривают разговор, прежде всего, как линейную последовательность (секвенцию) согласованных действий собеседников, структурно представляющих собой инициацию, поддержание и завершение коммуникативного контакта.

3. *Смена коммуникативных ролей*. Разговор как интерактивная форма общения предполагает наличие нескольких активных говорящих, поочередно вступающих в беседу. С этой точки зрения для гармоничного взаимодействия всегда характерно определенное распределение коммуникативного времени между участниками на основе их согласия и договоренности. Последнее принципиально отличает

повседневное общение от таких дискурсивных форм, как интервью или дебаты, где коммуникативное время каждого говорящего определяется регламентом жанра и регулируется ведущим.

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенные положения изначальной теории Х. Сакса, можно говорить о трех аспектах изучения просодической стороны естественного общения:

1. *Фонопрагматический аспект*: изучение просодической манифестации речевых актов и речевых действий (например, просодические характеристики новостного сообщения [Local 1996], жалобы [Ogden 2010], спортивного комментария [Kern 2010], политических дебатов [Демина, Шевелева 2016] и др.).

2. *Структурный аспект*: просодические средства организации коммуникативного хода. Исследователи повседневного общения установили, что определенные просодические средства используются коммуникантами для инициации коммуникативного хода, его удержания и завершения [Couper-Kuhlen 2004].

3. *Дискурсивный аспект*: просодические маркеры смены коммуникативных ходов. В процессе общения каждый участник постоянно принимает решения о том, когда вступить в разговор и как закончить свой коммуникативный ход. Как отмечалось выше, в теории конверсационного анализа доминирует представление о линейной организации беседы (секвенции), при которой реплики коммуникантов регламентированы и организованы с помощью речевых средств. Соблюдение подобной линейной структуры, при которой в один момент времени говорит один участник разговора, рассматривается сторонниками концепции как основное условие гармоничного социального взаимодействия. В этой связи определенные просодические тактики помогают коммуникантам «конструировать» свои высказывания таким образом, чтобы осуществлять смену коммуникативных ролей плавно и, таким образом, минимизировать, с одной стороны, интервалы между репликами коммуникантов, а с другой – сократить периоды параллельного говорения участников. Таким образом, повседневное общение описывается как саморегулирующийся процесс, в котором участники в большинстве случаев интуитивно интерпретируют просодические сигналы собеседника.

Подобные просодические тактики, используемые в повседневном общении, описываются исследователями как *просодическая* *ориентация*, которая заключается в интерпретации супрасегментных сигналов собеседниками и в их последующей категоризации на маркеры удержания либо завершения коммуникативного хода [Szczepek Reed 2011a]. При этом просодическая ориентация подразумевает под собой учет собеседниками целого комплекса просодических характеристик, различные комбинации которых могут свидетельствовать о разном исходе коммуникативного события.

Примечательно, что Б. Щепек-Рид, конкретизируя метод конверсационного анализа, говорит об определяющем значении беспристрастного подхода к просодическому оформлению реплик коммуникантов, изучение которого должно происходить в отвлечении от воздействия различных социальных факторов. По теории исследователя, просодические маркеры удержания и завершения коммуникативного хода присутствуют в любом спонтанном разговоре вне зависимости от возраста, пола и социального статуса говорящих. В одной из своих статей Б. Щепек-Рид в качестве примера приводит небольшой диалог на британском радио, в котором ведущая два раза приветствует слушателя:

Barbara: (1) Tim, good morning.
Tim: (2) Hi, Barbara,
Barbara: (3) Hello, Tim.
Tim: (4) haven't talked to you in a long time [Szczepek Reed 2011b].

По логике исследователя, приветствия собеседников должны представлять коммуникативную диаду, или «смежную пару», поскольку первая реплика конвенционально предполагает ответную. Однако в приведенном примере отсутствие просодической согласованности в ответном приветствии радиослушателя (2) с первой репликой ведущей (1) заставляет последнюю приветствовать собеседника еще раз (3), в этот раз практически полностью имитируя мелодические характеристики и темпорально-ритмическую структуру его предыдущей реплики (2).

В нашем представлении, подобное просодическое взаимодействие коммуникантов можно интерпретировать с учетом социолингвистического и прагматического аспектов речевого поведения, а также с привлечением положений теории аккомодации [Giles, Coupland 1991]. Актуальные исследования в данной области позволяют заключить, что женщины и мужчины прибегают к разным просодическим стратегиям коммуникации, так как женщины более чутки к просодической синхронизации в диалоге и нередко даже прибегают к «наложению» реплик как действенной тактике избегания пауз в беседе. Мужчины же в большей степени ориентируются на последовательную смену коммуникативных ходов, регламентированную с помощью пауз средней длительности [Демина, Карташевская 2017]. Кроме того, разные социальные роли общающихся в приведенном примере также могли оказать влияние на ход беседы: радиоведущая, выступая инициатором общения, чувствует профессиональную ответственность за гармоничное развитие диалога и в этой связи прибегает к яркой просодической аккомодации, с самого начала настраивая собеседника на дружественный разговор.

Таким образом, всесторонний анализ естественного разговора как коммуникативного события, на наш взгляд, не может проходить в отвлечении от более широкого социокультурного и прагматического контекста общения, который позволяет исследователям наиболее точно интерпретировать коммуникативное поведение собеседников.

Заключение

Общение людей можно метафорически определить как магию взаимодействия. В течение нескольких десятилетий лингвисты пытаются постичь, каким образом осуществляется эта магия, поскольку очевидно, что простой обмен словами не представляет собой полноценного общения, успешность которого, главным образом, зависит от контакта между коммуникантами. Языковые единицы сами по себе не могут гарантировать успешное взаимодействие людей также потому, что значение, которое они несут, должно конкретизироваться ситуативно и интерпретироваться только с учетом экстралингвистического контекста коммуникации. В этой связи особый смысл приобретают мельчайшие элементы в разговоре, которыми ранее пренебрегали исследователи и которые непосредственно отвечают за установление коммуникативного контакта. Модальные отношения, оценки, эмоциональные состояния, содержащиеся в целом ряде периферийных языковых образований, выходят на первый план в повседневном общении. Такие внутренние, часто до конца не осознаваемые коммуникантами речевые ресурсы, которые позволяют говорящему осуществлять коммуникативные действия, а слушающему верно их интерпретировать, активно изучаются в рамках конверсационного анализа и лингвистики взаимодействия. При этом исследователи единодушно признают определяющую роль просодии в процессе общения, которая выступает действенным регулятором социального поведения и во многом отвечает за гармоничное развитие коммуникативного взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демина М. А., Карташевская Ю. В. Гендерно-маркированные модели просодической согласованности коммуникантов в *small talk* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 5 (776). С. 9–32.

Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Русский язык, 2002. 216 с.

Couper-Kuhlen E. Prosody and sequence organization in English conversation: The case of new beginnings. In E. Couper-Kuhlen & C. E. Ford (Eds.), Sound patterns in interaction. Amsterdam : John Benjamins, 2004. P. 335–376.

Couper-Kuhlen E., Selting M. Introducing interactional linguistics. In E. Couper-Kuhlen and M. Selting (Eds.), Studies in Interactional Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 1–22.

Couper-Kuhlen E., Selting M. Towards an interactional perspective on prosody and a prosodic perspective on interaction // Prosody in Conversation / ed. by E. Couper-Kuhlen and M. Selting. Cambridge University Press, 1996. P. 11–57.

Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.

Giles H., *Coupland J., Coupland N.* Contexts of accommodation. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.

Jefferson G. A sketch of some orderly aspects of overlap in natural conversation // Conversation Analysis: studies from the first generation / ed. by Gene H. Lerner. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004a. P. 43–63.

Jefferson G. Glossary of transcript symbols with an introduction // Conversation Analysis: studies from the first generation / ed. by Gene H. Lerner. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004b. P. 13–35.

Kern F. Speaking dramatically: The prosody of live radio commentary of football matches. In D. Barth-Weingarten, E. Reber, & M. Selting (Eds.). Prosody in interaction. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 217–238.

Local J. Conversational phonetics: some aspects of news receipts in everyday talk. In E. Couper-Kuhlen & M. Selting (Eds.). Prosody in conversation: Interactional studies. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. P. 177–230.

Ogden R. Prosodic constructions in making complains. In D. Barth-Weingarten, E. Reber, & M. Selting (Eds.), Prosody in interaction. Amsterdam : John Benjamins, 2010. P. 81–104.

Sacks H. An initial investigation of the usability of conversational data for doing sociology. In D. N. Sudnow (ed.) Studies in Social Interaction. New York : Free Press, 1972.

Sacks H. An initial characterization of the organization of speaker turn-taking in conversation // // Conversation Analysis: studies from the first generation / ed. by Gene H. Lerner. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 35–43.

Schegloff E. A. Answering the phone // Conversation Analysis: studies from the first generation / ed. by Gene H. Lerner. Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 63–109.

Szczepek Reed B. Analysing Conversation. An Introduction to Prosody. Palgrave Macmillan, 2011. 256 p.

Szczepek Reed B. Beyond the Particular: Prosody and the Coordination of Actions // Language and Speech. 55 (1). University of York, 2011. P. 13–34.

REFERENCES

Demina M. A., Kartashevskaya Yu. V. Genderno-markirovannye modeli prosodicheskoj soglasovannosti kommunikantov v small talk // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vyp. 5 (776). S. 9–32.

Formanovskaya N. I. Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod. M.: Russkij yazyk, 2002. 216 s.

Couper-Kuhlen E. Prosody and sequence organization in English conversation: The case of new beginnings. In E. Couper-Kuhlen & C. E. Ford (Eds.), Sound patterns in interaction. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 335–376.

Couper-Kuhlen E., Selting M. Introducing interactional linguistics. In E. Couper-Kuhlen and M. Selting (Eds.), Studies in Interactional Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 1–22.

Couper-Kuhlen E., Selting M. Towards an interactional perspective on prosody and a prosodic perspective on interaction // Prosody in Conversation / ed. by E. Couper-Kuhlen and M. Selting. Cambridge University Press, 1996. P. 11–57.

Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1967.

Giles H., Coupland J., Coupland N. Contexts of accommodation. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 145 p.

Jefferson G. A sketch of some orderly aspects of overlap in natural conversation // Conversation Analysis: studies from the first generation / ed. by Gene H. Lerner. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004a. P. 43–63.

Jefferson G. Glossary of transcript symbols with an introduction // Conversation Analysis: studies from the first generation / ed. by Gene H. Lerner. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004b. P. 13–35.

Kern F. Speaking dramatically: The prosody of live radio commentary of football matches. In D. Barth-Weingarten, E. Reber, & M. Selting (Eds.), Prosody in interaction. – Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 217–238.

Local J. Conversational phonetics: some aspects of news receipts in everyday talk. In E. Couper-Kuhlen & M. Selting (Eds.), Prosody in conversation: Interactional studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 177–230.

Ogden R. Prosodic constructions in making complains. In D. Barth-Weingarten, E. Reber, & M. Selting (Eds.), Prosody in interaction. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 81–104.

Sacks H. An initial investigation of the usability of conversational data for doing sociology. In D. N. Sudnow (ed.) Studies in Social Interaction. New York : Free Press, 1972. P. 79–87.

Sacks H. An initial characterization of the organization of speaker turn-taking in conversation // // Conversation Analysis: studies from the first generation / ed. by *Gene H*. Lerner. Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 35–43.

Schegloff E. A. Answering the phone // Conversation Analysis: studies from the first generation / ed. by Gene H. Lerner. Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 63–109.

Szczepek Reed B. Analysing Conversation. An Introduction to Prosody. Palgrave Macmillan, 2011. 256 p.

Szczepek Reed B. Beyond the Particular: Prosody and the Coordination of Actions // Language and Speech. 55 (1). University of York, UK, 2011. P. 13–34.

УДК 81'31

М. А. Демина, А. М. Иванова

Демина М. А., кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: malvinademina@rambler.ru

Иванова А. М., магистр МГЛУ 2-го года обучения;
e-mail: anuta_2704@mail.ru

ТЕМПОРАЛЬНАЯ АККОМОДАЦИЯ КОММУНИКАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ

Статья представляет результаты экспериментально-фонетического исследования темпоральной согласованности реплик англоговорящих коммуникантов в спонтанной речи. Целью работы стало выявление основных гендерно-маркированных моделей темпоральной аккомодации речи собеседников и их прагматической обусловленности в разговоре. Полученные данные свидетельствуют о наличии разных моделей темпоральной конвергенции в мужской и женской диалогической речи. Если женщины прибегают к тактикам одновременного говорения, сопровождающегося практически полным отсутствием пауз, то мужчины отдают предпочтение более сбалансированной коммуникативной активности, характеризующейся последовательным говорением и соразмерностью реплик. В ходе исследования также была предпринята попытка проследить взаимосвязь данных моделей речевого поведения с просодическими стратегиями общения, отражающими основные культурные ценности британского социума.

Ключевые слова: темпоральная аккомодация; просодические маркеры; акустический анализ; наложения реплик; междометия согласия; коммуникативные подсказки; темпоральная компрессия; средняя длительность слога (далее – СДС); фонация; паузация.

M. A. Demina, A. M. Ivanova

Demina M. A., Ph.D., Associate Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: malvinademina@rambler.ru

Ivanova A. M., 2nd year Master's program, MSLU;
e-mail: anuta_2704@mail.ru

TEMPORAL ACCOMMODATION OF COMMUNICANTS' SPEECH IN THE COURSE OF INTERACTION

The article presents results of an experiment aimed at studying temporal convergence in spontaneous discussions of British English communicants. The research was aimed at distinguishing the main gender-specific patterns of temporal accommodation in conversations and their pragmatic dependence. The findings show that male and female talkers employ different patterns of temporal convergence in verbal interaction, based on different clusters of prosodic parameters. While women employ parallel models of conversing that are accompanied by an almost absolute absence of pauses at phrasal boundaries, men prefer a more balanced turn arrangement that can be characterized by a sequential exchange of turns and their temporal correlation. Besides, the article seeks to prove the connection of these behavioural patterns with prosodic communicative strategies that reflect fundamental cultural values of British society.

Key words: temporal accommodation; prosodic markers; acoustic analysis; overlaps; backchannels; prompts; temporal compression; average syllable duration; phonation; pausation.

Растущий интерес к изучению невербальных характеристик спонтанного дискурса заставляет лингвистов всё чаще обращаться к вопросу просодической аккомодации в речи собеседников [Szczepek Reed 2011; De Looze et al. 2014; Демина, Карташевская 2017]. В более ранних работах по речевой аккомодации утверждается, что коммуниканты начинают сознательно или интуитивно подражать манере речи друг друга в процессе общения [Giles, Smith 1979; Coupland 1989]. Данное явление может проявлять себя в выборе лексических средств, грамматических конструкций, а также произносительных и интонационных характеристик речи. В случае контролируемой аккомодации говорящий отдает себе отчет о мотивах и результатах своих действий, целью которых, как правило, является получение одобрения от собеседника. Вместе с тем просодическое оформление речи в большей степени, чем лексико-грамматический строй, подвержено ряду факторов, в том числе эмоциональному и ситуативному, поэтому труднее поддается контролю в живом общении. Более того, обзор результатов современных исследований в этой области показывает, что просодическая аккомодация сегодня трактуется как процессуальное явление, развивающееся в ходе коммуникативного воздействия и проявляющееся в виде соотнесения частотных, темпоральных и динамических параметров речи собеседников [Шевченко, Галочкина 2016].

В этой связи *гипотезой* исследования является предположение о том, что в процессе коммуникации говорящие неосознанно приспосабливают свою речь к речи собеседника по ряду темпоральных показателей. Экспериментальный корпус данной работы составляет 75 минут 42 секунды звучащей речи и включает в себя два аутентичных подкаста из архива BBC Radio 4, в которых три информанта мужского пола и пять информантов женского пола вовлечены в спонтанные дискуссии, касающиеся, в том числе, личных тем. Данные подкасты представляются показательными для исследования темпоральной аккомодации, поскольку носят спонтанный характер и затрагивают мнение и жизненный опыт информантов. Кроме того, методика анализа спонтанного говорения на заявленную тему представляется весьма ценным инструментом исследования, поскольку позволяет описать не только тактики речевого поведения носителей языка в естественных, нелабораторных, условиях, но и установить актуальные социокультурные пресуппозиции в сознании собеседников, на которые нередко указывает их интонация и которые могут выступать регуляторами вербального взаимодействия в целом [Демина 2016].

В этой связи в ходе эксперимента реплики респондентов были подвергнуты перцептивно-слуховому анализу, результатом которых явилось определение основных коммуникативных характеристик женского и мужского общения. Наиболее репрезентативные примеры каждой из обозначенных характеристик в дальнейшем были подвергнуты акустическому анализу с помощью компьютерной программы *Praat* (версия 6.0.08). При этом основные акустические показатели (средняя длительность слога (СДС), средняя длительность паузы, соотношение периодов фонации и паузации) на данном этапе сопоставлялись как внутри одной гендерной группы, так и между ними. Стоит отметить, что фонетическая специфика мужской и женской речи читается более изученной в подготовленном монологическом дискурсе, при этом, по замечанию исследователей, на супрасегментном уровне гендерные маркеры ярче обозначены для мелодического строя и в меньшей степени – для темпорального и динамического [Медведева, Мурай 2007]. В этой связи данное исследование обращается к темпоральной аккомодации реплик коммуникантов как к гендерной переменной, представленной в спонтанном разговорном дискурсе и реализующейся в виде определенных гендерно-детерминированных тактик речевого поведения, порождаемых социумом, частью которого являются собеседники.

Результаты эксперимента подтвердили ранее высказанное мнение о том, что последовательное произнесение реплик собеседниками характерно в большей степени для мужского общения [Демина, Карташевская 2017]. В женском разговоре частотны *наложения реплик* (*overlaps*), *междометия согласия* (*backchannels*) и *коммуникативные подсказки* (*prompts*), которые исключают паузы на стыках синтагм и, тем самым, создают эффект *одновременного говорения*. Так, акустический анализ речи респондентов показал, что длительность периодов фонации в мужском разговоре коррелирует в 92% случаев, в то время как в женском лишь в 50%. Что касается паузации, в мужской речи ее длительность соотносима в 82% случаев, а в женской – только в 19%.

На приведенных диаграммах (см. рис. 1, 2) видно, что в мужской диалогической речи отмечаются периоды одновременной и последовательной паузации, которая выступает главным регулятором смены коммуникативных ролей собеседников. Исходя из этого, мы полагаем, что в мужской речи паузы являются неотъемлемой частью структурной организации спонтанного разговора, отражая культурные пресуппозиции британского общества, где каждый участник коммуникативного события имеет право высказать свое мнение и быть услышанным.

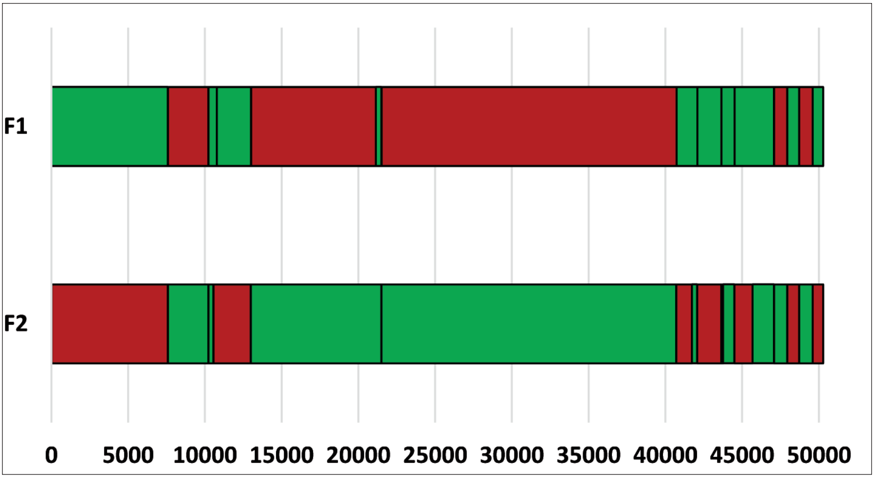

Рис. 1. Дистрибуция фонации и паузации в женском разговоре (мс)[1]

Что касается женского общения, то в нем паузы, по всей вероятности, воспринимаются как неловкие моменты в разговоре, которые коммуниканты стараются избегать за счет многочисленных наложений

[1] Периоды фонации отмечены зеленым цветом, периоды паузации – красным.

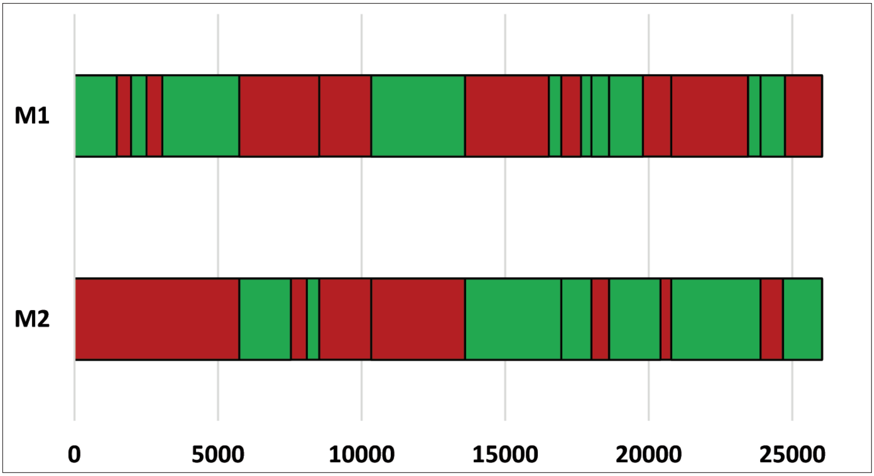

Рис. 2. Дистрибуция фонации и паузации
в мужском разговоре

реплик и употребления междометий согласия, что можно рассматривать как просодическую реализацию стратегии *overlap-as-enthusiasm*, в терминах Д. Таннен, позволяющую говорящим демонстрировать активное вовлечение в разговор, не нарушая при этом плавное течение беседы [Tannen 2005]. Схожее мнение высказывают и другие зарубежные лингвисты, считая одновременное говорение неотъемлемой частью живого общения, которое психологически воспринимается как коммуникативная поддержка от собеседника и выражает его заинтересованность и желание продолжать разговор [De Looze et al. 2014; Szczepek Reed 2011].

Говоря более подробно о моментах наложения реплик, хотелось бы подчеркнуть, что в женской речи они часто встречаются на стыках высказываний и, тем самым, служат сигналом передачи коммуникативного хода к собеседнику (см. пример 1, рис. 3)[1]:

(1) **F1**: O\kay,|| ˀBrigid,|| ˈwhat do \you ˌthink?|| ˈWhat ˚makes a ˚great [\party]?

F4: [ˈMy ex]ˈperience at ˚parties is ↘totally ˋdifferent|| to ↘all of \yours…

[1] Моменты наложения реплик отмечены квадратными скобками.

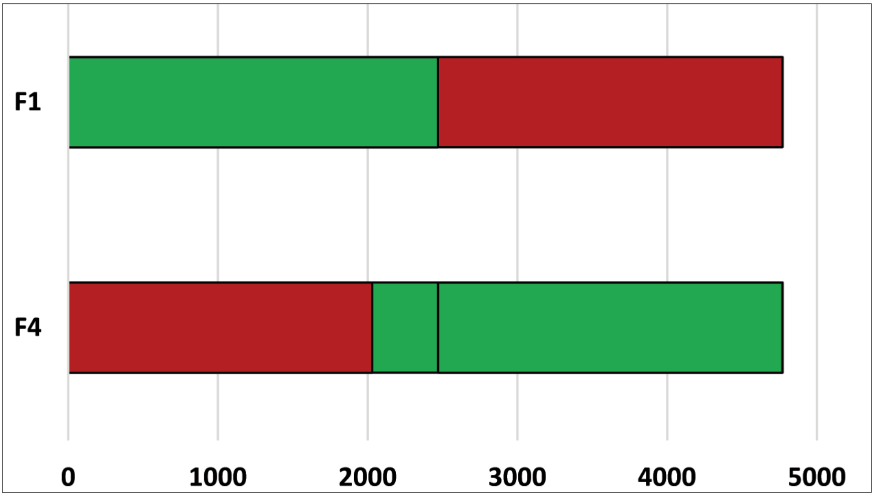

Рис. 3. Передача коммуникативного хода
в женском разговоре

Однако в мужской речи одновременное говорение получает другую интерпретацию у участников общения: коммуниканты-мужчины воспринимают данное явление как попытку собеседника прервать говорящего и, тем самым, занять доминирующую позицию в разговоре. Так, в приведенном ниже примере (2) активный говорящий (M3) не позволяет собеседникам (M2 и M1) доминировать в разговоре, пока он не закончит свою мысль, что вербально выражается в многократных повторах той части реплики, которую пытаются прервать. В большинстве случаев данные повторы имеют идентичное или схожее вербальное и интонационное оформление.

(2) **M3**: …ˈone of the •things that •Rob in⸜sisted ˌon⩗ was a ˈcompany ⤵bike [**M2**: You're absoˈlutely ⸜right!] ˈ*everybody →else*… [**M2**: I ˈthought you •forgot about the •company ⸜bicycle] (laughter) ˈ*Everybody →else*,⦃ ˈ*everybody •else* had a →company…⦃ ˏ*everybody ˌelse*… [**M1:** ⸜Oh I ˈthought it was your ⤵nickname] (laughter) *I →can't re*… [**M2:** ˈYou're ⤵so ⤵bad] *I ˈcan't re•member* what it →was…

Другой отличительной чертой спонтанной речи является наличие так называемых моментов хезитации, во время которых говорящий подбирает слова для точного выражения своей мысли. Они вербализуются в разговоре с помощью различных междометий, повторов, вокализованных пауз и других метакоммуникативных единиц, которые оказывают влияние на темпоральную организацию речи. В этой связи в мужской речи было зарегистрировано явление «темпоральной компрессии», суть которого заключается в том, что информативная часть, следующая за вокализованной паузой в конце высказывания (b), произносится быстрее, чем предшествующая (а) (пример 3):

(3) **M3:** (a)…she knew exactly what was, →*em*,⦚ →*er* (b) what was going on.

Говоря о просодических показателях данной фразы, следует отметить, что увеличение темпа сопровождается СДС (см. рис. 4), а скорость артикуляции увеличивается с двух до шести слогов в секунду, что, очевидно, позволяет говорящему соблюдать *принцип сбалансированной коммуникативной активности* и не превышать лимит времени, отведенный ему на ответ.

Стоит отметить, что кратковременное ускорение темпа речи в разговоре также может иметь прагматические предпосылки, являясь просодической тактикой *стратегии уклонения от общения,* использование которой обусловлено желанием говорящего скрыть свою

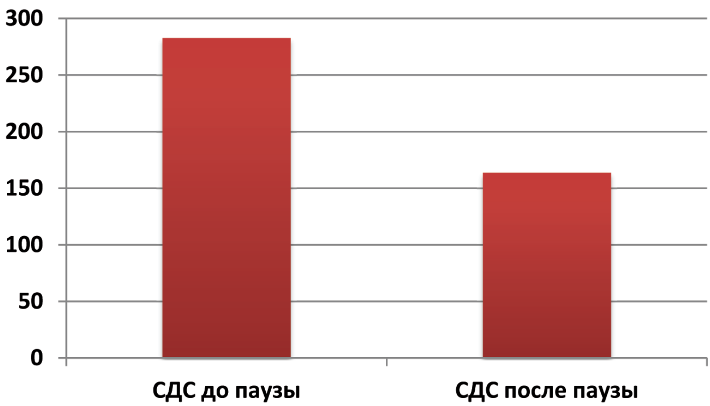

Рис. 4. Изменение СДС (мс)
до и после использования вокализованной паузы в примере 3

неуверенность или неосведомленность в вопросе путем более быстрого произнесения высказывания [Иванова 2017].

Что касается использования вокализованных пауз в женской речи, то частотность их употребления на 25% ниже, чем в речи коммуникантов-мужчин. Кроме того, в подобных случаях женщины демонстрируют тенденцию заканчивать высказывание за собеседника, который испытывает «момент хезитации» (пример 4):

(4) F3: But I've ˈlearned, as I've ˚got ˎolder, ↓̀ you →know⦚, just to →*leave*…[***F2:*** *ˎPale out ˌgracefully*] *to ˈpale out ˎgracefully*.

В прагматическом плане, как нам представляется, такие подсказки помогают говорящим наладить коммуникативный контакт посредством избегания неловкой паузы, и обычно не трактуются собеседниками как претензия на лидирующую роль в общении. Интересно, что данное явление было зарегистрировано только в женской речи, что, по всей видимости, может быть связано с тем, что на психологическом уровне именно женщины охотнее выражают эмпатию к эмоциям собеседника и стараются не допустить неловких «моментов хезитации» в разговоре. При этом акустический анализ фраз, содержащих подсказки такого рода, показал, что реплики их повтора активным

Рис. 5. Изменение СДС (мс) в коммуникативной подсказке

говорящим имеют бóльшую СДС, чем коммуникативная подсказка пассивного собеседника. Объясняя такой результат, обратимся к данным по СДС для участницы беседы (F2), которая активнее других оказывала коммуникативную поддержку таким способом. В то время как средний показатель СДС ее речи равен 231 мс, в примере 4 этот показатель составляет 174 мс, т. е. меньше на 33 % (см. рис. 5).

Таким образом, полученные данные демонстрируют, что, оказывая коммуникативную поддержку, пассивный собеседник не претендует на на доминирующую роль в разговоре, а, наоборот, подтверждает свою позицию слушателя.

Явление коммуникативных подсказок в женском общении, реализующееся за счет кратковременного ускорения темпа речи, может также рассматриваться как просодическая тактика *стратегии поддержания коммуникативного контакта*, выделенной в ходе экспериментально-фонетического исследования, проведенного на материале спонтанной монологической речи англичан [Иванова 2017].

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы о гендерной обусловленности явления темпоральной аккомодации в процессе живого англоязычного общения:

1) темпоральная аккомодация реплик коммуникантов является гендерно зависимым явлением, которое в мужской речи проявляется в виде *последовательного говорения* с ярко выраженной паузацией и *темпоральной компрессией* в конце высказываний, а в женской – в виде *наложения реплик* (*overlaps*), употребления *междометий согласия* (*backchannels*) и использования *коммуникативных подсказок* (*prompts*);

2) соблюдение четкой структуры диалога, а также соразмерности и последовательности реплик в мужской речи является проявлением принципа *сбалансированной коммуникативной активности* собеседников и отражает глубинные социокультурные пресуппозиции англоговорящего социума;

3) благодаря соблюдению принципа *сбалансированной коммуникативной активности* в общении, мужчины в меньшей степени, чем женщины нуждаются в коммуникативной поддержке собеседников;

4) *одновременное говорение*, отличающееся краткосрочным ускорением темпа речи, в большей степени свойственно женскому общению и призвано оказать коммуникативную поддержку активному говорящему, не нарушая при этом плавного течения беседы;

5) *одновременное говорение* в мужской диалогической речи трактуется активным говорящим как попытки собеседников занять роль лидера в разговоре; при этом удержание доминирующей позиции в коммуникации осуществляется за счет многократных вербальных повторов с идентичным просодическим оформлением;

6) кратковременное ускорение темпа женской речи в коммуникативных подсказках и междометиях согласия может рассматриваться как *просодическая тактика стратегии поддержания коммуникативного контакта*;

7) кратковременное ускорение темпа в мужской речи может рассматриваться как просодическая *тактика ухода от ответа* в рамках *стратегии уклонения от общения*.

Таким образом, проведенное исследование расширяет существующую базу по речевой аккомодации в спонтанном англоязычном дискурсе и создает основу для дальнейшего более детального изучения явления просодической согласованности реплик коммуникантов, представленного в лингвистической литературе на сегодняшний день достаточно фрагментарно. Всестороннее исследование гендерно-обусловленных моделей речевого поведения предполагает также обращение к просодической согласованности в условиях межгендерного коммуникативного воздействия с учетом социокультурного контекста и прагматико-стратегической компоненты межличностного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демина М. А. Фонетические средства выражения национальной идентичности в условиях межкультурного общения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 1 (712). С. 46–56.

Демина М. А., Карташевская Ю.В. Гендерно-маркированных модели просодической согласованности коммуникантов в *small talk* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 5 (776). С. 9–31.

Иванова А. М. Просодические стратегии коммуникации на английском языке // Collegium Linguisticum – 2017 : материалы ежегодной конференции студенческого научного общества МГЛУ. М : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 89–97.

Медведева Т. В., Мурай О. В. Гендерная вариативность речи британской молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. Вып. 523. С. 88–97.

Шевченко Т. И., Галочкина И. Е. Навстречу согласию: фонетическая адаптация собеседников в диалоге // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 1 (740). С. 185–203.

Coupland N. Accommodation at work: some phonological data and their implications // International Journal of the Sociology of Language. 1984. Issue 46. P. 49–70.

Giles H., Smith Ph. Accommodation Theory: Optimal levels of Convergence // H. Giles, R. St. Clair (eds). Language and Social Psychology. Baltimore : Basil Blackwell, 1979. P. 45–65.

De Looze C., *Scherer S., Vaughan B., Campbell N.* Investigating automatic measurements of prosodic accommodation and its dynamics in social interaction // Speech Communication. 2014. № 58. P. 11–34.

Szczepek R. B. Beyond the Particular: Prosody and the Coordination of Actions // Language and Speech. 2011. Vol. 55 (1). P. 13–34.

Tannen D. Conversational Style: Analyzing Talk among Friends. Oxford University Press, 2005. 244 p.

REFERENCES

Demina M. A. Foneticheskie sredstva vyrazheniya nacional'noj identichnosti v usloviyah mezhkul'turnogo obshcheniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 1 (712). S. 46–56.

Demina M. A., Kartashevskaya Yu.V. Genderno-markirovannyh modeli prosodicheskoj soglasovannosti kommunikantov v small talk // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. Vyp. 5 (776). S. 9–31.

Ivanova A. M. Prosodicheskie strategii kommunikacii na anglijskom yazyke // Collegium Linguisticum – 2017: materialy ezhegodnoj konferencii studencheskogo nauchnogo obshchestva MGLU. M : FGBOU VO MGLU, 2017. S. 89–97.

Medvedeva T. V., Muraj O. V. Gendernaya variativnost' rechi britanskoj molodezhi // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2007. Vyp. 523. S. 88–97.

Shevchenko T. I., Galochkina I. E. Navstrechu soglasiyu: foneticheskaya adaptaciya sobesednikov v dialoge // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. Vyp. 1 (740). S. 185–203.

Coupland N. Accommodation at work: some phonological data and their implications // International Journal of the Sociology of Language. 1984. Issue 46. P. 49–70.

Giles H., Smith Ph. Accommodation Theory: Optimal levels of Convergence // H. Giles, R. St. Clair (eds). Language and Social Psychology. Baltimore : Basil Blackwell, 1979. P. 45–65.

De Looze C., Scherer S., Vaughan B., Campbell N. Investigating automatic measurements of prosodic accommodation and its dynamics in social interaction // Speech Communication. 2014. № 58. P. 11–34.
Szczepek R. B. Beyond the Particular: Prosody and the Coordination of Actions // Language and Speech. 2011. Vol. 55 (1). P. 13–34.
Tannen D. Conversational Style: Analyzing Talk among Friends. Oxford University Press, 2005. 244 p.

УДК 81'34

А. В. Дунашова

аспирант каф. фонетики английского языка
факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: anna.dunashova@inbox.ru

СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНАЯ ОЦЕНКА И ТИП ПРОИЗНОШЕНИЯ: ОПЫТ ПЕРЦЕПТИВНО-СЛУХОВОГО АНАЛИЗА

Предметом данного исследования является восприятие личности носителя английского языка не-носителями на основе его произношения (естественного и измененного) и стереотипов, которые ассоциируются с определенными типами произношения. В статье представлен краткий обзор работ в области перцептивной диалектологии, в том числе восприятия языковых стереотипов, в английском языке. Новым аспектом рассмотрения этой темы стали перцептивно-слуховые эксперименты, направленные на выявление тенденций в восприятии британских и американских произносительных вариантов не-носителями языка. Метод анализа – перцептивно-слуховая оценка по шкале «правильности» и «приятности», а также идентификация типов произношения. Респондентами являются 50 русских студентов-лингвистов, изучающих английский язык на продвинутом этапе обучения. Согласно полученным данным, языковые стереотипы русских обучающихся совпадают со стереотипным восприятием тех же произносительных вариантов английского языка его носителями.

Ключевые слова: английский язык; типы произношения; стереотип; восприятие не-носителей языка.

A. Dunashova

PhD Student, Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: anna.dunashova@inbox.ru

PERSONALITY EVALUATION AND ACCENT (a perceptual study)

The subject of the research is non-native speakers' perception of the English-speaking personality based on the latter's accent (both natural and modified) and accent-related stereotypes. A short survey of perceptual dialectology studies in English, including stereotypes perception, is presented. The new aspect brought to the field is the focus on the attitudes of Russian advanced L2 learners of English towards British and American accents. The method is perceptual analysis on a "correctness" and "pleasantness" scale, as well as identification of accents. The respondents are fifty Russian advanced learners of English. The statistical data suggest that the perceptual stereotypes of Russian learners in English agrees with the stereotypes' perception of the same accents by native speakers.

Key words: English; accents; stereotypes; non-native speakers' perception.

Введение

Существует стереотипное мнение, что актеры-британцы играют лучших злодеев [Lippi-Green 1997]. Британский вариант английского языка также преобладает в фильмах жанра фэнтези и научной фантастики, что создатели фильмов объясняют экзотичностью его звучания для носителей других национальных вариантов английского языка (например, для американцев). Стереотипное восприятие различных вариантов языка его носителями объясняется определенной культурой, общей для всех представителей англо-саксонской культуры. Сохраняются ли те же языковые стереотипы для не-носителей языка?

В научной литературе широко освещен вопрос социокультурного восприятия личности по языковым произносительным вариантам, однако субъектом подобных исследований часто выступают носители языка [Lindemann, Stephanie 2003]. Наша работа ставит перед собой задачу рассмотрения данного вопроса с точки зрения восприятия произносительных вариантов английского языка не-носителями, а именно – русскими студентами, изучающими английский язык на продвинутом этапе обучения и владеющими социокультурными компетенциями соответствующего уровня.

Целью данного исследования является ответ на вопрос о том, как соотносятся языковые стереотипы не-носителей языка со стереотипным восприятием различных произносительных вариантов английского языка его носителями?

Для поиска ответа на этот вопрос мы использовали британские и американские фильмы и сериалы, в которых создатели фильмов обращаются к тому или иному произносительному варианту с целью создания художественного образа героя. Нашей задачей было выяснить, адекватно ли воспринимается указанный замысел режиссера респондентами из другой языковой среды.

Наша работа проведена в рамках перцептивной диалектологии, области «народной лингвистики», изучающей представление о языке не-лингвистами. Перцептивная диалектология является одним из способов изучения отношений к языку, которые напрямую связаны со стереотипами: слушатель использует речь собеседника как «ключ» к выявлению его принадлежности к определенной социальной группе и приписывает ему характерные для данной группы стереотипные черты [Preston 1999]. Важнейшим подобным ключом является акцент или тип произношения, который мы рассматриваем как совокупность произносительных характеристик, которые помогают определить географическую и социальную принадлежность говорящего [Crystal 1995].

В основе перцептивных языковых исследований лежит теория о престижности акцентов, согласно которой концепция языкового престижа тесно связана с концепцией социального престижа и класса в обществе. Престижным акцентом обычно становится стандартизированный произносительный вариант [Giles 1970].

Восприятие услышанного акцента можно охарактеризовать по двум параметрам: шкала социального статуса (status dimension), по которой оценивается образованность, интеллект, успешность, и шкала солидарности (solidarity dimension) для оценки дружелюбия, вежливости, доброты [Giles 1975]. Носители произносительного стандарта, как правило, высоко оценивают стандартную речь по всем показателям, в то время как носители нестандартизированного языкового варианта – выше по категории социального статуса, но ниже по категории солидарности [Fuertes 2002].

Для изучения восприятия произносительных вариантов Дэннис Престон, основоположник перцептивной диалектологии, выделил следующие пять методов исследования:

1) рисование диалектологической карты (Draw-a-map);
2) определение степени различия диалектов (Degree-of-difference);
3) «правильность» и «приятность» диалектов («correct» and «pleasant»);
4) идентификация диалекта (Dialect Identification);
5) сбор качественной информации (Qualitative Data) [Preston 1999].

В исследовании мы использовали метод оценивания правильности и приятности акцентов и частично метод идентификации акцента. В эксперименте приняли участие 50 студентов-лингвистов II–III курсов МГЛУ. Перед информантами стояли следующие задачи:

1) прослушать девять предложенных аудиозаписей;
2) определить географическую принадлежность услышанного акцента (варианты были представлены);
3) охарактеризовать услышанные акценты по заданной шкале.

Аудиозаписи для прослушивания были взяты из следующих фильмов и сериалов: *Doctor Who* («Доктор Кто»), *Broadchurch* («Убийство на пляже»), *Gracepoint* («Грейспойнт»), *Tomorrowland* («Земля будущего»), *House M.D.* («Доктор Хаус») и *Friends* («Друзья»).

Актеры-мужчины, речь которых подвергалась перцептивному анализу: David Tennant (Дэвид Теннант), Hugh Laurie (Хью Лори), Peter Capaldi (Питер Капальди), Christopher Eccleston (Кристофер Экклстон) и David Schwimmer (Дэвид Швиммер).

Акценты, используемые в выбранных отрывках: RP (стандартный британский), Estuary English (акцент юга Англии), Northern English (акцент севера Англии), Scottish English (Edinburgh) (шотландский английский, Эдинбург), Scottish English (Glaswegian) (шотландский английский, Глазго), North American English (GA) (стандартный американский английский).

Респондентам была предложена шкала, по которой они должны были охарактеризовать героя, например:

надежный ____ ____ ____ *ненадежный*
a b c

Каждому варианту (a, b или c) был присвоен определенный балл: вариант «a» – 3 балла, «b» – 2 балла и «c» – 1 балл. Далее мы рассчитали средний показатель по каждой характеристике:

- Good English (хороший английский)
- Pleasant (приятный)
- Trustworthy (надежный)
- Friendly (дружелюбный)
- Polite (вежливый)
- Educated (образованный)
- Intelligent (умный)

Всего было проведено три эксперимента.

Эксперимент 1

В качестве материала для первого эксперимента мы взяли культовый британский научно-фантастический телесериал *Doctor Who*, повествующий об инопланетном путешественнике во времени, известном как Доктор. На протяжении всего сериала Доктор несколько раз «регенерировал», при этом его внешность и манера поведения менялись, что позволяло продюсерам сериала заменять исполнителя

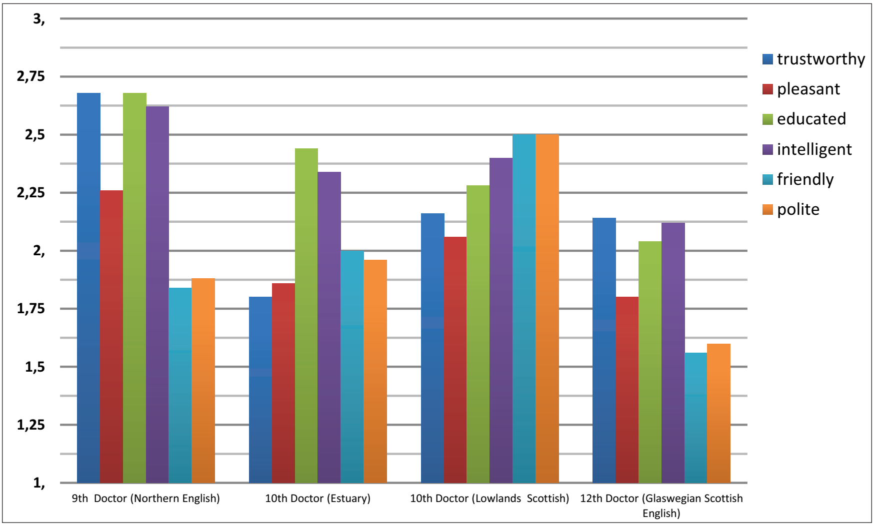

Рис. 1. Сравнительный анализ речи
Девятого, Десятого и *Двенадцатого Докторов*

главной роли, при этом подчеркивая, что персонаж, несмотря на смену лица и манер, остается тем же самым.

Мы сравнили речь *Девятого, Десятого* и *Двенадцатого Докторов*, чтобы посмотреть, как респонденты охарактеризуют речь действующего лица, которого играли актеры, использующие разные произносительные варианты (см. рис. 1).

Девятый Доктор, представляющий акцент севера Англии, получил больше положительных показателей по сравнению с другими Докторами. Речь героя получила высокий результат по категориям «надежность» (2,68) и «приятность» (2,26), но в то же время низкий результат по категориям «дружелюбие» (1,84) и «вежливость» (1,88). Все эти показатели совпадают с описанием героя, которого создатели сериала характеризуют как смелого, умного, надежного, с одной стороны, но раздраженного и иногда резкого – с другой.

Десятый Доктор в основном говорит с акцентом юга Англии, но в одной из серий, по приезде в Шотландию, использует шотландский вариант английского языка, на котором говорят в Эдинбурге. В результате перцептивного анализа двух произносительных вариантов было выявлено, что шотландский произносительный вариант имеет более высокие показатели по параметрам «дружелюбие» (2,0) и «вежливость» (1,96), но более низкие по параметру «надежность» (1,8) [Coggle 1993]. Результаты показывают, что восприятие героя респондентами совпадает с его описанием. Десятый Доктор – беззаботный, добродушный и остроумный, но в то же время безжалостный, встречаясь с врагами. Иногда он использует бодрый, энергичный внешний вид, чтобы замаскировать подлинные чувства. Двуличность героя получила свое отражение в низком показателе категории «надежность».

Двенадцатый Доктор, представляющий шотландский вариант жителей Глазго, показал самые негативные результаты. Он оценен как наименее дружелюбный (1,56) , вежливый (1,6) и наименее приятный (1,8). Однако таким его и планировали создатели сериала, которые описывают своего героя как резкого и бесцеремонного, таинственного и невоспитанного. Его также характеризуют как более опасного и нетерпеливого Доктора.

Стоит отметить, что все герои получили высокий показатель по категориям «образованность» и «грамотность», что совпадает с задачей сериала показать, несмотря на смену лица и манер, что Доктор остается тем же человеком.

Результаты эксперимента 1 показывают, что не-носители английского языка смогли с большой степенью точности охарактеризовать героя фильма, прослушав около минуты диалогической речи без сопровождения видеорядом.

Эксперимент 2

Материалом для второго эксперимента послужил британский сериал *Broadchurch* («Убийство на пляже») и его американская версия *Gracepoint* («Грейспойнт»). Это детективный телесериал с Дэвидом Теннантом в главной роли. Интересно то, что для американской версии сериала на главную роль пригласили того же главного актера (Дэвида Теннанта). Таким образом, в двух сериалах он фактически играет одного и того же героя, но говорит с разными акцентами (шотландский английский города Глазго в *Broadchurch* и стандартный американский английский в сериале *Gracepoint*). Герой Теннанта – детектив-инспектор со скверным характером и очевидной социопатией. При этом он очень умен и предан близким ему людям.

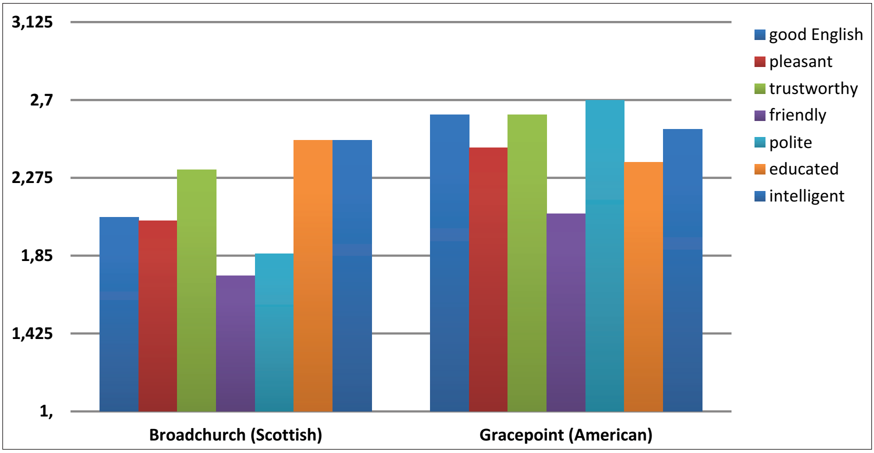

Рис. 2. Сравнительный анализ речи по всем характеристикам в сериалах *Broadchurch* и *Gracepoint*

Для исследования мы выбрали монологическую речь, которая почти дословно повторяется в двух версиях сериала, но произносится одним и тем же актером с разными акцентами (см. рис. 2).

Согласно полученным результатам, американский английский оценивается выше шотландского варианта по всем показателям, кроме образования. Тот факт, что студенты, изучающие английский язык, положительно оценивают американский вариант, подтверждает теорию о том, что американский вариант английского языка начинает доминировать из-за огромного влияния американских СМИ, и его узнаваемость позволяет слушающим давать высокую оценку как по шкале «социальный статус», так и по шкале «солидарность».

Тот факт, что шотландский вариант получил более высокую оценку по категории «образование» (см. рис. 3), мы объясняем влиянием распространенного стереотипа о качественном образовании в Великобритании [Honey 1989]. Мы предполагаем, что, услышав речь британца в *Broadchurch*, данный стереотип активировался, и респонденты охарактеризовали героя как человека более образованного, чем персонажа *Gracepoint*, несмотря на то, что монолог в двух версиях сериала повторяется почти дословно.

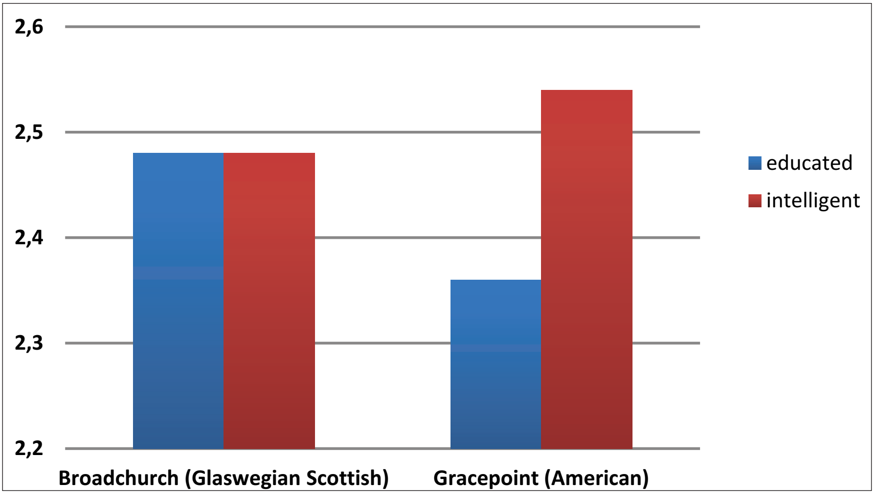

Рис. 3. Сравнительный анализ показателей «образованный» и «умный» в сериалах *Broadchurch* и *Gracepoint*

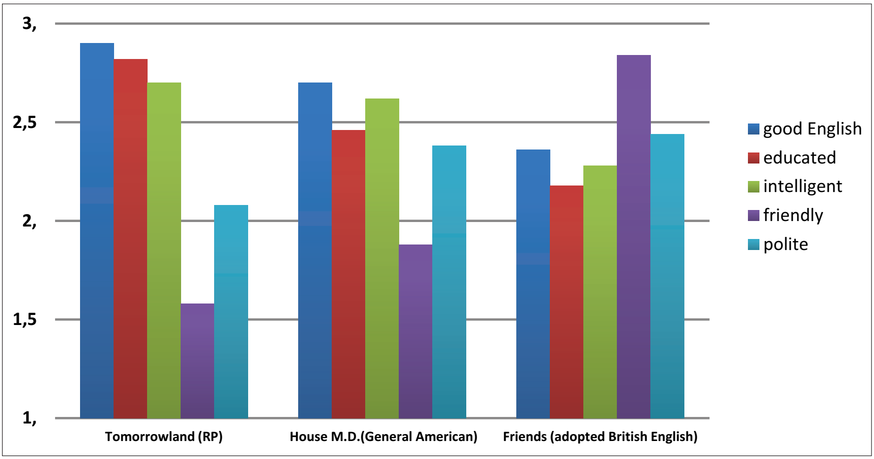

Рис. 4. Сравнительный анализ восприятия публичной речи в фильмах *Tomorrowland*, *House M.D.* и *Friends*

Эксперимент 3

Материалом для третьего эксперимента послужила публичная речь в фильмах *Tomorrowland* («Земля будущего»), *House M. D*. («Доктор Хаус») и *Friends* («Друзья»).

Стандартный вариант британского английского языка (RP), на котором говорит главный герой в фильме *Tomorrowland* (актер – Хью Лори) получил наивысшие показатели в категориях «образованный», «умный», «хороший английский». При этом шкала «хороший английский» заработала почти максимальный балл, что можно объяснить тем, что студенты ориентируются на RP как на произносительную норму (см. рис. 4) [Trudgill 2001].

В то же время персонаж фильма *Tomorrowland*, говорящий на RP, получил наименьшие показатели по характеристикам «дружелюбность» и «вежливость», что напрямую соответствует теории о престижности акцентов, согласно которой стандартная речь, как правило, оценивается выше по категории «социальный статус», но ниже по категории «солидарность». Полученные данные соответствуют стереотипному представлению о том, что британцы играют лучших злодеев: в фильме *Tomorrowland* герой Хью Лори, говорящий на RP, оказывается отрицательным персонажем [Herman 1997].

Герой американского актера Дэвида Швиммера (Росс) в американском ситкоме *Friends* получил наивысшую оценку по категории «дружелюбие», что во многом объясняется жанром сериала. По сюжету герой имитирует британский акцент с тем, чтобы произвести хорошее впечатление на своих студентов, однако ему это не удается. Респонденты услышали, что попытка Росса говорить на RP была неудачной, и низко оценили его речь по категории «хороший английский». Более того, они почувствовали обман и охарактеризовали героя как «ненадежного» (см. рис. 4).

Герой Хью Лори из *House M.D*. получил средние показатели, но в целом его американская речь была положительно оценена респондентами. Интересно также то, что все три героя получили очень схожие результаты в категории «приятность», что объясняется стилем речи: публичная речь произносится громко, четко, так, чтобы ее содержание было понятно всем. Мы считаем, что это во многом определило выбор наших респондентов.

Выводы

Итак, полученные результаты показывают, что наши респонденты, профессионально изучающие английский язык, адекватно воспринимают замысел режиссера в плане использования определенного акцента как способа создания художественного образа. Соответственно восприятие различных произносительных вариантов носителями языка и изучающими язык на продвинутом этапе совпадает. Правильное восприятие языковых стереотипов оказывается не только полезным для изучения языковой вариативности в целом, но и является необходимым условием для успешной коммуникации в рамках межкультурного взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Coggle P. Do You Speak Estuary? The new Standard English – How to spot it and speak it. London: Bloomsbury Publishing Ltd, 1993. P. 17–23.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 298.

Fuertes, Jairo N.; Potere, Jodi C.; Ramirez, Karen Y. Effects of speech accents on interpersonal evaluations: implications for counseling practice and research // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2002. V. 8 (4). P. 346–356.

Giles H. Evaluative reactions to accents // Educational Review. 1970. V. 22. P. 211–227.

Giles H. & Powesland P. F. Speech style and social evaluation. London : Academic Press, 1975. P. 90–97.

Herman L. Foreign Dialects: Manual for Actors, Directors and Writers. Taylor & Francis, 1997. P. 67.

Honey J. Does Accent Matter? The Pygmalion factor. London Faber & Faber, 1989. P. 97–131.

Lindemann S. Koreans, Chinese, or Indians? Attitudes and ideologies about non-native English speakers in the United States // Journal of Sociolinguistics. 2003. V. 7.3. P. 348–364.

Lippi-Green R. English with an Accent. Language, ideology, and discrimination in the United States. London : Routledge, 1997. P. 111–113.

Preston D. R. (ed.) Handbook of perceptual dialectology. Amsterdam : John Benjamins, 1999. V. 1. P. xxiii–xxxv.

Trudgill P. The sociolinguistics of modern RP // Trudgill P. Sociolinguistic Variation and Change. Edinburgh University Press, 2001. P. 178–190.

УДК 81'34

Ю. В. Карташевская

доцент каф. фонетики английского языка
факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: juliakar@mail.ru

АКУСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СТЫКОВОЙ АЛЛОФОНИИ АЛЬВЕОЛЯРНЫХ СМЫЧНО-ВЗРЫВНЫХ СОГЛАСНЫХ В МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ РЕЧИ

В статье приводится описание результатов акустического анализа стыковой аллофонии смычно-взрывной категории согласных в американском варианте английского языка. Предмет исследования составили аллофоны предстыковых согласных /t, d/ в позиции C#V, где в качестве второго компонента стыка рассматриваются ударные / безударные гласные, аппроксиманты и носовые сонанты. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в контексте современной научной парадигмы вариативность стыковой аллофонии рассматривается с точки зрения влияния гендерного фактора. В ходе исследования выявляется инвентарь аллофонов, приводится анализ их частотности, а также описываются основные акустические признаки указанных сегментных единиц речи – длительность (мс), интенсивность (дБ) и ЧОТ (Гц). Градиентный характер варьирования аллофонов проявляется в количественно-качественных изменениях как смычной, так и шумовой фаз согласных. Инвентарь аллофонов может быть представлен в виде континуума от неаспирированного смычного согласного, реализованного со взрывом (*unaspirated released stop*), до гласноподобного одноударного альвеолярного согласного (*approximant-like flap*). Гендерная вариативность в большей степени затрагивает качественные характеристики стыковых аллофонов; количественные признаки (длительность и интенсивность) в меньшей степени подвержены влиянию гендерного фактора. Выявление статистически значимых признаков межгендерной вариативности аллофонии осуществляется с учетом показателей стандартного отклонения, коэффициента вариации и *t*-критерия Стьюдента.

Ключевые слова: гендерный фактор; стыковая аллофония; акустический анализ; частотность; длительность; интенсивность; частота основного тона (ЧОТ); американский вариант; t-критерий Стьюдента; стандартное отклонение; коэффициент вариации.

Y. V. Kartashevskaya

Assoc. Prof., Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: juliakar@mail.ru

ACOUSTIC CHARACTERISTICS OF WORD-BOUNDARY ALVEOLAR STOP ALLOPHONES IN MALE AND FEMALE SPEECH

The article focuses on the acoustic characteristics of word-boundary alveolar stop allophones in American English. The allophones of /t, d/ phonemes are described in the vocalic word-boundary position C#V, in which the second component is presented by stressed / unstressed vowels, approximants and nasal sonorants. The research lies within the domain of modern sociophonetic paradigm as the allophonic variation is viewed in terms of gender influence. Multistep analysis is aimed at comprising the inventory of word-boundary allophones, describing their frequency and the acoustic parameters measured (duration, intensity and F0). The gradient nature of allophones is revealed in qualitative and quantitative variation of hold and release stages of the occlusive (stop) consonant. Allophonic inventory of prejunctural phonemes /t, d/ lies along a continuum from an unaspirated released stop to an approximant-like flap. The influence of gender factor is largely observed in the frequency distribution of allophones in female vs. male speech. Quantitative indicators (duration and intensity) are found to be gender-related issues to a lesser extent. Statistically significant evidence of intergender allophonic variation is achieved by the use of descriptive statistical analysis of Student's t-test distribution and standard deviation (SD) and coefficient of variation (C_v) values.

Key words: gender factor; word boundary allophony; acoustic analysis; frequency; duration; amplitude; fundamental frequency (F0); American English; Student's t-test; standard deviation (SD); coefficient of variation (Cv).

Введение

В статье представлены результаты акустического анализа стыковой аллофонии апикального смычно-взрывных согласных /t, d/ в вокалическом типе стыка типа C#V[1]. В данном фонетическом контексте объект исследования выступает в качестве социофонетической переменной, вариативность которой рассматривается с точки зрения влияния гендерного фактора. Настоящее исследование является частью комплексного изучения фонолого-фонетических характеристик пограничных сигналов в звучащей речи на материале американского варианта английского языка (далее – АЕ), включающего также позиционно-дистрибутивный и фонотактический [Карташевская 2012] и перцептивный виды анализа [Карташевская 2017; Карташевская 2018]. Результаты проведенного нами ранее перцептивного анализа вариативности аллофонов в указанной стыковой позиции позволяют выдвинуть гипотезу о гендерной маркированности стыковой аллофонии в американском варианте английского языка.

[1] В ходе исследования рассматривались предстыковые аллофоны согласного, в качестве второго компонента стыка (постстыковая позиция) представлены ударные / безударные гласные, аппроксиманты /w, l, r, j/ и носовые сонанты /m, n/.

Цели и задачи исследования

С целью описания акустических характеристик предстыковых аллофонов смычно-взрывных согласных /t, d/ в указанном типе стыка, а также выявления гендерно-маркированных признаков стыковой аллофонии, нами был проведен анализ спектрально-акустических характеристик объекта исследования, основными задачами которого явились:

1) составление инвентаря предстыковых аллофонов;
2) проведение анализа частотности реализации аллофонов с учетом гендерного фактора;
3) проведение анализа межгендерной вариативности акустических параметров длительности (мс), интенсивности (дБ) и ЧОТ (Гц);
4) выявление статистически значимых признаков гендерной вариативности аллофонии с учетом показателей стандартного отклонения (SD), коэффициента вариации (C_v) и *t*-критерия Стьюдента.

Электроакустический анализ стыковой аллофонии проводился с помощью компьютерной программы Praat (версия 6.0.36)[1].

Инвентарь аллофонов

Аллофоническая модификация смычных фонем по признаку способа артикуляции на акустическом уровне может быть представлена в виде ступеней градации как смычной, так и шумовой фазы согласных, что выражается в неоднородности количественно-качественных характеристик аллофонов. Проведенный акустический анализ позволил выделить три основные группы аллофонов предстыковых альвеолярных смычных /t, d/ в позиции стыка C#V, представленные на рисунке 1.

Одноударные альвеолярные смычные согласные (*flaps*)[2] (3) в AE, в свою очередь, также демонстрируют градиентный характер,

[1] *Boersma P., Weenink D.* Praat: Doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.0.36. 2017. URL : www.praat.org/

[2] В русскоязычной литературе не существует унифицированного термина для обозначения артикуляции, сопровождаемой очень быстрым толчкообразным или касательным движением активного артикулятора. Англоязычный термин «flap» в специальной литературе на русском языке переводится как одноударный (толчкообразный, мгновенный) согласный (иногда флэп, хлопающий согласный, или «хлопок») ([Кодзасов, Кривнова 2001]).

Рис. 1. Аллофоническая вариативность интервокальных смычно-взрывных альвеолярных согласных

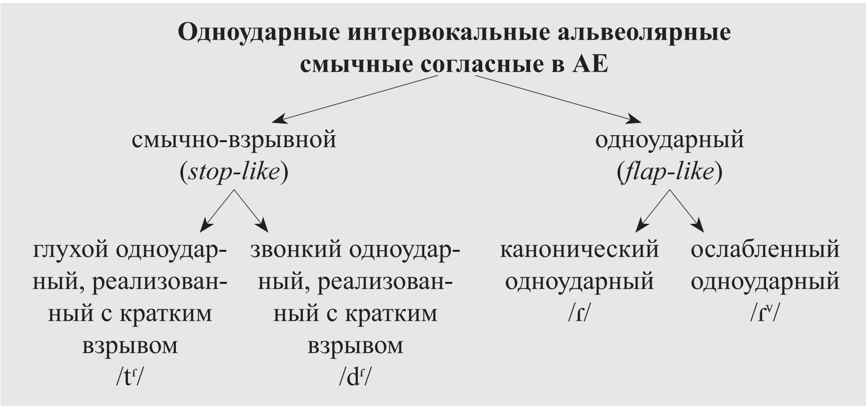

Рис. 2. Классификация одноударных интервокальных смычно-взрывных согласных

представляющий континуум от одноударных, имеющих акустические параметры кратких по длительности согласных смычно-взрывной артикуляции (*stop-like flaps*) до «слабой» артикуляции, схожей по своим акустическим характеристикам с аппроксимантами или гласными (*approximant-like flaps*) (см. рис. 2).

Проведенный акустический анализ позволил составить инвентарь предстыковых аллофонов /t, d/ в контексте с вокальным компонентом стыка, представленный девятью предстыковыми аллофонами, для идентификации которых были использованы следующие акустические показатели: а) наличие / отсутствие ЧОТ; б) наличие / отсутствие фазы смычки; в) наличие / отсутствие фазы взрыва; г) длительность.

Таблица 1

Аллофония предстыковых согласных /t, d/ в позиции стыка C#V[1]

№	Аллофоны	Описание	
1	/t/, /d/	unaspirated, released stop	альвеолярный неаспирированный смычный согласный, реализованный со взрывом
2	/t̚/, /d̚/	unaspirated, unreleased stop	альвеолярный неаспирированный смычный согласный, реализованный без взрыва
3	/Vʔ^{t}/, /Vʔ^{d}/ /V̰ʔ^{t}/, /V̰ʔ^{d}/	voiceless / voiced glottalized stop; (+) vowel laryngealization	глоттализованный смычный согласный (реализуется озвонченная или глухая гортанная смычка, факультативно сопровождаемая ларингализацией гласного /V̰/)
4	/t^{ɾ}/	voiceless stop-like flap	краткий глухой одноударный альвеолярный согласный, реализованный с кратким взрывом
5	/d^{ɾ}/	voiced stop-like flap	краткий звонкий одноударный альвеолярный согласный, реализованный с кратким взрывом
6	/ɾ/	flap	канонический одноударный альвеолярный согласный

[1] Стыки лексических единиц с предстыковым звонким смычным согласным /d/ (аллофоны /d/, /d̚/ и /d^{ɾ}/ были исключены из последующего исследования акустических признаков стыковых аллофонов для получения более объективной картины варьирования смычно-взрывной артикуляции глухого апикально-альвеолярного согласного /t/. Помимо этого, включение слов с фонемой /d/ в указанной стыковой позиции в экспериментальный корпус представляется избыточным в связи с низкой частотностью /d/ в анализируемом типе стыка.

№	Аллофоны	Описание	
7	/ɾ^{v}/	approximant-like flap (lenited flap)	гласноподобный одноударный альвеолярный согласный (ослабленный флэп)
8	/ɾ̃/	nasal flap	назальный одноударный альвеолярный согласный
9	Ø	zero allophone	нулевой аллофон

Основными акустическими критериями, дифференцирующими аллофоны /t^{ɾ}/, /ɾ/ и /ɾ^{v}/, явились: для /t^{ɾ}/ – краткая длительность (55–58 мс), отсутствие ЧОТ и наличие фазы взрыва; для /ɾ/ – сверхкраткая длительность (21–25 мс), наличие (реже отсутствие) ЧОТ и отсутствие фазы взрыва; для /ɾ^{v}/ – минимальная длительность (менее 20 мс), наличие ЧОТ.

Частотность аллофонов

Данные о частотности альвеолярного смычного /t/ в стыковой позиции C#V, а также показатели стандартного отклонения (SD), коэффициента вариации (C_v) и *t*-тест Стьюдента, проведенный с целью проверки статистической значимости гендерной вариативности стыковой аллофонии, позволяют выявить определенную зависимость фонетического варьирования рассматриваемых единиц от влияния фактора гендера (см. табл. 2).

Таблица 2

Частотность аллофонов альвеолярного смычного /t/: среднее значение, стандартное отклонение (SD), коэффициент вариации (C_v) (в %)

Аллофоны	/t/	/t̚/	Ø	/V̰ʔ^{t}/	/t^{ɾ}/	/ɾ/	/ɾ̃/
Женщины							
Среднее значение	6,3	6,6	2,3	21,2	34,7	28,8	0,0
SD	3,6	7,2	3,4	5,4	7,3	8,0	0,0
C_v	56,5	108,6	149,5	25,3	21,0	28,0	0,0

Аллофоны	/t/	/t̚/	Ø	/V̰ ʔᵗ/	/tʳ/	/ɾ/	/ɾ̃/
Мужчины							
Среднее значение	5,5	4,7	10,2	12,4	20,2	36,7	10,1
SD	6,1	1,9	6,6	9,1	6,1	4,3	2,1
C_v	110,4	39,7	64,6	73,3	30,1	11,7	20,7
p-value (p<0,05)	0,8	0,6	**0,05**	0,1	**0,01**	0,1	**0,0004**

Одним из наиболее ярко выраженных различительных признаков оказывается отсутствие реализации (эллиптирование согласного) /Ø/ – 2,3 % (женская речь) *vs*. 10,2 % (мужская речь). Отсутствие реализации носового флэпа /ɾ̃/ является отличительной чертой женской речи, характерной для всех дикторов этой группы без исключения (0 %). Все дикторы-мужчины, напротив, реализуют /ɾ̃/ в стыковых позициях **nt**#V (*different idea, can't imagine, treatment might*), при этом коэффициент вариации данного признака составляет 20,7 %, что свидетельствует о средней степени его вариабельности в мужской речи.

Статистический анализ с применением *t*-критерия Стьюдента выявляет значимое гендерно-маркированное различие частотности аллофонов /Ø/ (p = 0,05) и /ɾ̃/ (p = 0,0004) в женской и мужской речи. Примеры фонетической реализации аллофонов /t/ в двух гендерных группах, представленные на рисунках 3 и 4, иллюстрируют данные различия. Как видно из рисунка 3, в сочетании *different idea* диктор-женщина реализует глухой одноударный альвеолярный согласный с кратким взрывом (аллофон /tʳ/): длительность фазы смычки составляет 21 мс, шумовой фазы – 25 мс. В мужской речи в данном контексте реализуется носовой флэп /ɾ̃/ длительностью 37 мс, при этом фаза взрыва отсутствует (см. рис. 4).

Различия по степени полноты артикуляции проявляются и в соотношении таких типов реализаций, как /tʳ/ и /ɾ/, которое имеет выраженную гендерную маркированность: внутригендерное соотношение аллофонов в женской речи составляет 1,2:1 (34,7 % и 28,8 %), в мужской речи – 0,6:1 (в два раза меньше) (20,2 % и 36,7 %). Сопоставление данных по частотности аллофонов /tʳ/ и /ɾ/ также свидетельствует о том, что дикторы-женщины используют аллофон /tɾ/ на 14 % чаще мужчин, в то время как мужчинами на 7,9 % чаще реализуется аллофон /ɾ/. Полученные данные подтверждают выводы других исследователей о меньшем использовании одноударных смычно-взрывных в своей речи дикторами-женщинами [Byrd 1993; Bauer 2005].

Внутригендерная вариативность имеет наименьший показатель коэффициента вариации по частотности использования аллофона /ɾ/ в мужской группе (C_v = 11,7 %), что является показателем большей по сравнению с женщинами однородности полученных данных в этой гендерной группе (ср. с C_v = 28,0 % в женской группе). Средняя вариативность (C_v = 21,0 %) аллофона /tɾ/ фиксируется в женской группе, при этом *t*-критерий Стьюдента указывает на статистически значимое различие между двумя гендерными группами по частотности использования в речи аллофона /tɾ/ (34,7 % vs. 20,2 %) (*p*=0,01).

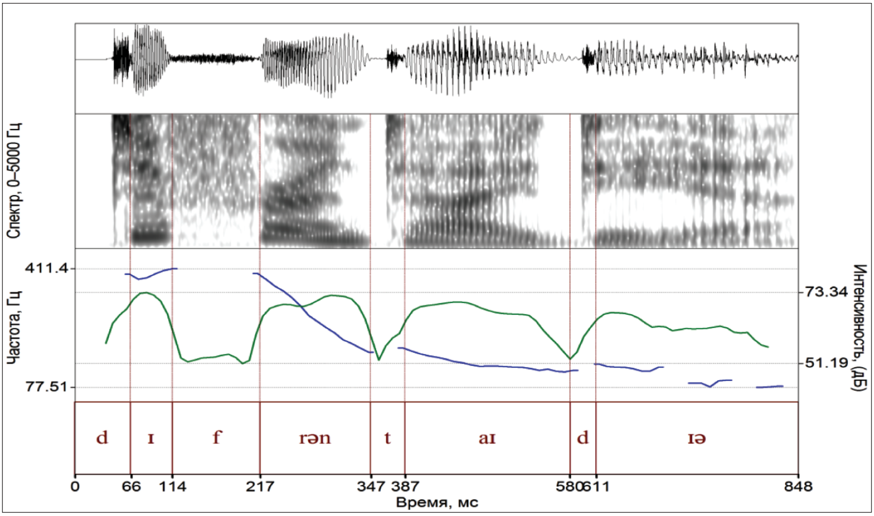

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма, изменения ЧОТ и интенсивности: ***different idea*** [ˋdɪfrəntɾ # aɪˌdɪə] (*Диктор F3*)[1]

Наличие / отсутствие глоттализации /t/ является еще одним показателем гендерных различий на акустическом уровне. Так, из

[1] Здесь и далее на рисунках зеленой линией обозначена кривая интенсивности, синей линией – кривая ЧОТ.

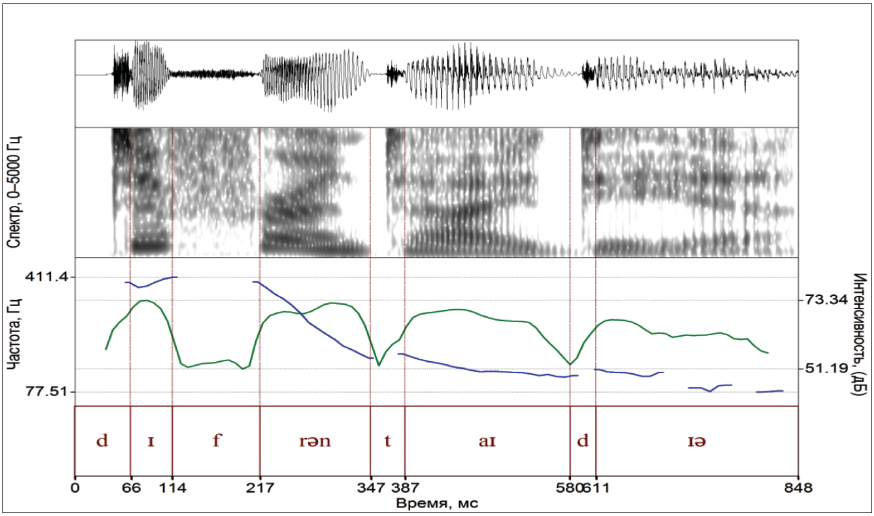

Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма, изменения ЧОТ и интенсивности: ***different idea*** [ˋdɪfrəɾ̃ # aɪˌdɪə] (***Диктор М1***)

полученных результатов (см. табл. 2) следует, что женщины чаще мужчин реализуют глоттализованный аллофон /V̰ʔ^{t}/ в своей речи: 21,2 % (женщины) *vs*. 9,1 % (мужчины). Однако это различие не является статистически значимым (p=0,1).

Данные акустического анализа коррелируют с результатами, полученными в ходе перцептивного анализа, а также ряда других исследований (см., например, [Byrd 1994]) и подтверждают тенденцию к более полной артикуляции стыковых аллофонов согласного /t/ в женской речи, характеризующейся преобладанием краткого одноударного альвеолярного согласного, реализованной со взрывом, а также глоттализованного смычного согласного. Дикторы-мужчины чаще реализуют канонический или гласноподобный одноударный согласный и назальный флэп в сочетании *nt*. Различия в частотности использования стыковых аллофонов в мужской и женской речи могут быть схематично представлены следующим образом:

Женщины	/t^{ɾ}/ > /ɾ/ > /V̰ʔ^{t}/ > /t̚/ > /t/ > Ø
Мужчины	/ɾ/ > /t^{ɾ}/ > /V̰ʔ^{t}/ > Ø > /ɾ̃/ > /t/ > /t̚/

Акустические характеристики аллофонов

1. Длительность

Наиболее частотный способ артикуляции в указанном типе стыка – одноударный согласный – в артикуляционном плане представлен кратковременным толчкообразным движением апикальной части языка, что на акустическом уровне выражается в виде короткого интервала смычки, сопровождаемого 3–6 вокальными периодами с ослабленной амплитудой и спадом интенсивности (аллофоны /ɾ/ и /ɾᵛ/). Многие исследователи сходятся во мнении, что в среднем длительность флэпов варьируется от 20 до 35 мс с допустимой погрешностью ±5 мс [Zue, Laferriere 1979; Byrd 1993, 1994; Bauer 2005]. Так как выбор границы в данном случае связан со значительной степенью условности, то, по мнению С. В. Кодзасова и О. Ф. Кривновой, правильнее говорить о наличии в сигнале некоторой пограничной зоны, нежели о границе в какой-то конкретной точке [Кодзасов, Кривнова 2001].

В ряде случаев возможно появление кратковременного искажения периодичности звукового сигнала, соответствующего очень короткому взрыву, длительность которого в нашем исследовании в среднем составляет 28 мс (аллофон /tʳ/), что позволяет выделить данные реализации в группу кратких смычно-взрывных аллофонов (*stop-like flaps*) (см. табл. 3).

Показатели коэффициента вариации (C_v) длительности аллофонов свидетельствуют об однородности совокупных значений аллофонов /V̰ʔᵗ/(/V̰ʔᵈ/), /tʳ/ (фаза смычки и фаза шума) и /ɾ/ как в группе женщин, так и в группе мужчин, что позволяет говорить о слабой / средней вариабельности средних значений длительности: от 6 % до 17 % (женщины) и от 9 % до 20 % (мужчины) (см. табл. 3).

Статистическая проверка с применением *t*-критерия Стьюдента выявляет значимое различие по длительности между двумя гендерными группами только в количественной реализации аллофона /ɾ/ (*p*=0,02). Наблюдаемая тенденция допускает наличие определенной зависимости темпоральных характеристик предстыковых аллофонов /t/ (по крайней мере, в реализации наиболее кратких и «слабых» аллофонов /ɾ/ и /ɾᵛ/) от гендерного влияния. При этом средние значения длительности /ɾ/ составляют 21 мс и 25 мс в женской и мужской группах соответственно, что свидетельствует о незначительном увеличении длительности рассматриваемого типа артикуляции в речи мужчин.

Таблица 3

Средние значения длительности аллофонов альвеолярного смычного /t/ (мс)

Аллофоны[1]	**/t/**		**/t̚/**	**/V̰ ʔᵗ/, /V̰ ʔᵈ/**	**/tʳ/**		**/ɾ/**	**/ɾ̃/ = Ø**
	фаза смычки	фаза шума	фаза смычки	фаза смычки	фаза смычки	фаза шума	фаза смычки	фаза смычки
Женщины								
Среднее значение	55	55	32	83	28	27	21	–
SD	27	24	31	11	5	2	1	–
C_v (%)	49	43	96	13	17	7	6	–
Мужчины								
Среднее значение	41	34	78	86	30	28	25	0
SD	24	20	38	7	6	4	3	0
C_v (%)	59	58	49	9	20	15	11	0
p-value ($p<0,05$)	0,41	0,16	0,07	0,72	0,65	0,86	**0,02**	

[1] Знак (-) обозначает отсутствие данных аллофонов в речи дикторов.

В ряде других исследований [Bauer 2005] также не было обнаружено статистически значимого влияния гендера на длительность указанных аллофонов /t/, несмотря на более низкий темп женской речи. Однако, как показывают данные М. Бауэра, в ходе анализа качественных характеристик флэпов в интервокальной позиции как внутри слова, так и на стыке слов выявляются определенные гендерные различия. Так, во фразах (1) *The examples were clearly* ***stated*** *in the paper* и (2) *The authors wondered whether to* ***state it*** *in the introduction* для мужчин характерна более слабая (*lenited*) артикуляция /t/ внутри слова ***stated*** по сравнению со стыковой позицией ***state it***. Для женской речи характерна стабильно более сильная артикуляция флэпов в обоих случаях [Bauer 2005].

2. Интенсивность

Результаты настоящего исследования подтверждают данные других исследователей о том, что длительность как количественный показатель оказывается недостаточным параметром для определения степени ослабления интервокального согласного, так как продолжительность артикуляции звука не является прямым коррелятом степени контакта артикулятора с местом образования. Важными, на наш взгляд, являются выводы исследователей о том, что артикуляционная длительность *flaps* и *non-flaps* не имеет значимого различия, поэтому нельзя говорить о прямой зависимости между артикуляционной длительностью и ее акустическим коррелятом [Fukaya, Byrd 2005].

В качестве наиболее информативного маркера ослабления (*lenition*) можно рассматривать показатель изменения *интенсивности* речевого сигнала по сравнению с соседними гласными. Глубина падения кривой интенсивности (*intensity dip*) определяет степень ослабления флэпа: больший спад интенсивности указывает на уменьшение воздушного потока за счет большего контакта активного артикулятора с альвеолами и, соответственно, меньшую степень артикуляционной редукции (см. рис. 5).

Полученные нами данные о спаде интенсивности звукового сигнала как прямом корреляте ослабления аллофонов подтверждаются результатами перцептивного исследования, проведенного Н. Ворнер и др. [Warner et al. 2009]. Авторами была проведена серия экспериментов по манипуляции параметрами длительности, интенсивности

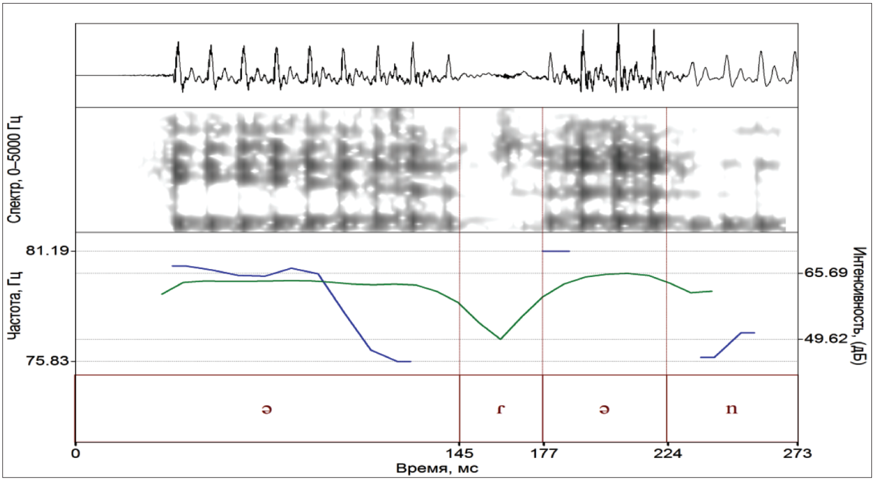

Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма, изменения ЧОТ и интенсивности: ***at*** # ***an*** [əɾ # ən] (*Диктор M1*)

и движения форманты F4 с целью изучения влияния изменений данных параметров на степень восприятия одноударных согласных в связной речи. В ходе исследования было обнаружено устойчивое влияние изменения степени интенсивности (наличие / отсутствие спада интенсивности) на перцепцию /t, d/ в интервокальной позиции, незначительный эффект влияния длительности и наименьшее влияние амплитуды F4. Таким образом, данные Н. Ворнер и др. указывают на то, что чем более выражен по длительности и глубине падения интенсивности звуковой сигнал, тем более «консонантным» воспринимается согласный. При этом даже очень краткий спад интенсивности достаточен для распознавания интервокальных /t, d/.

Результаты сопоставительного анализа показателей интенсивности в двух гендерных группах демонстрируют сходную тенденцию варьирования данного акустического параметра при произнесении аллофонов /t/ и /ɾ/ (см. табл. 4). Среднее значение уровня интенсивности звукового сигнала при артикуляции /ɾ/ составляет 67 и 68 дБ в женской и мужской группах соответственно. При артикуляции /t/ показатели интенсивности уменьшаются на 8–10 % до 60–63 дБ.

Таблица 4

Показатели интенсивности одноударных *vs*. смычно-взрывных альвеолярных согласных (дБ); разница между показателями (дБ и %); стандартное отклонение (SD) (дБ); коэффициент вариации (C_v) (%)

Женщины					Мужчины				
	/ɾ/	/t/	**Δ**	**Δ (%)**		/ɾ/	/t/	**Δ**	**Δ (%)**
Среднее значение	67	60	7	10,14	**Среднее значение**	68	63	5	8
SD	2,68	2,55			**SD**	6,42	7,16		
C_v (%)	4,0	4,25			**C_v (%)**	9,44	11,36		
p-value ($p<0,05$)	0,67	0,45							

Показатели стандартного отклонения (SD) и коэффициента вариации (C_v) показывают, что бóльшая внутригендерная вариативность интенсивности наблюдается в мужской речи: C_v составляет 9,44 % (для /ɾ/) и 11,36 % (для /t/). В женской речи C_v интенсивности – 4 и 4,25 % соответственно. Статистический анализ не выявил значимых различий показателей интенсивности реализации аллофонов в мужской и женской речи: для /ɾ/ $p = 0,67$, для /t/ – $p = 0,45$.

3. ЧОТ

Сопоставление средних значений ЧОТ гласных[1] и одноударного альвеолярного согласного /ɾ/, показателей стандартного отклонения и коэффициента вариации в мужской и женской реализациях позволяет выявить особенности внутри- и межгендерной вариативности рассматриваемого акустического параметра (см. табл. 5).

Как показывают полученные данные, ЧОТ одноударного /ɾ/ так же, как и ЧОТ гласных носит нерегулярный, вариативный характер, зависящий от целого ряда факторов как сегментного, так

[1] Средние значения ЧОТ гласных приводятся по работе Ю. В. Карташевской [Карташевская 2016].

и супрасегментного уровней. На низкую информативность показателей скорости изменения ЧОТ гласных указывают также и авторы исследования по сегментации немецкого речевого потока на фонетические слова на материале квазиомофонов [Потапова, Потапов 2012].

Таблица 5

Средние значения ЧОТ гласных и одноударного альвеолярного согласного /ɾ/ (Гц); стандартное отклонение (SD) (Гц) и коэффициент вариации (C_v) (%)

	Женщины				**Мужчины**		
	Ave	**SD**	**Cv (%)**		**Ave**	**SD**	**Cv (%)**
Гласные	230	20	8,8	Гласные	117	14	12,3
/ɾ/	204	9	4,4	/ɾ/	106	10	9,8
Δ (Гц)	26			Δ (Гц)	11		
Δ (%)				Δ (%)			

Сопоставление коэффициентов вариации ЧОТ одноударного /ɾ/ в двух гендерных группах указывает на существенную разницу показателей: C_v в мужской группе превышает данный показатель в женской группе более чем в два раза: 9,8 % и 4,4 % соответственно. Так, разница между максимальным 120 Гц (диктор M5) и минимальным 95 Гц (диктор M1) значениями в мужской группе составляет 4 пт, в женской группе разница между максимальным 217 Гц (диктор F5) и минимальным 194 Гц (диктор F1) показателями составляет 2 пт. Аналогичная тенденция обнаруживается и при сопоставлении значений ЧОТ гласных: в мужской группе разница составляет 5 пт (139 Гц (диктор M5) и 104 Гц (диктор M1)), в женской группе – 3 пт (247 Гц (диктор F2) и 212 Гц (диктор F4)).

Представляется, что бóльшая вариативность ЧОТ в мужской речи может быть вызвана как сугубо лингвистическими факторами (например, темпорально-мелодическими особенностями речи), так и биофизическими характеристиками мужского голоса, которые нельзя не учитывать при анализе вариативности данного акустического параметра.

Выводы

Проведенный акустический анализ аллофонического варьирования стыковой аллофонии с учетом влияния гендерного фактора позволяет сделать следующие выводы:

1) аллофоническая модификация смычно-взрывных альвеолярных согласных /t, d/ представляет собой градиентный характер, который находит отражение в количественно-качественных изменениях как смычной, так и шумовой фазы аллофонов согласных. Выявленные аллофоны предстыковых альвеолярных смычных /t, d/ могут быть представлены в виде континуума от неаспирированного смычного согласного, реализованного со взрывом, до гласноподобного одноударного альвеолярного согласного (ослабленного флэпа);

2) наиболее частотными аллофонами, реализованными как в мужской, так и женской речи, явились /tᶴ/, /ɾ/ и /V̰ʔt/, при этом женщинами чаще мужчин используется краткий глухой одноударный согласный, реализованный с кратким взрывом /tᶴ/, в речи мужчин преобладает более краткая одноударная реализация /ɾ/. Отличительной чертой мужской речи оказывается реализация носового флэпа /ɾ̃/ в позиции nt#V, полностью отсутствующая в женской речи, а также более частое по сравнению с женщинами эллиптирование согласного (Ø). Наличие / отсутствие глоттализации /t/ является еще одним показателем гендерных различий на акустическом уровне: женщины чаще мужчин реализуют глоттализованный аллофон /V̰ʔt/ в своей речи. Статистически значимые гендерные различия выявляются по частотности использования аллофонов /tᶴ/, /Ø/ и /ɾ̃/;

3) средние значения длительности наиболее частотных аллофонов составляют для /V̰ʔt/ 86 мс (мужчины) и 83 мс (женщины); для /tᶴ/ 58 мс (мужчины) и 55 мс (женщины); для /ɾ/ 25 мс (мужчины) и 21 мс (женщины). Показатели коэффициента вариации указывают на незначительную вариативность длительности данных аллофонов внутри гендерных групп. В ходе анализа количественных характеристик предстыковых аллофонов /t/ не обнаружено статистически значимого влияния гендерного фактора на длительность аллофонов, за исключением аллофона /ɾ/;

4) интенсивность является наиболее информативным маркером ослабления смычно-взрывной артикуляции. Степень артикуляционной редукции находится в непосредственной зависимости от

глубины падения кривой интенсивности: большее снижение интенсивности характерно для более полной смычно-взрывной артикуляции, менее выраженное артикуляционное движение сопровождается меньшим спадом интенсивности. Сопоставительный анализ показателей интенсивности при реализации аллофонов /t/ и /ɾ/ в женской и мужской речи выявляет схожие средние значения уровня интенсивности в обеих гендерных группах при артикуляции /ɾ/ (67 и 68 дБ), а также уменьшение показателей интенсивности при реализации /t/ на 8–10 %. Статистический анализ с учетом стандартного отклонения и коэффициента вариации указывает на бóльшую внутригендерную вариативность показателей интенсивности в мужской речи;

5) анализ межгендерной вариативности показателей разности средних значений ЧОТ гласных и ЧОТ одноударного /ɾ/ свидетельствует о более высоких значениях данного параметра в женской речи. Выявленная тенденция может рассматриваться в качестве акустического маркера, указывающего на меньшую степень артикуляционной редукции одноударного аллофона /ɾ/ в реализации дикторов-женщин. Статистический анализ межгендерной вариативности показателей ЧОТ с учетом коэффициента вариации свидетельствует о большей дисперсии значений ЧОТ в мужской группе. Наблюдаемая вариативность данного параметра в группе дикторов-мужчин является результатом влияния как сугубо лингвистических, так и биологического факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карташевская Ю. В. Результаты фонотактического анализа стыковых фонем в американском варианте английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 634. Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. С. 78–93.

Карташевская Ю. В. Гендерная вариативность гласных в американском варианте английского языка [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 1 (740). Фонетическая полифония звучащей речи. С. 102–124. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/Vest16-740z.pdf

Карташевская Ю. В. Гендер как маркер вариативности стыковой аллофонии (данные перцептивного анализа) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 10 (783). С. 109–127. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/10_783.pdf

Карташевская Ю. В. Влияние лексического и сегментного факторов на реализацию стыковой аллофонии в американском варианте английского языка (гендерный аспект) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 3 (792). С. 50–72. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/3_792.pdf

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М. : Изд-во РГГУ, 2001. 592 с.

Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М. : Языки славянских культур, 2012. 464 с.

Bauer M. Lenition of the Flap in American English // In Papers from NWAVE 32 / ed. Maciej Baranowski, Uri Horesh, Keelan Evans, and Giang Nguyen. University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2005. Vol. 10.2. P. 31–43.

Byrd D. 54,000 American Stops // UCLA Working Papers in Phonetics. 1993. V. 83. P. 97–116.

Byrd D. Relations of sex and dialect to reduction // Speech Communication. 1994. V. 15. P. 39–54.

Fukaya T., Byrd D. An Articulatory Examination of Word-final Flapping at Phrase Edges and Interiors // Journal of the International Phonetic Association. V. 35, № 1. 2005. P. 45–58.

Warner N., Fountain A., Tucker B.V. Cues to perception of reduced flaps // Journal of Acoustical Society of America. 2009. V. 125, № 5. P. 3317–3327.

Zue V. W., Laferriere M. Acoustic Study of medial /t, d/ in American English // Journal of Acoustical Society of America. 1979. V. 66, № 1. P. 1039–1050.

REFERENCES

Kartashevskaja Ju.V. Rezul’taty fonotakticheskogo analiza stykovyh fonem v amerikanskom variante anglijskogo jazyka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. Vyp. 634. Fonetika, fonologija i mezhkul’turnaja kommunikacija. S. 78–93.

Kartashevskaja Ju.V. Gendernaja variativnost’ glasnyh v amerikanskom variante anglijskogo jazyka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. Vyp. 1 (740). Foneticheskaja polifonija zvuchashhej rechi. S. 102-124. (Jazykoznanie). URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/Vest16-740z.pdf

Kartashevskaja Ju.V. Gender kak marker variativnosti stykovoj allofonii (dannye perceptivnogo analiza) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. Vyp. 10 (783). S. 109–127. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/10_783.pdf

Kartashevskaja Ju.V. Vlijanie leksicheskogo i segmentnogo faktorov na realizaciju stykovoj allofonii v amerikanskom variante anglijskogo jazyka (gendernyj aspekt) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 3 (792). S. 50–72. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/3_792.pdf

Kodzasov S.V., Krivnova O.F. Obshhaja fonetika. M. : Izd-vo RGGU, 2001. 592 s.

Potapova R.K., Potapov V.V. Rechevaja kommunikacija: Ot zvuka k vyskazyvaniju. M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012. 464 s.

Bauer M. Lenition of the Flap in American English // In Papers from NWAVE 32 / ed. M. Baranowski, U. Horesh, K. Evans, and G. Nguyen. University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2005. Vol. 10.2. P. 31–43.

Byrd D. 54,000 American Stops // UCLA Working Papers in Phonetics. 1993. V. 83. P. 97–116.

Byrd D. Relations of sex and dialect to reduction // Speech Communication. 1994. V. 15. P. 39–54.

Fukaya T., Byrd D. An Articulatory Examination of Word-final Flapping at Phrase Edges and Interiors // Journal of the International Phonetic Association. V. 35, № 1. 2005. P. 45–58.

Warner N., Fountain A., Tucker B.V. Cues to perception of reduced flaps // Journal of Acoustical Society of America. 2009. V. 125, № 5. P. 3317–3327.

Zue V. W., Laferriere M. Acoustic Study of medial /t, d/ in American English // Journal of Acoustical Society of America. 1979. V. 66, № 1. P. 1039–1050.

УДК 81'34, 811.111

Е. С. Кудинова

кандидат филологических наук,
заведующий каф. английского языка как второго ПФ МГЛУ;
e-mail: kudinova@yandex.ru

СОВМЕСТНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОСОДИЧЕСКИХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕЧИ
(на материале фильма-антиутопии «Страна слепых»)

Работа выполнена в русле исследований совместного функционирования просодических и невербальных средств в процессе коммуникации. Целью статьи является анализ взаимодействия просодических параметров и кинесических единиц, используемых актерами в художественном фильме-антиутопии «Страна слепых» 2006 г. выпуска, для проверки гипотезы Д. Болинджера об изохронности направления движения тона и жеста. Автором выявлена корреляция между направлением движения тона, движением жеста в синтагме на фоне изменений просодических показателей речи коммуникантов.

Ключевые слова: мультимодальная лингвистика; просодия; ЧОТ; интенсивность; невербальная коммуникация; жесты-иллюстраторы; кинематограф; антиутопия.

E. S. Kudinova

PhD (Philology), Head of the Department of English
as a Second Foreign Language, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: kudinova@yandex.ru

CORRELATION OF PROSODIC AND NONVERBAL FEATURES
(based on the dystopian film 'Land of the Blind')

The study explores the interrelationship between prosody and nonverbal behaviour in human communication. The paper aims to analyze prosodic features of the actors' speech and nonverbal cues in the dystopian film Land of the Blind (2006) in order to support or refute the earlier hypothesis by D. Bolinger that stated that pitch parallels gesture direction. The author found some correlation between directions of tone, pitch and gesture.

Key words: multimodal linguistics; prosody; fundamental frequency; intensity; nonverbal communication; illustrators; cinematography; dystopia.

Введение

Одним из центральных объектов изучения современной антропоцентрической лингвистики является невербальное поведение человека, в частности взаимодействие жеста и речи.

Изучение речежестового функционирования ведется в когнитивном, функциональном, эволюционном и мультимодальном направлениях.

Согласно когнитивным исследованиям, хотя вербальные и невербальные явления используют разные способы передачи значений, они являются частью единого коммуникативного процесса [Сухова 2004; McNeill 1994].

Данные трех- и четырехмерной сонографии указывают на то, что кинесические средства у плода начинают формироваться с 13 недель гестации [Kurjak 2013].

В рамках функционального направления анализируется функциональная нагрузка невербальных сигналов [Guerrero, Hecht 2008], исследуется их социальная вариативность и использование в коммуникации представителями разных социальных групп.

Ученые, занимающиеся прикладными направлениями невербалики, в частности, проводят исследования в рамках мультимодальной коммуникации [Кудинова 2016].

Мультимодальный подход

Актуальность мультимодального подхода к изучению общения заключается в том, что он учитывает значение трех взаимосвязанных модусов коммуникации: вербального, невербального и просодического. Изучение совместного функционирования языковых и невербальных средств, с точки зрения мультимодального направления языкознания, поможет получить целостное представление о реальной речевой коммуникации и установить модели, по которым она строится [Кудинова 2016].

Ученые отмечают, что речежестовая корреляция может реализовываться одновременно, либо комплементарно и аддитивно, когда каждый из модусов несет разную информационную нагрузку в зависимости от цели высказывания [Mendoza-Denton, Jannedy 2011].

Результаты исследований совместного функционирования речи и жеста указывают на то, что определенные кинесические средства, например, мануальные жесты, движения головой и миремы участвуют в сегментации речевого потока [Birdwhistell 1952].

Невербальные средства ритмически и темпорально коррелируют с высказыванием. Так, речежестовое взаимодействие начинается еще на этапе формирования цели высказывания. Реализация жеста коррелирует с началом и с концом речевого сегмента, а также с паузацией.

Пик, или удар, жеста совпадает с акцентной выделенностью слова, а стягивание – с концом синтагмы. Жестовая фраза соотносится по длительности с синтагмой [Birdwhistell, 1952; Bolinger, 1983; Guerrero, Hecht, 2008; Kendon, 2004; Loehr, 2004; McNeill, 1994; Сухова 2004; Кудинова 2016].

Гипотеза Д. Болинджера

Делая вывод о взаимосвязи между просодическими и кинесическими средствами в процессе коммуникации, Д. Болинджер выявил изохронную корреляцию между траекторией жеста и направлением движения голосового тона [Bolinger 1983]. Так, во фразе тоны и жесты двигаются параллельно: повышение тона коррелирует с восходящим направлением жеста и с нарастанием эмоционального напряжения, а понижение – с нисходящим и с уменьшением напряжения. Согласно Д. Болинджеру наиболее очевидна конгруэнтность движения терминального тона и движения головы. Исключение составляют случаи реализации восходяще-нисходящего тона. Результаты экспериментов других лингвистов [Loehr 2004] опровергают гипотезу Д. Болинджера, подтверждая, что корреляция существует, но носит более сложный характер.

Экспериментальное исследование

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы проверить утверждение Д. Болинджера и выявить особенности речежестового взаимодействия на примере подготовленной актерской речи.

Гипотеза работы заключается в том, что существует определенная корреляция между направлением движения тона, движением жеста в синтагме, которые сопровождаются изменениями просодических показателей речи коммуникантов.

Целью данной статьи является анализ взаимодействия просодии и кинесических характеристик персонажей в художественном фильме-антиутопии «Страна слепых», вышедшем на экраны в 2006 г.

Как известно, авторы антиутопического жанра описывают подавление свободы личности, ужасающие последствия экологических катастроф, разрушительных войн и тиранию тоталитарного общества. Политическая сатира «Страна слепых» представляет собой собирательный образ диктаторов и террористических организаций XX в. [Кудинова 2016].

В ходе эксперимента были проведены следующие методы исследования: лингвистический, комплексный перцептивный, электроакустический, статистический, сопоставительный.

Длительность широкого корпуса звучащего материала составила 1 час 42 минуты 4 секунды (6125 секунд), а узкого – 5 минут 1 секунду (301 секунду).

Материал исследования для комплексного перцептивного и электроакустического видов анализа составили репрезентативные фразы (далее – РФ). Их общее число – 100 фраз.

Количество информантов – три человека. Были отобраны РФ, произнесенные информантами-мужчинами, в речи которых представлен британский произносительный стандарт.

Визуальный анализ имел целью выявить и описать особенности реализуемых актерами кинесических средств при произнесении РФ. Для проведения данного вида анализа мы использовали кроссплатформенную программу VLC media player (версия 3.0.6). Фиксация кинесических средств в РФ была проведена с помощью функции замедленного воспроизведения кадра. В ходе аудиторского анализа мы выполняли интонационную разметку каждой РФ.

Проведение электроакустического эксперимента включало в себя определение показателей частоты основного тона и интенсивности звукового сигнала при произнесении актерами РФ при помощи программы для анализа речи «Praat» (версия 6.0.36).

Понятийный аппарат

Согласно узкому толкованию понятия «невербальная коммуникация», мы определяем ее как взаимосвязанное единство кинесических и проксемных характеристик, используемых говорящими в процессе коммуникации. К кинесическим средствам мы относим жесты, мимические выражения, миремы (направление взгляда, визуальный контакт и т. д.), позы, походку, а к проксемным – расстояние между участниками коммуникации. Термин «невербальные характеристики речи» мы определяем как функционально-прагматические особенности реализации кинесических средств в процессе коммуникации» [Кудинова 2016, с. 21].

Жесты – коммуникативно значимые движения тела, включающие в себя мануальные жесты, движения головы, шеи, плеч и ног.

В зависимости от амплитуды и длительности реализации мы выделяем макрожесты с максимальной амплитудой исполнения, длящиеся в среднем от ½ сек до 4 сек; жесты средней продолжительности (1/15 сек – ½ сек; и микрожесты (от 1/15 до 1/25 сек) [Кудинова 2016].

Среди классификаций жестов, основывающихся на их коммуникативной нагрузке и полифункциональности, выделим следующие классификации: семантические, морфологические, функциональные [Кудинова 2016].

Наиболее корректной считаем функциональную классификацию, разработанную П. Экманом и У. Фризеном, психологами Калифорнийского университета в Сан-Франциско [Ekman, Friesen 1969]. Так, жесты включают в себя эмблемы, иллюстраторы, регуляторы, аффективы и адапторы.

К эмблемам (emblems) относятся кинесические сигналы, которые имеют закрепленные в сознании представителей социума вербальные эквиваленты и могут замещать речь в процессе коммуникации.

Иллюстративные жесты (illustrators) – кинесические средства, усиливающие и дополняющие смысл речевого высказывания.

Регуляторы (regulators) – жесты, коррелирующие с мелодикой и с сегментацией фразы и регламентирующие процесс общения (listener responses, floor holders, turn seekers).

Аффективы (affect displays) – кинесические сигналы, выражающие эмоциональное состояние участника коммуникации.

Адапторы (adaptors) – прикосновения к собственному телу (self-adaptors), к предметам, манипулирование предметами в ходе беседы [Ekman, Friesen 1969; Кудинова 2016].

Изучение морфологии кинесических средств включает в себя анализ жестовых манифестаций с учетом их траектории, плоскости реализации (фронтальная, латеральная, саггитальная плоскость, под углом), конфигурации (рука прямая или согнутая, открытые или закрытые ладони и т. д.), интенсивности, амплитуды и характера исполнения (однообразные жесты, резкие и хаотичные движения) [Kendon, 2004; Knapp, Hall, Horgan, 2013].

Результаты экспериментального исследования

Данные, полученные в ходе эксперимента, позволяют сделать следующие выводы.

1. Доминирующим тоном в исследуемых репрезентативных фразах является нисходящий, который сопровождается также нисходящим жестом-иллюстратором (67 % от общего числа речежестовых реализаций). Нисходящие жесты представлены кинесическими средствами (далее – КС) «движение головы» и мимическими жестами.

Относительно высокой частотностью реализации обладают следующие комбинации: нисходящий тон, сопровождаемый восходящим жестом-иллюстратором, и нисходящий тон, сопровождаемый латеральным жестом-иллюстратором (16 % и 16 %, соответственно). Наиболее частотные КС представлены движением головы, мимическими и мануальными жестами.

2. Вторым по частотности употребления в синтагме является восходящий тон, сопровождаемый иллюстратором. Наиболее частотные комбинации представлены восходящим тоном и направлением движения жеста по восходящей траектории, восходящим тоном и нисходящим жестом, а также восходящим тоном и латеральным жестом. Наиболее частотными КС оказались *движение головы, мимические* и *мануальные жесты*.

3. Ровные тоны сопровождались нисходящими жестами-иллюстраторами, в основном, мануальными жестами, на фоне понижения средних показателей ЧОТ и ИЗС.

4. Восходящие тоны в комбинаторике с нисходящим направлением жеста реализовывались на фоне понижения средних показателей ЧОТ и ИЗС. При этом наблюдалось увеличение средних показателей ЧОТ и ИЗС при реализации восходящих тонов, сопровождаемых восходящим движением. Наиболее частотными оказались КС «движение головы».

5. Нисходяще-восходящие тоны, в основном, реализовывались в комбинаторике с нисходящими жестами-иллюстраторами (50 %). Второй по частотности реализации была комбинация нисходяще-восходящий тон, сопровождаемый восходящим движением (38 %). Остальные случаи реализации представлены комбинацией нисходяще-восходящий тон, сопровождаемый латеральными жестами-связками, в частности мануальными жестами в сочетании с КС «движение головы».

6. На просодическом уровне анализ корреляции между направлением тона, жеста и изменением просодических показателей выявил

следующее. Так, у первого информанта реализация нисходящего терминального тона в синтагмах в комбинаторике с нисходящим направлением жеста сопровождалась увеличением частотных характеристик речи и составило 133 Гц по сравнению со средними показателями речи информанта (115 Гц). У второго информанта частотные характеристики речи оказались устойчивыми. При этом у третьего информанта на просодическом уровне реализация данной модели речежестового взаимодействия сопровождалась, наоборот, понижением частотных характеристик речи (86 Гц при средних показателях ЧОТ 123 Гц).

Отметим понижение средних показателей ЧОТ в речи второго и третьего информантов при реализации нисходящих тонов, сопровождаемых латеральными жестам. Так, в речи второго и третьего информантов средние показали ЧОТ составляют 118 Гц и 123 Гц, а при реализации данной модели средние значения ЧОТ составляют 128 Гц и 181 Гц, соответственно. У первого информанта наблюдается противоположная тенденция: средние показатели ЧОТ понижаются и составляют 105 Гц (ЧОТ сред. = 115 Гц).

Выводы

Итак, наибольшую частотность реализации в нашем материале продемонстрировали следующие модели:

- Модель «Нисходящий тон, сопровождаемый нисходящим КС «движение головы» и «мимика». Данная модель превалирует и несет наибольшую информативную нагрузку.
- Модель «Восходящий тон, сопровождаемый восходящим КС «движение головы», «мимика» и «мануальные жесты».
- Модель «Восходящий тон, сопровождаемый нисходящим КС «движение головы», «мимика» и «мануальные жесты».
- Модель «Ровный тон, сопровождаемый нисходящим мануальным жестом».
- Модель «Нисходяще-восходящий тон, сопровождаемый нисходящим КС жестовая связка «движение головы» + мануальный жест».
- Модель «Нисходяще-восходящий тон, сопровождаемый восходящим КС «движение головы» + мануальный жест».
- Модель «Нисходяще-восходящий тон, сопровождаемый латеральным КС «движение головы» + мануальный жест».

Результаты исследования свидетельствуют о корреляции между движением тона и жеста и изменениями на просодическом уровне на материале британской подготовленной речи. Выявленные модели рече-жестового взаимодействия обусловлены коммуникативной интенцией актеров с целью создания определенного драматического эффекта и их эстетической интерпретацией образов персонажей. Результаты исследования опровергают гипотезу Д. Болинджера об изохронности движения тона и направления движения жеста и указывают на то, что совместное функционирование просодии и невербальных характеристик актерской речи зависит от комплекса факторов, таких как жанр картины, психофизиологические и социальные особенности изображаемого психотипа, разыгрываемая коммуникативная ситуация, прагматическая обусловленность жестовых манифестаций и логика поведения персонажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кудинова Е. С. Просодические и невербальные характеристики речи в синхронии и диахронии (на материале британских художественных фильмов) : дис. … канд. филол. наук. М., 2016. 193 с.

Сухова Н. В. Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи (на материале английских документальных фильмов) : дис. … канд. филол. наук. М., 2004. 166 с.

Birdwhistell R. L. Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture. University of Michigan Library, 1952. 88 p.

Bolinger D. Intonation and gesture. American Speech, 1983. P. 156–174.

Ekman P., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding. The Hague, 1969. P. 49–98.

Feyereisen P. Brain pathology, lateralization, and nonverbal behavior. Cambridge University Press and Maison des Sciences de l'Homme, 1991. P. 31–70.

Guerrero L. K., Hecht M. L. The Nonverbal Communication Reader: Classic and Contemporary Readings. Waveland Press, 2008. 544 p.

Kendon A. Gesture: Visible action as utterance. Cambridge, 2004. 412 p.

Knapp M. L., Hall J. A., Horgan T. G. Nonverbal Communication in Human Interaction. Cengage Learning, 2013. 528 p.

Kurjak A., et al. The potential of 4D sonography in the assessment of fetal neurobehavior – multicentric study in high-risk. De Gruyter, 2010. P. 77–82.

Loehr D. P. Gesture and intonation. Doctoral dissertation. Georgetown University, 2004. 214 p.

McNeill D., et al. Communicative effects of speech-mismatched gestures // Research on Language and Social Interaction. 1994. Vol. 27. P. 223–237.

Mendoza-Denton N. C., Jannedy S. Semiotic layering through gesture and intonation: a case study of complementary and supplementary multimodality in political speech. Journal of English Linguistics, 2011. P. 265–299.

Rimé B., Schiaratura L. Gesture and speech // Fundamentals of nonverbal behavior. New York: Cambridge University Press, 1991. P. 239–281.

Riseborough M. G. Meaning in movement: An investigation into the interrelationship pf physiographic gestures and speech in seven-year-olds. British Journal of Psychology, 73, 1982. P. 497–503.

REFERENCES

Kudinova E. S. Prosodicheskie i neverbal'nye harakteristiki rechi v sinhronii i diahronii (na materiale britanskih hudozhestvennyh fil'mov) : dis. … kand. filol. nauk. M., 2016. 193 s.

Suhova N. V. Vzaimodejstvie prosodii i neverbal'nyh sredstv v monologicheskoj rechi (na materiale anglijskih dokumental'nyh fil'mov) : dis. … kand. filol. nauk. M., 2004. 166 s.

Birdwhistell R. L. Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture. University of Michigan Library, 1952. 88 p.

Bolinger D. Intonation and gesture // American Speech. 1983. P. 156–174.

Ekman P., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding. The Hague, 1969. P. 49–98.

Feyereisen P. Brain pathology, lateralization, and nonverbal behavior. Cambridge University Press and Maison des Sciences de l'Homme, 1991. P. 31–70.

Guerrero L. K., Hecht M. L. The Nonverbal Communication Reader: Classic and Contemporary Readings. Waveland Press, 2008. 544 p.

Kendon A. Gesture: Visible action as utterance. Cambridge, 2004. 412 p.

Knapp M. L., Hall J. A., Horgan T. G. Nonverbal Communication in Human Interaction. Cengage Learning, 2013. 528 p.

Kurjak A., et al. The potential of 4D sonography in the assessment of fetal neurobehavior – multicentric study in high-risk. De Gruyter, 2010. P. 77–82.

Loehr D. P. Gesture and intonation. Doctoral dissertation. Georgetown University, 2004. 214 p.

McNeill D., et al. Communicative effects of speech-mismatched gestures. Research on Language and Social Interaction. 1994. Vol. 27. P. 223–237.

Mendoza-Denton N. C., Jannedy S. Semiotic layering through gesture and intonation: a case study of complementary and supplementary multimodality in political speech. Journal of English Linguistics, 2011. P. 265–299.

Rimé B., Schiaratura L. Gesture and speech // Fundamentals of nonverbal behavior. New York : Cambridge University Press, 1991. P. 239–281.

Riseborough M. G. Meaning in movement: An investigation into the interrelationship pf physiographic gestures and speech in seven-year-olds. British Journal of Psychology. 1982. Vol. 73. P. 497–503.

УДК 81'34

К. С. Куликова

кандидат филологических наук, доцент каф. фонетики
английского языка факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: xenia_kulikova@inbox.ru

ВОСПРИЯТИЕ ЗАМЕНЫ ЗВУКА И ИСКАЖЕННОГО СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ СТУДЕНТАМИ-АНГЛОФОНАМИ В БРИТАНСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Произносительный аспект является неотъемлемой частью устной речи, и, соответственно, межкультурной коммуникации. Артикуляционные компоненты речи обладают различными функциями, определяющими смысл высказывания, а также во многом идентифицируют грамматические структуры. Немаловажным является то, что овладение этими компонентами включает в себя как умение верно произносить, так и верно распознавать звуки; в ином случае понимание и, как следствие, полноценное общение являются затрудненными или невозможными.

В рамках данного исследования был проведен эксперимент на базе литературной орфоэпической нормы Великобритании (BBC English). Участникам эксперимента, сорока студентам-англофонам, окончившим первый курс лингвистических факультетов московских вузов, для прослушивания были предложены связные тексты британского варианта английского языка, содержащие особым образом сконструированные фразы – неверная артикуляция гласного звука в некоторых словах (рассчитанная на самые частотные ошибки, совершаемые изучающими английский язык) приводила не к искажению звука, а к замене его на другой (например, замена долгого гласного кратким или звонкого согласного его глухим коррелятом), в результате чего пары слов различались по смыслу. Тексты были начитаны шестью носителями языка, тремя женщинами и тремя мужчинами в возрасте 35–40 лет, получившими высшее образование в ведущих университетах Великобритании. Речь всех шести из них путем фонетического и перцептивного анализа была классифицирована как орфоэпическая норма Великобритании (BBC English).

Первый этап эксперимента предполагал определение смысла высказывания, на втором этапе студенты-англофоны должны были проанализировать допущенные ошибки в артикуляции и дать фонологический комментарий. Следует отметить, что студенты-англофоны, задействованные в исследовании, имели теоретические знания об артикуляционных особенностях английской речи и обладали практическими навыками правильной артикуляции гласных и согласных звуков.

Проведенный эксперимент позволил установить, что студенты-англофоны не всегда способны идентифицировать ошибку в произношении, состоящую в замене одного звука на другой, и, как следствие, определить верный смысл высказывания даже после нескольких прослушиваний предложенных текстов и даже при имеющейся опоре на контекст (следует отметить, что контекст в данных случаях для чистоты эксперимента был минимальным). Это еще раз подчеркивает необходимость

детального теоретического изучения и всесторонней проработки студентами-англофонами правильной артикуляции гласных и согласных звуков изучаемого языка как в изоляции, так и в потоке речи, а также необходимость развития у студентов внимательности и способностей к самоконтролю.

Ключевые слова: фонология; артикуляция; вокализм; консонантизм; англофоны; смысл высказывания; BBC English; коммуникация.

Ks. S. Kulikova

Ph.D., Associate Professor at the Department of English phonetics,
Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: xenia_kulikova@inbox.ru

PERCEPTION OF SOUND REPLACEMENT AND OF DISTORTED MEANING OF THE UTTERANCE IN BRITISH SPEECH BY ANGLOPHONE STUDENTS

The articulatory aspect is an integral part of oral speech, and, therefore, of intercultural communication. Articulatory components of speech have different functions that determine the meaning of the utterance, and in many ways identify grammatical structures. The fact that mastery of these components includes both the ability to correctly pronounce and correctly recognize sounds is of great importance here; otherwise, understanding and, as a consequence, wholesome communication are difficult or impossible.

In the framework of this study, an experiment was conducted based on the literary orthoepic norm of Great Britain (BBC English). The participants, 40 English-speaking students who completed their first year of the linguistic faculties of Moscow universities, were given coherent oral communicative texts for listening; these texts contained specially designed phrases – incorrect articulation in some words (based on the most frequent errors committed by language students) led not to distortion of sound but rather to it being replaced by another (for example, a short vowel instead of a long one, or a voiced consonant replaced by its voiceless counterpart); as a result, the pairs of words differed in meaning. The texts were read by six native speakers, three women and three men aged 35-40 who received higher education in leading universities in the UK. The speech of all the six was classified (based on phonetic and perceptual analysis) as the British orthoepic norm (BBC English).

The first stage of the experiment was to define of the meaning of the utterance; at the second stage the anglophone students had to analyze the errors committed in the articulation and give phonological commentary. It should be noted that the anglophone students involved in the experiment had theoretical knowledge of the articulatory features of English speech and had practical skills in correctly pronouncing vowels and consonants.

The experiment made it possible to establish that anglophone students are not always able to identify the error in pronunciation (that consists in replacing one sound by another) and, as a consequence, to determine the correct meaning of the statement even after listening to the given texts several times and even with the available contextual support (it should be noted that the context in these cases was made minimal for the purity of the experiment). This once again points out the need for anglophone students to make detailed and comprehensive theoretical study and practice of the correct articulation of the English vowels and consonants both in isolation and in the flow of speech, and also to develop attentiveness and abilities to self-control.

Key words: phonology; articulation; vocalism; consonantism; anglophones; meaning of the utterance; BBC English; communication.

1. Введение

Необходимость овладения универсальным языком как средством международного общения на данном этапе глобализации несомненна. В связи с этим следует обозначить такой немаловажный как для профессионалов, так и для начинающих вопрос, как качественный уровень владения этим инструментом международной коммуникации. Разумеется, к подобному уровню может привести исключительно глубокое и всестороннее изучение языка, которое наряду с грамматическим, лексическим, стилистическим и культурологическим аспектами (безусловно, крайне важными) непременно предполагает тщательный анализ его фонологического аспекта [Crystal, Davy 1975; Deese 1984; Baddeley 1997; Schreier 2005; Argyle 2009; Bellenger 2009].

С точки зрения непосредственно английского языка проблема стоит особенно остро – именно его фонологическая система является самой гибкой, открытой для инноваций и подверженной самым разнообразным изменениям как на артикуляторном, так и на просодическом уровне. Это делает данную область современного lingua franca[1] трудоемкой для постижения – любой, кто изучает английский язык, должен усвоить совершенно новую систему звуков с ее сложными сочетаниями, связями и непривычной интонацией. Речевые органы привыкли работать определенным образом, и, игнорируя фонетический аспект, человек переносит звуки родного языка на иностранный; как следствие, искажается основной и необходимый элемент речи, что существенно затрудняет собеседнику понимание и нередко способно привести не только к межличностым конфликтам, но даже к этническим

[1] Согласно специализированным источникам, для более чем 80% говорящих на английском жителей мира, данный язык не является родным [Pike 1967; Crystal 1997; Crystal 2008].

конфронтациям [Goldman-Eisler 1968; Fawcett 1980; Downes 1998; Coulmas 2004].

В первую очередь необходимо отметить, что при изучении характерных особенностей вокалической и консонантической систем английского языка студенты зачастую недостаточно усердны – для того чтобы откорректировать свой фонетический ряд и добиться правильной артикуляции звуков как в изоляции, так и в сочетании, необходимо прилагать значительные усилия. Кроме того, именно последовательность звуковых единиц в первую очередь передает мысльх – неверное восприятие звука и неспособность точно и свободно его артикулировать затрудняют общение и в отдельных случаях делают его невозможным. В родном языке говорящего звуковая и смысловая сторона составляют единство в силу генетических предпосылок и речевых привычек, тогда как в иностранном языке эти составляющие должны стать единством. Добиться этого можно благодаря тренировкам, а именно – постоянному прослушиванию правильных звуков, пониманию их физиологии, анализу фонетического контекста и многократным попыткам артикулировать звуки и их сочетания.

Следует особо остановиться на том, что изучением фонологической стороны языка необходимо заниматься на начальном этапе формирования языковых навыков, поскольку со временем способность к овладению артикуляцией значительно ослабевает. Наконец, работа над произношением требует и физических усилий, поскольку говорящий должен приучать мышцы к абсолютно непривычным для них движениям и находиться в ситуации постоянного самоконтроля. Разговаривая на родном языке, человек применяет мышечное усилие в 19 % случаев, тогда как в процессе говорения на иностранном языке челюстно-лицевая мускулатура задействована в 89 % случаев. Таким образом, при артикуляции английских звуков следует задействовать все группы мышц лица и активней ими работать [Miller, Grosjean & Lomanto 1984; Knowles 1987; Laver 1994; Rogers 2012].

В качестве еще одного примера можно привести следующее: вокалическая система русского языка включает всего шесть гласных звуков, тогда как в британском варианте английского языка имеется двадцать гласных разной природы; соответственно, русскоговорящему следует научиться придавать ротовому резонатору непривычные форму и объем для того, чтобы звук был соответствующего тембра и качества.

Отсюда следует вывод, о котором необходимо постоянно помнить: ни один из звуков русского языка не тождествен ни одному из звуков языка английского. Следует отметить, что это главная причина, по которой следует пресекать попытки студентов записывать иностранные слова русскими буквами, поскольку это означает заведомую ошибку и программирование себя на чужеродное звучание. В качестве аргумента можно привести следующее: русский алфавит в принципе не содержит никаких знаков, способных передать, к примеру, звучание английских зубных щелевых глухих согласных /θ/ и /ð/, а встречаются эти звуки в английской речи повсеместно – в определенном артикле *the*, в указательных местоимениях *this*, *that*, *there*, заодно являющихся неотъемлемой частью формальных грамматических структур, а также в общеупотребительных словах *mother*, *father*, *health*, *breath*, *weather* и т. д.; замена этих звуков на русские щелевые /з/ или /с/, а также на английские /z/ или /s/, /d/ или /t/ или /v/ или /f/ недопустима.

Однако к искажению смысла высказывания часто может привести не только неверная артикуляция гласного или согласного звука – во многих случаях в силу того, что иностранный язык становится привычным далеко не сразу, студенты в речи производят замену одного звука на другой, произнесенный правильно, однако отличающийся от необходимого по ряду признаков. Как правило, это происходит вследствие интерференции – характеристики искомого звука, необходимые для его правильной артикуляции, по аналогии заменяются на принятые в родном языке говорящего; главным способом избежать подобных ошибок являются концентрация внимания и непрерывный самоконтроль.

Как уже было сказано, в британском варианте английского языка имеется 20 гласных звуков. Все шесть русских гласных краткие, английские же гласные противопоставлены друг другу по краткости и долготе (как одна из черт). Долгота в английском языке является постоянным свойством конкретного звука (хоть и подвержена, например, позиционной вариабельности) и не только придает словам «аутентичный колорит», согласно эмоциональной оценке обучающихся; главной чертой долготы английских гласных является ее смыслоразличительная функция[1]. Например, замена краткого звука долгим

[1] Разумеется, например, в паре слов *peel – pill* меняются также характеристики бокового сонорного аппроксиманта /l/, однако для русскоговорящих основной перцептивной «меткой» в данном случае служит все же долгота гласного звука.

во фразе *I would like to live here* – «Я бы хотел здесь жить» меняет ее смысл на прямо противоположный: *I would like to leave here* – «Я бы хотел покинуть это место». Аналогичный случай можно наблюдать с другой парой английских звуков – долгий /a:/ и краткий /ʌ/. Несоблюдение качества гласного в данном контексте приведет к тому, что одна булочка *bun* /bʌn/превратится в целый амбар *barn* /ba:n/.

Свойства согласных звуков, в некотором роде схожие в родном и иностранном языке, также являются важным фактором, которым ни в коей мере нельзя пренебрегать. Одной из главных черт английского консонантизма (также, как и соответствующей системы русскоязычной речи) является противопоставление согласных по глухости/звонкости. Итак, звуки обеих категорий представлены как в русском, так и в английском языках, однако между ними имеется существенное различие – русские глухие согласные являются слабыми, в то время как звонкие произносятся с усилением артикуляции; в английском же языке наблюдается противоположная ситуация – глухие согласные сильные и четкие, а звонкие произносятся слабо. В частности, студенты-англофоны при произнесении односложных слов со звонким согласным одновременно в начальной и конечной позиции, например, *did*, *good*, *beg*, *bad* и т. д., характеризуют слова как «нежные», а при произнесении односложных слов с глухим согласным одновременно в начальной и конечной позиции, например: *pick*, *cat*, *sit*, *tap* и т. д., характеризуют слова как *резкие*.

Следует отметить, что применение в процессе обучения эмоциональных оценок, которые могут быть как качественного, так и сравнительного плана, существенно облегчают обучающимся усвоение соответствующих звуков и, в частности, гласных [Веренинова 2012]; разумеется, данные характеристики звуков носят субъективный характер и приводятся для более яркого, более «объемного» представления гласного; также очевидно, что представление о том или ином звуке у разных людей различно, и порой бывает трудно принять тот «образ», который рисует преподаватель. В этом случае у студентов, как правило, возникают собственные ассоциации, которые будут способствовать адекватной передаче тембра английских гласных. При введении согласных особое внимание уделяется правильному нахождению места образования преграды, которое у английских согласных четкое, вполне фиксированное, хорошо осязаемое и легко контролируемое, однако эмоциональные характеристики и в данном случае являются большим подспорьем.

Непосредственно артикуляционные характеристики звуков при восприятии устной речи студентами-англофонами интегрируются с грамматико-информационной структурой высказывания. В результате правильное речевосприятие требует от студентов-англофонов тщательной проработки комплексного материала, как лексического, так и грамматического, а также развитого музыкального слуха и физических и личностных (усидчивость и внимание) навыков [Lieberman 1969; Halliday, Mattiessen 1999; Bybee 2002].

2. Методология

Для определения способности студентов-англофонов к соотнесению как непосредственно теоретической фонетической, так и лексической информации для правильной интерпретации смысла, заложенного в услышанных высказываниях, был проведен двухэтапный эксперимент на материале литературной произносительной нормы Великобритании (BBC English). Для прослушивания участникам эксперимента, сорока студентам-англофонам обоих полов (в равном соотношении), окончившим первый курс лингвистических факультетов московских вузов (изучающим английский язык в качестве первого иностранного) было предложено 20 небольших текстов британского варианта английского языка. Тексты, специально «сконструированные» автором исследования, являлись логически связными и содержали особым образом смоделированные фразы – неверная артикуляция гласного звука в некоторых словах (рассчитанная на самые частотные ошибки, совершаемые изучающими английский язык) приводила не к искажению звука, а к его замене (например, замена долгого гласного на краткий или замена звонкого согласного на глухой). В результате этого с фонетической точки зрения были верно произнесены значимые слова, которые, однако, имели другой смысл и выбивались из данного контекста. Всего прослушанные отрывки содержали 80 ключевых выражений.

В качестве дикторов были привлечены шесть носителей языка, трое мужчин и три женщины в возрасте 35–40 лет, получившие высшее образование в ведущих британских университетах. Все шестеро дикторов являются жителями Лондона и заняты в научной сфере. Определение критериев принадлежности речи говорящих к британской орфоэпической норме было основано на перцептивном анализе, проведенном автором данного исследования в соответствии с классификацией, указанной в специализированной фонетической литературе [Fabricius 2000; Wells 2008].

Выборка проводилась с помощью программного обеспечения для профессионального редактирования звукозаписей Adobe Audition; незначительные фоновые шумы были отфильтрованы лишь частично – в первую очередь, интерес для исследования представляло только конкретное смысловое содержание высказываний, однако общее звучание речи выполняло в данном эксперименте роль среды для передачи и восприятия информации. По этой же причине гендерный фактор не рассматривался как релевантный. Студентам-англофонам была предоставлена возможность прослушать предложенные отрывки по нескольку раз в аналогичных условиях, оптимальных для восприятия.

Статистическая обработка полученного материала производилась при помощи программного пакета Statistica (StatSoft, Россия).

На первом этапе студентам-англофонам предлагалось записать услышанные тексты и идентифицировать смысл высказывания. Второй этап заключался в том, что студенты-англофоны должны были проанализировать допущенные ошибки в артикуляции и дать собственный фонологический комментарий. Впоследствии участники эксперимента были разделены на две группы с сохранением гендерного баланса.

3. Результаты и дискуссия

При проведении эксперимента учитывались два основополагающих факта. *Первое*: все задействованные в исследовании студенты-англофоны изучали дисциплину «фонетика английского языка» (по соответствующим программам факультетов) и имели по этой дисциплине отличные оценки. Следовательно, дикторы обладали определенным (хотя и несколько различающимся) набором теоретических знаний о свойствах и артикуляции английских гласных и согласных, а также выработали комплекс индивидуальных практических навыков правильного произнесения данных групп звуков. *Второе*: контекст, в который были помещены ключевые слова, во всех случаях для чистоты эксперимента был минимальным, чтобы в наибольшей степени исключить опору на него и позволить участникам исследования максимально сосредоточиться на непосредственном фонетическом облике слова как ключевом аспекте передачи смысла высказывания в данной ситуации.

Результаты исследования представляются весьма интересными прежде всего с позиции взаимосвязи фонологической (правила артикуляции) и лексической (контекст) составляющей в процессе идентификации смысла высказывания. Первый этап эксперимента позволил установить, что студенты-англофоны практически не идентифицируют ошибки в произношении, состоящие в замене одного звука на другой, даже несмотря на имеющийся у них багаж фонетических знаний и даже после нескольких прослушиваний предложенных текстов. Как следствие, смысл услышанных высказываний не был распознан даже при имеющейся опоре на контекст; в большинстве случаев студенты просто записали текст со слуха, отметив, что значение услышанных фраз ими не уяснено; только небольшой процент дикторов предложили коррекцию ошибок. Например, во фразе *His brother's name was sit* несколько студентов-англофонов предложили исправление на *Sid* (верный ответ), позже выяснилось, что они читали произведения Марка Твена «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна». Иными словами, смысл высказывания был определен с опорой на ранее полученную культурологическую информацию. Также во фразе *He brought them bag* некоторые из дикторов предложили коррекцию в виде добавления артикля, несмотря на то, что по контексту однозначно предполагался фразовый глагол. Фраза *He got cold fit* коррекции не подвергалась, причем несколько дикторов записали ее со слуха буквально, несмотря на тот факт, что устойчивое выражение *to get cold feet* было им известно; комментируя свой выбор, они подчеркнули, что опирались на четкое произнесение слова говорящим, воспринятое ими как несомненно однозначное. Также не был распознан смысл высказываний, в которых содержались следующие пары: *debt – dead*, *breathe – breeze*, *leave – live*, *barn – bun*, *feet – feed*, *coal – curl* и т. д.

Во второй части эксперимента студентам-англофонам были предложены транскрипты прослушанных отрывков и было дано задание проанализировать допущенные ошибки в артикуляции и прокомментировать их с фонологической точки зрения. Результаты второй части эксперимента оказались противоположными – практически все студенты-англофоны, задействованные в исследовании, сумели верно определить, какие именно артикуляционные характеристики привели к замене одного слова другим. Этот факт свидетельствует о важности не только выработки артикуляционных навыков, но также тренировки самоконтроля и внимательности и, что самое важное, умения теоретически обосновать свой выбор в пользу того или иного звука, употребляемого в устной речи.

Таблица 1

Определение смысла высказывания в прослушанных текстах в двух группах

Результат	1-я группа (в %)	2-я группа (в %)
идентификация верного смысла	5	2,5
коррекция ошибок	15	11
запись со слуха без коррекции	80	86,5

4. Выводы

Совокупность правильных артикуляционных характеристик звуков в устной речи каждого конкретного говорящего имеет неоспоримую важность, однако сама по себе не является гарантией правильной передачи смысла высказывания и, как следствие, понимания – помимо овладения безакцентным произношением гласных и согласных, студентам следует уделять значительное внимание развитию таких необходимых навыков, как внимательность и постоянный самоконтроль. Речь человека представляет сложнейший многогранный процесс, зависимый в первую очередь от звуковых и просодических факторов, и знание синтаксических структур и опора на контекст или культурологическую информацию не всегда гарантирует успешную коммуникацию. Часто обучающиеся сосредоточиваются на деталях и не уделяют должного внимания целостной картине, забывая о том, что ошибки в артикуляции гласных и согласных заключаются не только в искажении фонологических характеристик данных звуков, но и в неверном выборе собственно звука, что является результатом чрезмерной спешки или небрежности. Большинство характеристик, присущих как вокалическим, так и консонантическим элементам английского языка обладают смыслоразличительной функцией, и эта черта должна особенно учитываться при говорении.

Проведенный эксперимент показывает необходимость студентов-англофонов приучиться в собственной речи проявлять сконцентрированность, чтобы иметь возможность осуществлять осознанный выбор фонологических характеристик для правильной артикуляции того или иного гласного и согласного звука, поскольку опора на знание структурной или контекстовой сторон языка может оказаться нерелевантной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веренинова Ж. Б. Фонетическая база английского языка в сопоставлении с фонетической базой русского языка. М. : МГЛУ, 2012. 148 с.

Argyle M. Social Interaction. London : Methuen, 2009. 471 p.

Baddeley A. D. Human memory. Theory and practice. London : Psychology Press, 1997. 423 p.

Bellenger L. L’excelence à l’oral. Issy-les-Moulineaux : ESF, 2009. 240 p.

Bybee J. Word frequency and context of use in the lexical diffusion of phonetically conditioned sound change // Language Variation and Change. Vol. 14. 2002. P. 261–290.

Coulmas F. Sociolinguistics. The study of speaker’s choices. Cambridge : CUP, 2004. 193 p.

Crystal D. & Davy D. Advanced Conversational English. London : Longman, 1975. 144 p.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge : CUP, 1997. 524 p.

Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. Oxford : Wiley-Blackwell, 2008. 560 p.

Deese J. Thought into speech: The psychology of a language. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984. 150 p.

Downes W. Language and society. 2nd ed. Cambridge : CUP, 1998. 503 p.

Fabricius A. T-glottalling between stigma and prestige: a sociolinguistic study of modern RP. Copenhagen : CBS, 2000. 156 p.

Fawcett R. P. Cognitive Linguistics and Social Interaction. Heidelberg: Julius Gross & Exeter University, 1980. 290 p.

Goldman-Eisler F. Psycholinguistics: Experiments in spontaneous speech. London : Academic Press, 1968. 169 p.

Halliday M. A. K. and Matthiessen C. M. I. M. Construing experience through meaning. London : Cassel, 1999. 672 p.

Knowles G. Patterns of Spoken English. London : Longman, 1987. 258 p.
Laver J. Principles of phonetics. Cambridge: CUP, 1994. 707 p.
Lieberman P. Some effects of semantic and grammatical context on production and perception of speech // Language and Speech. 1969. P. 172–187.
Miller J. L., Grosjean F. & Lomanto C. Articulation rate and its variability in spontaneous speech: A reanalysis and some implications // Phonetica. 1984. P. 215–225.
Pike K. L. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behaviour. The Hague : Mouton, 1967. 180 p.
Rogers H. The sounds of language: An introduction to phonetics. London : Pearson Education Ltd, 2012. 336 p.
Schreier D. Consonant Change in English Worldwide: Synchrony Meets Diachrony. Hampshire : Palgrave Macmillan, 2005. 248 p.
Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. Essex : Pearson Education Ltd, 2008. 870 p.

REFERENCES

Vereniniova Zh. B. Foneticheskaya baza angliyskogo yazyka v sopostavlenii s foneticheskoy bazoy russkogo yazyka. Moscow : MSLU, 2012. 148 p.
Argyle M. Social Interaction. London : Methuen, 2009. 471 p.
Baddeley A. D. Human memory. Theory and practice. London : Psychology Press, 1997. 423 p.
Bellenger L. L'excelence à l'oral. Issy-les-Moulineaux: ESF, 2009. 240 p.
Bybee J. Word frequency and context of use in the lexical diffusion of phonetically conditioned sound change // Language Variation and Change. Vol. 14. 2002. P. 261–290.
Coulmas F. Sociolinguistics. The study of speaker's choices. Cambridge : CUP, 2004. 193 p.
Crystal D. & Davy D. Advanced Conversational English. London : Longman, 1975. 144 p.
Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge : CUP, 1997. 524 p.
Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. Oxford : Wiley-Blackwell, 2008. 560 p.
Deese J. Thought into speech: The psychology of a language. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984. 150 p.
Downes W. Language and society. 2nd ed. Cambridge : CUP, 1998. 503 p.
Fabricius A. T-glottalling between stigma and prestige: a sociolinguistic study of modern RP. Copenhagen : CBS, 2000. 156 p.
Fawcett R. P. Cognitive Linguistics and Social Interaction. Heidelberg: Julius Gross & Exeter University, 1980. 290 p.

Goldman-Eisler F. Psycholinguistics: Experiments in spontaneous speech. London : Academic Press, 1968. 169 p.
Halliday M. A. K. and Matthiessen C. M. I. M. Construing experience through meaning. London : Cassel, 1999. 672 p.
Knowles G. Patterns of Spoken English. London : Longman, 1987. 258 p.
Laver J. Principles of phonetics. Cambridge: CUP, 1994. 707 p.
Lieberman P. Some effects of semantic and grammatical context on production and perception of speech // Language and Speech. 1969. P. 172–187.
Miller J. L., Grosjean F. & Lomanto C. Articulation rate and its variability in spontaneous speech: A reanalysis and some implications // Phonetica. 1984. P. 215–225.
Pike K. L. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behaviour. The Hague : Mouton, 1967. 180 p.
Rogers H. The sounds of language: An introduction to phonetics. London : Pearson Education Ltd, 2012. 336 p.
Schreier D. Consonant Change in English Worldwide: Synchrony Meets Diachrony. Hampshire : Palgrave Macmillan, 2005. 248 p.
Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. Essex : Pearson Education Ltd, 2008. 870 p.

УДК 81'34

А. В. Олейник

старший преподаватель каф. фонетики английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: oleynikanna.v@gmail.com

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

(фонетический аспект)

Распространение английского языка в глобальном масштабе необратимо влечет за собой изменение его роли в современном мире. За английским закрепляется статус лингва франка, языка межкультурного общения. При этом центр исследований смещается на анализ коммуникации между неносителями языка. В статье рассматриваются особенности данного взаимодействия, проявляющиеся в стремлении участников общения к сохранению своей национальной идентичности. Фонетический аспект находит свое отражение в концепции ядерных фонологических признаков Дж. Дженкинс, предлагающей минимальные произносительные требования для успешного общения между неносителями языка. Процесс коммуникации, несомненно, представляет собой сложное явление, анализ которого складывается из множества факторов. В этой связи приводится описание категорий разборчивости, понятности и интерпретируемости высказывания, предложенных Л. Смитом и С. Нельсоном.

Ключевые слова: английский язык в функции лингва франка; межкультурное общение; концепция ядерных фонологических признаков; национальная идентичность; разборчивость, понятность и интерпретируемость высказывания.

A. V. Oleynik

Senior Teacher, Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: oleynikanna.v@gmail.com

A HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERN FEATURES OF ENGLISH AS A MEANS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

(the phonetic aspect)

The global spread of English undoubtedly affects its modern status. English has already become a means of intercultural communication, the contemporary lingua franca. The present paper focuses on the interaction between non-native speakers of English, a subject which has been covered to some extent by researches in the field. It has been noticed that non-native users of English strive for keeping their national identity. The phonetic aspect of such communication is reflected by The Lingua Franca Core concept suggested by J. Jenkins. It proposes a minimal set of core items which ensure mutual intelligibility.

When analysing such a complex phenomenon as communication various parameters come to the fore. L. Smith and C. Nelson distinguish between intelligibility, comprehensibility and interpretability. The article provides a detailed analysis of these three categories and the differences between them.

Key words: English as a lingua franca; intercultural communication; The Lingua Franca Core; national identity; intelligibility, comprehensibility and interpretability.

Введение

Неоспоримым является тот факт, что количество говорящих на английском языке как на иностранном превосходит число носителей языка. Опасения, связанные со стремительным распространением, в определенном смысле экспансией английского, высказываются уже со второй половины прошлого столетия [Найман, Гураль, Смокотин 2018; Smith, Nelson 2006; Nelson 2008]. Вероятность того, что множество возникающих вариантов языка станут непонятными в международном сообществе, побуждает некоторых лингвистов (Р. Бансал, П. Традгилл и др.) предписывать употребление исключительно стандартизированного варианта английского, максимально исключив отклонения от нормы. Однако не все исследователи высказываются в отношении данной проблемы категорично и однозначно, среди них Л. Смит, С. Нельсон, Д. Кристал, Дж. Дженкинс, М. Модиано, Б. Зайдлхофер и др.

Межкультурное общение: историческая ретроспектива

В статье 1985 г. Л. Смит и С. Нельсон дают резюме исследований в области межкультурного общения за период с 1950 по 1985 гг., которое можно свести к ряду общих положений, поддерживаемых и другими исследователями [Smith, Nelson 1985]:

1. Трудности во взаимопонимании между говорящими на английском языке в разных частях земного шара возникают уже на протяжении минимум двухсот лет. Это сложившаяся естественным путем тенденция будет продолжаться[1]. Взгляды лингвистов сходятся в том, что английский язык (как в его устном, так и в письменном варианте) должен быть понятен, прежде всего, *потенциальному собеседнику*,

[1] В более поздней публикации исследователи разъясняют данный тезис на примере филиппинского и индийского вариантов языка. Так, английский, используемый филиппинцами для общения между собой, будет непонятен индийцам, которые также прибегают к английскому в аналогичных целях [Smith, Nelson 2006].

в то время как стремление сделать свою речь доступной для каждого говорящего на английском языке, по мнению авторов цитируемой работы, неактуально.

2. Межнациональное взаимопонимание изучается в разных ситуациях общения: между носителями различных национальных вариантов английского языка, между носителями и неносителями английского языка, а также сугубо между неносителями. При этом всё чаще встречается именно последний сценарий коммуникации. Это дает основание утверждать, что не только носители английского языка, но и неносители вправе судить, какие языковые особенности обеспечивают успешную коммуникацию.

3. В одной и той же ситуации общения носители языка не всегда будут поняты собеседником лучше, чем неносители. Определяющими факторами успешной коммуникации в первую очередь выступают: способность говорящего ясно излагать свои мысли и при необходимости перефразировать их, принимать во внимание уровень владения языком слушающего и степень его осведомленности по данной теме, а также способность коммуниканта подстраивать скорость своей речи под речь собеседника[1].

4. Успешность процесса взаимопонимания зависит от *взаимодействия* коммуникантов.

5. Вероятность успешной коммуникации повышается, если говорящий и / или слушающий осведомлен относительно особенностей того или иного варианта английского и имеет практику взаимодействия с представителями данного сообщества.

6. Большое значение приписывается ожиданиям слушающего относительно ситуации общения. Положительный настрой на понимание собеседника скорее способствует успешной коммуникации, нежели отрицательный.

Разборчивость, понятность и интерпретируемость в контексте лингва франка

Внушительное количество исследований по теме уже на тот момент времени (1950–1985) побуждает Л. Смита и С. Нельсона

[1] В исследовании гендерно-маркированных моделей просодической согласованности коммуникантов на материале светской беседы М. А. Демина и Ю. В. Карташевская отмечают не только темпоральную, но и мелодическую адаптацию в речи собеседников [Демина, Карташевская 2017].

поднять проблему унификации терминов. Понятия «разборчивость» (intelligibility), «понятность» (comprehensibility) и «интерпретируемость» (interpretability) в анализируемых лингвистами источниках часто употребляются как взаимозаменяемые. Л. Смит и С. Нельсон настаивают на необходимости разграничить эти термины. В частности, авторы предлагают следующую интерпретацию терминов:

1. Под *разборчивостью* авторы подразумевают «распознавание звуковой и графической формы слов и высказываний» [Мележик 2016, с. 395];
2. *Понятность* соотносится с локутивной составлющей речевого акта, т. е. со значением слов и высказываний;
3. В свою очередь иллокутивный компонент высказывания или его смысл характеризуется понятием *интерпретируемость*.

Таким образом, каждый текст или высказывание можно охарактеризовать по трем категориям: высокий уровень разборчивости присущ такому речевому отрезку в письменной или устной формах, в котором все слова буквально различимы и узнаваемы, однако выполнение этого условия не всегда достаточно для понимания смысла и замысла (интенции) автора. Понятность, в частности, проявляется в возможности перефразировать высказывание, а для точной интерпретируемости могут потребоваться более глубокие социокультурные, исторические и лингвистические знания, а также расширенный контекст ситуации [Smith, Nelson 1985].

Изначально Л. Смит и С. Нельсон демонстрируют функционирование упомянутых категорий на примере фрагментов трех ***письменных текстов***, каждый из которых анализируется в соответствии с их разборчивостью, понятностью и интерпретируемостью.

> *Passage 1*
>
> In South and Southeast Asia, given the general identification of internationalisms with Euro-American colonialism, purification shows tendencies of combating ‘cultural colonialism’ much more than neighbouring vernaculars, all the more so, since the latter have little if any national significance [Rubin, Jernudd 1971].

Разборчивость первого фрагмента оценивается как высокая исходя из того, что читателю (уровень владения английским языком не уточняется) с большой долей вероятности понятны все слова, и он смог бы при необходимости переписать абзац или заполнить в нем пропуски недостающими словами. Однако после первого прочтения перефразирование предложений может вызвать определенные трудности, что указывает на низкую степень проявления категории понятности. Поскольку замысел автора в выбранном отрывке едва ли можно осознать при первом знакомстве с текстом, интерпретируемость данного текста, по мнению авторов, сводится к нулю [Smith, Nelson 1985].

Passage 2

With hocked gems financing him, our hero bravely defied all scornful laughter that tried to prevent his scheme. "Your eyes deceive you," he said, "an egg not a table correctly typifies this unexplored planet." Now three sturdy sisters sought proof, forging along- sometimes through calm vastness, yet more often over turbulent peaks and valleys. Days became weeks as many doubters spread fearful rumours about the edge. At last, from nowhere, welcome winged creatures appeared, signifying momentous success [Dooling, Lachman 1971].

Разборчивость и понятность второго фрагмента оцениваются высоко. В этот раз читатель сможет не только разобрать слова, но и перефразировать отдельные предложения, поскольку их смысл ясен. Интерпретируемость абзаца по-прежнему остается низкой, ведь толкование намерения автора представляется затруднительным после первого прочтения. Можно отнести данный текст, например, к научно-популярному рассказу или сюжету для детской телевизионной передачи. Но если при повторном обращении к абзацу подсказать читателю название произведения – «Christopher Columbus Discovering America» – его представление о контекстуально-семантических особенностях данного текста будет существенно отличаться. Наличие заголовка или названия произведения, безусловно, упрощает понимание и интерпретируемость фрагмента.

Л. Смит и С. Нельсон отмечают, что при чтении художественной литературы часто возникают проблемы именно с последними двумя категориями – понятности и интерпретируемости – как, например, в третьем фрагменте [Smith, Nelson 1985].

Passage 3

"So, you've come? Is this your daughter that you've told me about?" a woman who was sitting on a low raised place in the shop greeted us. "Yes. Ee-nang, salute Koon Maa," I obeyed quickly [Thirabutana 1971].

Для правильной интерпретации форм обращения *Ee-nang* и *Koon Maa* в данном абзаце необходимы дополнительные социокультурные знания. В частности, *Ee-nang* на севере Тайланда используется для обращения к младшей дочери, а *Koon Maa* является вежливой формой обращения к старшей женщине, выражает уважение, как если бы она была членом семьи. Не владеющий данной информацией читатель не сможет должным образом истолковать фрагмент, даже учитывая то, что форма приветствия как таковая узнаваема [Smith, Nelson 1985].

Для удобства результаты анализа сведены в таблицу. Интересно, что упомянутые категории могут присутствовать в разном соотношении.

Таблица

Категория / Фрагмент	Разборчивость	Понятность	Интерпретируемость
1	высокая	низкая	близка к нулю
2	высокая	высокая	низкая
3	высокая	высокая	низкая

В качестве иллюстрации того, как проявляются категории разборчивости, понятности и интерпретируемости ***в устной речи***, Л. Смит и Э. Кристофер приводят разговор австралийки с водителем такси в Стамбуле. На просьбу женщины выключить свет в салоне автомобиля водитель ответил резким отказом. С точки зрения пассажира, вопрос носил вполне безобидный характер, и поскольку в ходе разговора до этого момента не возникало сложностей в общении на английском языке, женщина решила, что причиной такой отрицательной реакции может быть недопонимание (на уровне разборчивости и понятности). Так, предположив, что водитель не расслышал или не понял ее вопрос, австралийка его повторила, получив в ответ еще более резкий отказ. До конца поездки общение не возобновилось [Smith, Christopher 2001].

На самом деле причиной несостоявшейся коммуникации стала именно третья категория – интерпретируемость. Дело в том, что просьба женщины, вызванная тем ли иным дискомфортом, вошла в противоречие с культурным и правовым ограничением: водителю было запрещено находиться с женщиной в темном замкнутом пространстве.

Авторы проигрывают два сценария, при которых инцидента можно было бы избежать. Во-первых, предлагается другая формулировка просьбы в качестве вопроса: «Вы всегда оставляете свет в салоне включенным во время поездки?» («Do you always leave the interior light on when you drive?»), на который пассажир, возможно, получила бы исчерпывающее объяснение: «По закону я обязан оставлять свет в салоне включенным» («I must leave it on, that is the law»). Во-вторых, избежать конфликтной ситуации могло помочь третье лицо (медиатор, посредник), знакомое с особенностями обеих культур.

Л. Смит и С. Нельсон подчеркивают, что все три категории важны для установления успешного общения, однако наиболее серьезные случаи коммуникативных неудач возникают именно на уровне понимания и интерпретируемости. Хорошо сформированные произносительные и лексико-грамматические навыки не являются гарантией взаимопонимания, поскольку на первый план выходит прагматика сообщения и ее интерпретация с помощью ситуационных, социальных и культурных знаний [Карташевская, Демина, Медведева 2016; Smith, Nelson 1985; Smith, Nelson 2006].

Межкультурное общение и национальная идентичность

Неотъемлемой частью развития современного английского языка, выступающего в функции лингва франка, становится стремление носителей и пользователей языка сохранить свою национальную идентичность. Ряд авторов обращаются к фонетическим особенностям данной тенденции. В частности, М. А. Демина, рассматривая особенности речи носителей английского языка, отмечает, что «всё большую популярность в мире получают региональные и местные акценты, что свидетельствует об активном процессе этнической консолидации» [Демина 2015, с. 49]. Похожий процесс, но уже в речи не-носителей английского языка, отмечает Дж. Дженкинс. Подчеркивая тесную взаимосвязь произношения и выражения национальной идентичности говорящего, исследователь выступает против освоения сугубо британизированного или американизированного вариантов английского с целью последующего их использования в межкультурном общении. Напротив, автор говорит о возможности сохранения национального произносительного колорита, если он не затрудняет взаимопонимание [Jenkins 2000].

Также нельзя не согласиться с Т. И. Шевченко в том, что «фонетическая вариативность английского произношения проявляется в национальных вариантах, в региональных вариантах и в речи разных поколений, создавая на какой-то период времени сложности в понимании речи на слух, в разборчивости речи – intelligibility» [Шевченко 2015, с. 45]. Таким образом, изучение английского языка как средства межкультурного общения направлено на преодоление сложностей коммуникации, вызванных вариативностью английского произношения и стремлением коммуникантов к сохранению национальных произносительных особенностей своей речи.

Статус английского языка в современном мире

Несмотря на глобальное распространение английского языка, наиболее подверженным языковым модификациям, по мнению М. Модиано, является европейский регион. С одной стороны, это связано с высокой концентрацией национальных языков и языков меньшинств, а с другой – с несоответствием образовательных стандартов реальному использованию английского языка как средства межкультурной коммуникации. Так, М. Модиано отмечает, что бóльшая часть учебных материалов импортируется в Европу из Великобритании, чем объясняется ориентация европейской аудитории на британскую норму, в том числе и произносительную. Укреплению этой тенденции способствует активная образовательная деятельность Британского совета, а также многочисленные международные экзамены, ориентированные на британский вариант английского языка [Modiano 2006].

Другая проблема заключается в различном статусе английского языка, например, в Европе и Азии. М. Модиано обращает внимание на то, что, в отличие от азиатских стран (например, Индия, Пакистан, Филиппины и др.), где английский часто получает статус второго государственного языка (second language), европейская языковая политика по-прежнему рассматривает его как иностранный. Различие заключается в том, что в первом случае (азиатский регион) английский язык получает негласное «право» на самостоятельное развитие, в меньшей степени являясь зависимым от британской или американской нормы. Такому обособлению способствует большое количество публикаций на языке и его активное использование в образовательной сфере.

Английский язык в Европе повсеместно употребляется как в академической, так и в повседневной сферах, не уступая в данном отношении азиатскому региону. Однако он по-прежнему остается в статусе иностранного языка (a foreign language), а значит, должен соответствовать преимущественно британскому или американскому стандарту обучения. Подобный вариант английского, ориентированный на одну из норм, не удовлетворяет потребностям международного общения. В связи с этим ряд исследователей, в частности Дж. Дженкинс, М. Модиано и Б. Зайдлхофер, говорят о необходимости признать *евроанглийский* (Euro-English) как автономно развивающийся вариант [Jenkins, Modiano, Seidlhofer 2001]. Причины несоответствия традиционного подхода к преподаванию языка его реальному употреблению, по мнению Дж. Дженкинс, заключаются в следующем. Усвоение английского языка как иностранного подразумевает возможность последующего (потенциального) общения обучающихся с носителями языка. Исходя из этого формируются требования к содержанию учебных материалов. Например, за основу произносительного стандарта чаще всего берется британская или американская норма, максимально приблизиться к которой и является целью учебных курсов по практической фонетике. Однако в условиях международного общения чаще встречается сценарий коммуникации между *не-носителями* языка, нежели между носителем и не-носителем, что предполагает другой подход к обучению [Jenkins 2002].

Концепция ядерных фонологических признаков Дж. Дженкинс

Личный опыт преподавания английского языка как иностранного студентам различных национальностей дал возможность Дж. Дженкинс подробно изучить ситуации общения именно между неносителями английского языка и описать некоторые из них в последующих публикациях [Jenkins 2000; Jenkins 2002]. Автор приходит к выводу, что не все фонолого-фонетические признаки правильного произношения являются в равной степени обязательными для взаимопонимания говорящих. На основе «концепции ядерных фонологических признаков» Дж. Дженкинс разрабатывает «классификацию фонологических свойств английского в функции лингва франка» [Мележик

2016, с. 396]. Так называемое *ядро лингва франка* (The Lingua Franca Core) включает в себя ядерные, т. е. обязательные для изучения и употребления, и неядерные элементы на сегментном и сверхсегментном уровнях.

К ***ядерным*** элементам на ***сегментном*** уровне относятся:

1) различие между краткими и долгими гласными, например в *live* и *leave*;
2) реализация позиционной длительности гласных перед глухими и звонкими согласными, например, в оппозиции *sad* vs. *sat*;
3) возможны региональные различия в качестве гласных, за исключением гласного [ɜ:], замена которого другими произносительными вариантами (аллофонами) часто затрудняет коммуникацию;
4) наличие аспирации глухих взрывных согласных /p/ /t/ и /k/ в начальной позиции, например, в *pin*;
5) предпочтителен ротический вариант фонемы /r/;
6) реализация фонемы /t/ как глухого взрывного звука (британский вариант) в таких словах, как *latter*, *water*, нежели как флэпа (американский вариант);
7) допускается замена межзубных фрикативных [θ] и [ð] на губно-зубные варианты [f] и [v];
8) допускается вариация аллофонов, за исключением тех случаев, когда аллофон (в родном языке говорящего) накладывается на другую фонему (в английском языке). Например, реализация испанского /v/ как [ß] в начале слова воспринимается как /b/ в английском в таких словах, как *vowel*.

На ***сверхсегментном*** уровне ключевым является правильная постановка фразового, точнее, логического ударения. Дж. Дженкинс приводит пример разговора между тайванцем и швейцарцем, чей родной язык итальянский (Swiss-Italian). Коммуниканты обсуждали, какое количество сигарет каждый из них выкуривает за день. На реплику швейцарца, утверждавшего, что он выкуривает 20 сигарет в день, тайванец ответил: «I smoke more than you DO», поместив логическое ударение на последнее слово, что буквально означало: «Я выкуриваю больше [сигарет], чем ты *делаешь*» вместо задуманного «Я выкуриваю больше [сигарет], чем *ты*». Для правильной передачи намерения говорящего необходимо было реализовать фразовое ударение на местоимении *you* («I smoke more than *you* do») [Jenkins 2002, с. 88].

Такие фонолого-фонетические характеристики речи, как слабые формы служебных слов, ассимиляция, особенности словесного ударения, акцентный ритм в английской речи и интонационный контур высказывания, передающий определенные оттенки смысла или грамматического значения, описываются как ***неядерные***, т. е. являются необязательными для изучения с целью применения в общении в межкультурной среде [Jenkins 2002].

Заключение

Распространение английского языка в глобальном масштабе, продолжающееся в течение нескольких столетий, и возникновение новых контекстов его использования определяют современную специфику языка как средства межкультурного общения. Функционирование языка в роли лингва франка подразумевает частотное взаимодействие неносителей английского языка, стремящихся не только к взаимопониманию, но и к сохранению своей национальной идентичности. Трудности в реализации подобной коммуникации проявляются на разных языковых уровнях: лексическом, грамматическом, синтаксическом и фонетическом, и их можно комплексно анализировать с позиций трех категорий, выделенных Л. Смитом и С. Нельсоном – разборчивости, понятности и интерпретируемости.

Фонетические особенности межкультурной коммуникации рассматривается в контексте современного произносительного варианта, отвечающего требованиям взаимодействия неносителей языка на английском. Предложенная Дж. Дженкинс модель ядерных фонологических признаков бросает вызов традиционному подходу к преподаванию фонетики и предполагает отказ от ориентированной на британский или американский вариант произносительной нормы.

Обобщенный в данной статье материал дает более полное представление о функционировании английского языка в современном мире. Изложенные теоретические положения будут использованы для последующего изучения фонетических особенностей английского языка как лингва франка в европейском регионе в контексте германской языковой группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демина М. А. Фонетические средства выражения национальной идентичности в условиях межкультурного общения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 1 (712). С. 46–56.

Демина М. А., Карташевская Ю. В. Гендерно-маркированные модели просодической согласованности коммуникантов в *small talk* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 5 (776). С. 9–31.

Карташевская Ю. В., Демина М. А., Медведева Т. В. Culturally speaking. Communicating across Cultures. Практикум по межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур». М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. 237 с.

Мележик К. А. Интерпретация смысла в межнациональной коммуникации на английском языке // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4. С. 394–402.

Найман Е. А., *Гураль С. К.*, *Смокотин В. М.* Английский язык в статусе языка всемирного общения в сфере образования // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 367. С. 158–164.

Шевченко Т.И. Фонетика английского языка между разборчивостью речи и национальной идентичностью (intelligibility vs. national identity) // Язык, культура, речевое общение: материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Марка Яковлевича Блоха: в 2 ч. Ч. 1. М. : Факультет иностранных языков МПГУ, 2015. С. 42–46.

Dooling D. J., Lachman R. Effects of comprehension on retention of prose // Journal of Psycholinguistic Research. 1971. Vol. 88. P. 216–222.

Jenkins J., Modiano M., Seidlhofer B. Euro-English // English Today. 2001. P. 13–19.

Jenkins J. The Phonology of English as an International Language. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Jenkins J. A Sociolinguistically Based, Empirically Researched Pronunciation Syllabus for English as an International Language // Applied Linguistics. 2002. Vol. 23 (1). P. 83–103.

Rubin J., Jernudd B. (eds.) Can Language be Planned? Honolulu : University Press of Hawaii, 1971. P. 15.

Smith L., Christopher E. Why can't they understand me when I speak English so clearly? // The Three Circles of English / ed. by E. Thumboo. Singapore : UniPress, 2001. P. 91–100.

Smith L., *Nelson C.* International intelligibility of English: direction and resources // World Englishes. 1985. Vol. 4, No. 3. P. 333–342.

Smith L., *Nelson C.* World Englishes and Issues of Intelligibility // The Handbook of World Englishes / ed. by Braj B. Kachru, Yamuna Kachru, Cecil L. Nelson. 2006. P. 428–445.

Thirabutana P. Little things. Sydney : William Collins (Australia), 1971. P. 15.

Modiano M. Euro-Englishes // The Handbook of World Englishes / ed. by Braj B. Kachru, Yamuna Kachru, Cecil L. Nelson. 2006. P. 223–239.

Nelson C. Intelligibility since 1969 // World Englishes. 2008. Vol. 27, No. 3/4. P. 297–308.

REFERENCES

Demina M. A. Foneticheskie sredstva vyrazhenija nacional'noj identichnosti v uslovijah mezhkul'turnogo obshhenija // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 1 (712). S. 46–56.

Demina M. A., Kartashevskaja Ju. V. Genderno-markirovannye modeli prosodicheskoj soglasovannosti kommunikantov v small talk // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. Vyp. 5 (776). S. 9–31.

Kartashevskaja Ju. V., Demina M. A., Medvedeva T. V. Culturally speaking. Communicating across Cultures. Praktikum po mezhkul'turnoj kommunikacii: ucheb. posobie dlja studentov, obuchajushhihsja po special'nosti «Teorija i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov i kul'tur». M. : FGBOU VO MGLU, 2016. 237 c.

Melezhik K. A. Interpretacija smysla v mezhnacional'noj kommunikacii na anglijskom jazyke // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2016. T. 5. № 4. S. 394–402.

Najman E. A., Gural' S. K., Smokotin V. M. Anglijskij jazyk v statuse jazyka vsemirnogo obshhenija v sfere obrazovanija // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 367. S. 158–164.

Shevchenko T. I. Fonetika anglijskogo jazyka mezhdu razborchivost'ju rechi i nacional'noj identichnost'ju (intelligibility vs. national identity) // Jazyk, kul'tura, rechevoe obshhenie: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 90-letiju professora Marka Jakovlevicha Bloha: v 2 ch. Ch. 1. M. : Fakul'tet inostrannyh jazykov MPGU, 2015. S. 42–46.

Dooling D. J., Lachman R. Effects of comprehension on retention of prose // Journal of Psycholinguistic Research. 1971. Vol. 88. P. 216–222.

Jenkins J., Modiano M., Seidlhofer B. Euro-English // English Today. 2001. P. 13–19.

Jenkins J. The Phonology of English as an International Language. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Jenkins J. A Sociolinguistically Based, Empirically Researched Pronunciation Syllabus for English as an International Language // Applied Linguistics. 2002. Vol. 23 (1). P. 83–103.

Rubin J., Jernudd B. (eds.) Can Language be Planned? Honolulu : University Press of Hawaii, 1971. P. 15.

Smith L., Christopher E. Why can't they understand me when I speak English so clearly? // The Three Circles of English / ed. by E. Thumboo. Singapore : UniPress, 2001. P. 91–100.

Smith L., *Nelson C*. International intelligibility of English: direction and resources // World Englishes. 1985. Vol. 4, No. 3. P. 333–342.

Smith L., *Nelson C.* World Englishes and Issues of Intelligibility // The Handbook of World Englishes / ed. by Braj B. Kachru, Yamuna Kachru, Cecil L. Nelson. 2006. P. 428–445.

Thirabutana P. Little things. Sydney : William Collins (Australia), 1971. P. 15.

Modiano M. Euro-Englishes // The Handbook of World Englishes / ed. by Braj B. Kachru, Yamuna Kachru, Cecil L. Nelson. 2006. P. 223–239.

Nelson C. Intelligibility since 1969 // World Englishes. 2008. Vol. 27, No. 3/4. P. 297–308.

УДК 811.111'34

В. В. Потапов

доктор филологических наук, главный научный сотрудник НИР
каф. прикладной и экспериментальной лингвистики факультета английского языка МГЛУ; ст. научный сотрудник филологического факультета МГУ;
e-mail: volikpotapov@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЙСКАЯ РЕЧЕВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В РОССИИ[1]

Активно разрабатываемые в отечественной лингвистике проблемы в области *вариативности* звучащей английской речи приблизительно в течение последних двух десятилетий нуждаются в закономерном осмыслении и интерпретации причин своего развития. В статье представлен материал результатов исследований российских лингвистов XXI века в области произносительной вариативности, которую необходимо рассматривать как с учетом *интралингвистических*, так и *экстралингвистических* факторов. На каждом этапе развития языка и его национальных вариантов наиболее стойкие инновации, находящиеся за пределами нормы, но не противоречащие законам языкового развития, в ближайшем будущем могут стать предметом общего узуса и перейти в категорию *нормативных* и *кодифицированных*.

Ключевые слова: английская речь; фонетическая вариативность; региональные варианты; восточноазиатский английский язык; интралингвистические и экстралингвистические факторы; нормативное и кодифицированное употребление.

V. V. Potapov

D. Sc. Chief Researcher, Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities and Applied Sciences of Moscow State Linguistic University (MSLU);
Senior Researcher, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: volikpotapov@gmail.com

MODERN ENGLISH SPEECH VARIABILITY IN RUSSIA[2]

The problems in the field of variability of spoken English language actively developed in the Russian linguistics for about the last two decades need a logical understanding and interpretation of the reasons for their development. This paper presents the material of the Russian 21st century linguists' research results in the field of pronunciation variability, which should be considered both with regard to *intralinguistic* and *extralinguistic* factors. At each stage of the development of the

[1] Исследование поддержано Российским Научным Фондом (РНФ). Проект № 18-18-00477.

[2] This research is supported by the Russian Science Foundation, Project № 18-18-00477.

language and its national variants, the most stable innovations that are beyond the norm, but not inconsistent with the laws of language development, can become a common usage object and move into the category of *normative* and *codified* ones in the near future.

Key words: English spoken language; phonetic variability; regional variants; East Asian English; intralinguistic and extralinguistic factors; normative and codified usage.

1. Introduction

Variability, like constancy, is an essential property of the language structure conditioned by its very nature and purpose: without it, no language could exist and evolve. Variability is manifested at all language levels and in their units depending on the specifics of the problem in question. Analysis of the language structure from this position in *synchrony* and *diachrony* is an important task of *fundamental linguistics*, as well as *applied linguistics* including a detailed study of individual languages and their comparison.

The problem of the *norm,* the *normativity* (and in this respect one can be speak of the *variability*) in the language has its roots in antiquity (see: (Каспранский 1990) referring to the book [Десницкая, Кацнельсон 1980]). In considering the norm, two aspects of this problem appear to be important:

[…] first, the norm as an intra-linguistic category associated with the presence of potential possibilities for designating the same phenomenon represented by language as a system; while the norm is also the result of a number of social factors determined by the existence of a given language in a certain speech collective in a certain period of time; and, secondly, the norm as the awareness of certain means of linguistic expression as correct and exemplary ones and as prescription of their use (that is codification)[1] [Вербицкая 1993, p. 8][2].

[1] «…Во-первых, норма как внутриязыковая категория, связанная с наличием потенциальных возможностей обозначения одного и того же явления, представляемых языком как системой; при этом норма – результат действия ряда социальных факторов, определяемых существованием данного языка в определенном речевом коллективе в определенный период времени; и, во-вторых, норма как осознание тех или иных средств языкового выражения в качестве правильных, образцовых и предписывание их употребления (это кодификация)».

[2] See also: [Вербицкая 2001; Вербицкая 2002].

The norm is a "system of mandatory manifestations": it corresponds to what is already said by tradition and includes models already implemented, i.e. the norm "corresponds to the fixation of the language in traditional forms" ([Косериу 1963, p. 185].

Variability is an indispensable feature of the language, it is determined and imposed by the language. Phonetic variability[1], for example, is due to a certain position of the phoneme in the word, the influence of the quality of the surrounding sounds, the place in relation to the stress, and also the individual features of the utterance at any given moment [...][2] [Вербицкая 1993, p. 11].

When examining the problem of the norm and variability in the English language, Russian researchers turn to the approaches of analyzing linguistic (phonetic) changes and their causes from the viewpoint of the British and American phonological schools, first of all (see, for example, (Медведева, 2015)). British scientist A. Gimson (1980) and his successor A. Cruttenden (2001) dwell on the problem of sound changes in their works.

In American linguistics, the theory of phonetic changes was developed by W. Labov (2006). W. Labov assessed each kind of change based on the causes that produced it; and these causes are called by W. Labov the principles of language changes[3] (for more information, see [Медведева 2015]). Summarizing the causes of phonetic changes, W. Labov speaks about their multidimensionality (including the physical, psychological and social phenomena of all these changes), with each change having its own specific set of causes.

The modern model of the social characteristics of language and speech includes mutually conditioned and interdependent phenomena

[1] The phonetic variation of the sound matter of the language has a direct relation also to the solution of the task of identifying the speaker by voice and speech, which is complicated by the application of a wide range of methods [Потапова, Потапов 2011]. Scientific research in this field of knowledge is conducted in the following areas: *intra-individual* variability of speech parameters of the speaker and *inter-individual* parameters of the speakers' spoken language.

[2] «Вариативность – обязательная черта языка, она определяется языком, навязывается им. Фонетическая вариативность, например, обусловлена определенной позицией фонемы в слове, влиянием качества окружающих звуков, местом по отношению к ударению, а также индивидуальными особенностями произнесения в каждый данный момент…».

[3] The principle of economy was developed long before W. Labov by the French linguist A. Martinet [Martinet 1955].

associated with the formation of speech codes of the speakers under the influence of the social structure of the whole society (stratification by social strata, groups, etc.), social relations (for example, sociocultural, situational) between communication participants, as well as physiological, psychological and intellectual features of the communicants themselves [Потапова, Потапов 2011].

Such a model assumes that the system of language rules is taken into account at all language levels, i.e. this phenomenon is associated with lexical, syntactic and phonetic planning strategies in the individual's behavior. Sociolinguistics also addresses the differentiation of the language functioning in a certain ethnolinguistic community by social groups of the speakers and social strata of the population, taking into account the professional and class variants of the given language, that is, taking into account its functional styles (variants) [Потапова, Потапов 2006; Потапова, Потапов 2011]. One can also talk about the presence of certain trends in phonetic variability, which is associated with: the communicants' type of higher nervous activity, the level of their upbringing, the level of their preparation to use their knowledge [Потапова, Потапов 2011].

Thus, "…modern linguistics considers variability as an objective immanent feature of the linguistic system affecting all the subsystems and units singled out in the language in terms of their form and content, in synchrony and diachrony, as well as intrasystem relations and relations of the type *language – the external world*"[1] [Вишневская 2013, p. 122].

Since the second half of XXth century, English has become the universal language of people of various countries and cultures. The English language is a kind of *lingua franca*, the modern international language. This phenomenon has its own causes and consequences. English not only affects other languages, but is greatly affected itself (see [Crystal 1998; Kirkpatrik 2002; Kirkpatrik 2010; McArthur 2002; Schneider 2007; Опарина 2015; Раренко 2015; Сескутова 2015; Шевченко 2015] and others).

It should be noted [Потапов 2014] that, since 1660 (after the restoration of the English monarchy) and for 50 years, several unsuccessful attempts

[1] «…современная лингвистика рассматривает вариативность как объективное имманентное свойство языковой системы, затрагивающее все выделяемые в языке подсистемы и единицы в плане формы и содержания, в синхронии и диахронии, а также внутрисистемные отношения и отношения *язык – внешний мир.*»

have been made to found the Academy for the standardization of the English language. However, in the XVIII century, there were works on grammar, which provided a huge contribution to the unification of the English language. Since these early attempts, the number of grammarians and scholars' works has increased significantly; the main content of them was the condemnation of certain word usage. Consequently, these studies served as some beginning of the development of the language norm (for more details, see: [Германова 2016]).

Currently, a large number of English dialects and a number of languages are common in the British Isles (see, for example, [Kirkpatrick 2010]). Welsh, Scottish and Irish languages belong to the Celtic group of languages. In the United States, there are four dialect zones, within which full-fledged dialects are distinguished, determined by bundles of isoglosses and the nature of the sound changes occurring in them[1]. The border with Canada does not correspond to any linguistic border; there is a strong American influence everywhere, which is less noticeable only in the coastal provinces. The Australian variant of the English language is used in the Australasian region (Australasia). Many words have changed their meaning; there are many borrowings from aboriginal languages, especially those used to describe concepts of the Australian reality.

In India, English remains an alternative or additional language for Hindi, as well as the language of science. In South Africa, English is the official language along with the Afrikaans language, from which it borrowed many words. English is the official language in many multilingual countries of Central Africa (the territories of which are adjacent to the Sahara), although it strongly competes with the languages of the indigenous peoples of these countries.

"Like the norms of the codified literary language, the norms of literary and colloquial speech are a socio-historical concept applicable to a specific communicative situation of a given country. Linguists' observations give some reason to believe, for example, that the linguistic norms of the Standard Educated Colloquial English (SECE) in the UK as a whole are more stringent than those of the General American English in the US

[1] See, for example: A national map of the regional dialects of American English. URL : www.ling.upenn.edu/phono_atlas/NationalMap/NationalMap.html#Heading2 (Access date: June 10, 2018).

and, in particular, in comparison with the General Australian English and Broad Australian English"[1] [Орлов 1991, p. 22–23].

Regional variants in the UK[2] have cultural significance and great piety, playing to some extent a role not less important than the literary norm, and, since the person identification problem is challenging in the country, the classification of phonetic features allowing clearly definition of the status of a regional standard is a necessary part of linguistic research.

The idea of the interrelation between social and territorial variation (Ярцева, 1969; Маковский, 1982; Швейцер, 1982; 1983; Шевченко, 1988; 1990; 2013; 2015; Шахбагова, 1992; Trudgill, 1974; 2002), etc.) is confirmed by studies of English.

In the opinion of T. I. Shevchenko (2015), the following issues in the field of normality and variability in diachrony and synchrony are very important in English studies: the system of national variants of the English language, taking into account their phonetic and phonological features of national and social identity; the main factors that determine the national specifics of the social context in each country: the time the English language appeared in new territories, the social composition and geographic affiliation of the native speakers, contacts with other languages and cultures, the stages of formation and the assignment of the basic national status to a new pronunciation variant.

A comparison of the British (see, for example, [Wells 1986; Lowry 1997; Grabe 2004; Grabe, Post 2002] and others) and the American[3] variants (see, for example, [Clopper 2010] and others) of the phonological system is the most developed (in the linguistic literature) part of the system description of all variants, starting with the *normative* ones on a global scale that

---

[1] «Как и нормы кодифицированного литературного языка, нормы литературно-разговорной речи – понятие социально-историческое, применимое к конкретной коммуникативной ситуации данной страны. Наблюдения лингвистов дают некоторое основание полагать, например, что языковые нормы Standard Educated Colloquial English (SECE) в Великобритании в целом являются более строгими, чем нормы General American English в США и особенно в сопоставлении с нормами General Australian English и Broad Australian English.»

[2] In the domestic linguistics at the junction of the 70–80s of the XXth century a direction for research of English "regional variability" appeared that was initiated by A. S. Lieberman (see, for example, works [Малова 1980; Майчинская 1979; Шин 1982], etc.).

[3] The American version of the English language is described in such domestic works as [Швейцер 1971; Швейцер 1994; Швейцер 1995].

covers the pronunciation of vowels (see, for example, [Медведева 1998] and others), consonants and intonation[1] (see, for example, [Шахбагова 1982; Фесенко 1984] and others).

The study [Шевченко, 2015] of a national phonetic-phonological identity is based on the study of the typology of variants of the English language phonological system. It describes the models for the formation of national variants in the English language and the phonology of the *three diasporas* (cited from T.I. Shevchenko), depending on the time of the formation of a new variant, the social context and contacts with other languages and cultures, which is closely related to our term – *three circles of the English language functioning*.

Within the *first circle of the English language functioning* on the territory of the British Isles (Wales, Ireland, Scotland, England), according to the British, there are four "nations" (by ethnicity): English, Scots, Irish and Welsh. The national identity of Scotland, Wales and Ireland, including the uniqueness of Northern Ireland in the UK, is preserved due to a number of features of the phonological system of the English language in these regions that is conditioned by language contacts with the original Celtic languages of the population.

The nature of the variability of English phonology in the countries of the *second circle of the English language functioning* (USA, Canada, Australia, New Zealand, South Africa) depends on the same social factors: the time when the English-speaking population moved to new territories, the initial habitation region of English speakers and language contacts.

To a much greater extent, the influence of the indigenous languages of the countries that were freed from the British colonial domination is expressed in the group of the *third circle of the English language functioning*[2] (Nigeria, India, Singapore, Hong Kong). In the opinion of T. I. Shevchenko,

[1] For example, according to the famous creator of the English grammar book R. Murphy, "Traditionally, when we speak English, we end the sentence by lowering the voice tone. But recently, – and, perhaps, this feature came from Australia or America – people began to raise the voice tone at the end of the sentence during the conversation. In news broadcasts of broadcast corporations, this, of course, is not yet observable" [Мёрфи 2016, p. 11]. On the American influence on the British pronunciation norm at the segment level, see, for example, [Гришина 2001] and others.

[2] In this respect, the works of the famous Australian linguist E. Kirkpatrick on the functioning of English in the Asia-Pacific region are indicative [Kirkpatrick 2002; Kirkpatrick 2010; Kirkpatrick 2012] and others.

the initial forms in these territories were the interfered “naturalized” forms of pronunciation. Sometimes they are referred to as *glocal* meaning the combined impact of the global international communication in English (from Eng. *global*) and local interfered forms (Eng. *local*).

According to T. I. Shevchenko (2015), the determining factors of variation and creation of the identity of each particular type of pronunciation are the following parameters of the social context: the time of appearance of the English language in a new territory, which is an indicator of a certain stage of development of the linguistic norm in England, the initial habitation region and social composition of native speakers, the impact of contacting languages and cultures. Time is essential for the description also because it is associated with the standardization and assimilation of English by the population of a particular country. For example, the models of the English language spreading on a global scale based on data from projects in the US and the UK are estimated by T. I. Shevchenko (2013) taking into account their explanatory power in relation to the current state of language and intercultural communication in English.

Due to the large flow of immigrants to the UK, the address of Russian linguists to the problem of the possible influence of ethnic groups on the British pronunciation standard appears relevant and timely [Медведева, Безбородова 2015]. The results of this study showed that this immigration to the UK is not able to radically change the existing system of the British pronunciation standard due to the insignificant share of migrants’ involvement in the process of forming new pronunciation variants of the English language.

And now we should dwell upon the study of the peculiarities of phonetic variability of various variants of the English language revealed by Russian linguists.

2. Phonetic variability of the English language functioning on the territory of the British Isles

For the modern vowel system of the *British English variant*, some changes are typical that occur, for example, in the sound system of the South English regional type of pronunciation – Estuary English (EE) [Медведева 2001]. T. V. Medvedeva’s perceptual-auditory analysis of a number of vowel sounds in the modern Received Pronunciation (RP) and EE and in Cockney confirmed the fact that there are significant differences in the sound of vowels in both EE and RP, and Cockney. According to the specialists in experimental phonetics, EE forms an appropriate model, which is characteristic of educated Englishmen belonging to the middle class of British society. This model of EE "turns" into a kind of independent type of pronunciation in the southern region of England [Медведева 2002].

Over the past ten years, results have been obtained that indicate a qualitative change in the British vocal system of youth speech over the past 40–45 years, which contributes to a more profound understanding of the dynamics of the pronunciation norm of the British English language as a whole [Мурай 2001; Мурай 2005].

O.V. Murai proves the existence of significant modifications of vowel sounds in the accented position in continuous speech. The consonant environment determines the positional variability of English vowels. In this case, the characteristics of the previous consonant affect the location of the vowel allophones in the plane of the phonetic space to varying degrees.

Modifications of the vowel are manifested in the reduction of the quantitative component of the acoustic complex and changes in quality in the form of variation in the row (horisontal) and height (vertical) without transition to a neutral vowel.

In recent years, attempts have been made to determine the vocal component of the "Youth norm of Received Pronunciation (RP)" [Безбородова 2014, p. 9]. The obtained results confirmed that the frequency characteristics of a number of vowels in the speech of educated Englishmen underwent varying degrees of variation.

For the convenience of determining the conditional borders of the "Youth norm of RP", all trends of vocal changes in youth speech revealed in this study, are conditionally divided by M. V. Bezborodova on "settled", "innovative" and "old-fashioned".

All the trends of vocal changes revealed during this study and marked by A. Cruttenden (2001) as "fully completed" and "established" are assigned in the author's gradation to *settled* ones and those "newly arisen", "innovations on the verge of RP", as well as the phenomenon with no certain evaluation – to *innovative* ones. The cases of vowels "returning" in their implementations to the conservative RP (called "old fashioned RP" by A. Gimson (1980)) were classified as *old-fashioned.* This "return" is considered a kind of innovation for the current state of the vowel system.

M. V. Bezborodova's comparison of results of perceptive-auditory and acoustic analysis (2014) of the realizations of English vowels in the speech of young Britons with the frequency characteristics of the RP vowels published by A. Cruttenden in 2001, revealed that the frequency characteristics of a number of vowels in the speech of educated English people underwent varying degrees of change, namely, in the system of monophthongs, the changes affected /iː/, /ɪ/, /e/, /æ/, /ɒ/, /ɔː/, /ʊ/ and /uː/; in the diphthong system, the nuclei /eɪ/, /aɪ/, /ɔɪ/, /əʊ/, /aʊ/, /ʊə/, and some glides – /aɪ/, /ɔɪ/, /aʊ/ и /ʊə/. In conclusion, M.V. Bezborodova notes that 8 monophthongs, 5 nuclear elements of diphthongs and 4 diphthong glide elements were subjected to changes in the speech of men, as well as 7 monophthongs, 6 nuclear elements of diphthongs and 3 glide elements in the speech of women.

The aim of the study described in the paper [Степкина, 2011] is to find out, on the basis of the British English material, how far the *gender*[1] features of the phonetic side of speech described in sufficient detail for adults, are present in the prosodic and intonational formulation of the speech of young people of student age. The results of I. Ju. Stepkina's research showed that gender stereotypes are already quite pronounced in the speech of youth of student age. The average value of the fundamental frequency (FF) in the speech of young women is above the mean FF value in the speech of young men. The greater determination to the sound of male speech is given by the dominance of short syntagms, and, correspondingly, by a greater number of descending tones. In the speech of young women there is a greater variety of tones and scales, which makes their speech more diverse. The FF range in the young women's speech is wider, and they use the lower register more often than young men. Young men tend to change the volume level to emphasize the rheme in the sentence with a relatively smooth tone movement.

The paper [Безбородова 2013] is devoted to the influence of age and gender, the basic constituents of the sociolect, on the variability of the vocal component of the British pronunciation standard (Received Pronunciation (RP), or, as it is increasingly called, BBC-English). The author analyzed the speech of informants speaking in the British pronunciation standard – inhabitants of the South-East of England belonging

[1] For the gender variability in English-speaking countries, see, for example, such works as [Потапов 1997; Потапов 2002] and others.

to two youth age groups (18–25 and 26–39 years old), in order to detect the presence of common features characteristic for this age group, as well as special differences in the sound of vowels, taking into account the gender aspect. M. V. Bezborodova's study of the vocal component of the Englishmen (on the material of monophthongs) confirmed the use of innovative forms of pronunciation by informants of the two groups. In addition, the trends of changes in RP found in the young group of informants (18–25 years old), and especially in the speech of young men, also appear in the speech of the older group (26–39 years), but in smaller proportions.

All the data given by the author show that, despite the variability of pronunciation in all groups of informants, young people's speech approaches the pronunciation standard as they grow up, but is far from the standard.

Comparing the pronunciation trends of young people with regard to the gender factor, M. V. Bezborodova found that the speech of the young men demonstrated the most extreme modified forms of verbal behavior, and in the women's speech there is clearly a "gender paradox" noted earlier by W. Labov (2006). However, the changes in the speech of the women's group revealed by the author of this study, show that the image of a young educated woman is undergoing changes, and young women are more frequently copying male forms of behavior to establish their equal position in society. All of the above confirms the presence of a high degree of variability in the English phonetic system at the present stage [Безбородова 2013].

The paper [Медведева, Безбородова 2014] describes the influence of the gender factor on the mechanism of changes in the system of modern English vocalism (monophthongs and diphthongs) on the example of the speech of educated young Britons[1].

The authors concluded that some of the pronunciation changes are introduced by women, some other – by men, and individual trends of variability of English vowels are common to both groups, which may serve as proof that these pronunciation features lose their gender marking and gradually become part of the modern standard. In general, according to T. V. Medvedeva and M. V. Bezborodova (2014), men's speech can be regarded as a linguistic dominant, since male speech is characterized by

[1] On the gender variability in the speech of British youth, see also [Медведева, Мурай 2007].

greater adaptability to natural articulatory processes. Men aspire to saving speech efforts; women, on the one hand, try to use more standard and traditional forms, but, on the other hand, they are more progressive, as they copy male pronunciation forms that are perspective, and also actively introduce innovative features into their speech.

An important aspect in the study of sociophonetic parameters in the *first circle of the English language functioning* is to identify the systemic, distributive and implemented characteristics of *the Welsh variant of the English language* in comparison with the intonation of the British literary pronunciation norms, which are manifested depending on social and personal characteristics of the people of Wales [Федотова 2011; Федотова 2013]. M. V. Fedotova's research of the intonation of the people of Wales led to the conclusion that the specific intonation forms existing in diglossic situations and conditioned by imposition of elements of the Welsh (Celtic) and English (standard) intonation systems are socially differentiated. The identity of the Welsh variant of the English language in the field of pronunciation is proved. The peculiarity of the modern language situation in Wales characterized by diglossia under the conditions of the language policy on the revival of the native language of the region, as well as changes in the views of the Welsh on the Welsh accent in the English language, is revealed. The research also revealed the national specifics of the *melodic* intonation, which is the frequency of use and the phonetic form of *ascending-descending* (ADT) and *ascending* (AT) *terminal tones*. Specific features of the tone configurations are revealed that are determined by the combination of the fundamental frequency (FF), intensity and duration, which provide the originality of the rhythm of the interfered speech. The degree of distinct manifestation of various intonation characteristics was determined (depending on the combination of a number of established social factors: regional, age, socioeconomic and gender) [Федотова 2011; Федотова 2013].

As for the gender factor in the variability of pronunciation, in M. V. Fedotova's opinion, the descending tone was dominant in both male and female speech, and AT was more characteristic of male speech. The regional marker, ADT, was equally observed in both groups. Consequently, the female speech has both the characteristics of Received Pronunciation (RP) expressed in the prevalence of descending tone in women's speech, and the features of the local variant (i.e., ADT).

When examining the index characteristics of Welsh intonation, three main melodic models were established corresponding to the expression of incompleteness [Федотова 2011; Федотова 2013]: AT, level and descending-ascending tones.

Scottish English holds a special place among all the variety of accents and dialects of the British Isles, representing a combination of Old English borrowings and unique dialectal grammatical constructions with "ordinary" English subjected to multiple phonetic modifications, which makes the concept of Scottish English itself very difficult to determine.

In this respect, attempts have been made to investigate various phonetic processes in the speech of speakers of the Scottish variant of the English language (see, for example, the regional variation in the intonation of English in Scotland [Скуланова 1984]). K. S. Kulikova (2015) found some specific characteristics in Scots' monologic speech. Perceptual-auditory and acoustic types of analysis made it possible for the author to reveal the characteristic features in spoken language of those speaking the standard Scottish variant of the English language in comparison with the carriers of the orthoepic norm of UK.

The results of the analysis obtained by K.S. Kulikova (2015) show the presence in all native speakers of all age groups of precisely those features that are characteristic of the standard Scottish pronunciation. All native speakers use the dark version of the phoneme /l/ in all positions in words and significantly reduce the degree of aspiration[1] of voiceless explosives /p, t, k/ in all positions.

Realizations of vowels in the speech of native speakers of all groups are characterized by K. S. Kulikova as typical for Standard Scottish English (SSE). Phonetic processes found in the speech of those speaking the standard Scottish English show in a definite way that SSE has a set of specific sound modifications not inherent to any another variant of English [Куликова 2015].

Let us give an example taking into account the phonetic variability, which is caused by the *rhythmic* structure of the speech flow.

Rhythm in English studies is considered as a component of intonation associated with all its other components: melodics, loudness, tempo, timbre [Давыдов, Рубинова 1997]. Special attention is paid to the "behavior"

[1] The process of pre-aspiration of fricatives in Scottish English is discussed in the work [Gordeeva, Scobbie 2010].

of accent models of polysyllabic words of the English language (see, for example, [Vishnevskaya 2007]) in the main spoken language styles (registers): *lecture, fiction spoken language* and *pragmalinguistic* style (see, for example, [Антипова 1984]). In this connection, of special importance is the problem of *secondary stress* in modern English, which for many years was one of the most pressing problems in numerous studies of specialists in English.

This problem may include a range of issues, among which the following may be attributed: what is the difference between models with secondary stresses and models in postposition (after the main stress); what is the difference in the modifications of these models depending on the style of speech?

The study of the *fiction spoken language style* allowed the authors to come to the following main conclusions [Давыдов, Рубинова 1997]. First, the more expressive prosody of this style of speech and the emergence of the timbral component in the foreground lead, in a number of cases, to the restructuring of accent models, the replacement of some accent models by some others. Secondly, these replacements do not go beyond the framework of the dictionary accent models or some changes (as, for example, the absence of the usual syllable salience). Thirdly, a very common case is the complete loss of the main stress or, more precisely, the shift of the main stress to the place of the secondary stress. This kind of shifts leads to a strengthening of the semantics of the corresponding adjectives.

The *pragmalinguistic style* [Давыдов, Рубинова 1997] includes cases of utterance when the lecturer, for didactic purposes, deliberately transforms the normal accent structure of some words. The pragmalinguistic material is that part of the lecture style when the attention of the lecturer switches from the content to the form of certain words and word combinations: it is either about the phonemic appearance of the word or about its morphological composition or about its prosodic features (as a special case, about its accent structure).

In contrast to the *lecture style* of speech, where the main factors in changing accent patterns are the positions in the syntagma and the rhythmic pattern of the latter, in the pragmalinguistic style the word appears to be isolated from the rest of the text and its accent model depends on one or another pragmalinguistic setting of the speaker. Consequently, in the opinion of M. V. Davydov and O. S. Rubinova, the pragmalinguistic style takes us beyond the usual accent patterns fixed in dictionaries. On examples of complex words of unstable type, there is a noticeable acceleration of the tempo both before the main stress and after it. This feature could be used to differentiate the prosodic feature of polysyllabic words, on the one hand, and word combinations, on the other. However, the number of unstressed syllables after a secondary stress is, as a rule, not so great that such a difference in the tempo could be clearly and undoubtedly fixed. The difference between words and phrases is revealed, nevertheless, with a logical or emphatic accentuation of the first word in the phrase: a high descending tone (or an ascending tone in the extended interval) cannot be realized at the place of the secondary stress; this is peculiar only to the main stress of the defining word in word combinations.

Thus, in the course of this study [Давыдов, Рубинова 1997], it became clear that stylistic modifications should be taken into account in any discussion of accent models. According to the authors, it is necessary to distinguish the modifications that have arisen in connection with the change in the speech tempo (*public, ordinary, colloquial* styles) and modifications associated with changes at the semantic level (*pragmalinguistic* style).

The paper [Старкина 2010] is devoted to the analysis of the qualities of the voice conveying the irony in spoken fiction texts in English. Speech variability, indicating the ability to some modification, is most clearly manifested in *linguistic expression* [Вишневская 2013]. Therefore, when conveying irony, the parameters of voice quality are considered in combination with lexical-grammatical and prosodic means.

The *ironic prosody*[1] in English spoken language, according to O. A. Starkina (2010), is characterized by a descending-ascending tone with a low rise, or an ascending-descending tone, as well as contrasting (slowed or accelerated) tempo. Irony is also realized with the help of other linguistic means including: pun (play of words), repetition, understatement, understatement (concealment), figurative comparisons, paradox, allusion, evaluative words, linguistic units related to the low-spoken style. The realization of irony with the voice qualities directly depends on its *types* [Старкина 2010]. The most common kind of irony in the sounding text is clear irony, ridicule, which is characterized by increased loudness and clarity of pronunciation, tension of the vocal

[1] For a key role of the traditional prosodic means in the irony realization, see [Королева 2008].

cords, variation in tempo and timbre. The latent irony is distinguished by a neutral prosodic and smoothed timbre tone. For irony with a touch of bantering a timbre of a smile is characteristic, as well as clear and dynamic voice. Bitter irony is expressed by muffled, aspirated, trembling voice with ironic coloring.

The paper [Шенберг 2010] is devoted to the problem of the pragmatic function of intonation (the category of politeness). The sound side of speech, namely, the intonation of each individual speech act contains information about the speaker's features, their self-control, restraint or emotionality, which also affects the intonation pattern of the utterance and cannot but influence the degree of their politeness.

In the opinion of the author of the paper, melodics is the most indicative in acts of politeness, since the degree of politeness of an utterance depends both on the type of the melodic scale, and on the character of the terminal tone, and on the range of its realization. However, the remaining components of intonation are also important when creating the effect of a polite speech act; and, perhaps, in informal contexts, their role is more significant than that of the melodics. E.Ju. Shoenberg highlights the importance of the timbre component of intonation: the timbre of the overwhelming majority of utterances impolite from the native English speakers' point of view is characterized by phonetic experts as solid, while soft timbre is associated with politeness. Phrase *Will you please sit down* pronounced with a terminal descending tone, but in a soft voice, can be perceived as polite depending on other contextual details. The perceptive correlate of intensity – loudness – can also be a measure of politeness / impoliteness of an utterance. The characteristic features of polite speech are not only the specific tone of the voice, which is the most variable component of intonation, but also the moderate intensity, the slowed-down speech tempo and the calm, soft timbre of the voice [Шенберг 2010].

A detailed analysis of a large corpus of dramatic monologues with various topics made it possible for the author [Овсянникова 2010] to draw a conclusion that there is considerable variation in their realization regarding the use of melodic scales, terminal tones, as well as tempo, rhythm and timbre. The corresponding tones of the English language used in non-final intonation groups (low ascending, high ascending, level static, low ascending and descending-ascending) are characteristic not only of the formal style of speech, but also of the informal style presented by dramatic monologues. In monologues, the percentage of using a high ascending tone is quite high [Овсянникова 2010].

The purpose of the study [Кожедуб 2009] relating to the field of *forensic rhetoric* (on the theory of rhetoric, see [Рождественский 1997; Меньшенина 2013] and others) is to identify the characteristics of prosodic organization of persuasion as a form of direct influence in a courtroom speech in the British variant of the English language, as well as the role of prosodic means in expressing illocutionary meanings with the perlocutive effect of persuasion in a courtroom speech.

As a result, taking into account the prosodic features that can be considered invariant for academic public speech, there are variable features that are a manifestation of the speaker's individual style[1] [Фрейдина 2007, p. 185].

Prosodic characteristics are influenced in a similar way by the emotional state of the speaker, the suprasgmental characteristics of speech playing an important role in conveying the perlocutive effect of persuasion. In the opinion of N. V. Kozhedub, these characteristics associated with changes in the pitch, loudness and duration of the speech wave, convey the state of the forensic orator (speaker) with greater accuracy than the segment characteristics. When these changes are perceived, recipients (listeners) form optimal perceptual judgments. According to N. V. Kozhedub, all the intonation characteristics form a "scale of importance" highlighting the significant segments of the phrase, with the main role played by pitch. The pitch interval and the kinetic tone interact with such intonation components as tempo and loudness.

The data obtained as a result of the mathematical and statistical study of the corpus by N. V. Koždub have shown that not all elements of the prosodic structure of courtroom utterances are equivalent in the formation of the perlocutive effect of persuasion. And only such acoustic parameters as the frequency of pre-nuclear, nuclear and post-nuclear syllables and the average intensity of the nuclear syllable can be distinctive. The speaker chooses certain melodics to optimize the relationship between the utterance, the response of listeners and the intended perlocutive effect. N. V. Kozhedub presumes that these relationships consist of various tone components of the phrase stress, i.e. tones, which form certain melodic patterns.

[1] «В результате на фоне просодических признаков, которые можно считать инвариантными для академической публичной речи, наблюдаются вариативные признаки, являющиеся проявлением индивидуального стиля оратора».

The results obtained by N. V. Kozhedub (2009) in the course of experimental analysis showed that the perlocutive effect of persuasion is achieved through affirmative and interrogative utterances, while imperative courtroom utterances have this effect in a lesser degree. The forensic speaker widely uses intonation to form illocutionally ambiguous acts of indirect speech, which are a vivid example of creating a perlocutive effect of persuasion. Thus, the utterances of defense lawers and accusers equally have a pronounced perlocutive effect of persuasion.

3. Phonetic variability of the English language functioning on the territory of North America

The main object of the study of Russian linguists is, first of all, the *British* (see above) and *American variants of the English language* (see, for example, [Андросова 2004; Андросова, Гусева 2007; Казак 2013a; 2013b; Казак, Лузина 2013; Пальченко 2001; Постникова 2001; Скопинцева 2001; Якунина 2000; Якунина 2001] and others).

In the work [Шевченко 2015], the role of the prosody of the English spoken language in the creation of the national and sociocultural identity of certain population groups in the United Kingdom and the USA is indicated.

The author notes some *differences in the prosody of UK and US native speakers*: the American pronunciation standard by the regional principle tends to the north, while the British pronunciation standard is connected historically and culturally with the southeast of England. The American standard developed on the basis of colloquial speech, is associated with a narrow range of the fundamental frequency (FF), while the British pronunciation standard reflecting the spoken language of the social elite is associated with a wide FF range. American women use a wider FF range than American men, unlike British women who speak in a narrower FF range than British men [Шевченко 2015].

As the experiment showed [Агальцов 2000], the standard American pronunciation is more oriented toward the northern type of pronunciation, i.e. has pronounced variants of vowel realization inherent in northern dialects. Some vowels ([a:], [eɪ] and [aʊ]) have deviations from standard values in directions typical for the Northern shift [Labov 1991].

Of particular interest is the geographic conditionality of the smooth transition in the speech continuum represented by a number of intermediate regions along the North-South axis of the United States. Subjects in the experiment conducted by E. A. Babushkina and T. I. Shevchenko (2000) were grouped as representatives of such regions as: North, Northern Midland, Southern Midland and South.

The results obtained in the course of the instrumental analysis made it possible for E. A. Babushkina and T. I. Shevchenko (2000) to draw a conclusion that the temporal component of prosody is an informative indicator of regional English speech in the US: the tempo slows down as we move to the South; and socially – with aging and status upgrading. The FF range manifests itself as a stable parameter for recognition of regional speech only if such social characteristics as status, gender, age and level of education of the speakers are neutralized, i.e. the territorial factor is interconnected with social phenomena.

E. A. Babushkina and T. I. Shevchenko (2000) scientifically substantiate the persistence of pronounciation stereotypes of the North and South in the USA. In the minds of the Americans, the norm is associated with the North and the West, therefore the southern pronunciation is perceived as a kind of "marginal" and therefore as substandard. Moving towards the South, one can observe that people speak more slowly, which is manifested, first of all, in increasing the duration of the pause with respect to phonation, as well as in increasing the average duration of syllables (this is stylistically noted in spontaneous speech, but not in reading). In addition, in the South, people use a wider range of voice, which is most relevant to women.

Among the many circumstances of external influence on the language, *gender* holds a significant place. The phonetic, in particular prosodic, aspect of speech in the gender perspective [Банков 2008] is of scientific interest, which is primarily due to the recognition of the function of language in the process of *constructing gender identities* [Кирилина 1999] and understanding the role played by intonation in the realization of various meanings. Gender has at least two basic structural components: *personal* and *social.* The social component of gender regulates the number and properties of gender statuses. It functions independently of a particular individual in the form of normative, hierarchical, stereotyped and role systems and refers to the society as a whole. The personal component of gender is a set of conceptual representations in the mind of a person, formed as a result of comprehending social norms and developing their own attitude in relation to them. The interaction of gender with the language is built according to the structural division of the former. Consequently, two channels of interaction are obvious: “social component – language” and “personal component – speech” [Банков, 2008].

Taking into account the social and linguistic significance of gender, its speech markers can be considered a “set of linguistic units serving a limited speech sphere” [Потапова, 2000]. In this case, it is proper to speak about gender sublanguages: the *sublanguage of female gender* and the *sublanguage of male gender* [Банков, 2008]. Each of them has absolutely specific characteristics, which are their differentiating features, relatively specific – situationally conditioned – and non-specific.

According to A. S. Bankov (2008), in spontaneous speech, gender differences are much more pronounced: men are less likely to use quasi-pauses; and long pauses in women’s speech are almost twice as short as in men’s speeches.

The next stage of the linguistic analysis is A. S. Bankov’s consideration of interaction of gender and speech rhythm. On the basis of the relationship between the structural type of rhythmic groups and their position in the speech segment (phrase or syntagma), A. S. Bankov revealed the following: in male speech, the distribution of structural types of rhythmic groups by positions in speech segments looks more monotonous and on the whole gives the impression of greater systematization than in women’s speech.

According to A.S. Bankov, the speech melodics has the following gender differences: the melodic patterns in the speech of men and women differ in that the former are perceived as less variable and more monotonous than the latter.

Thus, in conclusion, it should be emphasized that A. S. Bankov’s study contributes to the development of the sociolinguistic problem of studying mechanisms for the realization of the gender factor in language and speech. An important aspect of the work is a comprehensive study of the mechanisms for constructing a gender image by the means of phrase prosody in American English (AE).

The gender specificity of the prosody of the American spontaneous monologue in its relationship with the age features of speech is also of great interest. Work [Романова 2011] presents the results of acoustic analysis of melodics, range and speech tempo.

E. Ju. Romanova (2011) concluded that in the monologic speech of the representatives of both sexes descending and even pitch patterns predominate; the range of female speech is wider than that of male speech. The average length of the syllable (ALS) in men's speech is less than in women's speech; therefore, the speed of articulation (tempo) in men's speech is higher. The average duration of intonation phrases and pauses in women's speech is lower than in men's speech, and the number of intonation phrases pronounced in one minute is longer, consequently, the overall tempo in women's speech is higher.

Russian researchers also address the main complex problems in the study of the American English speech rhythm [Сокорева 2015]. The results of the analysis of the acoustic characteristics of the foot as a unit of rhythm and stressed and unstressed syllables of its components establish the presence of age-related changes in the speech rhythm of the American-native speaker subjects, as well as the possibility of recognizing the rhythmic type of language directly at the beginning of *mediated distant discourse*[1] (term by R. K. Potapova).

In T. V. Sokoreva's opinion (2015), the results of the study indicate a certain change in the speech rhythm with the course of human life. The rhythmical organization of the speech of American men and women undergoes various changes with age: as the age of the American-native speaker subjects increases, the values of the mean length of the foot and the stressed syllable increase, and the ratio of the duration of the stressed syllable with respect to unstressed syllables also increases. With age, in speech of both men and women the FF interval expands and values of the variability index, FF_{max}, increase. Female speech, as the informants get older, is characterized by a decrease in the variability index for values of the duration of the foot and FF_{max} values in stressed and unstressed syllables. With age, in the speech of men and in the speech of women there is a decrease in FF_{min} values. All this indicates a change in the rhythmic pattern of speech throughout the life of a person: the speech rhythm of Americans becomes more accent-based with age. The results obtained during the analysis made it possible for T. Sokoreva to speak about some gender changes in prosodic characteristics: FF_{max} values in women's speech are higher than in men's speech, and the variability index for intensity values is higher in men's speech.

The study of a single project [Сокорева, Шевченко 2016] and [Сокорева 2018] is devoted to the analysis of age-related changes in the rhythm of the English language, in the experimental part of which

[1] In this case, telephone conversations.

prosodic characteristics were considered that make up the speech rhythm of 102 American-native speaker subjects in terms *of distant discourse*[1] (term by R. K. Potapova).

The study of the American dialogical speech proved that the optimization of prosodic means to maintain the rhythm goes simultaneously with the development and then the decay of the person's physical capabilities, as well as the enrichment of their social and linguistic practice, which allows at every stage of human life to assess the significance of the changes occurring. Rhythm as a regular alternation of strong and weak elements, rhythm as periodicity and predictability helps reveal accented stressed syllables, which draw attention to the most informative part of the utterance, providing word recognition and speech understanding. Preservation of this ability has been shown in these works: the results indicate the presence in the speech of older Americans of compensatory processes aimed, in the authors' opinion, at maintaining the most important prosodic models providing efficient speech perception, segmentation, recognition and understanding.

An important aspect of the research of Russian linguists is also studying pronunciation phenomena in *Canadian English* (CE). It is well known that the pronunciation norm in Canada is closely related to spelling. In some cases, adherence to the American or British standard initially implies a certain form of the word and its pronunciation. On the other hand, American pronunciation of words written according to the rules of British orthography can be preserved (and vice versa). The interpenetration of the national pronunciation variants of England and the United States is one of the main features of the pronunciation in Canada. Consequently, Canadian English reflecting the historical ties with Britain and the geographic co-location with the United States, has incorporated many of the features of two cultures ([Scargill 1977; Boberg 2010; Цибуля 2000; Казак 2013b; Вишневская, Абызов 2016] and others). Therefore, in this case, one can speak about the following comprehensive process: the British and American traditions determine the choice of orthoepy, and both these traditions also differ in variability and change with time.

The studies within an integrated project [Shevchenko, Pozdeeva 2017] and [Поздеева 2018] are devoted to the study of the specificity of the word stress in *Canadian English* in normative, cognitive, perceptual and acoustic aspects.

[1] i.e. telephone conversations.

Canadian English (CE) word stress, apart from sharing stress patterns with either the American or the British norms, reveals nationally specific rhythm-based features. The evidence was collected by working through the English Pronouncing Dictionary (EPD) and the Canadian Oxford Dictionary (COD). The next step was comparing frequencies of words with varying stress patterns in three national written and spoken speech corpora: the British National Corpus (BNC), the Corpus of Contemporary American English (COCA) and the Corpus of Canadian English (CCE). The words under analysis displayed nearly identical frequencies in the three sources; 89 most frequent polysyllabic words were selected for online express-survey. Canadian subjects (30) representing the diversity of CE linguistic identities (anglophones, francophones, allophones) which affected their decision on word stress locations demonstrated their preferences for either the Canadian, the British or the American stress patterns, accordingly. The viability of the Canadian stress patterns was supported by the data from more Canadian natural speech corpora: International Dialects of English Archive (IDEA) and Voices of the International Corpus of English (VOICE). Acoustic and perceptual analyses based on production and perception processing performed by native (anglophone) CE speakers demonstrated the significance of secondary stress in CE stress patterns [Shevchenko, Pozdeeva 2017, p. 221].

Thus, in this study, the verbal stress in CE is studied from a number of angles: norms fixed in the national vocabulary prescribing the use of a certain accent model are compared by the authors with accent models settled in the minds of native speakers. Perceptual and acoustic analyzes made it possible for the authors to identify accent models that are used in real speech, as well as acoustic keys that act as references in the selection and perception of stressed syllables.

4. Phonetic variability of the English language functioning on the territory of the Asian continent

Due to the international status of the English language, Russian linguists confirm the fact that at present the English language has ceased to belong exclusively to the speakers of the so-called “traditional variants”, i.e. to those speaking in national variants of Great Britain, USA, Canada, Australia and New Zealand.

This trend is also evident in the study of the English language variant in India [Ледяева, Илларионова 2012]. With closer attention, the authors turn to the problem of the *hinglish* "language" based on the interaction of English and Hindi. As the analysis of examples has shown, in Hinglish orthoepic interference is more often observed, that is, the replacement of the middle and final vowels and consonants. There are also cases of linguistic compression and, on the contrary, the phenomenon of language redundancy due to inclusions from the Hindi language.

Consequently, Hinglish is a mix of Hindi and English. It often sounds in the speech of modern student youth, many educated Indians, Indian specialists working in the field of information technology, and tradesmen. Hinglish dominates in the cinema, on television, especially on musical and entertainment channels, in advertising, and in the media. It is also the language of a subculture or hybrid culture of a certain class of ethnic Indians living or born outside India [Ледяева, Илларионова 2012].

In her work E. Ju. Romanova (2015) explores phonetic features of the English language in India by the example of the *northern Indian type of pronunciation*. An attempt is made to identify the phonetic differences between the northern Indian variant and the British pronunciation standard at the segmental level. It is concluded that the studied northern Indian variant of English has a large number of sound differences, especially from the British standard consonant system. The author then dwells on the following basic characteristics of the northern Indian dialect of English: the majority of British long vowels retained the original sound (with the exception of the sound /ɜ:/). British short vowels, unlike long vowels, were influenced by Indian languages. The diphthong system is characterized by a process of monophthongization. Only two diphthongs /aɪ/ and /au/ are identified, which are close to the British diphthongs. Consonants are characterized by retroflexion and the absence of aspiration. Also, the author of the study mentions the absence of dental fricatives /θ/ and /ð/ in the consonant system of the northern Indian variant of English. In the consonant system, the absence of some sounds is observed: /ʒ/, /h/ and /j/, which are transmitted by the corresponding sounds in the northern dialect.

The same group of studies of the third circle of English-speaking countries includes works aimed at identification of characteristic melodic features of the unprepared English speech of indigenous inhabitants of India and Hong Kong [Казакова 2015]. A number of distinctive features of the intonation systems of the studied variants of the English language were manifested in the use of the pitch and range, and also in the melodics of the pre-nuclear and nuclear parts of the utterance.

As a result of O. V. Kazakova's analysis of the fundamental frequency (FF) range in the speech of those speaking the *Indian and Hong Kong variants* revealed a significant difference. No discernable discrepancy was found between the two variants in the range width in the conducted study.

The prosodic systems of both variants represent a "blending" of properties of the pattern and level tonal systems, according to O. V. Kazakova (2015), that emerged as a result of the interaction of intonation systems of English and native languages. In the Indian variant of the English language the tendency prevails, in which there is a leap in post-tonic syllables of the pre-nuclear part foot to a higher level, while in the Hong Kong variant of the English language there is a leap to a lower level.

Investigation by V. Zavyalova, D. Poduzova, D. Shaydullina and E. Lukina (2015) is called "Spoken-speech databases corresponding to the realization of a foreign accent: the problem of annotation". The attention of the authors is drawn to the difficulty in annotating speech with a foreign accent on the example of the Russian-Asian Corpus of English created at the Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia). The corpus was based on the results of phonetic studies of *East Asian English*[1]. As shown by a number of studies, East Asian English is characterized by a specific accent based on the phonological typology of the speakers' native languages including the syllabic organization influencing the segmentation of the final interfered speech utterance. The created corpus of the interfered Russian-Asian-English speech contains sociolinguistic information on the speakers, including age, gender, nationality, countries of birth, etc. This includes information on the communicative situation, the quality of the material records, etc. The corpus includes such kinds of speech activity as quasi-spontaneous speech and prepared samples of interfered English speech.

[1] In this respect, the dictionary by Z. G. Proshina (2004) is of great interest, which reveals the role of English as an intermediary language between the East Asian countries and native speakers of the Russian language. This dictionary presents the English-language borrowings of the realities of China, Korea and Japan, as well as words reflecting the relationship of English speakers with the peoples of East Asia.

5. Conclusion

In conclusion, it should be emphasized that work in this field of knowledge is methodologically correlated with the theory of variability in the phonetic system of language having the following *four bases*.

First, the phonetic variability is defined by the very apparatus of the speech organs, the pneumatic-mechanical mechanism of all sound units and the speech process itself. This aspect of phonetic variation is called *organo-genetic* or *organic*. Secondly, the phonetic variability depends on systemic interrelations of sound units, their location in the structures of phonetic words and utterances. This aspect of it is called *systemic* or *structural*. Third, the phonetic variability is caused by the need to differentiate various speech styles and genres. This aspect is called *stylistic-differentiating* or *stylistic* Fourth, the phonetic variability of sound units and the correlated phonetic structures of phonetic words and utterances formed by them is due to the presence of dialectal, local and social differences in the phonetic system of language. This aspect of phonetic variability is called *dialectal*[1] [Торсуев 1977, p. 3–4].

At the phonetic level, one should refer to the classification of sound variants proposed by G. K. Kenzhebulatova (1992). The author considers the distribution of sound units following the classification of individual speech facts depending on their cause. Thus, the variation of sound units is divided into two main “blocks”: *intralinguistic* and *extralinguistic variation* of sound units. *Intralinguistic variation* includes both allophonic variation (positional, combinatorial and prosodic), and diaphonic variation (historical, territorial). *Extralinguistic variation* is

[1] «Во-первых, фонетическая вариативность обусловлена самим устройством органов речи, пневматико-механической основой всех звуковых единиц и самого процесса речи. Этот аспект фонетической вариативности называется *органогенетическим*, или *органическим*. Во-вторых, фонетическая вариативность обусловлена системными взаимоотношениями звуковых единиц, их местоположением в структурах фонетических слов и высказываний. Этот ее аспект называется *системным*, или *структурным*. В-третьих, фонетическая вариативность обусловлена необходимостью дифференцировать различные стили и жанры речи. Этот аспект носит название *стилистически-дифференцирующий*, или *стилистический.* В-четвертых, фонетическая вариативность звуковых единиц и образуемых ими соотносимых фонетических структур фонетических слов и высказываний обусловлена наличием диалектальных, местных и социальных различий в фонетической системе языка. Этот аспект фонетической вариативности называется *диалектальным*».

a sociophonic variation depending on such parameters as age, gender, profession, social status and situation.

All the more important are studies of various kinds of variation in English speech, depending on the models of the formation of national variants. This fact is related to the phonology of the three circles of the English language functioning (the time of formation of the new variant, the social context and contacts with other languages and cultures): the *first circle of the English language functioning* on the territory of the British Isles (Wales, Ireland, Scotland, England); the *second circle of the English language functioning* (USA, Canada, Australia, New Zealand, South Africa); the *third circle of the English language functioning* (Nigeria, India, Singapore, Hong Kong).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агальцов А. А. Формы фонетического варьирования гласных в американском стандартном произношении // Звучащая речь: сб. науч. тр. МГЛУ / отв. ред. Т. В. Медведева. М., 2000. Вып. 453. С. 87–101.

Андросова С. В. К вопросу о структуре слогов в английской спонтанной речи (на материале американского варианта английского языка) // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера (сб. статей). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 109–114.

Андросова С. В., Гусева С. И. К вопросу о вариативности согласных фонем в спонтанной речи (на материале германских языков) // Проблемы фонетики 5 : сб. статей / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М. : Наука, 2007. С. 151–161.

Антипова А. М. Ритмическая система английской речи. М.: Высшая школа, 1984. 119 с.

Бабушкина Е. А., Шевченко Т. И. Стереотипы Севера и Юга в американском произношении (опыт экспериментальной проверки) // Звучащая речь: сб. науч. тр. МГЛУ / отв. ред. Т. В. Медведева. М., 2000. Вып. 453. С. 514.

Банков А. С. Гендерный фактор в просодическом оформлении речи коммуникантов: экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка : дис ... канд. филол. наук. Н.-Новгород, 2008. 235 с.

Безбородова М. В. Возрастные особенности речевого поведения молодых англичан (гендерный аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 1 (661). С. 16–31.

Безбородова М. В. Гендерный аспект «молодежной нормы RP» (вокалическая составляющая) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 1 (687). С. 9–20.

Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М. : Высшая школа, 1993. 144 с.

Вербицкая Л. А. Общелингвистические аспекты формирования произносительной нормы // 100 лет экспериментальной фонетике в России : материалы Междунар. конф. / отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2001. С. 40–43.

Вербицкая Л. А. Языковая норма: реальность или вымысел? // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. К 70-летию Л. В. Бондарко / отв. ред. Н. Б. Вольская, Н. Д. Светозарова. СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2002. С. 117–121.

Вишневская Г. М. Новые формы существования языка и языковая вариативность: XXI век // Успехи современного естествознания. 2013. №5. С. 121–122.

Вишневская Г. М., Абызов А. А. Канадский вариант английского языка // Вишневская Г. М., Абызов А. А. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм). Иваново : ИВГПУ, 2016. С. 76–138.

Германова Н. Н. Лингвокультурные основания нормативной грамматической традиции (на материале грамматик английского языка конца XVII начала XX вв.) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2016. 47 с.

Гришина Л. В. Озвонченное /t/ в произносительной норме Великобритании: американское влияние? // Сегментный и супрасегментный аспекты звучащего текста / отв. ред. Т. В. Медведева. 2001. Вып. 462. С. 21–34.

Давыдов М. В., Рубинова О. С. Ритм английского языка. М. : Диалог-МГУ, 1997. 116 с.

Десницкая А. В., Кацнельсон С. Д. (отв. ред.) История лингвистических учений. Древний мир. Л. : Наука, 1980. 260 с.

Казак Е. А. Национально-культурное и этническое своеобразие американского варианта английского языка (Вместо предисловия) // Язык в глобальном контексте. Северная Америка сегодня как культурно-языковой феномен : сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания ; отв. ред. Е. А. Казак. М., 2013а. С. 11–16.

Казак Е. А. Английский язык в США и Канаде (Краткий исторический очерк) // Язык в глобальном контексте. Северная Америка сегодня как культурно-языковой феномен: сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. Е. А. Казак. М., 2013б. С. 17–35.

Казак Е. А., Лузина Л. Г. Роль диалектов в формировании литературных норм английского языка в США // Язык в глобальном контексте. Северная Америка сегодня как культурно-языковой феномен: сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. Е. А. Казак. М., 2013. С. 54–62.

Казакова О. В. Некоторые особенности мелодической организации вариантов английского языка в Индии и в Гонконге // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 1 (712). С. 57–73.

Каспранский Р. Р. Проблемы нормы и нормативности в языкознании // Проблемы нормы и вариативности в реализации высказывания : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Р. Р. Каспранский. Горький : ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1990. С. 3–15.

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Институт социологии РАН, 1999. 189 с.

Кожедуб Н. В. Просодическая реализация убеждения как одного из видов речевого воздействия в судебной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка) : дис ... канд. филол. наук. Н.-Новгород, 2009. 249 с.

Королёва Ю. П. Роль просодии в реализации юмора и иронии в британской публичной речи : дис. … канд. филол. наук. М., 2008. 137 с.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1963. Вып. 3. С. 143–343.

Кристал Д. Английский как глобальный : пер. с англ. М. : Весь Мир, 2001. 240 с.

Куликова К. С. Фонетические процессы в стандартном шотландском варианте английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 1 (712). С. 123–134.

Ледяева Е. В., Илларионова Д. М. Вариативность английского языка в современном мире: «Хинглиш» как лингвистический мост между двумя официальными языками современной Индии // Билингвизм и его аспекты: XXI век: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Г. М. Вишневской. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. С. 87–92.

Маковский М. М. Английские социальные диалекты. М. : Высшая школа, 1982. 137 с.

Малова В. И. Ударный вокализм суффолкского диалекта (современное состояние и диахрония) : дис. … канд. филол. наук. Л., 1980. 100 с.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях : пер. с фр. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 263 с.

Медведева Т. В. Вариативность безударного вокализма в британском и американском вариантах английского языка // Филологические науки. 1998. № 2. С. 74–77.

Медведева Т. В. Аллофоническая вариативность гласных в юго-восточном регионе Великобритании // Сегментный и супрасегментный аспекты звучащего текста: Сб. науч. трудов / отв. ред. Т. В. Медведева. 2001. Вып. 462. С. 88–96.

Медведева Т. В. О типах и причинах звуковых изменений (британская, американская и русская лингвистические традиции) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 1 (712). С. 143–152.

Медведева Т. В., Безбородова М. В. Гендерные особенности вокалических инноваций в речи молодых британцев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 1 (687). С. 158–170.

Медведева Т. В., Безбородова М. В. Влияние этнической принадлежности говорящих на британский произносительный стандарт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 15 (726). С. 150–159.

Медведева Т. В., Мурай О. В. Гендерная вариативность речи британской молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. Вып. 523. С. 88–97.

Меньшенина С. В. Московская риторическая школа Ю.В. Рождественского: основатель и последователи // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. Филология. Вып. № 1 (21). С. 125–130.

Мёрфи Р. «Чтобы говорить свободно, нужно расслабиться» // Газета Metro Москва. 4 апреля 2016 (№ 40(56/3452)). С. 11.

Мурай О. В. О некоторых причинах предпочтений в произношении молодого поколения юго-восточного региона Великобритании // Сегментный и супрасегментный аспекты звучащего текста: сб. науч. трудов / отв. ред. Т. В. Медведева. 2001. Вып. 462. С. 96–111.

Мурай О. В. Позиционная вариативность монофтонгов в речи молодежи Великобритании (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис ... канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.

Мячинская Э. И. Отражение великого сдвига гласных в современных английских диалектах : автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1979. 22 с.

Овсянникова Л. А. К вопросу о сегментной и супрасегментной вариативности в восприятии драматических монологов // Фонетические аспекты языковой вариативности: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Г. М. Вишневской. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. С.75–78.

Опарина Е. О. Английский в контакте с другими языками: социокультурные, идеологические, прагматические и психологические причины выбора языка общения в ситуации двуязычия или многоязычия (Научно-аналитический обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. Исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. Н. Н. Трошина. М., 2015. С. 69–83.

Орлов Г. А. Современная английская речь. М. : Высшая школа, 1991. 240 с.

Пальченко Н. В. Акустические корреляты фразового ударения в американском варианте английского языка: социокультурный аспект // Сегментный и супрасегментный аспекты звучащего текста: Сб. науч. трудов / отв. ред. Т. В. Медведева. 2001. Вып. 462. С. 111–118.

Поздеева Д. Т. Специфика словесного ударения в канадском варианте английского языка (Корпусное исследование) : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2018. 24 с.

Постникова Л. В. Просодия. Ситуация. Имидж (на материале ораторской речи американских президентов) // Сегментный и супрасегментный аспекты звучащего текста: сб. науч. тр. / отв. ред. Т. В. Медведева. 2001. Вып. 462. С. 119–137.

Потапов В. В. Вариативность ритмической организации текстов деловой и художественной прозы // Проблемы нормы и вариативности в реализации высказывания : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Р. Р. Каспранский. Горький : ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1990. С. 104–111.

Потапов В. В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 52–62.

Потапов В. В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 103–130.

Потапов В. В. Краткий лингвистический справочник: языки и письменность. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. 272 с.

Потапова Р. К. Сексолект как составляющая экспертной фоноскопии в криминалистике // Гендер как интрига познания : сб. статей. М. : Рудомино, 2000. С. 135–148.

Потапова Р. К., Потапов В. В. Некоторые прикладные аспекты исследования звучащей речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 1 (607). С. 164–186.

Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М. : Языки славянской культуры, 2006. 496 с.

Прошина З. Г. Перекресток: Англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры / под ред. Дун Чжэнминя и Л. П. Бондаренко ; Прилож. собств. имен Т. Н. Мельниковой. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 580 с.

Раренко М. Б. Языковая ситуация в современной Шотландии (научно-аналитический обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. Н. Н. Трошина. М., 2015. С. 84–101.

Рождественский Ю. В. Теория риторики. М. : Добросвет, 1997. 597 с.

Романова Е. Ю. Гендерная специфика просодии речи (на материале американского варианта английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 1 (607). С. 199–210.

Романова Е. Ю. Региональная вариативность английского произношения на примере звуковой системы английского языка в Северной Индии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 1 (712). С. 203–213.

Сескутова И. К. Английский язык в Европе XXI века: приоритетные области и перспективы развития (Научно-аналитический обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. Н. Н. Трошина. М., 2015. С. 46–68.

Скопинцева Т. С. Фонетика звучащей речи современной американской элиты // Сегментный и супрасегментный аспекты звучащего текста : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. В. Медведева. 2001. Вып. 462. С. 137–156.

Скуланова Г. М. Региональная вариативность интонации английского языка в Шотландии // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза. 1984. Вып. 239. С. 164–188.

Сокорева Т. В. Ритм изменяется с возрастом (акустический анализ спонтанной речи 102 жителей США) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 1 (712). С. 214–230.

Старкина О. А. Реализация иронии в звучащем художественном тексте качествами английского речевого голоса // Фонетические аспекты языковой вариативности: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Г. М. Вишневской. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. С. 106–114.

Степкина И. Ю. Гендерные особенности просодического оформления спонтанной монологической речи молодежи Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 1 (607). С. 211–218.

Федотова М. В. Мелодическая структура восходяще-нисходящего тона как маркер валлийского акцента в английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 1 (607). С. 233–244.

Федотова М. В. Социально-личностная вариативность английской интонации в речи жителей Уэльса : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013. 21 с.

Фесенко Е. А. О категориях константности и вариативности интонационной системы литературного английского языка (на материале национальных вариантов английского языка) // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза. 1984. Вып. 239. С. 72–95.

Фрейдина Е. Л. Просодия как отражение индивидуального стиля оратора в британской академической публичной речи // Фонетика сегодня : материалы докладов и сообщений V Междунар. конф. 8–10 октября 2007 г. / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М. : Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 2007. С. 184–185.

Цибуля Н. Б. Произносительные тенденции в канадском варианте английского языка // Звучащая речь: сб. науч. тр. МГЛУ / отв. ред. Т. В. Медведева. 2000. Вып. 453. С. 71–78.

Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). М. : Фоллис, 1992. 284 с.

Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М. : Высшая школа, 1971. 200 с.

Швейцер А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 39–48.

Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М. : Наука, 1983. 216 с.

Швейцер А. Д. Истоки фонетических и грамматических особенностей американского варианта английского языка // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1994. Т. 53. № 5. С. 30–46.

Швейцер А. Д. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 317.

Шевченко Т. И. Социальная и территориальная вариативность интонации английского языка // Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции «Вариативность в германских языках». Ч. I. Калинин, 1988. С. 23–24.

Шевченко Т. И. Социальная дифференциация английского произношения. М. : Высшая школа, 1990. 142 с.

Шевченко Т. И. Типологический взгляд на вариативность вокализма и интонации в современном английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 1 (661). С. 168–182.

Шевченко Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. М. : ЛЕНАНД, 2015. 232 с.

Шёнберг Е. Ю. Прагматическая функция интонации (категория вежливости) // Фонетические аспекты языковой вариативности: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Г. М. Вишневской. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. С. 142–148.

Шин И. А. Вокализм ланкаширского диалекта (современное состояние и диахрония) : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 145 с.

Якутина М. В. Просодическое выражение речевой экспрессии в средствах массовой информации (на материале передач американского радио) // Звучащая речь: Сб. науч. тр. МГЛУ / Отв. ред. Т. В. Медведева. М., 2000. Вып. 453. С. 78–86.

Якутина М. В. Просодические характеристики трех социальных ролей американских юристов (на материале заседаний верховного суда США) // Сегментный и супрасегментный аспекты звучащего текста : сб. науч. трудов / отв. ред. Т. В. Медведева. 2001. Вып. 462. С. 164–176.

Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М. : Наука, 1969. 59 с.

A national map of the regional dialects of American English. URL : www.ling.upenn.edu/phono_atlas/NationalMap/NationalMap.html#Heading2 (дата обращения: 10.06.2018)

Boberg Ch. The English language in Canada: Status, history, and comparative analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 292 p.

Cruttenden A. Gimson's pronunciation of English / Revised by A. Cruttenden. 6th ed. London : Edward Arnold, 2001. 339 p.

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 212 p.

Gimson A.C. An introduction to the pronunciation of English. 3rd ed. London : Edward Arnold, 1980. 352 p.

Gordeeva O., Scobbie J. Preaspiration as a correlate of word-final voice in Scottish English fricatives // Fuchs S., Toda M., Zygis M. (eds.). Turbulent sounds: An interdisciplinary guide. Berne: Mouton de Gruyter, 2010. P. 167–209.

Grabe E. Intonational variation in urban dialects of English spoken in the British Isles // *Gilles P., Peters J.* (eds.) Regional Variation in Intonation. Tübingen: Niemeyer, 2004. P. 931.

Grabe E., Post B. Intonational variation in English // *Bel B., Marlin I.* (eds.) Proceedings of the Speech Prosody 2002 Conference. (Aix-en-Provence: Laboratoire Parole et Langage). P. 343–346.

Kirkpatrick A. (ed.) Englishes in Asia: communication, identity, power and education. Melbourne: Language Australia, 2002. 311 p.

Kirkpatrick A. (ed.) The routledge handbook of world Englishes. London ; New York: *Routledge*, Taylor and Francis Group, 2010. 708 p.

Kirkpatrick A. English as an Asian lingua franca: a lingua franca approach and implications for language education policy // Journal of English as a Lingua Franca. 2012. 1(1). P. 121–140.

Labov W. The three dialects of English // *Eckert P.* (ed.) Quantitative Analyses of Sound Change. New York: Academic Press, 1991. P. 144.

Labov W. Principles of linguistic change: in 3 vol. Vol. 2. Social factors. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2006. 572 p.

Lowry O. Intonation patterns in Northern Irish English. Unpublished MPhil. dissertation: University of Cambridge, 1997.

McArthur T. The Oxford guide to World English. Oxford : Oxford University Press, 2002. 520 p.

Scargill M. H. A shot history of Canadian English. Victoria (British Columbia) : Sono Nis Press, 1977. 384 p.

Schneider E. Postcolonial Englishes: Varieties around the World. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 384 p.

Shevchenko T., Pozdeeva D. Canadian English word stress: a corpora-based study of national identity in a multilingual community // Karpov A., Potapova R., Mporas I. (eds.). Speech and Computer. 19th Intern. conference. Specom 2017. LNAI 10458. Cham (Switzerland): Springer, 2017. P. 233–243.

Trudgill P. Sociolinguistics: An introduction. Baltimore : Penguin, 1974. Language Arts and Disciplines. 189 p.

Trudgill P. Sociolinguistic variation and change. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2002. 197 p.

Vishnevskaya G. M. Accentual variation in English polysyllabic words // Фонетика сегодня : материалы докладов и сообщений V Междунар. конф. 8–10 октября 2007 г. / отв. ред. Р.Ф. Касаткина. М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 2007. С. 40–42.

Wells J.C. English intonation: An introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 276 p.

Zavyalova V., Poduzova D., Shaydullina D., Lukina E. Foreign-accented speech corpora: annotation challenge // Fakotakis N., Ronzhin A., Potapova R. (eds.) Proceedings of the 17th International Conference “Speech and Computer” SPECOM 2015 (Athens, Greece, September 20-24 2015). Patras: University of Patras, 2015. Vol. II. P. 111–121.

REFERENCES

Agal’cov A. A. Formy foneticheskogo var’irovanija glasnyh v amerikanskom standartnom proiznoshenii // Zvuchashhaja rech’: sb. nauch. tr. MGLU / otv. red. T. V. Medvedeva. M., 2000. Vyp. 453. S. 87–101.

Androsova S. V. K voprosu o strukture slogov v anglijskoj spontannoj rechi (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka) // Foneticheskie chtenija v chest’ 100-letija so dnja rozhdenija L. R. Zindera (sb. statej). SPb. : Filologicheskij fakul’tet SPbGU, 2004. S. 109–114.

Androsova S. V., Guseva S. I. K voprosu o variativnosti soglasnyh fonem v spontannoj rechi (na materiale germanskih jazykov) // Problemy fonetiki 5 : sb. statej / otv. red. R. F. Kasatkina. M. : Nauka, 2007. S. 151–161.

Antipova A. M. Ritmicheskaja sistema anglijskoj rechi. M.: Vysshaja shkola, 1984. 119 s.

Babushkina E. A., Shevchenko T. I. Stereotipy Severa i Juga v amerikanskom proiznoshenii (opyt jeksperimental’noj proverki) // Zvuchashhaja rech’: sb. nauch. tr. MGLU / otv. red. T. V. Medvedeva. M., 2000. Vyp. 453. S. 514.

Bankov A. S. Gendernyj faktor v prosodicheskom oformlenii rechi kommunikantov: jeksperimental’no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka : dis ... kand. filol. nauk. N.-Novgorod, 2008. 235 s.

Bezborodova M. V. Vozrastnye osobennosti rechevogo povedenija molodyh anglichan (gendernyj aspekt) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. Vyp. 1 (661). S. 16–31.

Bezborodova M. V. Gendernyj aspekt «molodezhnoj normy RP» (vokalicheskaja sostavljajushhaja) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. Vyp. 1 (687). S. 9–20.

Verbickaja L. A. Davajte govorit' pravil'no. M. : Vysshaja shkola, 1993. 144 s.

Verbickaja L. A. Obshhelingvisticheskie aspekty formirovanija proiznositel'noj normy // 100 let jeksperimental'noj fonetike v Rossii : materialy Mezhdunar. konf. / otv. red. L. V. Bondarko. SPb. : Filol. fakul'tet SPbGU, 2001. S. 40–43.

Verbickaja L. A. Jazykovaja norma: real'nost' ili vymysel? // Problemy i metody jeksperimental'no-foneticheskih issledovanij. K 70-letiju L. V. Bondarko / otv. red. N. B. Vol'skaja, N. D. Svetozarova. SPb. : Filol. fakul'tet SPbGU, 2002. S. 117–121.

Vishnevskaja G. M. Novye formy sushhestvovanija jazyka i jazykovaja variativnost': XXI vek // Uspehi sovremennogo estestvoznanija. 2013. № 5. S. 121–122.

Vishnevskaja G. M., Abyzov A. A. Kanadskij variant anglijskogo jazyka // Vishnevskaja G. M., Abyzov A. A. Kanadskij jazykovoj razlom (anglo-francuzskij bilingvizm). Ivanovo : IVGPU, 2016. S. 76–138.

Germanova N. N. Lingvokul'turnye osnovanija normativnoj grammaticheskoj tradicii (na materiale grammatik anglijskogo jazyka konca XVII nachala XX vv.) : avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. M., 2016. 47 s.

Grishina L. V. Ozvonchennoe /t/ v proiznositel'noj norme Velikobritanii: amerikanskoe vlijanie? // Segmentnyj i suprasegmentnyj aspekty zvuchashhego teksta / otv. red. T. V. Medvedeva. 2001. Vyp. 462. S. 21–34.

Davydov M. V., Rubinova O. S. Ritm anglijskogo jazyka. M. : Dialog-MGU, 1997. 116 s.

Desnickaja A. V., Kacnel'son S. D. (otv. red.) Istorija lingvisticheskih uchenij. Drevnij mir. L. : Nauka, 1980. 260 s.

Kazak E. A. Nacional'no-kul'turnoe i jetnicheskoe svoeobrazie amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka (Vmesto predislovija) // Jazyk v global'nom kontekste. Severnaja Amerika segodnja kak kul'turno-jazykovoj fenomen : sb. obzorov / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. Jazykoznanija ; otv. red. E. A. Kazak. M., 2013a. S. 11–16.

Kazak E. A. Anglijskij jazyk v SShA i Kanade (Kratkij istoricheskij ocherk) // Jazyk v global'nom kontekste. Severnaja Amerika segodnja kak kul'turno-jazykovoj fenomen: sb. obzorov / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznanija ; otv. red. E. A. Kazak. M., 2013b. S. 17–35.

Kazak E. A., Luzina L. G. Rol‘ dialektov v formirovanii literaturnyh norm anglijskogo jazyka v SShA // Jazyk v global‘nom kontekste. Severnaja Amerika segodnja kak kul‘turno-jazykovoj fenomen: sb. obzorov / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznanija ; otv. red. E. A. Kazak. M., 2013. S. 54–62.

Kazakova O. V. Nekotorye osobennosti melodicheskoj organizacii variantov anglijskogo jazyka v Indii i v Gonkonge // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 1 (712). S. 57–73.

Kaspranskij R. R. Problemy normy i normativnosti v jazykoznanii // Problemy normy i variativnosti v realizacii vyskazyvanija : mezhvuz. sb. nauch. tr. / otv. red. R. R. Kaspranskij. Gor‘kij : GGPIIJa im. N.A. Dobroljubova, 1990. S. 3–15.

Kirilina A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty. M.: Institut sociologii RAN, 1999. 189 s.

Kozhedub N. V. Prosodicheskaja realizacija ubezhdenija kak odnogo iz vidov rechevogo vozdejstvija v sudebnoj rechi (jeksperimental‘no-foneticheskoe issledovanie na materiale britanskogo varianta anglijskogo jazyka) : dis ... kand. filol. nauk. N.-Novgorod, 2009. 249 s.

Koroljova Ju. P. Rol‘ prosodii v realizacii jumora i ironii v britanskoj publichnoj rechi : dis. … kand. filol. nauk. M., 2008. 137 s.

Koseriu Je. Sinhronija, diahronija i istorija // Novoe v lingvistike. M. : Progress, 1963. Vyp. 3. S. 143–343.

Kristal D. Anglijskij kak global‘nyj : per. s angl. M. : Ves‘ Mir, 2001. 240 s.

Kulikova K. S. Foneticheskie processy v standartnom shotlandskom variante anglijskogo jazyka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 1 (712). S. 123–134.

Ledjaeva E. V., Illarionova D. M. Variativnost‘ anglijskogo jazyka v sovremennom mire: «Hinglish» kak lingvisticheskij most mezhdu dvumja oficial‘nymi jazykami sovremennoj Indii // Bilingvizm i ego aspekty: XXI vek: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. G. M. Vishnevskoj. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2012. S. 87–92.

Makovskij M. M. Anglijskie social‘nye dialekty. M. : Vysshaja shkola, 1982. 137 s.

Malova V. I. Udarnyj vokalizm suffolkskogo dialekta (sovremennoe sostojanie i diahronija) : dis. … kand. filol. nauk. L., 1980. 100 s.

Martine A. Princip jekonomii v foneticheskih izmenenijah : per. s fr. M. : Izd-vo inostrannoj literatury, 1960. 263 s.

Medvedeva T. V. Variativnost‘ bezudarnogo vokalizma v britanskom i amerikanskom variantah anglijskogo jazyka // Filologicheskie nauki. 1998. № 2. S. 74–77.

Medvedeva T. V. Allofonicheskaja variativnost‘ glasnyh v jugo-vostochnom regione Velikobritanii // Segmentnyj i suprasegmentnyj aspekty zvuchashhego teksta: Sb. nauch. trudov / otv. red. T. V. Medvedeva. 2001. Vyp. 462. S. 88–96.

Medvedeva T. V. O tipah i prichinah zvukovyh izmenenij (britanskaja, amerikanskaja i russkaja lingvisticheskie tradicii) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 1 (712). S. 143–152.

Medvedeva T. V., Bezborodova M. V. Gendernye osobennosti vokalicheskih innovacij v rechi molodyh britancev // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. Vyp. 1 (687). C. 158–170.

Medvedeva T. V., Bezborodova M. V. Vlijanie jetnicheskoj prinadlezhnosti govorjashhih na britanskij proiznositel'nyj standart // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 15 (726). C. 150–159.

Medvedeva T. V., Muraj O. V. Gendernaja variativnost' rechi britanskoj molodezhi // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2007. Vyp. 523. S. 88–97.

Men'shenina S. V. Moskovskaja ritoricheskaja shkola Ju.V. Rozhdestvenskogo: osnovatel' i posledovateli // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2013. Filologija. Vyp. № 1 (21). S. 125–130.

Mjorfi R. «Chtoby govorit' svobodno, nuzhno rasslabit'sja» // Gazeta Metro Moskva. 4 aprelja 2016 (№ 40(56/3452)). S. 11.

Muraj O. V. O nekotoryh prichinah predpochtenij v proiznoshenii molodogo pokolenija jugo-vostochnogo regiona Velikobritanii // Segmentnyj i suprasegmentnyj aspekty zvuchashhego teksta: sb. nauch. trudov / otv. red. T. V. Medvedeva. 2001. Vyp. 462. S. 96–111.

Muraj O. V. Pozicionnaja variativnost' monoftongov v rechi molodezhi Velikobritanii (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie) : avtoref. dis ... kand. filol. nauk. M., 2005. 24 s.

Mjachinskaja Je. I. Otrazhenie velikogo sdviga glasnyh v sovremennyh anglijskih dialektah : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. L., 1979. 22 s.

Ovsjannikova L. A. K voprosu o segmentnoj i suprasegmentnoj variativnosti v vosprijatii dramaticheskih monologov // Foneticheskie aspekty jazykovoj variativnosti: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. G. M. Vishnevskoj. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2010. S.75–78.

Oparina E. O. Anglijskij v kontakte s drugimi jazykami: sociokul'turnye, ideologicheskie, pragmaticheskie i psihologicheskie prichiny vybora jazyka obshhenija v situacii dvujazychija ili mnogojazychija (Nauchno-analiticheskij obzor) // Jazykovaja situacija v Evrope nachala XXI veka : sb. obzorov / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. Issled. Otd. jazykoznanija ; otv. red. N. N. Troshina. M., 2015. S. 69–83.

Orlov G. A. Sovremennaja anglijskaja rech'. M. : Vysshaja shkola, 1991. 240 s.

Pal'chenko N. V. Akusticheskie korreljaty frazovogo udarenija v amerikanskom variante anglijskogo jazyka: sociokul'turnyj aspekt // Segmentnyj i suprasegmentnyj aspekty zvuchashhego teksta: Sb. nauch. trudov / otv. red. T. V. Medvedeva. 2001. Vyp. 462. S. 111–118.

Pozdeeva D. T. Specifika slovesnogo udarenija v kanadskom variante anglijskogo jazyka (Korpusnoe issledovanie) : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2018. 24 s.

Postnikova L. V. Prosodija. Situacija. Imidzh (na materiale oratorskoj rechi amerikanskih prezidentov) // Segmentnyj i suprasegmentnyj aspekty zvuchashhego teksta: Sb. nauch. trudov / otv. red. T. V. Medvedeva. 2001. Vyp. 462. S. 119–137.

Potapov V. V. Variativnost‘ ritmicheskoj organizacii tekstov delovoj i hudozhestvennoj prozy // Problemy normy i variativnosti v realizacii vyskazyvanija : mezhvuz. sb. nauch. tr. / otv. red. R. R. Kaspranskij. Gor‘kij : GGPIIJa im. N. A. Dobroljubova, 1990. S. 104–111.

Potapov V. V. Jazyk zhenshhin i muzhchin: foneticheskaja differenciacija // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 1997. T. 56. № 3. S. 52–62.

Potapov V. V. Mnogourovnevaja strategija v lingvisticheskoj genderologii // Voprosy jazykoznanija. 2002. № 1. S. 103–130.

Potapov V. V. Kratkij lingvisticheskij spravochnik: jazyki i pis‘mennost‘. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Fond «Razvitija fundamental‘nyh lingvisticheskih issledovanij», 2014. 272 s.

Potapova R. K. Seksolekt kak sostavljajushhaja jekspertnoj fonoskopii v kriminalistike // Gender kak intriga poznanija : sb. statej. M. : Rudomino, 2000. S. 135–148.

Potapova R. K., Potapov V. V. Nekotorye prikladnye aspekty issledovanija zvuchashhej rechi // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. Vyp. 1 (607). S. 164–186.

Potapova R. K., Potapov V. V. Jazyk, rech‘, lichnost‘. M. : Jazyki slavjanskoj kul‘tury, 2006. 496 s.

Proshina Z. G. Perekrestok: Anglo-russkij kontaktologicheskij slovar‘ vostochnoaziatskoj kul‘tury / pod red. Dun Chzhjenminja i L. P. Bondarenko ; Prilozh. sobstv. imen T. N. Mel‘nikovoj. Vladivostok : Izd-vo Dal‘nevost. un-ta, 2004. 580 s.

Rarenko M. B. Jazykovaja situacija v sovremennoj Shotlandii (nauchno-analiticheskij obzor) // Jazykovaja situacija v Evrope nachala XXI veka: sb. obzorov / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznanija ; otv. red. N. N. Troshina. M., 2015. S. 84–101.

Rozhdestvenskij Ju. V. Teorija ritoriki. M. : Dobrosvet, 1997. 597 s.

Romanova E. Ju. Gendernaja specifika prosodii rechi (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. Vyp. 1 (607). S. 199–210.

Romanova E. Ju. Regional’naja variativnost’ anglijskogo proiznoshenija na primere zvukovoj sistemy anglijskogo jazyka v Severnoj Indii //

Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 1 (712). S. 203–213.

Seskutova I. K. Anglijskij jazyk v Evrope XXI veka: prioritetnye oblasti i perspektivy razvitija (Nauchno-analiticheskij obzor) // Jazykovaja situacija v Evrope nachala XXI veka: Sb. obzorov / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznanija ; otv. red. N. N. Troshina. M., 2015. S. 46–68.

Skopinceva T. S. Fonetika zvuchashhej rechi sovremennoj amerikanskoj jelity // Segmentnyj i suprasegmentnyj aspekty zvuchashhego teksta : sb. nauch. tr. / otv. red. T. V. Medvedeva. 2001. Vyp. 462. S. 137–156.

Skulanova G. M. Regional’naja variativnost’ intonacii anglijskogo jazyka v Shotlandii // Sb. nauch. tr. / MGPIIJa im. M. Toreza. 1984. Vyp. 239. S. 164–188.

Sokoreva T. V. Ritm izmenjaetsja s vozrastom (akusticheskij analiz spontannoj rechi 102 zhitelej SShA) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. Vyp. 1 (712). S. 214–230.

Starkina O. A. Realizacija ironii v zvuchashhem hudozhestvennom tekste kachestvami anglijskogo rechevogo golosa // Foneticheskie aspekty jazykovoj variativnosti: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. G. M. Vishnevskoj. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2010. S. 106–114.

Stepkina I. Ju. Gendernye osobennosti prosodicheskogo oformlenija spontannoj monologicheskoj rechi molodezhi Velikobritanii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. Vyp. 1 (607). S. 211–218.

Fedotova M. V. Melodicheskaja struktura voshodjashhe-nishodjashhego tona kak marker vallijskogo akcenta v anglijskom jazyke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. Vyp. 1 (607). S. 233–244.

Fedotova M. V. Social’no-lichnostnaja variativnost’ anglijskoj intonacii v rechi zhitelej Ujel’sa : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2013. 21 s.

Fesenko E. A. O kategorijah konstantnosti i variativnosti intonacionnoj sistemy literaturnogo anglijskogo jazyka (na materiale nacional’nyh variantov anglijskogo jazyka) // Sb. nauch. tr. / MGPIIJa im. M. Toreza. 1984. Vyp. 239. S. 72–95.

Frejdina E. L. Prosodija kak otrazhenie individual’nogo stilja oratora v britanskoj akademicheskoj publichnoj rechi // Fonetika segodnja : materialy dokladov i soobshhenij V Mezhdunar. konf. 8–10 oktjabrja 2007 g. / otv. red. R. F. Kasatkina. M. : In-t rus. jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2007. S. 184–185.

Cibulja N. B. Proiznositel’nye tendencii v kanadskom variante anglijskogo jazyka // Zvuchashhaja rech’: sb. nauch. tr. MGLU / otv. red. T. V. Medvedeva. 2000. Vyp. 453. S. 71–78.

Shahbagova D. A. Foneticheskaja sistema anglijskogo jazyka v diahronii i sinhronii (na materiale britanskogo, amerikanskogo, avstralijskogo, kanadskogo variantov anglijskogo jazyka). M. : Follis, 1992. 284 s.

Shvejcer A. D. Literaturnyj anglijskij jazyk v SShA i Anglii. M. : Vysshaja shkola, 1971. 200 s.

Shvejcer A. D. K probleme social'noj differenciacii jazyka // Voprosy jazykoznanija. 1982. № 5. S. 39–48.

Shvejcer A. D. Social'naja differenciacija anglijskogo jazyka v SShA. M. : Nauka, 1983. 216 s.

Shvejcer A. D. Istoki foneticheskih i grammaticheskih osobennostej amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka // Izvestija AN. Ser. literatury i jazyka. 1994. T. 53. № 5. S. 30–46.

Shvejcer A. D. Amerikanskij variant literaturnogo anglijskogo jazyka: puti formirovanija i sovremennyj status // Voprosy jazykoznanija. 1995. № 6. S. 317.

Shevchenko T. I. Social'naja i territorial'naja variativnost' intonacii anglijskogo jazyka // Tezisy dokladov i soobshhenij Vsesojuznoj konferencii «Variativnost' v germanskih jazykah». Ch. I. Kalinin, 1988. S. 23–24.

Shevchenko T. I. Social'naja differenciacija anglijskogo proiznoshenija. M. : Vysshaja shkola, 1990. 142 s.

Shevchenko T. I. Tipologicheskij vzgljad na variativnost' vokalizma i intonacii v sovremennom anglijskom jazyke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. Vyp. 1 (661). S. 168–182.

Shevchenko T. I. Sociofonetika: Nacional'naja i social'naja identichnost' v anglijskom proiznoshenii. M. : LENAND, 2015. 232 s.

Shjonberg E. Ju. Pragmaticheskaja funkcija intonacii (kategorija vezhlivosti) // Foneticheskie aspekty jazykovoj variativnosti: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. G. M. Vishnevskoj. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2010. S. 142–148.

Shin I. A. Vokalizm lankashirskogo dialekta (sovremennoe sostojanie i diahronija): Dis. . kand. filol. nauk. L., 1982. 145 s.

Jakutina M. V. Prosodicheskoe vyrazhenie rechevoj jekspressii v sredstvah massovoj informacii (na materiale peredach amerikanskogo radio) // Zvuchashhaja rech': Sb. nauch. tr. MGLU / Otv. red. T. V. Medvedeva. M., 2000. Vyp. 453. S. 78–86.

Jakutina M. V. Prosodicheskie harakteristiki treh social'nyh rolej amerikanskih juristov (na materiale zasedanij verhovnogo suda SShA) // Segmentnyj i suprasegmentnyj aspekty zvuchashhego teksta : sb. nauch. trudov / otv. red. T. V. Medvedeva. 2001. Vyp. 462. S. 164–176.

Jarceva V. N. Razvitie nacional'nogo literaturnogo anglijskogo jazyka. M. : Nauka, 1969. 59 s.

A national map of the regional dialects of American English. www.ling.upenn.edu/phono_atlas/NationalMap/NationalMap.html#Heading2 (дата обращения: 10.06.2018)

Boberg Ch. The English language in Canada: Status, history, and comparative analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 292 p.

Cruttenden A. Gimson's pronunciation of English / Revised by A. Cruttenden. 6th ed. London : Edward Arnold, 2001. 339 p.

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 212 p.

Gimson A.C. An introduction to the pronunciation of English. 3rd ed. London : Edward Arnold, 1980. 352 p.

Gordeeva O., Scobbie J. Preaspiration as a correlate of word-final voice in Scottish English fricatives // Fuchs S., Toda M., Zygis M. (eds.). Turbulent sounds: An interdisciplinary guide. Berne: Mouton de Gruyter, 2010. P. 167–209.

Grabe E. Intonational variation in urban dialects of English spoken in the British Isles // Gilles P., Peters J. (eds.) Regional Variation in Intonation. Tübingen : Niemeyer, 2004. P. 931.

Grabe E., Post B. Intonational variation in English // Bel B., Marlin I. (eds.) Proceedings of the Speech Prosody 2002 Conference. (Aix-en-Provence: Laboratoire Parole et Langage). P. 343–346.

Kirkpatrick A. (ed.) Englishes in Asia: communication, identity, power and education. Melbourne: Language Australia, 2002. 311 p.

Kirkpatrick A. (ed.) The routledge handbook of world Englishes. London; New York: *Routledge*, Taylor and Francis Group, 2010. 708 p.

Kirkpatrick A. English as an Asian lingua franca: a lingua franca approach and implications for language education policy // Journal of English as a Lingua Franca. 2012. 1(1). P. 121–140.

Labov W. The three dialects of English // Eckert P. (ed.) Quantitative Analyses of Sound Change. New York: Academic Press, 1991. P. 144.

Labov W. Principles of linguistic change: in 3 vol. Vol. 2. Social factors. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2006. 572 p.

Lowry O. Intonation patterns in Northern Irish English. Unpublished MPhil. dissertation. University of Cambridge, 1997.

McArthur T. The Oxford guide to World English. Oxford : Oxford University Press, 2002. 520 p.

Scargill M.H. A shot history of Canadian English. Victoria (British Columbia): Sono Nis Press, 1977. 384 p.

Schneider E. Postcolonial Englishes: Varieties around the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 384 p.

Shevchenko T., Pozdeeva D. Canadian English word stress: a corpora-based study of national identity in a multilingual community // Karpov A., Potapova R., Mporas I. (eds.). Speech and Computer. 19th Intern. conference. Specom 2017. LNAI 10458. Cham (Switzerland): Springer, 2017. P. 233–243.

Trudgill P. Sociolinguistics: An introduction. Baltimore : Penguin, 1974. Language Arts and Disciplines. 189 p.

Trudgill P. Sociolinguistic variation and change. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2002. 197 p.

Vishnevskaya G.M. Accentual variation in English polysyllabic words // Fonetika segodnja: Mat-ly dokladov i soobshhenij V mezhd. konf. 8–10 oktjabrja 2007 g. / otv. red. R.F. Kasatkina. M.: In-t rus. jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2007. S. 40–42.

Wells J. C. English intonation: An introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 276 p.

Zavyalova V., Poduzova D., Shaydullina D., Lukina E. Foreign-accented speech corpora: annotation challenge // Fakotakis N., Ronzhin A., Potapova R. (eds.) Proceedings of the 17th International Conference “Speech and Computer” SPECOM 2015 (Athens, Greece, September 20-24 2015). Patras : University of Patras, 2015. Vol. II. P. 111–121.

УДК 811.112.2'34

Р. К. Потапова

доктор филологических наук, профессор;
академик Международной академии информатизации;
заведующая кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики;
директор Института прикладной и математической лингвистики ФАЯ МГЛУ;
e-mail: rkpotapova@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НЕМЕЦКОЙ РЕЧЕВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ[1]

Статья посвящена проблеме соотношения нормы и вариативности применительно к современному немецкому языку. Затрагивается аспект кодификации немецкого произношения на примере нового произносительного словаря, в котором учтены тонкие стилистические нюансы, реализуемые в процессе речепроизводства и положительно перцептивно оцениваемые в коммуникативном дискурсе носителями немецкого языка. Рассматриваются произносительные вариформы немецкого языка Германии, Австрии, Швейцарии. Особое внимание уделено акцентным вариформам многосложных слов, акустическим характеристикам слоговых структур, вариативности ритмических единиц в звучащей речи.

Ключевые слова: немецкое произношение; произносительный словарь; вариформы немецкого языка; акцентные вариформы немецкого языка многосложных слов акустические характеристики слоговых структур; вариативность ритмических единиц.

R. K. Potapova

Sc.D., Prof., Full Member of the International Informatization Academy,
Head of Department of Applied and Experimental Linguistics,
Director of Institute for Applied and Mathematical Linguistics
of Moscow State Linguistic University (MSLU);
e-mail: rkpotapova@yandex.ru

MODERN TRENDS IN GERMAN SPEECH VARIABILITY[2]

This paper is concerned with the problem of the correlation of norm and variability with reference to modern German. It discusses the aspect of the codification of German pronunciation by the example of a new pronunciation dictionary, which takes into account the subtle stylistic nuances realized in the process of speech production and

[1] Исследование поддержано Российским Научным Фондом (РНФ). Проект № 18-18-00477.

[2] This research is supported by the Russian Science Foundation, Project № 18-18-00477.

positively perceptually evaluated in communicative discourse by the native speakers of the German language. It considers pronunciation variforms of the German language in Germany, Austria and Switzerland. Particular attention is paid to the accentual variforms of polysyllabic words, the acoustic characteristics of syllabic structures, and the variability of rhythmic units in spoken language.

Key words: German pronunciation; pronunciation dictionary; variforms of the German language;accentual variforms of polysyllabic words; acoustic characteristics of syllabic structures; variability of rhythmic units.

1. Pronunciation variants of the German spoken language in Germany, Austria and Switzerland

The problem of the *variability* of phonetic units in the speech flow has always been the focus of linguistics ([Реформатский, 1963; Зиндер, 1979; Торсуев, 1962; Потапова, 1986; 2000; 2002; 2003] and others). With the development of advanced information technologies the problem of segmentation and semantic recognition of spoken language is formulated and solved in a new way depending on the communication conditions and taking into account various factors including those that are pronouncedly regional. This situation acquires a special meaning in respect of the German literary language and German codified pronunciation, which is caused primarily by the fact that the German language functions on the territory of a number of regions as the official language in Germany, Austria and Switzerland ([Ammon 1991; Ammon 1995; Ammon 1997; Muhr 2012; Домашнев 1967; Домашнев 1983; Домашнев, Копчук 2001; Трошина 2015; Жирмунский 1956; Жирмунский 2010] and others).

The presence of pronunciation differences between regional variants of the German language was mentioned earlier in German pronunciation dictionaries: for example, “Duden. Ausspracheswörterbuch” (Mannheim, 1990), “Grosses Wörterbuch der deutschen Aussprache” (Leipzig, 1982), “Das Ausspracheswörterbuch der deutschen Sprache” (Potapowa, 1994), “Deutsches Ausspracheswörterbuch” (Berlin; N.Y., 2009).

The study was conducted due to the need to identify common and particular specific features of the functioning of the phonetic system of the German literary language with respect to its various regional variants at the level of auditory perception and its acoustic correlates, taking into account the syntagmatic and positional factors. It is of fundamental importance that the problem of pronunciation variants in the field of demarcation phenomena (boundary signals) is put and solved in all four German-speaking regions (West German, East German, Swiss and Austrian), taking into account the data of auditory perception with the articulatory specifics and acoustic properties of the boundary signals analyzed.

At the present stage of the development of phonetic sciences, it becomes impossible to thoroughly study spoken language without studying the phenomenon of segmentation. Therefore, it is absolutely correct to raise the question of distinguishing this aspect of phonetics as an independent field of knowledge, segmentation [Потапова 1995]. This study provides extensive experimental material for further development of the above subdiscipline of general and applied phonetics.

In the study [Потапова, Гордеева 1998], for the first time the experimental-phonetic analysis of boundary signals in the German literary language was based on the material of its regional variants (West German, East German (on the territory of the former GDR), Swiss and Austrian).

The system of boundary signals of the modern German literary language is characterized by a certain set of stable phonetic features, both common to the entire phonetic system of the German language, and having a special realization in each of its regional variants. As is known, the specifics of the German phonotactics necessitate the study of phonological compatibility, as well as the allophonic variability at the joint sections of lexical-morphological units [Ellenberg 1964; Scholz 1972; Потапова 1981]. In the process of research [Потапова, Гордеева 1998] it was possible to establish the relationship between a) frequency distributions of phonemes at various kinds of joints in the texts of various regional variants of the German language, b) the results of auditory perception of joint sections on the segmental, c) suprasegmental levels and corresponding acoustic data. The comparison of the results of the phonotactic analysis of texts in four regional variants of the modern German language made it possible to draw a conclusion that the attribution of texts to various regions does not significantly affect the joint phonemic combinatorics, which is determined by phonotactic patterns of phoneme distribution characteristic of the phonological system of the German language as a whole [Потапова, Гордеева 1991].

The analysis of the *fundamental frequency* (FF) values in the test sample of phrases for various regional versions of the German spoken language showed that:

- the average FF values in all regional variants of the German spoken language are close to each other; the revealed differences do not exceed the limits of physiological variability;
- the two-factor analysis carried out revealed three main areas of FF distribution: the first area includes the *East German variant* (EV) and the *Swiss variant* (SV), the second – the *West German variant* (WV) and the third – the most isolated group – the *Austrian variant* (AV). The results of the two-factor analysis of acoustic data (in Hz) are of great interest, since there is a trend according to which one can speak of the similarity of the speech flow segmentation by the FF parameter between the East German and Swiss variants. The West German variant is slightly isolated. The Austrian variant is essentially different, which completely agrees with perceptual information.

The results of the analysis showed that in the WV, stop explosives at the interphrase junctures are characterized by the presence of noise of high frequency components of the spectrum, explosion, fricatization and tense. For this category of consonants in EV, there is no noise of high frequency components of the spectrum, but one can observe the trend to reduce explosions and the absence of tension. In SV, both phenomena appeared to be represented, that is, the noise in high frequency components is present – and absent. AV is characterized by the presence of the weakest noise component in the sound spectrum. In this case, there is no tension, and stop voiceless explosives tend to be semi-voiced.

2. Accent variforms of polysyllabic words in the German language

In the study [Потапова 2003] an attempt was made to identify variants for changing the usual pattern of the correlation of syllables in compound words in German speech.

The patterns in the distribution of stress in the German word are still not clear enough. This phenomenon is usually considered, on the one hand, as purely phonetic, on the other hand, as a morphological one. However, there is no unity of views in both approaches. In some cases [Зиндер, Строева 1957], the phonetic freedom of the German word is highlighted with respect to its stress, since the stress related to the root morpheme, can be on various syllables in the word. N. S. Trubetskoy (1960) calls it "relatively free", since it is "etymologically constrained", O. Tsaxer (1969) speaks of the German stress as of a "morpheme-related" one.

It is necessary to distinguish between the accentual structures of the paradigmatic and syntagmatic plan. The accentual structures given in the dictionaries are paradigmatic. They act only in certain positional conditions in non-emotional speech. Under the influence of the semantic nuances of phrases, emotions, phonostyle, etc., syntagmatic variants of paradigmatic models are formed. At the same time, the study of paradigmatic accentual language models is necessary at the preliminary stage to obtain the initial data, on the basis of which it is possible to further study their syntagmatic variants presented in the speech.

A number of studies have been devoted to the study of paradigmatic rhythmic models of the German language. An analysis of the dictionary structures of the German language was conducted, for example, by P. Menzerath on the material of 20,453 words [Menzerath 1954].

As mentioned earlier, the basis of the experimental study [Потапова, Потапов 2001; Потапов 2003) were the words of German origin, one part of which was constituted by derivative words, the other one – by compound words. Words of non-German origin were excluded from the consideration because they do not have uniform rules for marking the accent[1], which are determined in each specific case by which language this word is borrowed from, when it happened, what its morphemic composition is, etc. Accent marking in simple words of German origin is subject to the following general rule: the accent is always either on the root morpheme or on the first syllable of the root [Stock 1996a].

For the research words were selected that reflect various variants of paradigmatic accentuation: for example, *Nachbarschaft, Unterricht, Buchstaben, angenehm, Zwecklosigkeit, leidenschaftlich, Abenteuer, Notwendigkeit, Arbeitslosigkeit, Altertümer, Mittelmeerländer, Feiertagsstimmung, Schreibtischlampe, Bienenwachskerzen, Vogelschutzgebiet, Butterbrotpapier, Weltklassesportler, Mundartenforschung, Werbefachmann, Landeshauptstadt*.

In general, the experiment showed that, in German, the secondary stress, along with the main one, plays an important role in the rhythmic pattern of the spoken language. In this case, the fixation of the secondary

[1] Thus, for example, in non-German words the position of an accented syllable varied: initially *Holunder, Wacholder, Forelle, а затем Holunder, Wacholder, Forelle* [Stötzer 1989].

stress on a certain syllable of a compound word in real speech is not always observed, and the more natural the conditions of communication, the greater the probability of displacement.

To realize the main stress in the words that served as the material for the study, duration and intensity are the basic prosodic characteristics, while the fundamental frequency is much more variable and cannot unambiguously testify to marking the main stress on a particular syllable.

According to the data of the acoustic analysis, the main stress in 80 % of cases is fixed on the first syllable of the compound word, which seems to be a very significant fact. However, one cannot say that the localization of the main stress absolutely corresponds to the existing phonetic rules, since 20 % of cases revealed a displacement of the stress of the first degree to a syllable potentially bearing the stress of the second or third degree. Variants of marking the main stress different from the existing paradigmatic norms fall mainly on the following positions of words: in the text, in quasi-spontaneous speech, in the middle of the sentence.

In the analysis of the prosodic characteristics of syllables with a secondary stress, it turned out that only in slightly more than half of the cases (with a probability of at least 75 %) one can speak of a secondary stress that is realized in accordance with fixed rules. In other cases, the secondary stress is displaced to one of the remaining potentially stressed syllables.

Most often the deviation from the orthoepic pronunciation of German compound words, namely the displacement of the secondary stress, occurs in the following cases of word localization: isolated pronunciation, middle and end of the sentence, which partially coincides with the data obtained with regard to the realization of the main stress.

To realize the acoustic emphasis of both the main and secondary types of stress, the most indicative positions were those of words in the text, in the middle of the sentence, and also with isolated pronunciation. In these cases, the maximum number of various prosodic parameters takes the largest numerical value.

During the acoustic analysis, the listeners' data regarding the localization of the main stress in the majority of cases were confirmed. The syllable bearing a secondary stress was correctly determined in 63 % of cases (with a probability of 75 to 100 % depending on the positional variation). The most indicative for recognizing this type of stress were the following conditions of word realization: in quasi-spontaneous speech, at the beginning and in the middle of the sentence, and also in an isolated position.

The conducted experiment showed that in German the system of stresses within the compound word varies in syntagmatics in comparison with paradigmatics, and the secondary stress plays an important role in rhythmic pattern of spoken language along with the main one, which was confirmed by the data of the auditory analysis.

The main stress is in most cases assigned to the first syllable of the compound word. However, there have been isolated cases of its displacement to one of the syllables potentially bearing stress of the second or third degree in accordance with the established structure of the accentuation of German words.

In the process of research it was found that the fixation of the secondary stress on a certain syllable of a compound word is not always observed in real speech; and the more natural the communication, the greater the probability of a syntagmatic displacement. Most of the inconsistencies are cases where the secondary stress is on a syllable bearing the third degree stress according to the rules of German pronunciation. One can speak not about the absolutely new and unpredictable localization of the secondary stress, but about its displacement to a syllable that is potentially stressed. In some cases, such a stress can be explained by the general rules of rhythmic pattern of German spoken prosaic language.

A special study was conducted on the material of German words with movable accent [Potapowa 1994], where of interest was the problem of the spectral-temporal structure of the same vowel occupying the stressed and unstressed position, for example, *Traktor – Traktoren, Studium – studierten*. It was found that the transition of a vowel from the stressed position to an unstressed one is accompanied not only with the temporal reduction, but also with a change in the entire spectral structure of the vowel; and this has made certain changes in the generally accepted canons [Stötzer 1989] of practical phonetics of the German language.

3. Variability of phonetic units in the German discourse

It is known that discourse is regarded as a special type of language realization functioning in various spheres of communication and in various situations, mainly in the form of dialogue or polylogue both in spoken and in written forms ([Артюхова 2016; Карасик 2002; Петлюченко 2009; Потапова, Потапов 2006; Потапова, Потапов 2012; Яковлева 2004; Яковлева 2007] and others). The discourse is predominantly spontaneous in character and assumes, as a rule, direct contact between the addresser and the addressee. The type of contact mediated by technical means (for example, telephone line, and e-mail) can also be attributed to this group. The main extralinguistic factor that forms colloquial speech is the nature of the relationship between the interlocutors: official, neutral, non-tense (lax), etc. Discourse shows a wide range of variation when functioning. Discourse as a special type of language realization is a stylistically differentiated system having a specific set of features and certain laws of their functioning. Within the framework of colloquial speech (discourse) at the phonetic level, one can distinguish three main styles of pronunciation: formal-business, neutral-colloquial, informal (for example, [Бухаров 1995; Гайдучик 1976; Петренко 1986; Новицкая 1976]). For the development of the problem of pronunciation variability of segmental composition of the German language in two forms of speech activity of particular importance is the informal style, which can be obtained during the conversion of the spoken text when reading into spoken discourse when discussing the read material. In this case a reference unit of the study is required, which can represented by a syllable [Потапова 1981; Потапова 1986] considered from a position of the integrated concept [Потапова 2002]. The consideration of a syllable as the minimum acoustic segment integrated from the position of the intrasyllable contrast and coarticulation is deemed also fruitful [Бондарко 1977; Прокопова 1973]. The purpose of the experiment was to determine for each perceived speech stimulus its rhythmic structure during reading and speaking, when the “meaning” was removed. It was assumed that German-speaking listeners, as well as native speakers, would correlate the perceived speech signal (stimulus) not with rhythmic structures [Потапов 1996; Потапов 1999; Потапов 2001], but with certain words, i.e. in addition to the rhythmic factor, a semantic factor was also included that could lead to an incorrect decision in the auditory processing of the signal.

The purpose of the acoustic analysis [Потапова 2002] was to establish acoustic correlates of unstressed syllables and syllabic / non-syllabic sonants realized within syllabic structures with possible realization of sound sequences when reading and speaking. In the course of the acoustic analysis, it was taken into account that the acoustic correlation of the syllable in its most general form is an arc of the intensity level (signal amplitude) [Потапова 1986].

The study [Потапова 2002] of the features of the functioning of unstressed syllables with the possible realization of the sound sequences /-ən/, /-əm/, /-əl/ in distribution with the preceding stop-explosives, fricatives and sonorants, and also in the post-vowel position in the structural-functional, auditory and acoustic aspects revealed that the most effective factors that determine the wide variability of the above segmental structures are their position and distribution both in reading and in speaking within the discourse.

In the course of the study [Потапова 2002], three types of realization were identified: a) the complete type of the unstressed syllable realization; b) syllabic structures with a sonant syllable-carrier provided that the vowels are completely reduced; c) loss of the syllabic sonant leading to the fusion of the remaining elements of the syllable with the root morpheme while preserving of residual information both about the root morpheme itself and about inflection due to the context.

Segment structures with possible realization of combinations /-ən/, /-əm/, /-əl/ in positions after fricative consonants are represented by two variants: a) complete realization type for reading and b) syllabic structures with sonant syllable-carrier, realizations of which prevail in the analyzed discourse.

According to the results of the experimental-phonetic research, functional words, which constitute 86 % of the frequency list of the modern German language vocabulary, appear in speech discourse in approximately 90 % of cases in an unstressed position [Потапова, Линднер 1991]. All the vowels in their sound structure are subject not only to a quantitative but also to a significant qualitative reduction, which, through a whole series of intermediate steps, leads to the complete neutralization of all the differential vowel signs up to elision. The allophonic variation of the reduced vowels is, therefore, an alternation of sounds, where phonemes that are closest in the structure of differential features are realized by close allophones. The vowels that appeared due to this reduction are arranged in decreasing order according to the degree of manifestation of articulatory-auditory features in allophonic series, the initial links of which are the dominant allophones, and the final ones are the sounds of incomplete formation [ə] or the vowel elision. Dominant allophones mean such unstressed sounds, which, given the perception, do not differ from the stressed realization of the corresponding vowels. At the same time, their acoustic characteristics have been slightly modified [Сарсембаева 1989; Стериополо 1979].

The experimental data [Потапова 2002] made it possible to reveal two degrees of qualitative reduction. The first degree is characteristic for a limited number of German vowels and is a neutralization of the closeness (tension) feature, the acoustic correlate of which is an increase in the value of $F_{1.}$ The second degree of qualitative reduction is inherent in all the vowels of modern German. It leads to the loss of phonological features of labialization, the degree of the tongue rise and belonging to and the appearance of sounds of incomplete formation [ə] (neutral allophones), which differ in their maximum articulatory-acoustic centralization. Front vowels, as a result of qualitative reduction of the second degree, are realized by the neutral allophone [ə], and back vowels – by the allophone [æ]. The main articulatory difference between the above neutral allophones lies is horizontal position of the tongue: the sound [ə] is characterized by a more forward articulation and a lighter sound compared to the more posterior and dark allophone [æ]. In acoustics, this is conveyed by a higher value of the second formant (F_2 = 1600 Hz).

As a result of the study [Потапова 2002], acoustic correlates of the transition of some allophones to others were revealed. As threshold values of acoustic parameters, overlapping regions of their realizations are considered, where the frequency of occurrences of the compared allophones is approximately the same: as a rule, such threshold regions are located between the confidence intervals of their average values. Allophones have certain area of acoustic realizations, which depend not only on the inherent properties of vowels and contextual conditions, but also on types of speech activity. Their perception is of relative nature: the same allophones in various styles of speech demonstrate various acoustic characteristics, which prove conclusively the dependence of segmented speech units on the prosodic structure of the whole text.

Reduction of vowels in weak forms occurs gradually and represents a holistic unidirectional process combining the two sides – quantitative and qualitative.

It is revealed that the quantitative reduction of vowels during reading depends on the tempo [Новицкая 1976; Повилайтис 1986]: with a rapid tempo of reading, the degrees of reduction are close to colloquial fluent speech; when the tempo of reading is slowed down, the qualitative and quantitative reduction of the vowels and consonants of the syllable in an unstressed position can be characterized as its absence. This fact shows a close dialectical unity of the two most important characteristics – the phenomena of objective reality – quantity and quality, their interdependence and mutual compensation. In the course of the study [Потапова 2002] one can conclude that all the realizations of the phonological system of the German language, if dialectally- and territorially-colored pronouncing variants are excluded from consideration, will be carried out in accordance with three main variants: complete, reduced-complete and incomplete. These three realization variants are identified during the typification of communicative acts on the basis of appellative coordinates.

The ***complete*** (explicitly normative or "ideally"-normative) variant of the German language phonological system realization is considered as a maximum of acoustic semantic information.

The ***reduced-complete*** variant of the realization, in contrast to the complete variant, has greater variability and some intermediate forms fixed in the pronunciation dictionaries.

The ***incomplete*** (elliptic-normative) realization is characterized by a significant deformation of the segment composition, i.e. by various quantitative and qualitative truncations of units of the expression plan and is oriented to orthoepic norms.

The abovementioned allows for the conclusion that the realization of the phonological system in speech is carried out in accordance with private norms and styles of realization, which, in turn, are regulated by the influence of extralinguistic factors. The latter can stylistically mark the speech signal by specifying a certain range of variation of the physical parameters of the signal components, on the basis of which each speech product can be reliably attributed to a certain type of pronunciation and, taking into account its prosodic features, to the pronunciation style.

The degree of quantitative reduction of unstressed vowels with a rapid tempo causes a qualitative reduction of the vowels, which, in contrast to the quantitative representation, is a special kind of sound variation, since it deprives the vowel sound of clear timbral characteristics [Веренич 1984]. An example of a qualitative reduction of sounds on the material of experimental texts can be a trend to increase the openness of vowels in accelerating the speech tempo. This phonetic phenomenon can be observed not only in functional, but also in nominal words.

The increase in the pronunciation speed can cause not only greater openness of the syllable-carrier vowel, but also centralization of the articulation of the audio segment, which leads to the neutralization of qualitative differences between vowels and to appearance of reduced [ə] instead of open variants of [ɪ], [ʊ], [ɔ], [ɛ]. The final stage in the process of qualitative reduction is the complete loss of sound (elision).

The study of the features of the realization of consonant units in tempo versions of spoken texts showed a trend to weakening of consonants and their loss under the influence of an increase in the speech speed. It was found that different modifications are characteristic for various types of consonants. Thus, for example, with the acceleration of the speech tempo, there is an increase in the occurrence of voiced variants of voiceless stop consonants and fricatives.

In the system of consonantism of German colloquial speech, significant quantitative and qualitative modifications of consonants were also found, which is explained by a weakened articulation causing partial or complete disappearance of certain characteristics of consonants, and appearance of their new characteristics.

The results of the auditory analysis of voiced stop consonants in the studied tempo varieties of texts indicate that modifications of this category of consonant units relate primarily to the way they are formed. The weakening of voiced stop consonants [b], [d], [g] with a rapid tempo can be manifested in the transition of these explosive consonants into fricative ones, i.e. the stop of the voiced consonant is significantly weakened or even completely absent resulting in the fricative sound: *Oberschule, oder, erzeugt, habe ich.* Of voiced stop consonants, usually [g] and [b], and less often [d] lose their "stop" character and become fricatives.

The analysis of the experimental texts [Потапова 2002] suggests that a fast speech tempo reduces consonant saturation of the speech due to more frequent loss of consonants in this tempo gradation. Thus, in texts with the normal speech tempo six cases of loss of consonants per 286 syllables were observed, whereas in the same text with rapid speech tempo the amount of eliminated consonants increased almost fourfolds. The most marked instability is typical for stop explosives [t] and [d] in consonant groups: consonant [t] is very weakened or completely absent before explosives, fricatives and affricates, sometimes before vowels: *en(t)deckt*, *sin(d)das*, *Ausbil(d)ung*, *Obs(t)- und Gemüse*, *punk(t)*, *ach(t)*.

The loss of vowels and consonants generates, in turn, a modification of units of a higher hierarchical level – the syllable elision. The maximum acceleration of the speech tempo leads to deformation or sound compression of several segment units; and this changes quantitative and syllabic composition of rhythmic phrases, for example: *Wir wa(re)n aber in ei(ne) m klein(en) Raum zusamm(en)*.

German colloquial speech is one of the forms of spoken speech, where the functioning of units at the segment level largely due depends on the temporal characteristics of the text. Deviations from the codified norm that arise under the influence of accelerating the speech tempo, show that in the speech practice, along with the codified norm there is also vernacular-colloquial literary norm, which has its own laws of variation in units of the segment level in verbal discourse.

The study of the functioning of segment units in texts contrasted with the speech tempo made it possible to reveal various types of quantitative and qualitative modifications of sounds, some of which are characteristic of both tempo versions of the text, and others can be considered as variants dependent on the rapid speech tempo. To the number of sound modifications that can be observed in both speech tempos, one can attribute: the loss of weakened [ə], the presence of sonant syllable-carrier, the loss of individual vowels and consonants, the quantitative and qualitative reduction of vowels in functional words, the assimilation of consonants by the place of formation and by the method of articulation, absence of a glottal stop in functional words, deaspiration of voiceless stop consonants [Kohler 1977]. Along with this, with the acceleration of the speech tempo, the frequency of voicing voiceless stop explosives increases significantly, i.e. there is a trend to dephonologisation of differences between [t] – [d], [p] – [b], [k] – [g] in intervocal positions and at the junctions of accentual units before vowels and sonorants; affricatization of stop-explosives and fricatives at the junction of accentual units increases: affricates are weakened; there is an increase in the number of cases of voiced stop consonants fricatisation, monophthongization of diphthongs, and elisions of whole syllables.

The analysis of sound modifications in these texts [Потапова 2002] makes it possible to conclude that the acceleration of the speech tempo expands the range of positions of the phonetic modifications. Thus, in texts with the normal tempo, almost all cases of the loss of [ə] are observed after stop consonants and fricatives. In texts with a rapid tempo, the loss of [ə] is observed not only after stop consonants and fricatives, but also after vowels and sonorants. With a significant acceleration in the speech tempo, the loss of [ə] leads not only to assimilation of consonants by the place of articulation, but also far-reaching complete assimilation of the stop consonant in contact with the nasal consonant.

The perceived sound modifications due to the acceleration of the speech tempo reflect at the acoustic level as the change in the quantitative indicators of segment units decreasingly. Although the range of the sounds variability is very wide, the average data computed on a large material for all stressed and unstressed vowels indicate that, as a whole, long stressed vowel are reduced more significantly than unstressed ones.

Among unstressed vowels, there is also a certain sequence in terms of their ability to be reduced. The vowel of the first post-tonic syllable is reduced to the maximum extent. In this position, in the texts realized at a rapid tempo, the vowel is often reduced to zero. In the second post-tonic syllable, the reduction of the vowel is less than in the first. With distance from the stress, there are fewer cases of vowel loss in unstressed syllables. In the post-tonic position, the final syllable of the rhythm has the maximum duration.

As shown by our data [Потапова 2002] and by the results of other researchers, for example, [Стериополо 1979], in the unstressed position both qualitative and quantitative characteristics of vowels are noticeably weakened, which is a consequence of reduction. However, in German, qualitative reduction rarely results in neutralizing the timbre of a vowel. The preservation in the unstressed vowel of the basic timbral properties of the stressed variant is typical. In particular, one can observe a clear contrast between unstressed open vowels and closed syllables by qualitative features. It follows that in an unstressed position, short closed and long closed vowels of the same quality are in relation to additional distribution to each other, i.e. short and long variants of closed vowels are allophones of the same phoneme. All unstressed allophones can be divided in qualitative terms into two classes: closed, tense vowels corresponding to long ones in the stressed position: [ɪ:] – ɪ, [e:] – e, [u:] – u, [o:] – o, [a:] – a, and open non-tense ones: ɪ, ɛ, ʊ, ɔ, a .

Quantitative reduction of German vowels leads to a complete loss of their difference by duration – all unstressed vowels are almost equal. This circumstance clearly reflects the dependence of the duration of German phonemes on the stress and structure of the syllable [Потапова, Потапов 2001].

The distribution of the duration between stressed and unstressed vowels shows that the quantitative characteristics of unstressed vowels do not depend on the structure of the syllable and on the position in the word: the duration of the vowels of open, closed, pre-tonic and post-tonic syllables is the same. Exceptions are vowels of final post-tonic syllables (cf. [Потапова 1986]).

Establishing a qualitative reduction of vowels in the German language, it should be noted that it is not as pronounced as in the Russian language, where there are vowels of incomplete formation [ъ], [ь]. A characteristic feature of the German language is greater qualitative reduction of vowels in closed syllables compared with vowels in open syllables. Vowels of pre-tonic syllables are reduced less than vowels of post-tonic syllables, with the exception of unstressed ε that is reduced to the maximum in all closed syllables of the beginning and middle of the word up to ə.

As it was found in the course of the study, strong qualitative modifications affect diphthongs in unstressed syllables as the speech is "reconstructed" from reading to speaking, which can be illustrated by a scale of gradual qualitative displacements:

[æ] → [aɪ] → [a^{i}] → [a] → [ε] → [ə] → o;
[ao] → [au] → [ɔa] → [ɔʊ] → [ɔ] → [ɐ] → [ə] → o;
[ɔø] → [ɔi] → [ɔ^{i}] → [ɔ] → [ə] → o.

The data obtained [Потапова, 2002] agree in principle with the data of other researchers (for example, [Успенский, 1984]), but there are also some differences. Thus, according to our results at auditory and acoustic levels, the presence of zero realization is an integral variant in all scales. And these variforms appear, as a rule, when speaking in a casual-spoken speech register. The realized variforms of unstressed vowels (monophthongs and diphthongs) in the discourse demonstrate a spectrum of deviations from the codified pronunciation standard.

There are much more specific variforms of unstressed vocalism and they vary depending on the specifics and number of communicants; situations of communication; tempo of speech production; type of speech activity; phonostylistic register, etc.

Thus, the conducted research [Потапова 2002] made it possible to identify specific variforms of unstressed syllables in German speech with reference to two types of speech activity: reading and speaking.

In the course of the research [Потапова 2002] three types of realization of unstressed syllabic structures were distinguished: the complete type of realization, the truncated type of realization, and the zero type of realization. It is established that the increase in the speed of speech production (the speech tempo) during reading is not identical to the variforms of unstressed syllables in a continuous-casual speech. Types of variforms may be close in some cases, but there is no complete agreement observed; this allows suggesting a hypothesis of a multidimensional control mechanism of speech production in relation to the reading and speaking processes.

A special phonetic distinctness is manifested in realizations demonstrating a wide range of ʀ-allophones taking into account their acoustic specifics and range of variations of variforms. Traditionally, the group of ʀ-allophones breaks down into variforms starting with a vibrant and ending with elision: multistressed variform > vibrant > single-stressed variform > fricative > approximant > vowel > complete assimilation > loss (elision). Analysis of oscillograms and sonograms leads to the conclusion that ʀ-allophones are mostly sonants. However, signs of sonority are not always present. Loss of a given feature is inherent in ʀ-allophones in contact and distact (by A. A. Reformatskiy (1996)) progressive assimilation by voicelessness after voiceless obstruents.

The research [Потапова 2002] confirmed the idea that in reading usually voiced ʀ-allophones are realized in prefixes *-er*, *-ver*, *-zer*, *-her*. In the final syllable position after short vowels, the use of consonant features and the appearance of vocalic features up to completely assimilated variforms are observed. After long vowels, either the vocalization of the vibrant is observed, or its complete assimilation. The position of the vibrant in polysyllabic words and after long [a:] should be specifically emphasized, as here the trend towards complete assimilation significantly increases. As for speaking (in particular, in dialogues and polylogues, for example, on the material of Talkshows), our observations completely coincide with the results of other studies, according to which this kind of speech activity is much more characterized by the vocalization of the vibrant up to its complete assimilation both after short vowels, excluding their functioning in affixes, and after a long [a:].

Of great interest are conclusions in view of time dynamics [Rues 2001]. The investigated polylogues in German Talkshows of the 90's make it possible to conclude that the dominant kind of ʀ-allophony in spontaneous German speech is complete assimilation, especially in the post-vowel position [ɔ] and [a]. In other cases vocalization is observed. And consonant allophones become quite a rare phenomenon. As a consequence of such modifications, compensatory quantitative, as well as partially qualitative changes of the preceding vowel are observed. The results of the research make it possible to distinguish between the types of German ʀ-allophones taking into account the positions of the initial and final in the syllable: the initial is more characterized by consonant allophones, and the finals are vocalized and after short vowels and [a:] are subject to complete assimilation.

Thus, the object of the research [Потапов 2002] was the modification of unstressed syllables in German spoken language with regard to reading and speaking. As a result of the research, variforms of unstressed syllables and their constituents in German spoken speech were identified and described. The dynamics of modifications in the syllable constituents can be characterized as follows: ***reading***: complete realization of unstressed syllables; incomplete realization of unstressed syllables that does not lead to the blending of the syllable constituents and redistribution of the syllable boundary; ***speaking***: incomplete realization of unstressed syllables leading to blending of syllable constituents, simplification of the syllable structure and its complete loss; redistribution of syllabic boundaries and a change in the accent-rhythmic pattern of the word.

The results of the study on the characteristics of the functioning of the unstressed syllable and its components in the dynamics of discourse suggest that in German colloquial speech with the general change in the speech motor there are significant modifications of unstressed syllables, which, in turn, cause wide variability of its components [Потапова 1995]. This leads to the fact that the set of allophones of vowel and consonant phonemes realized in unstressed syllables becomes wider in German colloquial speech than in codified literary speech and in reading. The main acoustic correlate of the syllable with the sonant as a syllable-carrier is the contrast in the level of intensity and duration between the constituents of the syllable. The set of acoustic parameters relevant for distinguishing German syllabic / non-syllabic sonants depends on the distribution factor, under the influence of which not all intensity parameters are equally important in distinguishing syllable / non-syllable sonants: the intensity level parameters can act either as a whole or selectively. The duration parameter is not always indicative since the syllabic / non-syllabic character of the sonant may be realized with one or more parameters of the intensity level.

The main factors that determine the variability of unstressed syllables are the position in the word and the distribution. The appearance of syllabic / non-syllabic sonants in the speech dynamics depends both on the phonetic context and on the types of speech activity.

4. Variability of rhythmic units in German spoken language

Today various approaches to the study and interpretation of the rhythm of German spoken language can be divided into two main groups [Потапова, Потапов 2001]: studies the original concept of which is *accent-based isochrony,* and studies based on *syllable-based isochrony* [Auer, Uhmann 1988; Auer, Couper-Kuhlen 1994]. In both cases, the cornerstone of all scientific constructions is the concept of *isochrony* transferred from the metric features of the verse speech to non-verse speech [Pike 1945; Abercrombie 1967]. Here the reference speech quantum (on the concept of "quantum", see [Потапова 1986] is a measure (foot). The differentiation of the approaches is associated, in one case, with the time compression of the syllabic segments within the measure associated with the increase in the number of syllables in a given measure, i.e. *with an inverse relationship* between the number of syllables and their duration, and in the other case – *with a direct relationship* between the number of syllables within the measure and their total duration. In both cases, there is *isochronous* interpretation of the reference rhythmic quantum. Isochrony itself is oriented towards various actualizations of the speech rhythm with the help of: a) the number of syllables; b) the total duration.

In modern Germanistics and world rhythmology, both approaches are widely represented. However, there is a trend to look for other ways, the supporters of this approach interpret the speech rhythm of non-verse speech not so formally, given the morpho-fonologo-phonetic aspect of this phenomenon, the structure of language, etc. [Потапов 1993; Потапов 1996; Потапов 1998; Потапов 1999; Потапов 2001; Potapova, Potapov 2011; Stock 2000]. Criticism of E. Stock [Stock 2000] of both of the above concepts of isochrony with regard to accent-based and syllable-based approaches with respect to German continuous non-verse speech is reasoned and justified. The traditional misconception in the study and interpretation of the speech rhythm in various languages is the transfer of the conclusions derived from the study of the English spoken language rhythm to the languages analyzed. As a rule, factors such as the process of reduction of vowels, the specificity of syllabic structures and syllabic boundaries, the relationship between the syllabic structure and the position of stress, the position of the main-stress syllable in a syntagm (phrase), grammatical, communicative, emotive and other stress functions are not taken into account. In this case, the overall integrative picture of the description of the spoken language rhythm is complicated depending on how thoroughly the researcher analyzes the given phenomenon: from the position of auditory perception, acoustic phonetics, morphophonology, lexical frequency of phonotactics, etc.

This point of view [Потапова, Потапов 2001] coincides with E. Stock's opinion with respect to the criticism of the approach according to which the German spoken language rhythm is thought of as an accent-based one [Pheby, Eras 1969; Pheby 1981]. The perceptive aspect was not taken into account. Moreover, the stylistic factor was not considered at all. The conclusions of Kohler (1982) are also somewhat categorical with respect to isochrony. The consideration of many components approximates the understanding of the spoken language rhythm in Germanistics to the more organic, integrated and probability-oriented phenomenon ([Essen 1979; Meinhold 1971, Neuber 1998; Völtz 1994; Stock 1996a; Stock 1996b; Stock 2000; Stock 2001; Stock, Veličkova 2002] and others).

A number of studies are devoted to the study of paradigmatic rhythmic models of the German language. An analysis of the vocabulary structures of the German language, for example, was conducted by P. Menzerath (1954) on the material of 20,453 words.

To determine the most characteristic features in the distribution of stress in the German word, the frequency of German paradigmatic accent models of modern German words on the basis of the Leipzig Dictionary of German Pronunciation (1971) was analyzed. The study was conducted on a sample containing 45268 words [Гуревич 1975; Гуревич 2000]. Simple, derivative, and compound words were studied. The main feature of the model was the distribution of the main and secondary stresses. In addition, the morphemic conditionality of the German verbal accent is traced in accordance with the accent models.

The monograph [Гуревич 2008] is devoted to the peculiarities of the accentuation of the word in German (see, for example, also [Гуревич 2014, p. 273–277]).

Theoretical data were subjected to experimental analysis [Потапова, Потапов 2001]. The auditory analysis data provided the following conclusions: "…in German, the secondary stress along with the main one plays an important role in the rhythmic pattern of the spoken language. In this case, the fixation of the secondary stress on a certain syllable of a compound word in real speech is not always observed, and the more natural the conditions of communication, the greater the probability of displacement"[1] [Потапова, Потапов 2001, p. 115].

It seems very important that in most cases the secondary stress shifts to the syllable, which according to the rules should carry the stress of the third degree. In other words, it is not an absolutely new and unpredictable localization of the secondary stress, but its displacement to a syllable that is potentially also a stressed one, but to a lesser extent. The deviation from the norms for the stress of the third degree was ascertained by auditors in 54 % of cases.

The main prosodic features characterizing the salience of the syllable were, according to the results of the auditory experiment, the melodic contour, the duration and a combination of these two features. While in the case of the main stress realization the length plays a rather significant role, it becomes practically irrelevant for realization of the stress of the second and third degrees.

For acoustic analysis of the experimental material of the research, only those words were selected, in which the localization of the secondary stress was determined by the listeners as not coinciding with the paradigmatic norm of German phonetics[2] [Потапова, Потапов 2001, p. 120].

The comparison of the auditory and acoustic analyses data made it possible to draw the following conclusion: "…in the majority of cases,

[1] «…В немецком языке второстепенное ударение, наряду с главным, играет важную роль в ритмическом оформлении звучащей речи. При этом фиксированность второстепенного ударения на определенном слоге сложного слова в реальной речи не всегда соблюдается, и чем естественнее условия коммуникации, тем больше вероятность смещения».

[2] «Для акустического анализа из общего массива слов, составивших экспериментальный материал исследования, были отобраны только те слова, в которых локализация второстепенного ударения аудиторами определялась как несовпадающая с парадигматической нормой немецкой фонетики».

the listeners defined the first syllable of a compound word as a syllable bearing the main stress. Only in a small number of cases, according to the listeners, the main stress was displaced to another syllable. In 61.1% these data were fully confirmed by the results of the acoustic analysis”[1] [Потапова, Потапов 2001, p. 121].

The data obtained as a result of the acoustic analysis [Потапова, Потапов, 2001] confirmed the hypothesis that, in relation to syntagmatics in compound German words, one can speak of various variants of marking the secondary stress, and also the main stress in some cases[2].

Most often the deviation from the orthoepic pronunciation of German compound words, namely the displacement of the secondary stress, occurs in the following cases of word localization: isolated pronunciation, middle and end of the sentence, which partially coincides with the data obtained with regard to the realization of the main stress.

To realize the acoustic salience of both the main and secondary types of stress, the most indicative were the positions of words in the text, in the middle of the sentence, and also with in isolated pronunciation. In these cases, the maximum number of various prosodic parameters takes the largest numerical value.

The experiment showed that “…in German the system of stresses within a compound word varies in syntagmatics in comparison with paradigmatic, and the secondary stress plays an important role in the rhythmic pattern of spoken language along with the main one, which was confirmed by the data of the auditory analysis”[3] [Потапова, Потапов 2001, p. 121].

The results of the experiment are in agreement with the conclusions obtained earlier [Потапов 1998, p. 38–39; Потапов 2004; Potapov

[1] «…В преобладающем большинстве случаев аудиторы определяли первый слог сложного слова как слог, несущий главное ударение. Лишь в незначительном числе случаев, по данным аудиторов, главное ударение было смещено на другой слог. В 61,1 % эти данные полностью подтвердились результатами акустического анализа».

[2] Our results confirm the data obtained by R. Rausch (2001), according to which there are significant differences in the rhythmic patterns of compound words in the German language (for example, even for East-German and West-German variants: *Bürgermeister – Bürgerméister*).

[3] «…В немецком языке система ударений в рамках сложного слова варьирует в синтагматике по сравнению с парадигматикой и второстепенное ударение наряду с главным играет важную роль в ритмическом оформлении звучащей речи, что было подтверждено данными слухового анализа».

1999; Potapov 2001; Potapov 2014], according to which the study of the rhythmic structure in synchrony for all analyzed languages[1] confirmed the variability of prosodic pattern of polysyllabic ‘rhythmic structures’ (RS) forming a marginal array of RSs. This variability is causally dependent on the syntactic-semantic and stylistic factors of constructing the spoken text, which can be revealed only at the level of the phrase prosody. The core of every speech construction, both written and spoken, is a system of rules that form a kind of *framework, the guiding feature of which, as applied to the rhythm of the non-verse speech, is its flexibility, elasticity. On the one hand, variability is possible; on the other hand, this variability is limited by certain rules, and if these rules are not observed, this can lead to some interference and distortion in the rhythm of speech of a specific language.*

5. Pronunciation variability of German spoken language and attempts to codify it

The shift of the dominant of scientific research towards anthropocentrism led to the development of ***spoken language sciences*** (in German: ***Sprechwissenschaft***; in English: ***speechology***), where the main object of research is the individual as a part of the universal existence. The reasonability of such a concept is confirmed by the successful functioning of special institutions of spoken language sciences, for example, in Germany [Потапова 1999; Krech 1968; Krech 1987; Krech 1996a; Krech 1996b; Krech 1996c; Krech 1999]. The phonetic-phonological component, therefore, is only one of the vectors in the complex matrix of interpersonal communication features.

The great variability of the German language is described by many researchers (see, e.g., [Zellerhoff 2013]) who refer primarily to the fact of the late historical development of the German language as the national language of the state in the Baroque era. Along with the functioning of a variety of dialects, there are examples of typical regional variations[2]. R. Zellerhoff gives some examples of the differences in the articulation base, for example, for inhabitants in the north and the south of Germany:

While the “northerners” articulate fully in front of the oral cavity, for “southerners” would be the art of the articulation direct opposite. The

[1] Russian, German, Czech, Bulgarian.

[2] For example, such works as ([Атарщикова 2001; Бухаров 1995; Стериополо, Бондаренко 2004] and others) are also devoted to regional pronunciation variants.

basis of articulation is thus the one before and in the other case shifted back. Even within North Rhine-Westphalia, the pronunciation of people from Cologne or Aachen would be extremely different, the former would speak rhythmically but with barely noticeable melody, while the latter had a moving speech melody. Also phonetic peculiarities, such as the "sweet s", which is spoken in the Rhineland and, compared to the rather "sharp s"...[1] [Zellenhoff 2013, p. 126].

Consideration of the process of formation and development of the pronunciation variantology is especially justified from the standpoint of various aspects of spoken language sciences (speechology). To that end, the experience of codifying modern German pronunciation [Siebs 1969; Sievers 1901] is indicative.

Special attention should be paid to the process of developing the modern All-German project to create new codified requirements to orthoepy of the German that has been implemented since 1990, by specialists in Germanic studies of the united Germany (with centers in Universities of Halle and Cologne) [Stock 2001].

This project is known under the name of the "New Edition of the Pronunciation Dictionary of the German Language". The project includes an extensive program, according to which a number of tasks of codifying the pronunciation of the modern German language are being solved. The cornerstone of the project is the reliance on recommendations built on the knowledge of modern pronunciation of words, taking into account situational and communicative factors. In this regard, a special place in the development of the project is taken by stylistically conditioned pronunciation variants [Потапова 1999].

The purpose of this dictionary is to update the codification of the German pronunciation standard and to provide recommendations for its situation-specific use. Stylistic variants of pronunciation regarding the accuracy of articulation during reading and free speaking are taken into account. The information on the "Germanized" pronunciation variants of words is for the

[1] "Während die "Nordlichter" ganz vorne im Mundraum artikulierten, sei es im Süden offensichtlich umgekert. Die Artikulationsbasis sei also das eine Mal vor- und im anderen Fall zurückverlagert. Selbst innerhalb von Nordrhein-Westfalen ware die Aussprache der Menschen aus Köln oder Aachen extreme unterschiedlich, Erstere sprächen rhythmisch aber mit kaum merklicher Melodieführung, während letztere eine bewegte Sprechmelodie aufwiesen. Auch lautliche Besonderheiten, wie das "suße s", das im Rheinland and gesprochen wird, gegenüber dem eher "scharfen s"…"

first time included for nineteen various foreign languages for the German user. Moreover, the German language pronunciation standard in Austria and the German-speaking region of Switzerland is described according to the concept of the German language as a pluricentric one.

The dictionary includes about 150,000 German and foreign words entered into the German lexicon, as well as a large number of compound words (composites) and word combinations that form complex accentual structures, which contributes to a more adequate perception of the meaning of what has been said.

The phonetic material of the dictionary itself is a description of the distribution pattern and the regional division (delimitation) of the German language, which currently is the mother tongue for 130 million people. In some countries, German, along with other languages, has the status of a national business official language, for example, in such states as Liechtenstein, Luxembourg, East Belgium and South Tyrol. In addition, the German language functions among national minorities in 25 states: Argentina, Australia, Brazil, Denmark, France, Israel, Canada, Mexico, Namibia, Poland, Romania, Russia, Slovakia, South Africa, Czech Republic, Hungary, Uruguay, USA. All this leads, according to the authors of the dictionary, to extremely rich variability at all levels, and naturally, above all, at the phonetic level.

Significant tolerance in relation to the pronounced variability of the German language does not exclude the need for recommendations in the field of codification of German pronunciation, which is in demand primarily in the preparation of speakers in the broadest sense of the word (in science, culture, politics, education, economics, etc.). Thus, the codified standard, unlike the pronunciation variforms, is characterized by the presence of the following features:

- absence of dialectally and regionally colored pronunciation forms;
- presence (use) of supra-regional and supra-social pronunciation forms;
- functioning in official situations, etc.

In the dictionary, along with the variability of allophones, variforms of accent-rhythmic units, syllabic division, reduction, etc. were introduced.

The development of a new version of the pronunciation dictionary included the solution of a number of specific tasks: performing socio-phonetic research that aim to define (on the basis of language users – the native speakers' responses) ***preferred forms*** of pronunciation depending on the specific conditions of pronunciation; carrying out the experimental-phonetic analysis of the created speech corpus; coordination of all data obtained during the research; compilation of a new pronunciation dictionary (paper and electronic versions).

To solve the first task, socio-phonetic research were required. To date, 43 types of sounding material have been used (each one is one minute in length), which includes the presentation of various forms of information messages, dialogues and polylogues, speeches of politicians, lectures[1], etc. from various TV and radio programs.

Special questionnaires and tests revealed the following: how organic and acceptable a connection between the pronunciation form of the sounding material (sounds, intonation) and a particular communicative situation is, in the listeners' opinion. When processing data received from 1,600 the native speakers, their differentiation by age, gender, social status, membership to regional or dialectal variants of pronunciation, etc. was taken into account.

The obtained results made it possible to draw a conclusion that the native speakers have a corresponding idea of ***how*** to realize pronunciation forms in certain communicative conditions. Thus, with the help of the socio-phonetic research, it becomes possible to determine the main direction when focusing on the most preferred variants of pronunciation forms (pronunciation variforms).

The solution also implied experimental phonetic research of the sounding material using computer programs for acoustic analysis of speech. This research made it possible to determine the specifics of sound variability of articulatory nature under the influence of various position-contextual and phonostylistic factors.

In this case, special attention was given to differentiation of pronunciation variforms in various types of speech activity: ***reading*** and ***speaking.*** The main objective of the research was to determine the pronunciation variforms with respect to the characteristics of complete and incomplete types of pronunciation [Бондарко, Вербицкая, Гордина, Зиндер, Касевич, 1974). Within the framework of the project, the coordination of the data was carried out at the final stage, and pronunciation variants of the modern German language were developed taking into account the development

[1] See, for example [Потапова, Потапов 2013; Потапова, Потапов 2014].

of new representative forms of pronunciation. The so-called "regular" vocabulary includes speech units within the phrase, in order to be able to reflect the pronunciation forms in larger segments of the continuous speech, taking into account various situational and communicative factors. In addition, the pronunciation variforms of foreign words and proper nouns were studied that are most commonly found in the language of tele- and radioprograms. Along with the dictionary on a traditional paper medium, a "speaking dictionary" is available on the CD, which is of great importance for the study of the German language as a foreign language [Hirschfeld, Stock 2000].

Consequently, according to this project, the codification of German pronunciation did not aim to create a set of prescriptions for a single pronunciation norm. On the basis of the specific observations of the use of language and acceptance of certain forms by the majority of native language speakers it became possible to consolidate such pronunciation variants (variforms) that could be recommended as ***preferred*** ones in relation to specific situations and conditions of communication.

The objective of the project also included the search of answer to the following questions: under what conditions and in what form the use of certain pronunciation variforms is communicatively justified and appropriate; what is better to introduce into the codified pronunciation information and what should be recommended as the preferred variant. It was assumed that codification will serve as a stabilizing factor in the undesired "spread" of the pronunciation standard of Germany.

The authors of the project rightfully believe that the codification of the pronunciation and the speech reality should be considered as interrelated and interdependent parts of the whole. Moreover, it is the ***verbal reality*** that is the initial, on the one hand, and the target, on the other hand, point of codification. It is postulated that any pronunciation codification should be based, first of all, on the recording and evaluation of speech reality. Obtaining the resulting evaluation involves carrying out empirical studies that lead to the formation of a database and include statistically reliable variforms reflecting the diverse speech usage. The results of such an empirical research are further subjected to expert analysis and evaluation including the process of normalization, selection and generalization, which makes it possible to represent the diversity of the data obtained in the form of a limited set of examples and rules.

Explicit codified norms are intended to reflect not all the variety of standard speech realizations, but only those that can be accepted and approved by native speakers as “comfortable” and preferred for the act of fully comprehensive verbal communication.

The process of communication is not limited to explicit information and involves verification of the sounding material primarily against the natural manner of perception and acceptance of pronunciation variforms. In this regard, a huge role in the work on the project was that of identification of correlations between explicit and implicit forms of knowledge about them, which is a decisive factor governing the codification. At the same time, the implicit norms associated with the process of expectation of certain variforms function at all linguistic levels: in relation to various kinds of dialects, sociolects and the language standard. Formation of evaluation competence occurs in the process of active perceptual activity based mainly on the use of the media.

The above approaches to the problem of the codification of German pronunciation are developed and solved by representatives of a relatively new direction among phonetic sciences, speechology. The practical and theoretical contribution to the speechology of the scientists of Germany is huge and deserves the closest attention and study [Krech 1996c; Krech 1999].

It is necessary to give proper respect to German specialists in German spoken language who have undertaken to solve such a difficult problem and have successfully solved it. A positive fact is that they consider the norm not as a fixed standard, but as a range of pronounced variforms inherent in this period of time.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артюхова А. А. Немецкий митинговый дискурс: риторика и просодия. Одесса : Фенікс, 2016. 166 с.

Атарщикова А. И. К проблеме единства и многообразия произносительно-интонационного стандарта немецкого языка // 100 лет экспериментальной фонетике в России : материалы Междунар. конф. 1–4 февраля 2001 г. / отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2001. С. 15–17.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М. : Просвещение, 1977. 176 с.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.

Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. Н.-Новгород : Изд-во ННГУ, 1995. 138 с.

Веренич Н. И. Влияние темпа речи на модификации звуков (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 1984. 22 с.

Гайдучик С. М. Квантитативные признаки немецких гласных // Экспериментальная фонетика. Сб. науч. тр. Минск, 1976. С. 18–27.

Гуревич Э. Д. О частотности парадигматических акцентных моделей немецкого слова // Вопросы фонетики и фонологии. Иркутск, 1975. Вып. 4. С. 38–42.

Гуревич Э. Д. Моделирование системы немецкого словесного ударения (опыт экспериментально-фонетического исследования) : дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 179 с.

Гуревич Э. Д. Акцентообразование в немецком литературном языке (антропологический аспект). Иркутск : Иркутский гос. лингвист. ун-т, 2008. 119 с.

Гуревич Э. Д. Процесс акцентообразования в просодико-смысловом аспекте // Вестник Иркутского гос. лингвист. ун-та. 2014. № 2. С. 273–277.

Домашнев А. И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М. : Высшая школа, 1967. 180 с.

Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л. : Наука, 1983. 232 с.

Домашнев А. И., Копчук Л. Б. Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи. СПб. : Наука, 2001. 165 с.

Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 636 с.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. 2-е изд., перер. и доп. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.

Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. 3-е изд. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. 420 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Новицкая Н. Л. О временных характеристиках спонтанной диалогической речи в сравнении с подготовленной речью (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) // Экспериментальная фонетика: Сб. науч. тр. Минск, 1976. С. 48–55.

Петлюченко Н. В. Харизматика: мовна особистість і дискурс. Одеса : Астропринт, 2009. 464 с.

Петренко А. Д. Тенденции развития немецкого произношения в студенческой среде ГДР : автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1986. 21 с.

Повилайтис Г.-А. Редукция гласных в слабых формах современного немецкого языка (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 1986. 15 с.

Потапов В. В. Языковая специфика структурно-компонентной актуализации ритма речи // Вопросы языкознания. 1993. № 5. С. 83–97.

Потапов В. В. Речевой ритм в диахронии и синхронии. М. : МГЛУ, 1996. 180 с.

Потапов В. В. Контрастивное исследование речевого ритма в диахронии и синхронии : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1998. 45 с.

Потапов В. В. К динамике становления вербального ритма // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 58–70.

Потапов В. В. Динамика и статика речевого ритма (Сравнительное исследование на материале славянских и германских языков). 2-е изд., испр. и доп. М. : УРСС, 2004. 344 с.

Потапова Р. К. Сегментно-структурная организация речи (экспериментально-фонетические исследования) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1981. 47 с.

Потапова Р. К. Слоговая фонетика германских языков. М. : Высшая школа, 1986. 144 с.

Потапова Р. К. Теоретические и прикладные аспекты сегментологии // Проблемы фонетики 2 / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М. : ИРЯ РАН, 1995. С. 7–20.

Потапова Р. К. Речеведение в Германии: возникновение, развитие, вклад в фонетические науки // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. № 4. 1999. С. 80–88.

Потапова Р. К. Некоторые аспекты немецкой произносительной вариантологии // Язык: теория, история, типология / под ред. Н. С. Бабенко. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 436–444.

Потапова Р. К. Произносительная вариантология // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 82–100.

Потапова Р. К. Акцентные вариформы многосложных слов в немецкой речи // Теория, история, типология языков : материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. Вып. I. М. : Ин-т языкознания РАН, 2003. С. 190–201.

Потапова Р. К., Гордеева Т. А. К вопросу о пограничных сигналах в современном немецком языке (применительно к региональным вариантам немецкого языка в ФРГ, Австрии, Швейцарии) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 118–128.

Потапова Р. К., Линднер Г. Особенности немецкого произношения. М. : Высшая школа, 1991. 319 с.

Потапова Р. К., Потапов В. В. Фонетика и фонология на стыке веков: идеи, проблемы, решения // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 3–26.

Потапова Р. К., Потапов В. В. Проблемы ритма немецкой звучащей речи // Вопросы языкознания. 2001. № 6. С. 104–122.

Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.

Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М. : Языки славянских культур, 2012. 464 с.

Прокопова Л. И. Структура слога в немецком языке. Киев : Киевск. ун-т, 1973. 133 с.

Реформатский А. А. К вопросу о фономорфологической делимитации слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 60–76.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс, 1996. 536 с.

Сарсембаева Н. А. 1989 Фонетическая природа предударного вокализма в современном немецком языке : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1989. 22 с.

Стериополо Е. И. Редукция ключевых гласных немецкого языка (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1979. 20 с.

Стериополо Е. И., Бондаренко Э. С. Региональное варьирование немецкой орфоэпической нормы // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера (сб. статей). СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2004. С. 246–251.

Торсуев Г. П. Вопросы фонетической структуры слова (на материале английского языка). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 155 с.

Трошина Н. Н. Немецкий язык в современной Европе (Научно-аналитический обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. Н. Н. Трошина. М., 2015. С. 102–121.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии : пер. с нем. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.

Успенский В. Л. Количественные и структурные модификации вокалических и консонантных сегментов немецкого языка в речевом потоке : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1984. 15 с.

Яковлева Э. Б. Специфика немецкой полилогической речи. М. : МГЛУ, 2004. 200 с.

Яковлева Э. Б. Полилог как новый объект лингвистики // Лингвистическая полифония: Сб. ст. в честь проф. Р.К. Потаповой / отв. ред. чл.-корр. В. А. Виноградов. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 184–199.

Ammon U. Die internationale Stellung der deutschen Sprache. Berlin ; New York : de Gruyter, 1991. 633 S.

Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz: das Problem der nationalen Varietäten. Berlin ; New York : de Gruyter, 1995. 575 S.

Ammon U. Nationale Varietäten des Deutschen. Heidelberg: Julius Groos, 1997. 55 S. (Studienbibliographien Sprachwissenschaft 19).

Auer P., Uhmann S. Silben- und akzentzählende Sprachen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 1988. S. 214–259.

Auer P., Couper-Kuhlen E. Rhythmus und Tempo konversationeller Alltagssprache // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1994. 96. S. 78–106.

Deutsches Ausspracheworterbuch / E.-M. Krech, E. Stock, U. Hirschfeld, L. Ch. Anders. Berlin; New York: de Gruyter, 2009. 1076 S.

Duden. Das Ausspracheworterbuch. Mannheim: Duden Verlag, 1990. 794 S.

Ellenberg S. Zur Lautstruktur des Wortes. Ein kybernetisches Sprachproblem // Zeitschrift *für* Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung 1. 1964. S. 21–24.

Essen O. v. Allgemeine und angewandte Phonetik. 5 Aufl. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. 245 S.

Groβes Wörterbuch der deutschen Aussprache / E.-M. Krech, E. Kurka, H. Stelzig, E. Stock, U. Stötzer, R. Teske. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. 600 S.

Hirschfeld U., Stock E. (Hrsg.) Phonetik interaktiv. Das Phonetikprogramm für Deutsch als Fremdsprache. Berlin, München, 2000.

Kohler K. J. Einführung in die Phonetik des Deutschen (= Grundlagen der Germanistik 20). Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1977. 301 S.

Kohler K. J. Rhythmus im Deutschen // Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik der Universität Kiel 19. 1982. S. 89107.

Krech E.-M. Sprechwissenschaftlich-phonetische Untersuchungen zum Gebrauch des Glottisschlageinsatzes in der allgemeinen deutscher. Basel, New York: S. Karger, 1968. 362 S.

Krech E.-M. Probleme der Kodifizierung deutscher Standardausschprache // Festschrift für Hans-Heinrich Wängler / Hrsg. R. Weiss. Hamburg, 1987. S. 181–194.

Krech E.-M. Ausssprachekodifizierung und Korpus-Problematik // Logon Didonai Gespräch und Verantwortung / Hrsg. H. Barthel. München, 1996a. S. 84–92.

Krech E.-M. Die hallesche Forschung zur deutschen Standardaussprache // Beiträge zur deutschen Standard aussprache / Hrsg. E.-M. Krech, E. Stock. Halle, 1996b. S. 27–40.

Krech E.-M. 90 Jahre Sprechwissenschaft / Sprecherziehung an der Universität Halle // Scientia halensis. 1996c. Jg. 4. № 1. S. 3–15.

Krech E.-M. Sprechwissenschaft an der Universität Halle Entwicklung und Perspektiven // Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik: Sprechwissenschaft zu Geschichte und Gegenwart. Frankfurt-am-Main, 1999. Bd. 3. S. 63–78.

Meinhold G. Die Grundordnung sprachrhythmischer Bewegung // Biuletyn fonograficzny. 1971. 12. S. 57–78.

Menzerath P. Die Architektonik des deutschen Wortschatzes. Bonn : Dümmler, 1954. 131 S.

Muhr R. Zur Theorie der Plurizentrik am Beispiel des Deutschen // Der Sprachdienst. 2012. Jahrgang 56. N. 5. S. 179–198.

Neuber B. Endsilbendehnungen und Tendenz zur temporalen Symmetrie in deutschen Wörtern Teil 1: Problemdarstellung und Empirie // Biege A.; Bose I. (Hrsg.) Theorie und Empirie in der Sprechwissenschaft. Hanau / Halle, 1998. S. 173–181.

Pheby J. Phonologie*:* Intonation *//* Heidolph K. E. et al. (Hrsg.) Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin : Akademie Verlag, 1981. S. 839–897.

Pheby J., Eras H. Rhythmische Einheiten im Deutschen // Zur phonetischen und phonologischen Untersuchung prosodischer Merkmale. Berlin, 1969. S. 47–71.

Pike K. The intonation of American English. Michigan: Ann Arbor, 1945. 200 p.

Potapov V. Der Sprachrhythmus im Russischen und Deutschen (diachronische und synchronische Aspekte) // Phonetica Francofortensia. 1999. 7. S. 99–123.

Potapov V. V. Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus: Eine vergleichende Studie zum slavischen und germanischen Sprachraum. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2001. 309 S.

Potapov V. Speech rhythmic patterns of the Slavic languages // Ronzhin A., Potapova R., Delić V. (eds.) SPECOM 2014. LNCS, vol. 8773. Heidelberg : Springer, 2014. P. 425–434.

Potapowa R. K. Das Ausspracheworterbuch der deutschen Sprache. Moskau : Pomovsky i partnjory, 1994. 320 S.

Potapowa R. K. Phonetische Besonderheiten der segmentalen Sprecheinheiten des Deutschen (in Bezug auf Vergleichsanalyse der Dauerwerte für deutsche lange und kurze Vokale im Redekontinuum) // Hörgeschädigten Pädagogik. Bd. 36. Heidelberg, 1995. S. 158–171.

Potapowa R. K. Ausspracheworterbuch des Deutschen // Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik. Hanau (Halle), 1996. S. 154–160.

Potapova R. K., Potapov V. V. Kommunikative Sprechtätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2011. 312 S.

Rausch R. Einige Bemerkungen zum Wortakzent // Braunlich M., Neuber B., Rues B. (Hrsg.) Gesprochene Sprache transdisziplinär: Festschrift zum 65.

Geburtstag von Gottfried Meinhold. Frankfurt-am-Main [u.a.] : Peter Lang, 2001. Bd. 5. S. 111–117.

Rues B. Noch einmal R // *Braunlich M., Neuber B., Rues B.* (Hrsg.) Gesprochene Sprache transdisziplinär: Festschrift zum 65. Geburtstag von Gottfried Meinhold. Frankfurt-am-Main [u.a.] : Peter Lang, 2001. Bd. 5. S. 19–28.

Schirmunski [Žirmunskij] *V. M.* Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten / Hg. und kommentiert von L. Naiditsch. Unter Mitarbeit von P. Wiesinger. Aus dem Russischen übersetzt von W. Fleischer. Frankfurt am Main [u.a.]: Peter Lang, 2010. 832 S.

Scholz H. J. Untersuchungen zur Lautstruktur deutscher Wörter. München : Fink Verlag, 1972. 289 S.

Siebs Th. Deutsche Aussprache / Hrsg. von H. de Boor, P. Diels. 19. Aufl. Berlin: de Gruyter, 1969. 264 S.

Sievers E. Grundzüge der Phonetik. Leipzig : Breitkopf und Härtel, 1901. 328 S.

Stock E. Deutsche Intonation. Leipzig [u.a.] : Langenscheidt, 1996a. 144 S.

Stock E. Text und Intonation // Sprachwissenschaft. Bd. 21. Hf.2. 1996b. 256 S.

Stock E. Zur Untersuchung und Beschreibung des Sprechrhythmus im Deutschen // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. Hf. 32. 2000. S. 318.

Stock E. Probleme neuer deutschsprachlicher Aussprachekodizes // Gesprochene Sprache transdisziplinär. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2001. S. 171–182.

Stock E., Veličkova L. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. Frankfurt am Main [u.a.] : Peter Lang, 2002. 262 S.

Stötzer U. Wörter mit variabler Akzentuierung und ihre Wiedergabe in Nachschlagewerken. In: Entwicklungstendenzen der Sprechwissenschaft in den letzten 25 Jahren. Zum Gedenken an H. Krech. Halle/Saale, 1989. S. 173–181.

Völtz M. Das Rhythmusphänomen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 1994. 10/2. S. 284–296.

Zacher O. Deutsche Phonetik. 2. Aufl. Leningrad, 1969. 207 S.

Zellerhoff R. Vielfalt der sprachlichen Bildung: Handlungsorientierte und erfahrungsoffene Wege zur Sprachkultur. Frankfurt am Main [u.a.] : Peter Lang, 2013. 225 S.

REFERENCES

Artjuhova A. A. Nemeckij mitingovyj diskurs: ritorika i prosodija. Odessa : Feniks, 2016. 166 s.

Atarshhikova A. I. K probleme edinstva i mnogoobrazija proiznositel‘no-intonacionnogo standarta nemeckogo jazyka // 100 let jeksperimental‘noj fonetike v Rossii: Materialy Mezhdunar. konf. 1–4 fevralja 2001 g. / otv. red. L. V. Bondarko. SPb. : Filol. fakul‘tet SPbGU, 2001. S. 15–17.

Bondarko L. V. Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo jazyka. M. : Prosveshhenie, 1977. 176 s.

Bondarko L. V., Verbickaja L. A., Gordina M. V., Zinder L. R., Kasevich V. B. Stili proiznoshenija i tipy proiznesenija // Voprosy jazykoznanija. 1974. № 2. S. 64–70.

Buharov V. M. Varianty norm proiznoshenija sovremennogo nemeckogo literaturnogo jazyka. N.-Novgorod : Izd-vo NNGU, 1995. 138 s.

Verenich N. I. Vlijanie tempa rechi na modifikacii zvukov (jeksperimental‘no-foneticheskoe issledovanie na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka): Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Minsk, 1984. 22 s.

Gajduchik S. M. Kvantitativnye priznaki nemeckih glasnyh // Jeksperimental‘naja fonetika. Sb. nauch. tr. Minsk, 1976. S. 18–27.

Gurevich Je. D. O chastotnosti paradigmaticheskih akcentnyh modelej nemeckogo slova // Voprosy fonetiki i fonologii. Irkutsk, 1975. Vyp.4. S. 38–42.

Gurevich Je. D. Modelirovanie sistemy nemeckogo slovesnogo udarenija (opyt jeksperimental‘no-foneticheskogo issledovanija) : dis. … kand. filol. nauk. Irkutsk, 2000. 179 s.

Gurevich Je. D. Akcentoobrazovanie v nemeckom literaturnom jazyke (antropologicheskij aspekt). Irkutsk : Irkutskij gos. lingvist. un-t, 2008. 119 s.

Gurevich Je. D. Process akcentoobrazovanija v prosodiko-smyslovom aspekte // Vestnik Irkutskogo gos. lingvist. un-ta. 2014. № 2. S. 273–277.

Domashnev A. I. Ocherk sovremennogo nemeckogo jazyka v Avstrii. M. : Vysshaja shkola, 1967. 180 s.

Domashnev A. I. Sovremennyj nemeckij jazyk v ego nacional‘nyh variantah. L. : Nauka, 1983. 232 s.

Domashnev A. I., Kopchuk L. B. Tipologija shodstv i razlichij jazykovyh sostojanij i jazykovyh situacij v stranah nemeckoj rechi. SPb.: Nauka, 2001. 165 s.

Zhirmunskij V. M. Nemeckaja dialektologija. M.-L. : Izd-vo AN SSSR,. 1956. 636 s.

Zinder L. R. Obshhaja fonetika. 2-e izd., perer. i dop. M. : Vysshaja shkola, 1979. 312 s.

Zinder L. R., Stroeva T. V. Sovremennyj nemeckij jazyk. 3-e izd. M. : Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 1957. 420 s.

Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost‘, koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.

Novickaja N. L. O vremennyh harakteristikah spontannoj dialogicheskoj rechi v sravnenii s podgotovlennoj rech‘ju (jeksperimental‘no-foneticheskoe issledovanie na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka) // Jeksperimental‘naja fonetika: Sb. nauch. tr. Minsk, 1976. S. 48–55.

Petljuchenko N. V. Harizmatika: movna osobistist’ i diskurs. Odesa : Astroprint, 2009. 464 s.

Petrenko A. D. Tendencii razvitija nemeckogo proiznoshenija v studencheskoj srede GDR: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Kiev, 1986. 21 s.
Povilajtis G.-A. Redukcija glasnyh v slabyh formah sovremennogo nemeckogo jazyka (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie) : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Minsk, 1986. 15 s.
Potapov V. V. Jazykovaja specifika strukturno-komponentnoj aktualizacii ritma rechi // Voprosy jazykoznanija. 1993. № 5. S. 83–97.
Potapov V. V. Rechevoj ritm v diahronii i sinhronii. M. : MGLU, 1996. 180 s.
Potapov V. V. Kontrastivnoe issledovanie rechevogo ritma v diahronii i sinhronii : avtoref. dis … d-ra filol. nauk. M., 1998. 45 s.
Potapov V. V. K dinamike stanovlenija verbal'nogo ritma // Voprosy jazykoznanija. 1999. № 2. S. 58–70.
Potapov V. V. Dinamika i statika rechevogo ritma (Sravnitel'noe issledovanie na materiale slavjanskih i germanskih jazykov). 2-e izd., ispr. i dop. M. : URSS, 2004. 344 s.
Potapova R. K. Segmentno-strukturnaja organizacija rechi (jeksperimental'no-foneticheskie issledo-vanija) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. L., 1981. 47 s.
Potapova R. K. Slogovaja fonetika germanskih jazykov. M. : Vysshaja shkola, 1986. 144 s.
Potapova R. K. Teoreticheskie i prikladnye aspekty segmentologii // Problemy fonetiki 2: Sb. statej / otv. red. L. L. Kasatkin. M. : IRJa RAN, 1995. S. 7–20.
Potapova R. K. Rechevedenie v Germanii: vozniknovenie, razvitie, vklad v foneticheskie nauki // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 6. № 4. 1999. S. 80–88.
Potapova R. K. Nekotorye aspekty nemeckoj proiznositel'noj variantologii // Jazyk: teorija, istorija, tipologija / pod red. N. S. Babenko. M. : Jeditorial URSS, 2000. S. 436–444.
Potapova R. K. Proiznositel'naja variantologija // Voprosy jazykoznanija. 2002. № 6. S. 82–100.
Potapova R. K. Akcentnye variformy mnogoslozhnyh slov v nemeckoj rechi // Teorija, istorija, tipologija jazykov : materialy chtenij pamjati V. N. Jarcevoj. Vyp. I. M. : In-t jazykoznanija RAN, 2003. S. 190–201.
Potapova R. K., Gordeeva T. A. K voprosu o pogranichnyh signalah v sovremennom nemeckom jazyke (primenitel'no k regional'nym variantam nemeckogo jazyka v FRG, Avstrii, Shvejcarii) // Voprosy jazykoznanija. 1998. № 2. S. 118–128.
Potapova R. K., Lindner G. Osobennosti nemeckogo proiznoshenija. M.: Vysshaja shkola, 1991. 319 s.
Potapova R. K., Potapov V. V. Fonetika i fonologija na styke vekov: idei, problemy, reshenija // Voprosy jazykoznanija. 2000. № 4. S. 3–26.
Potapova R. K., Potapov V. V. Problemy ritma nemeckoj zvuchashhej rechi // Voprosy jazykoznanija. 2001. № 6. S. 104–122.

Potapova R. K., Potapov V. V. Jazyk, rech', lichnost'. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2006. 496 s.
Potapova R. K., Potapov V. V. Rechevaja kommunikacija: Ot zvuka k vyskazyvaniju. M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012. 464 s.
Prokopova L. I. Struktura sloga v nemeckom jazyke. Kiev : Kievsk. un-t, 1973. 133 s.
Reformatskij A. A. K voprosu o fono-morfologicheskoj delimitacii slova // Morfologicheskaja struktura slova v jazykah razlichnyh tipov. M. ; L. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. S. 60–76.
Reformatskij A. A. Vvedenie v jazykovedenie. M. : Aspekt Press, 1996. 536 s.
Sarsembaeva N. A. Foneticheskaja priroda predudarnogo vokalizma v sovremennom nemeckom jazyke : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 1989. 22 c.
Steriopolo E. I. Redukcija kljuchevyh glasnyh nemeckogo jazyka (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Kiev, 1979. 20 s.
Steriopolo E. I., Bondarenko Je. S. Regional'noe var'irovanie nemeckoj orfojepicheskoj normy // Foneticheskie chtenija v chest' 100-letija so dnja rozhdenija L. R. Zindera (sb. statej). SPb. : Filol. fakul'tet SPbGU, 2004. S. 246–251.
Torsuev G. P. Voprosy foneticheskoj struktury slova (na materiale anglijskogo jazyka). M. ; L. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. 155 s.
Troshina N. N. Nemeckij jazyk v sovremennoj Evrope (Nauchno-analiticheskij obzor) // Jazykovaja situacija v Evrope nachala XXI veka: sb. obzorov / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznanija ; otv. red. N. N. Troshina. M., 2015. S. 102–121.
Trubeckoj N. S. Osnovy fonologii / per. s nem. M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1960. 372 s.
Uspenskij V. L. Kolichestvennye i strukturnye modifikacii vokalicheskih i konsonantnyh segmentov nemeckogo jazyka v rechevom potoke: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 1984. 15 c.
Jakovleva Je. B. Specifika nemeckoj polilogicheskoj rechi. M. : MGLU, 2004. 200 s.
Jakovleva Je. B. Polilog kak novyj ob#ekt lingvistiki // Lingvisticheskaja polifonija: Sb. st. v chest' prof. R.K. Potapovoj / otv. red. chl.-korr. V. A. Vinogradov. M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. S. 184–199.
Ammon U. Die internationale Stellung der deutschen Sprache. Berlin; New York: de Gruyter, 1991. 633 S.
Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz: das Problem der nationalen Varietäten. Berlin; New York: de Gruyter, 1995. 575 S.
Ammon U. Nationale Varietäten des Deutschen. Heidelberg: Julius Groos, 1997. 55 S. (Studienbibliographien Sprachwissenschaft 19).

Auer P., Uhmann S. Silben- und akzentzählende Sprachen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 1988. S. 214–259.

Auer P., Couper-Kuhlen E. Rhythmus und Tempo konversationeller Alltagssprache // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1994. 96. S. 78–106.

Deutsches Aussprachewörterbuch / E.-M. Krech, E. Stock, U. Hirschfeld, L.Ch. Anders. Berlin; New York: de Gruyter, 2009. 1076 S.

Duden. Das Ausssprachewoerterbuch. Mannheim: Duden Verlag, 1990. 794 S.

Ellenberg S. Zur Lautstruktur des Wortes. Ein kybernetisches Sprachproblem // Zeitschrift *für* Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung 1. 1964. S. 21–24.

Essen O. v. Allgemeine und angewandte Phonetik. 5 Aufl. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. 245 S.

Groβes Wörterbuch der deutschen Aussprache / E.-M. Krech, E. Kurka, H. Stelzig, E. Stock, U. Stötzer, R. Teske. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1982. 600 S.

Hirschfeld U., Stock E. (Hrsg.) Phonetik interaktiv. Das Phonetikprogramm für Deutsch als Fremdsprache. Berlin, München, 2000.

Kohler K. J. Einführung in die Phonetik des Deutschen (=Grundlagen der Germanistik 20). Berlin : Erich Schmidt Verlag, 1977. 301 S.

Kohler K. J. Rhythmus im Deutschen // *Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik* der Universität *Kiel 19.* 1982. S. 89107.

Krech E.-M. Sprechwissenschaftlich-phonetische Untersuchungen zum Gebrauch des Glottisschlageinsatzes in der allgemeinen deutscher. Basel, New York : S. Karger, 1968. 362 S.

Krech E.-M. Probleme der Kodifizierung deutscher Standardausschprache // Festschrift für Hans-Heinrich Wängler / Hrsg. R. Weiss. Hamburg, 1987. S. 181–194.

Krech E.-M. Aussprachekodifizierung und Korpus-Problematik // Logon Didonai Gespräch und Verantwortung / Hrsg. H. Barthel. München, 1996a. S. 84–92.

Krech E.-M. Die hallesche Forschung zur deutschen Standardaussprache // Beiträge zur deutschen Standard aussprache / Hrsg. E.-M. Krech, E. Stock. Halle, 1996b. S.27–40.

Krech E.-M. 90 Jahre Sprechwissenschaft/Sprecherziehung an der Universität Halle // Scientia halensis. 1996c. Jg. 4. № 1. S. 3–15.

Krech E.-M. Sprechwissenschaft an der Universität Halle Entwicklung und Perspektiven // Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik: Sprechwissenschaft zu Geschichte und Gegenwart. Frankfurt-am-Main, 1999. Bd. 3. S. 63–78.

Meinhold G. Die Grundordnung sprachrhythmischer Bewegung // Biuletyn fonograficzny. 1971. 12. S. 57–78.

Menzerath P. Die Architektonik des deutschen Wortschatzes. Bonn : Dümmler, 1954. 131 S.

Muhr R. Zur Theorie der Plurizentrik am Beispiel des Deutschen // Der Sprachdienst. 2012. Jahrgang 56. N. 5. S. 179–198.

Neuber B. Endsilbendehnungen und Tendenz zur temporalen Symmetrie in deutschen Wörtern Teil 1: Problemdarstellung und Empirie // Biege A.; Bose I. (Hrsg.) Theorie und Empirie in der Sprechwissenschaft. Hanau / Halle, 1998. S. 173–181.

Pheby J. Phonologie*:* Intonation *//* Heidolph K. E. et al. (Hrsg.) Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin*:* Akademie Verlag, 1981. S. 839–897.

Pheby J., Eras H. Rhythmische Einheiten im Deutschen // Zur phonetischen und phonologischen Untersuchung prosodischer Merkmale. Berlin, 1969. S. 47–71.

Pike K. The intonation of American English. Michigan: Ann Arbor, 1945. 200 p.

Potapov V. Der Sprachrhythmus im Russischen und Deutschen (diachronische und synchronische Aspekte) // Phonetica Francofortensia. 1999. 7. S. 99–123.

Potapov V. V. Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus: Eine vergleichende Studie zum slavischen und germanischen Sprachraum. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2001. 309 S.

Potapov V. Speech rhythmic patterns of the Slavic languages // Ronzhin A., Potapova R., Delić V. (eds.) SPECOM 2014. LNCS, vol. 8773. Heidelberg : Springer, 2014. P. 425–434.

Potapowa R. K. Das Ausspracheworterbuch der deutschen Sprache. Moskau: Pomovsky i partnjory, 1994. 320 S.

Potapowa R. K. Phonetische Besonderheiten der segmentalen Sprecheinheiten des Deutschen (in Bezug auf Vergleichsanalyse der Dauerwerte für deutsche lange und kurze Vokale im Redekontinuum) // Hörgeschädigten Pädagogik. Bd. 36. Heidelberg, 1995. S. 158–171.

Potapowa R. K. Ausspracheworterbuch des Deutschen // Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik. Hanau (Halle), 1996. S. 154–160.

Potapova R. K., Potapov V. V. Kommunikative Sprechtätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2011. 312 S.

Rausch R. Einige Bemerkungen zum Wortakzent // Braunlich M., Neuber B., Rues B. (Hrsg.) Gesprochene Sprache transdisziplinär: Festschrift zum 65. Geburtstag von Gottfried Meinhold. Frankfurt-am-Main [u.a.]: Peter Lang, 2001. Bd. 5. S. 111–117.

Rues B. Noch einmal R // Braunlich M., Neuber B., Rues B. (Hrsg.) Gesprochene Sprache transdisziplinär: Festschrift zum 65. Geburtstag von Gottfried Meinhold. Frankfurt-am-Main [u.a.]: Peter Lang, 2001. Bd. 5. S. 19–28.

Schirmunski [Žirmunskij] *V. M.* Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten / Hg. und kommentiert von

L. Naiditsch. Unter Mitarbeit von P. Wiesinger. Aus dem Russischen übersetzt von W. Fleischer. Frankfurt am Main [u.a.]: Peter Lang, 2010. 832 S.

Scholz H. J. Untersuchungen zur Lautstruktur deutscher Wörter. München : Fink Verlag, 1972. 289 S.

Siebs Th. Deutsche Aussprache / Hrsg. von H. de Boor, P. Diels. 19. Aufl. Berlin : de Gruyter, 1969. 264 S.

Sievers E. Grundzüge der Phonetik. Leipzig : Breitkopf und Härtel, 1901. 328 S.

Stock E. Deutsche Intonation. Leipzig [u.a.] : Langenscheidt, 1996a. 144 S.

Stock E. Text und Intonation // Sprachwissenschaft. Bd. 21. Hf.2. 1996b. 256 S.

Stock E. Zur Untersuchung und Beschreibung des Sprechrhythmus im Deutschen // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. Hf. 32. 2000. S. 318.

Stock E. Probleme neuer deutschsprachlicher Aussprachekodizes // Gesprochene Sprache transdisziplinär. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2001. S. 171–182.

Stock E., Veličkova L. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. Frankfurt am Main [u.a.] : Peter Lang, 2002. 262 S.

Stötzer U. Wörter mit variabler Akzentuierung und ihre Wiedergabe in Nachschlagewerken. In: Entwicklungstendenzen der Sprechwissenschaft in den letzten 25 Jahren. Zum Gedenken an H. Krech. Halle / Saale, 1989. S. 173–181.

Völtz M. Das Rhythmusphänomen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 10/2. 1994. S. 284–296.

Zacher O. Deutsche Phonetik. 2. Aufl. Leningrad, 1969. 207 S.

Zellerhoff R. Vielfalt der sprachlichen Bildung: Handlungsorientierte und erfahrungsoffene Wege zur Sprachkultur. Frankfurt am Main [u.a.] : Peter Lang, 2013. 225 S.

УДК 81'33

Р. К. Потапова, А. В. Джунковский

Потапова Р. К., доктор филологических наук, профессор;
действительный член Международной академии информатизации;
заведующая кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики;
директор Института прикладной и математической лингвистики МГЛУ;
e-mail: rkpotapova@yandex.ru

Джунковский А. В., аспирант; специалист по учебно-методической работе
кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Института прикладной и математической лингвистики МГЛУ;
e-mail: Vetinari01@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТЕГАНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ[1]

В статье рассматриваются современные достижения в области применения стеганографических технологий в звучащей речи. Актуальность статьи связана с необходимостью разработки научно-обусловленного подхода в вопросе использования стеганографических и стеганоаналитических технологий, а также их разработки. В настоящее время существует некоторое количество работ по стеганоанализу звучащей речи, а также ведется разработка соответствующего подхода для письменных текстов русского языка. Тем не менее общий уровень развития стеганографии как науки требует серьезного рассмотрения. В этих условиях мы рассматриваем главные достижения отечественных и зарубежных ученых в данной области. В современном мире область применения классических криптографических технологий становится узкой, в связи с чем анализ стеганографических технологий имеет большое практическое значение.

Ключевые слова: стеганография; стеганоанализ; контейнер; восприятие человеком; методология стеганоанализа; звучащая речь.

R. K. Potapova, A. V. Dzhunkovskiy

Potapova R. K., Sc. D., Prof., Full Member of the International
Informatization Academy, Head of Department of Applied and Experimental
Linguistics, Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics
of Moscow State Linguistic University (MSLU); e-mail: rkpotapova@yandex.ru

Dzhunkovskiy A. V., Postgraduate Student, Methodology and Education Specialist
of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied
and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University (MSLU);
e-mail: Vetinari01@gmail.com

---

[1] The research is supported by the Russian Science Foundation (project № 18-18-00477).

PROSPECTS OF USING MODERN STEGANOGRAPHIC SPOKEN LANGUAGE TECHNOLOGIES

In this paper, we present our findings concerning modern achievements in the field of steganographic technologies in spoken language. The article deals with the modern state of affairs in the field of steganography and steganalysis: a scientific approach to these fields is only being developed. Such an approach is prerequisite for developing steganographic technologies. Currently there exists a number of studies that cover the use of steganography in spoken language. There is also a number of studies that consider the prospects and the efficiency of using steganography in written texts. However, the overall level of development in this field remains somewhat lacking. We aim to consider the main achievements of both Russian and foreign scientists in this field. The usage of cryptography in the modern world is becoming limited which makes the creation of a holistic scientific approach to steganography an issues of high practical importance.

Key words: steganography; steganalysis; container; cipher; human perception; steganalysis methodology; spoken language.

I. Introduction

In the modern world, the advent of computational technologies has quickly altered the landscape of available information protection technologies as well as simultaneously increasing the demand for such methods.

Contemporarily, cryptography is still relevant while encrypting information automatically and in large volumes. However, the usage of cryptography in applications that require higher levels of protection, prolonged periods of confidentiality and lower costs is suboptimal. Furthermore, cryptographic methods contain an inherent issue: the fact of concealing information is either evident to the naked eye or is perceived as highly likely. For some applications, this is unacceptable as the very fact of concealing information may be counterproductive to the privacy efforts.

The very nature of cryptography dictates that encryption must follow strict, if often obscure and unintuitive, mathematical patterns. Thus, both encryption and decryption of information by crypto-means is nowadays a question of computational power and algorithmization. [Потапова 2010, p. 120].

The significance of steganography and steganalysis lies in the fact that these methods are by their very nature highly protected from automatic and computer-aided counteraction technologies [Лукьянов 2005, p. 7].

Successful creation and breaching of steganological technologies requires a highly skilled human expert [Алферов, Зубов 2012, p. 67].

The entire field of linguistic steganography is rather underdeveloped as of now [Bennet 2013, p. 15]. One notable problem when considering issues in this field is the fact that steganographic methods differ in application and efficiency in different languages. Studies do not yield universal results: each language needs to be studies separately. Some papers cover the methodology of steganalysis and steganography in written Russian texts [Dzhunkovskiy 2018, p. 119], while other notable works deal with the issue of steganography in other languages [Wayner 2002, p. 78].

II. Methods

The nature of our research is analytical. Hence, the tools employed are of a similar nature. The analysis and synthesis of the scarce contemporary data available from the works of experts in steganography and steganalysis working with various languages provides limited basis for our research [Xiang, Sun, Luo 2014, p. 1894]. However, additional theoretical framework [Katzenbeisser 2000, p. 87] [Wayner 2005, p. 163] enhances these analytical efforts.

When it comes to steganography when applied to the Russian language, there is a small selection of works that deal with written texts [Dzhunkovskiy 2018] and spoken language [Пономарь 2010].

III. Results

When it comes to text linguistic steganography, a classification of methods exists. The tri-stage steganalytical method allows the human expert to determine the likelihood of steganographical alterations in the text.

The first step is the meta-analytical step during which the format and design elements of the text are examined. Step two presupposes the main linguistic analysis. Finally, step three is the extralinguistic analysis, during which the contents of the message are checked against objective reality [Dzhunkovskiy 2018].

These methods do not carry over to steganalytical efforts when working with spoken language. At the same time, another set of unique methods exists. These methods deal with altering the prosodic speech characteristics, such as the base tone frequency, intensity, fragment length and others [Пономарь 2010].

The proposed method is described as being robust to rediscretization, vocoder modifications, lossy compression and noises. The method itself presupposes altering audio signals with audio file editing tools. The results have demonstrated that from the psychoacoustics point of view, a 5% alteration of the main tone frequency was undetectable to 98.9% of human subjects.

This research shows that prosodic attributes of spoken language can be used as effective steganographic containers. However, their efficiency is only present when the attackers rely solely on human auditory perception with no additional computer analysis tools.

IV. Discussion

The situation with steganography applications in the Russian language is rather interesting. Methods applicable to written texts are in both theory and practice highly robust against computer semi-automatic and automatic steganalytical method, whereas methods used to alter sound files with stego provide high levels of protection against human experts.

It is important to note that there is indeed a high level of application to audiolinguistic steganography based on altering the prosodic features of the signal (F_0 – fundamental frequency, I_n – intensity, T_n – duration). However, the implementation of these alterations requires a high level of technical expertise.

It would not be in error to state that the audio-linguistic steganography methods fully adhere to some of the main principles of steganography as a whole: the very act of detecting the aforementioned alterations is highly complex. However, this can be theoretically accomplished with an unacceptably high detection rate when using computer analysis tools. These considerations demonstrate the need to conduct additional analysis to determine the rate at which audio-linguistic alterations of the prosodic features of audio signal can be detected with the use of computer-assisted and semi-automated analysis tools.

The authors of the method under analysis posit that the detection rates of the considered alterations would also depend on whether cryptographic methods are used as a second-stage security measure after employing steganographic methods. This idea has theoretical potential, but poses a new issue of the different variables involved when considering the efficiency of steganographic methods in conjunction with cryptographic ones.

V. Conclusions

Steganographic and steganalytical methods for Russian written and audio texts are being rapidly developed in modern science. Previously, steganography has remained an art as opposed to a science. This state of affairs is now changing.

The modern methods of steganography in spoken Russian language rely on digitally altering prosodic characteristics of the audio feed. This method provides high levels of protection against human auditory perception, however its robustness against automatic, semi-automatic and computer-assisted analysis remains a concern, therefore requiring additional inquiry into this subject matter.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алферов А. П., Зубов А. Ю. и др. Основы криптографии. М. : Гелиос АРВ, 2012. 480 с.

Лукьянов Г. В. Основы кодирования и криптографического преобразования информации. М. : ООО Сарма, 2005. 128 с.

Пономарь М. О. Использование вариативности речевой просодии при создании интеллектуальных систем защиты информации // Вестник Московского государственного университета. 2010. Вып. 580. С. 265–271.

Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М. : Изд-во УРСС, 2010. 600 с.

Bennet K. Linguistic Steganography: Survey, Analysis, and Robustness Concerns for Hiding Information in Text // CERIAS Tech Report. 2013. № 4. P. 1–30.

Dzhunkovskiy A. V. Steganography: Three-Stage Analysis Methodology Applied to Russian Written Texts // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). С. 117–123.

Encyclopedia of Cryptography and Security / van Tilborg H. C. A., Jajodia S. 2nd ed. Berlin : Springer Science & Business Media, 2014. 1416 p.

Katzenbeisser S. Principles of Steganography. Boston : Artech House, 2000. 186 p.

Wayner P. Disappearing Cryptography: Information Hiding. San Francisco : Morgan Kaufmann, 2002. 221 p.

Wayner P. Strong Theoretical Steganography. Berlin : Cryptologia, 2005. 410 p.

Xiang L. Sun X., Luo G. Linguistic Steganalysis Using the Features Derived from Synonym Frequency // Multimedia Tools and Applications. 2014. № 3. P. 1893–1911.

REFERENCES

Alferov A. P., Zubov A. Ju. i dr. Osnovy kriptografii. M. : Gelios ARV, 2012. 480 s.

Luk'janov G. V. Osnovy kodirovanija i kriptograficheskogo preobrazovanija informacii. M. : OOO Sarma, 2005. 128 s.

Ponomar' M. O. Ispol'zovanie variativnosti rechevoj prosodii pri sozdanii intellektual'nyh sistem zashhity informacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. Vyp. 580. S. 265–271.

Potapova R. K. Rech': kommunikacija, informacija, kibernetika. M. : Izd-vo URSS, 2010. 600 s.

Bennet K. Linguistic Steganography: Survey, Analysis, and Robustness Concerns for Hiding Information in Text // CERIAS Tech Report. 2013. № 4. P. 1–30.

Dzhunkovskiy A. V. Steganography: Three-Stage Analysis Methodology Applied to Russian Written Texts // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). С. 117–123.

Encyclopedia of Cryptography and Security / van Tilborg H.C.A., Jajodia S. Second Edition. Berlin : Springer Science & Business Media, 2014. 1416 p.

Katzenbeisser S. Principles of Steganography. Boston : Artech House, 2000. 186 p.

Wayner P. Disappearing Cryptography: Information Hiding. San Francisco : Morgan Kaufmann, 2002. 221 p.

Wayner P. Strong Theoretical Steganography. Berlin : Cryptologia, 2005. 410 p.

Xiang L. Sun X., Luo G. Linguistic Steganalysis Using the Features Derived from Synonym Frequency // Multimedia Tools and Applications. 2014. № 3. P. 1893–1911.

УДК 81'34

Е. Ю. Романова
кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики
английского языка факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: catrom@rambler.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЗВУКОВЫХ ПЕРЕМЕННЫХ В АФРОАМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ

В статье автор поднимает вопрос о наличии региональной вариативности в пределах афроамериканского диалекта и о том, является ли это сближением с местными американскими акцентами или в данном случае региональная дифференциация самобытна. Важно отметить, что в исследуемом диалекте четко выражена социальная вариативность, территориальная же изучена в гораздо меньшей степени. Наряду с описанием наиболее важных региональных характеристик афроамериканской речи, автор рассматривает степень ее аккомодации к глобальным процессам Северного и Южного сдвига гласных. Работа позволяет сделать вывод о том, что афроамериканский английский можно отнести, с одной стороны, к сложившемуся и стабильному, с другой – к постоянно развивающемуся и совершенствующемуся социоэтническому диалекту английского языка. Несмотря на то, что нет единого мнения в отношении его происхождения и раннего развития, ясно, что афроамериканский английский многое приобрел от основных региональных разновидностей английского языка, сохранив при этом лингвистическую самобытность, обусловленную длительным влиянием языков-субстратов.

Ключевые слова: эбоникс; креольские языки; языки-субстраты; южная окраска; региональная вариативность; слияние гласных; ослабление скольжения дифтонга [aɪ]; безэрность; редукция консонантных кластеров; замена межзубных [θ]–[ð].

E. Y. Romanova
PhD, Associate Professor, Department of English Phonetics,
English Language Faculty, MSLU; e-mail: catrom@rambler.ru

REGIONAL SPECIFICS OF SOUND VARIABLES IN AFRO-AMERICAN ENGLISH

The author raises the question of how much regional variation AAE exhibits and whether regional differentiation in AAE should be understood as the degree to which AAE assimilates to local American dialects or whether AAE shows regional differentiation that is independent of mainstream American English. AAE certainly shows social differentiation, but its degree of regional variation is less well understood. Besides the study of the outstanding AAE regional features the author focuses on the degree to which African Americans accommodate to the global processes of the Northern Cities Shift and the Southern Vowel Shift. The conclusion that is supposed to be made is that AAE is a distinct, robust and stable socio-ethnic dialect of English that is maintaining itself and, in some cases, even intensifying. Though its origin and early development continue to be disputed, it seems apparent that AAE has accommodated itself to host regional varieties of English while maintaining a durable, distinctive substrate that has set it apart in the past and present.

Key words: Ebonics; creoles; substrate languages; southernness; regional variation; vowel merger; glide weakening of [aɪ]; non-rhoticity; consonant cluster reduction; interdental [θ]–[ð] replacement.

I. Введение

Существует мнение, основанное на экспериментальных выводах авторов, занимающихся изучением английских диалектов, что ни одна социально-этническая разновидность в истории английского языка не получила такого широкого рассмотрения, как афроамериканский английский, за последние десятилетия сменивший ни одно название. Повышенное внимание ученых к диалекту, большое количество его экспериментальных исследований и широкий спектр разнообразных названий, – всё это связано, прежде всего, с актуальными вопросами расовой политики, этнической идеологии и настроя американского общества по отношению к носителям данного диалекта, которые в разные периоды времени именовались как «Negro», «Black», «African American» [Crystal 1995, с. 96–97; Green 2004, с. 77; Wolfram 2009, с. 328].

В конце 90-х гг. XX в. на заседании Школьного совета в Окленде (штат Калифорния) афроамериканский диалект был впервые признан равноправной разновидностью английского языка и получил свое наиболее распространенное на сегодняшний день название *Ebonics* (*ebony* – «черное дерево» + *phonics* – «правила фонетики») [Green 2004, с. 77].

В настоящее время афроамериканский английский представляет собой действующую лингвистическую систему, обладающую всеми необходимыми языковыми структурами и стилистической вариативностью от формального стиля публичной речи с драматическими паузами и мелодическим разнообразием до уличного сленга и популярной музыки в стиле рэп и хип-хоп. Афроамериканцы составляют более 1/8 части всего населения США, а афроамериканский английский занимает особое место среди американских диалектов не только по причине большого количества его носителей, но и благодаря его значительному вкладу во многие аспекты американской поп-культуры. Так, помимо внешнего вида, молодые американцы уже несколько десятилетий копируют стиль, манеры, лексикон и произносительные особенности темнокожих уличных кумиров: *Dude*, *jazz*, *groovy*, *cool*, *chill out* и *you go*, *girl* – эти и другие слова не произошли из афроамериканского английского, но получили второе рождение, благодаря новым сленговым значениям [Metcalf 2000, с. 156–159].

II. Основная часть

В течение длительного периода времени одним из самых актуальных вопросов в отношении афроамериканского английского остается история его происхождения. В поисках ответа лингвисты изучают территориальные разновидности английского языка (например, ранний американский английский), а также имеющиеся данные по африканским и Карибским креольским языкам. Полезным лингвистическим материалом для экспериментальных исследований являются записи речевых образцов бывших рабов-африканцев, описывающих исторические условия жизни рабов на южных плантациях и позволяющих делать выводы о степени влияния социальных факторов и языковой ситуации на распространение и развитие английского языка среди рабов. До сих пор исследователи не имеют единого мнения относительно приоритетного воздействия на афроамериканский диалект африканских, креольских языков, а также ранних диалектов английского языка. На сегодняшний день существует несколько гипотез о происхождении, распространении и развитии афроамериканского английского.

- ***Теория субстрата***: согласно этой теории, афроамериканский диалект лишь на первый взгляд имеет сходство с английским языком, однако на уровне глубинных структур близок западноафриканским языкам, завезенным в колонии темнокожими рабами и являющимся языками-субстратами из-за низкого социального статуса его носителей.
- ***Теория креолистов***: афроамериканский диалект имеет схожие черты с некоторыми креольскими языками, такими как ямайский, или гулла, (распространен на побережье Северной и Южной Каролины и в Джорджии). Возможно, афроамериканский английский возник

как креольское образование, появившееся в процессе общения рабов-африканцев в колониальный период.

• ***Теория англицистов-диалектологов***: афроамериканский диалект имеет английские корни и гораздо бóльшую степень схожести с территориальными разновидностями английского языка, чем с креольскими или западноафриканскими языками, что подтверждается наличием у них общих характеристик и языкового инвентаря.

• ***Теория приоритета основателей***: язык британских колонизаторов оказал приоритетное влияние на исконный язык рабов-африканцев, который впоследствии был адаптирован к нормам английского языка.

• ***Теория приоритета поселенцев***: афроамериканский английский появился в XVII в. в результате контакта европейцев с рабами-африканцами, он имеет африканские корни [Green 2004, с. 78–79].

Говоря об особенностях афроамериканской фонетики, можно отметить следующие общие характеристики:

1. Отсутствие произносимого [r] после гласных и на конце слогов («безэрность»), что влияет и на афроамериканское правописание: например, вместо традиционного *sister* можно встретить написание *sistah*.
2. Тенденция к произнесению межзубных английских звуков [ð] как [v] / [d] и [θ] как [f] / [t], особенно в середине и в конце слов: *this* как *dis*, *the* как *de*.
3. Возможная назализация гласных, особенно если за гласной идут носовые согласные [m] и [n], которые часто не произносятся, а только придают носовую окраску предшествующей гласной.
4. Выпадение конечного сонанта [l], а также смычных согласных, что связано с тенденцией к открытому слогу, объяснимой влиянием африканского субстрата.
5. Возможно использование гортанной смычки вместо смычных согласных.
6. Возможная дифтонгизация монофтонгов и, наоборот, монофтонгизация дифтонгов и трифтонгов.
7. Окончание *-ing* произносится с [n] и пишется как *-in'*.
8. Вариативность произнесения согласных [d], [t], [l], [n]. Так, звук [l] может быть более палатализованным, чем в стандартном

американском английском, может произноситься как ретрофлексный, а на конце слова – как веляризованный.

9. Возможное оглушение звонких согласных в конечном положении.
10. Буква «о» имеет тенденцию произноситься как [ɔ] вместо стандартного [ʌ]: *money, worry*.
11. Вольная перестановка рядом стоящих согласных (чаще всего взрывного и щелевого): *graps* вместо *grasp*; *aks* вместо *ask*; *crips* вместо *crisp*.
12. Добавление гласных (в том числе, полуредуцированных) к конечному закрытому слогу (как правило, *a*). Из таких сочетаний, например, развились широко известные глагольные формы *gonna*, *wanna*.
13. Возможна эмфатическая протяжность гласных с добавлением различных музыкальных тонов, что также может быть связано с влиянием африканских языков-субстратов.
14. Произнесение вспомогательного глагола *do* как *da* и местоимения *you* как *ya*: *What* ***da ya*** *think?* (*ru.wikipedia.org/wiki/*)

По мнению большинства исследователей, афроамериканская фонетика не является однородной и имеет ряд территориальных различий. Кроме того, строгих правил в соблюдении тех или иных фонетических законов у носителей афроамериканского английского не существует, что делает их речь индивидуальной и заметно отличающейся от речи говорящих на стандартном американском английском. Важно, что в период формирования афроамериканский диалект находился под влиянием западноафриканских языков-субстратов, на которых изначально разговаривали темнокожие рабы. До XVIII в. единственной территорией США, где была сосредоточена основная масса афроамериканского населения, оставались рисовые плантации на юго-востоке страны, что способствовало приданию речи афроамериканцев южной окраски и сохранению в ней специфики речи южан вплоть до настоящего времени. Около 300 лет более 90 % афроамериканского населения проживали на юге США, овладевая особенностями языка, характерными для данного региона. В 1793 г. количество рабов заметно увеличилось и началось их передвижение в западном направлении в сельскохозяйственные районы Джорджии, Алабамы, Миссисипи, Луизианы и Техаса. Второй волной перемещения населения и распространения афроамериканского диалекта стала Великая Миграция, начавшаяся перед Первой мировой войной, когда темнокожие рабы двинулись в индустриальные районы севера в поисках работы. В результате сегодня бóльшая часть афроамериканского населения сосредоточена не на юге, а в Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе, Детройте и Чикаго, родине современного афроамериканского диалекта. Однако даже проживающие в северном регионе афроамериканцы продолжают держаться обособленно от белокожих северян, что позволяет им сохранить южную культуру и язык [Metcalf 2000, с. 160]. Последним направлением передвижения темнокожих американцев считается запад, от Техаса и Арканзаса до Лос-Анджелеса [Labov 2012, с. 45–46]. На сегодняшний день авторы указывают на две основные территории, участвующие в формировании региональной вариативности афроамериканского английского. К первой относят консервативные южные сельские поселения, где темнокожие американцы десятилетиями проживают в относительной изоляции, что естественным образом сказывается на сохранении своеобразия и уникальности их речи. Другую платформу представляют собой регионы, удаленные от юга, где афроамериканцы проживают в более тесном контакте с белокожим населением. В качестве возможной третьей географической точки, являющейся источником языковых инноваций, некоторые исследователи выделяют более крупные поселения на юге, получившие статус города только в конце XIX – начале XX вв., что было связано с большим притоком темнокожего населения [Thomas 2010, с. 160–161].

Гласные

Итак, региональная вариативность афроамериканского диалекта английского языка заключается в образовании следующих тенденций в произнесении гласных:

1. Если рассматривать произносительные особенности речи жителей юга, как основного региона проживания афроамериканского населения, можно говорить о том, что в речи как белокожих южан, так и афроамериканцев представлены все вышеописанные тенденции в произнесении гласных. В восточной части Северной Каролины исследователи отмечают также довольно сильное продвижение вперед дифтонга [əʊ], характерное для речи представителей обеих

этнических групп всех возрастов. В речи пожилых белокожих и темнокожих американцев были выявлены и другие местные варианты произношения, а именно: продвижение вперед скольжения дифтонга [aʊ], продвижение назад ядра дифтонга [aɪ] и опущение ядра дифтонга [ɛə]. Авторы более поздних исследований отмечают, что у жителей горных районов западной части Северной Каролины, принадлежащих к обеим этническим группам, наблюдается ослабление скольжения дифтонга [aɪ] даже в сочетании с последующим глухим согласным: *price*. В сельских районах южной Луизианы выявлены местные произносительные тенденции в виде использования дифтонга [əɪ] вместо [ɜː] в словах *first*, *work*; реализации дифтонга [eɪ] более высокого подъема, по звучанию практически совпадающего с гласным [iː]; а также слияния звуков [e] – [æ] перед носовыми согласными, что делает пары слов типа *ten* – *tan* омофонами.

2. Процесс «Южного сдвига гласных» (the Southern Vowel Shift), характерный для южных диалектов американского стандарта, также оказал некоторое воздействие на специфику произнесения афроамериканских гласных. Данный процесс выражается в вышеупомянутом продвижении вперед гласных [uː] и [əʊ]; в некоторых изменениях среди гласных переднего ряда, при которых, например, гласные [eɪ] и [e], а также [ɪ] и [iː] меняются местами [Шевченко 2006, с. 135–136]. В результате была выявлена взаимозамена гласных [eɪ] и [e] у афроамериканцев, проживающих на территории Мемфиса и Атланты, однако в речи жителей Милуоки и южной Луизианы подобной замены не наблюдается.

3. Ряд исследований по изучению специфики гласных в афроамериканском английском был проведен на материале речи жителей северо-востока США в районе Великих Озер. Основной целью данных исследований являлось определение степени аккомодации речи афроамериканцев к процессу «Северного сдвига гласных» (the Northern Cities Shift), заключающемуся в реализации [æ] более высокого подъема с наличием скольжения, продвижении вперед [ɒ], опущении и продвижении вперед [ɔː], продвижении назад [ʌ], опущении и / или продвижении назад [e] и [ɪ] [Шевченко 2006, с. 135]. В результате авторы отмечают наличие ярко выраженного [æ] более высокого подъема, что вполне может рассматриваться как региональная черта афроамериканского английского, а также отдельные случаи

реализации продвинутого вперед [ɒ], что может интерпретироваться как селективная аккомодация к «Северному сдвигу гласных». Однако, по мнению авторов, качество звучания [æ], произносимого с более высоким подъемом, в речи северян отличается от соответствующего звука у афроамериканцев. Согласно «Северному сдвигу гласных», [æ] приобретает не только более высокий подъем, но и скольжение, в то время как в афроамериканском английском данный гласный остается монофтонгом.

4. Относительно афроамериканской специфики в виде ослабления скольжения дифтонга [aɪ] в речи жителей северного региона, исследователи приходят к выводу о том, что, помимо региональных различий между севером и югом, в данном случае имеют место возрастные и классовые ограничения. Так, в речи темнокожих жителей Милуоки практически не было выявлено ослабления скольжения анализируемого дифтонга, молодые жители Детройта и представители рабочего класса демонстрируют более существенное ослабление скольжения в сочетании с любым типом согласного по сравнению с пожилыми афроамериканцами и средним классом.

5. Еще одной специфической чертой северного типа афроамериканского произношения можно считать значительное продвижение вперед гласных [uː] и [əʊ], что отличает речь темнокожих северян от жителей юга и сближает с речью носителей стандартного американского варианта [Thomas 2010, с. 160–162].

Согласные

Среди консонантных переменных региональной вариативностью обладают, прежде всего, две: консонантные кластеры и наличие / отсутствие звучащего [r] в слове.

1. По мнению ряда исследователей, явление редукции консонантных кластеров больше характерно для речи афроамериканцев, проживающих на юге, чем для жителей северной части страны: *six* [sɪk], *box* [bɑk].

2. Исследователи афроамериканского английского сходятся во мнении, что проблема наличия / отсутствия произносимого [r] в слове социально маркирована (степень «эрности» речи возрастает с повышением социального статуса говорящего), а также обусловлена территориальной принадлежностью говорящего. В целом, «эрность»

в афроамериканском диалекте проявляется в гораздо меньшей степени, чем в стандартном американском варианте и характерна, в основном, для ударных слогов или односложных слов: *turn*, *work*, *first*, *stir*. В интервокальном положении звук [r] может вообще не произноситься, особенно в речи представителей низких социальных слоев: *sorry* – *so'y*. Что касается территориальной обусловленности, результаты исследований говорят о том, что в речи афроамериканцев, проживающих в северной урбанизированной части США (штаты Огайо, Айова), «эрность» сильнее, чем в речи южан (штаты Луизиана и Южная Каролина), где даже в ударных слогах звук [r] может не произноситься [Rogers 2000].

3. О региональной вариативности консонантного уровня свидетельствует и особая манера произнесения афроамериканцами-южанами некоторых отдельно взятых слов, например, слова *shrimp* с начальным звукосочетанием [ʃw] – [sw] [Thomas 2010, с. 160].

III. Заключение

Несмотря на наличие ярко выраженной языковой специфики, несомненную уникальность и своеобразие афроамериканского диалекта английского языка, а также его региональную разобщенность, ключевым вопросом в изучении диалекта был и остается вопрос о его возникновении. Здесь важно помнить, что данная разновидность английского произношения имеет то же происхождение, что и сами афроамериканцы. Темнокожее население, привезенное в Северную Америку в качестве рабов много веков назад, общалось между собой на западноафриканских языках, которые впоследствии играли роль языков-субстратов в процессе формирования афроамериканского диалекта. В ряде лексических, грамматических и фонетических дистинктивных признаков афроамериканского английского выделяются явные доказательства того, что рабы-африканцы, изучая английский язык, адаптировали его к системе родного языка. На фонетическом уровне об этом свидетельствуют процессы выпадения согласных на конце слога (так называемые упрощения кластеров) и модификации межзубных звуков [θ] – [ð] [Metcalf 2000, с. 165–166]. С другой стороны, практически любая афроамериканская характеристика речи имеет прямое соответствие в том или ином британском диалекте. Обе теории происхождения афроамериканского варианта имеют сторонников и в то же время подвергаются критике. На сегодняшний день основным выводом остается мысль о том, что обе страны, Англия и Африка, в свое время оказали сильное влияние на возникновение, становление, развитие и сохранение индивидуальности афроамериканского диалекта английского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шевченко Т.И. Теоретическая фонетика английского языка: учебник. М. : Высшая школа, 2006. С. 135–136.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 96–97.

Green, L. African American English / Finegan, E.; Rickford, J. (eds.) Language in the USA: Themes for the Twenty-First Century. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. P. 76–91.

Labov, W. Dialect Diversity in America: the Politics of Language Change. Charlottesville: University of Virginia Press, 2012. P. 38–67.

Metcalf, A. How We Talk: American Regional English Today. Boston: Houghton Mifflin, 2000. P. 156–166.

Rogers, H. The Sounds of Language: an Introduction to Phonetics. – London: Longman (Pearson Education), 2000. 350 p.

Thomas, E.R.; Wassink, A.B. Variation and Identity in African-American English / Llamas, C.; Watt, D. (eds.) Language and Identities. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. P. 157–165.

Wolfram, W.; Schilling-Estes, N. American English: Dialects and Variation. Oxford : Blackwell Publishers, 1998. P. 169–175.

Wolfram, W. African American English / Kachru, Braj B.; Kachru, Yamuna & Nelson Cecil L. (eds.) The Handbook of World Englishes. Hoboken, New Jersey : Wiley-Blackwell, 2009. P. 328–340.

REFERENCES

Shevchenko T.I. Teoreticheskaya fonetika anglijskogo yazyka: uchebnik. M. : Vysshaya shkola, 2006. S. 135–136.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 96–97.

Green L. African American English / Finegan, E.; Rickford, J. (eds.) Language in the USA: Themes for the Twenty-First Century. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. P. 76–91.

Labov W. Dialect Diversity in America: the Politics of Language Change. Charlottesville: University of Virginia Press, 2012. P. 38–67.

Metcalf A. How We Talk: American Regional English Today. Boston : Houghton Mifflin, 2000. P. 156–166.

Rogers H. The Sounds of Language: an Introduction to Phonetics. London : Longman (Pearson Education), 2000. 350 p.

Thomas E. R., Wassink A. B. Variation and Identity in African-American English / Llamas C., Watt D. (eds.) Language and Identities. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. P. 157–165.

Wolfram W., Schilling-Estes N. American English: Dialects and Variation. Oxford : Blackwell Publishers, 1998. P. 169–175.

Wolfram W. African American English / Kachru, Braj B.; Kachru, Yamuna & Nelson Cecil L. (eds.) The Handbook of World Englishes. Hoboken, New Jersey : Wiley-Blackwell, 2009. P. 328–340.

УДК 81’34

Т. В. Сокорева

старший преподаватель каф. фонетики английского языка
факультет английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: t.sokoreva@linguanet.ru

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ВОЗРАСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ВЫСОТНО-МЕЛОДИЧЕСКОГО ПАРАМЕТРА В АМЕРИКАНСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается гендерно-возрастная вариативность высотно-мелодического компонента просодии диалогической речи на материале американского варианта английского языка. Приводится краткий обзор мнений относительно характера и причин изменений просодических характеристик речи в зависимости от пола и возраста говорящего, происходящих на фоне биологического, физиологического, психологического и социального развития человека. Результаты проведенного автором экспериментального исследования показателей частоты основного тона (далее – ЧОТ) выявляют следующие гендерные и возрастные особенности американской диалогической речи: во-первых, в речи американских женщин происходит возрастной спад частотных показателей, в отличие от мужской речи, которая остается относительно стабильной в этом аспекте; во-вторых, обнаруженные увеличение индекса вариативности показателей ЧОТ и расширение интервала ЧОТ с возрастом свидетельствуют о появлении компенсаторных изменений в речи американцев старшего поколения, появляющихся в качестве восполнения ослабленных, в силу физиологических изменений, речевых характеристик; в-третьих, контраст сильных элементов в речи на фоне слабых за счет роста вариативности ЧОТ значительно увеличивается в среднем возрасте, по сравнению с представителями молодого поколениея и сохраняется у пожилых людей, что также свидетельствует об улучшении навыков говорения у американцев среднего возраста и о наличии компенсаторных стратегий в речи американцев старшего поколения.

Ключевые слова: американский вариант английского языка; гендер; возраст; мелодика речи; частота основного тона; ЧОТ.

T. V. Sokoreva

Department of English Phonetics, English Language Faculty,
Senior Lecturer, MSLU; e-mail: t.sokoreva@linguanet.ru

GENDER SPECIFICITY OF AGE-RELATED PITCH CHANGES IN AMERICAN DIALOGUE SPEECH

The article is devoted to age and gender variability of pitch characteristics in American English dialogue speech. A brief overview regarding the patterns and causes of prosody change in speech depending on speakers’ age and gender and occurring alongside with biological, physiological, psychological and social development of people is given. The results of the experimental research in fundamental frequency measures, conducted by the autnor, revealed the following gender and age prosodic features of American English dialogue speech: first, American women's speech is characterised by age-related drop in fundamental frequency values in contrast to men's speech that remains relatively stable in this aspect; second, the revealed growth in fundamental frequency PVI measures together with the pitch range extension with increasing age testify to the occurrence of compensatory changes in elder Americans' speech that develop to make up for speech qualities deteriorated due to physiolocical losses; third, the contrast of strong speech elements against the weak ones due to pitch variability growth is significantly increasing in middle-aged speakers compared to young generation and is retained in old people's speech that also indicates the improvement of speaking skills of middle-aged Americans and the presence of compensatory strategy in old-aged Americans' speech.

Key words: American English; gender; age; pitch; fundamental frequency; F0.

Введение

Индивидуальные голосовые характеристики человека в первую очередь обусловлены особенностями его дыхательной системы, а также состоянием артикуляционного аппарата и голосовых складок, функционирование которых не поддается прямому влиянию со стороны индивида. При этом голос человека в значительной мере способствует пониманию его индивидуальности, потому что заключает в себе важную информацию, отражающую личностные качества, пол, возраст, происхождение и род деятельности говорящего. Однако стоит отметить, что в исследованиях возрастной специфики речи существует много пробелов, а результаты изучения просодии речи гендерных групп далеко не однозначны.

Большинство исследований возрастной фонологии сконцентрированы на изучении взаимосвязи возраста и соответствующих голосовых характеристик, данные о которых иногда основаны исключительно на восприятии экспертов, но чаще представляют собой значения различных акустических параметров. Для определения возраста испытуемого специалисты нередко полагаются на такие просодические показатели, как тон, громкость и высота голоса, также принимая во внимание скорость говорения и ясность, понятность речи.

С точки зрения физиологии исследуемые лингвистами голосовые особенности зависят от процесса порождения речи, в работе которого участвует гортань и другие органы речи. На акустическом уровне большинство параметров, отражающих свойства человеческого голоса, представлены различными показателями частоты основного тона (далее – ЧОТ), включая контур ЧОТ, или модуляции ЧОТ, диапазон ЧОТ и среднее значение ЧОТ. Также характеристики голоса акустически могут быть выражены с помощью спектральных показателей и параметра интенсивности звукового сигнала.

Вариативность голосовых свойств, обусловленная влиянием возрастного фактора, по мнению целого ряда исследователей, особенно отражена в показателях ЧОТ, которая с точки зрения физиологии соответствует скорости вибрации голосовых связок, а с точки зрения восприятия – высоте звука.

Спад значений ЧОТ у мужчин и женщин по достижении ими зрелого возраста является общеизвестным фактом. Однако изменения ЧОТ во взрослом возрасте и особенно в период перехода от среднего к старшему поколению в двух гендерных группах происходят по-разному. Стоит отметить, что исследования данного явления показывают неоднозначные результаты. Например, средний показатель ЧОТ у мужчин 40–50 лет слегка уменьшается по сравнению с молодым поколением, а после 65 лет снова начинает расти [Helfrich 1979, с. 81–82]. Женская речь, напротив, по мнению отдельных ученых, характеризуется отсутствием систематических изменений ЧОТ в период от молодого до зрелого возраста.

Вышеизложенные явления могут быть обусловлены физиологически: понижение высоты голоса связано с окостенением тканей гортани, что приводит к уменьшению эластичности хрящей и мышц. Отмеченное рядом исследователей повышение ЧОТ в пожилом возрасте у мужчин объяснить сложнее. Возможно, подобные результаты являются следствием того, что анализ речи людей разных возрастных групп проводился в поперечном временно́м срезе.

Более высокие показатели ЧОТ в речи людей старшего поколения можно также интерпретировать с точки зрения гистологии: молодое поколение обладает, в среднем, более низким голосом, чем представители старшего возраста в связи с тем, что за последние десятилетия среднее значение роста людей и, следовательно, средний размер гортани увеличились. Так, например, результаты исследования речи одних и тех же людей в разные периоды их жизни в работе В. Эндрес и его коллег не выявили возрастного повышения ЧОТ в зрелом возрасте, что может быть обусловлено именно вышеописанными фактами [Endres, Bambach, Flosser 1971].

Еще одной причиной изменений ЧОТ в речи людей различных возрастов может являться эмоциональное состояние говорящего. Как показали исследования, реакция большинства людей на стресс проявляется в том числе и в увеличении среднего значения высоты голоса – на ЧОТ оказывает влияние и постоянное, и временное состояние эмоциональной напряженности. Следовательно, повышение ЧОТ в речи пожилых людей может быть вызвано не только физиологическими факторами, но и определенным эмоциональным состоянием человека, появившемся вследствие воздействия ряда жизненных обстоятельств таких, как принудительное увольнение, уменьшение количества социальных контактов, понижение социального статуса, ассоциирующиеся в западном обществе с пожилым возрастом.

Данное предположение отчасти подтверждается результатами исследования, описанного Х. Хельфрик, в котором было обнаружено, что значения параметра ЧОТ в речи пожилых женщин зависят от количества их контактов и социальных связей, а также от степени удовлетворенности своей жизнью. Анализ показал, что речь женщин старшего поколения, довольных своей жизнью и имеющих большое количество социальных связей, характеризуется значительно более низкими значениями ЧОТ, чем речь женщин неудовлетворенных своим положением с небольшим количеством знакомых и друзей [Helfrich 1979, с. 83].

Несмотря на то, что у большинства людей в условиях стресса показатели ЧОТ повышаются [Endres, Bambach, Flosser 1971], у некоторых индивидов, вследствие воздействия негативных факторов, наблюдается понижение значений ЧОТ.

Таким образом, стабильные показатели ЧОТ или их спад могут быть следствием своеобразной реакции каждого конкретного организма на стрессовое состояние, обусловленной индивидуальными физиологическими различиями центральной нервной системы и особенностями методов противодействия стрессу.

Неотъемлемой характеристикой любого голоса, основанной на измерении параметра высоты, является также диапазон ЧОТ, представляющий собой расстояние между самым высоким и самым низким тоном, в пределах которого способен разговаривать человек. Согласно исследованиям, диапазон ЧОТ у детей, остается относительно постоянным, а в период перехода от среднего к старшему возрасту расширяется [Helfrich 1979, с. 84]. Что касается людей пожилого возраста, ряд лингвистов отмечают сужение диапазона ЧОТ и у женщин, и у мужчин в старшем поколении, в то же время отдельные ученые не выявили никаких возрастных изменений данного параметра голоса [Mysak 1959].

Сужение диапазона, с точки зрения одних ученых, связано с потерей высоких тонов в речи старшего поколения, с точки зрения других – с потерей низких частот. Скорее всего, вариативность показателей диапазона ЧОТ зависит от тех же факторов, что и изменения средних значений ЧОТ, а именно от физиологии, социального положения, эмоционального состояния и культурных особенностей индивида.

Работа О. Ройбальда и Дж. Хэррингтона [Reubold, Harrington, Kleber 2010] изучает воздействие возраста на формантные частоты в течение жизни взрослого человека. Проведя долговременный (longitudinal) анализ речи королевы Великобритании и диктора американского телевидения за период свыше 50 лет, лингвисты обнаружили сопоставимые изменения ЧОТ и F1 (первая форманта) у обоих информантов. Понижение ЧОТ и F1 в речи женщины, а также спад и затем повышение тех же параметров в речи мужчины происходят синхронно, то есть F1 идет параллельно развитию ЧОТ в течение указанного отрезка времени. В итоге, авторы приходят к выводу о том, что возрастные изменения первой форманты являются компенсацией, чтобы снять эффект физиологически обусловленного падения ЧОТ и, тем самым, сохранить относительно постоянное слуховое различие между ЧОТ и F1.

Таким образом, частотные характеристики голоса претерпевают изменения в течение жизни человека, причем характер изменений, по мнению физиологов, лингвистов, психолингвистов и других ученых в речи мужчин и женщин разноплановый. Бóльшая часть ученых полагает, что женская речь по мере взросления говорящих характеризуется постепенным спадом частотных характеристик, сужением частотного диапазона, снижением силы голоса, и повышением нестабильности ЧОТ. Речь мужчин, напротив, часто характеризуется повышением значений ЧОТ по данным разных исследований после 50, или после 70 лет, в зависимости от образа жизни. Однако результаты отдельных работ доказывают отсутствие изменений ЧОТ у мужчин с увеличением возраста.

Методология

Противоречивые результаты многочисленных исследований показателя частоты основного тона и его вариативности в речи людей разных поколений и разного пола определили цель настоящей работы, которая состоит в выявлении наличия или отсутствия возрастных изменений параметра ЧОТ в речи американцев с учетом их гендерной принадлежности.

Для обеспечения достоверности результатов исследования в качестве материала анализа из лингвистического корпуса «Switchboard» [Godfrey, Holliman, McDaniel 1992] был отобран узкий корпус аудиозаписей, состоящий из реплик 102 жителей США, равномерно представляющих две гендерные группы (51 мужчина и 51 женщина) и три возрастные категории: молодое (20–39 лет), среднее (40–59 лет) и старшее (60–69 лет) поколение.

Для решения поставленных задач в ходе электронно-акустического анализа просодических особенностей неподготовленной диалогической речи американских жителей был определен целый ряд параметров, включающий ЧОТ$_{max}$ и ЧОТ$_{min}$ ударных и безударных слогов, интервал ЧОТ ударных и безударных слогов в полутонах, также был вычислен индекс ЧОТ PVI (индекс вариативности максимальных значений ЧОТ соседних ударных и безударных слогов).

Современный метод изучения вариативности речевых характеристик PVI (pairwise variability index – индекс парной вариативности) основан на попарном сопоставлении просодических показателей соседних отрезков речи с использованием специальной формулы для нахождения индекса парной вариативности:

$$\mathrm{nPVI} = \frac{100}{\mathrm{m}-1} \times \sum_{k=1}^{m-1} \left| \frac{d_k - d_{k+1}}{(d_k + d_{k+1})/2} \right|,$$

где m – количество интервалов в высказывании, d_k – значение ЧОТ k-го интервала [Grabe, Low 2002].

Статистическая обработка полученных данных включала в себя однофакторный и двухфакторный дисперсионный анализы (ANOVA), а также вычисление коэффициента корреляции Спирмена, определяющего наличие или отсутствие взаимосвязи значений параметров ЧОТ с возрастом информантов (точнее, с годом рождения). Для оценки достоверности полученных результатов был избран общепринятый порог («p – value», «probability value»), равный 0,05: при $p < 0,05$ результат считается достоверным; если вероятность ошибки $> 0,05$ – тогда результаты анализа признаются статистически незначимыми [Woods, Fletcher, Hughes 2003].

Результаты

Результаты проведенного исследования значений ЧОТ в ударных и безударных слогах в диалогической речи американцев двух гендерных и трех возрастных групп обнаружили следующее (см. рис. 1).

Во-первых, значение $ЧОТ_{max}$ и $ЧОТ_{min}$ выше у женщин и в ударных (УС), и в безударных (БС) слогах во всех возрастных группах по сравнению с аналогичными показателями ЧОТ у мужчин, причем в молодом возрасте показатели женщин в 1,8 раз больше показателей

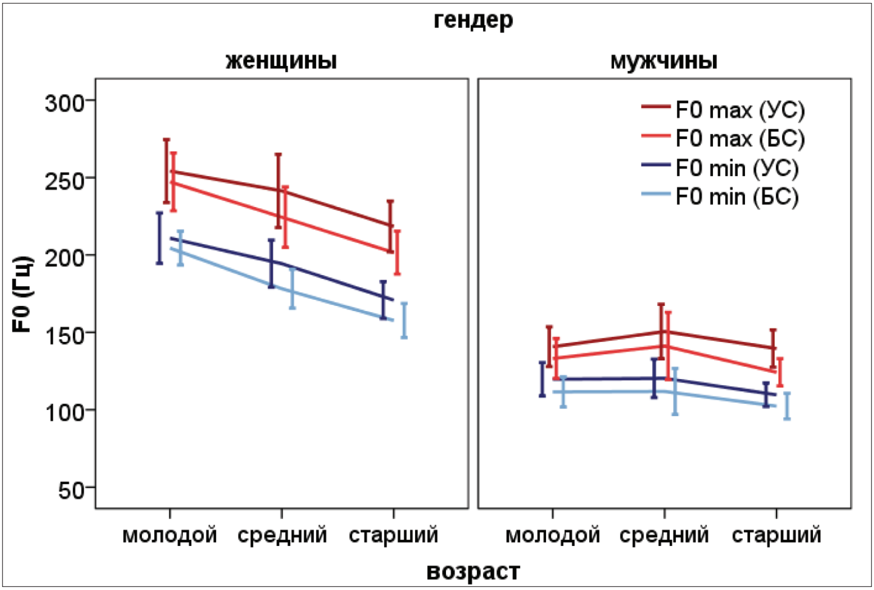

Рис. 1. $ЧОТ_{max}$ и $ЧОТ_{min}$ в ударных и безударных слогах в речи американских мужчин и женщин трех возрастных групп (Гц)

мужчин, а в среднем и старшем возрасте те же максимальные и минимальные значения ЧОТ у женщин в 1,6 ($ЧОТ_{min}$ в речи старшего поколения в 1,5 раза) раз превышают мужские значения, т. е. разница ЧОТ у мужчин и женщин среднего и старшего поколений становится чуть менее очевидной.

Во-вторых, следует отметить постепенное почти равномерное уменьшение средних значений данных акустических параметров у женщин с увеличением возраста, в то время как у мужчин самые высокие значения ЧОТ и в ударных, и в безударных слогах, а также $ЧОТ_{min}$ в безударном слоге появляются, согласно данным, в среднем возрасте, а минимальные значения ЧОТ в ударном слоге слегка понижаются только в речи старшего поколения мужчин. Тем не менее, согласно статистическому анализу, только речь американских женщин характеризуется постепенным понижением с увеличением возраста значений $ЧОТ_{max}$ и $ЧОТ_{min}$ как в ударных, так и в безударных слогах, в то время как любые изменения данного параметра в речи мужчин американцев признаны незначимыми, т. е. мы можем говорить о сохранении частотных характеристик в мужской речи с увеличением возраста информантов.

Для выявления степени вариативности параметра $ЧОТ_{max}$ полученные значения данного показателя в ударных и безударных слогах были проанализированы с помощью метода PVI. Результаты проведенного вычисления показали значительное увеличение показателя вариативности $ЧОТ_{max}$ с изменением возраста всех информантов: PVI ($ЧОТ_{max}$) – 9, 14, 14 у женщин и мужчин молодого, среднего и пожилого возраста соответственно. В очередной раз основные изменения, в данном случае увеличение вариативности параметра ЧОТ, произошли в речи американцев среднего возраста, по сравнению с молодыми жителями США, в то время как в речи пожилого поколения показатель вариативности сохраняется на том же уровне, что и у информантов среднего поколения.

Результаты вычисления интервала ЧОТ (см. табл. 1) в ударных и безударных слогах выявили значительное расширение интервала ЧОТ с возрастом в ударных слогах как у женщин, так и у мужчин.

В безударных слогах интервал ЧОТ расширяется с увеличением возраста информантов только у женщин и изменяется под влиянием гендерного фактора – у женщин интервал ЧОТ немного шире, чем у мужчин.

Таблица 1

Интервал ЧОТ в ударных и безударных слогах (пт)

	Молодой возраст		Средний возраст		Старший возраст	
	УС	**БС**	**УС**	**БС**	**УС**	**БС**
Женщины	3,3	3,1	3,6	4	4,2	4,4
Мужчины	2,8	3	3,8	3,4	4,1	3,4

С точки зрения контраста значений акустических параметров между ударным слогом и безударными слогами ритмической группы, являющейся основной единицей ритма английского языка, полученные значения интервала ЧОТ не подтверждают участия данного показателя в образовании выделенности ударного слога на фоне безударных слогов, так как разница значений между ними несущественная и не всегда в пользу ударного слога, что видно из данных таблицы 1.

Выводы

Суммируя полученные данные по частотным особенностям речи американских жителей, можно утверждать, что в речи женщин происходит спад частотных показателей, в отличие от мужской речи, которая остается относительно стабильной в этом аспекте. Данные лингвистов по сужению частотного диапазона у людей старшего поколения в нашем исследовании не подтвердились, наоборот, автором было обнаружено расширение интервала ЧОТ в ударных слогах в речи американских жителей.

Наряду с увеличением индекса вариативности показателей ЧОТ, отражающим, по нашему мнению, усиление контраста «ударный / безударный слог», расширение интервала ЧОТ свидетельствует о возникновении компенсаторных изменений в речи людей старшего поколения, появляющихся в качестве восполнения ослабленных в силу физиологических изменений речевых характеристик. Кроме того, стоит отметить, что ряд изменений, таких как увеличение контраста сильных элементов в речи на фоне слабых за счет роста вариативности ЧОТ, происходит между молодым и средним возрастом, что может свидетельствовать не о нестабильности голосов представителей старшего поколения, как утверждает ряд ученых [Benjamin 1982, 1986; Weismer, Liss 1991; Linville 2001], а наоборот, об улучшении навыков говорения.

Причины увеличения показателей вариативности в речи, на наш взгляд, могут носить не только биологический и психологический характер, но и социальный. По мере взросления человек приобретает определенный опыт общения, совершенствует свои навыки говорения, которые в старшем возрасте помогают поддерживать успешную коммуникацию на фоне физиологического ослабления голосовых характеристик и общего спада в работе организма.

Успех коммуникативного акта зависит от узнавания слов в потоке речи и, следовательно, от понимания смысла высказывания [Cutler 1995; Cutler 2015; McQueen, Cutler 2013], чему в значительной степени способствует явление акцентуации, лежащее в основе речевого ритма английского языка, который образуется за счет чередования ударных и безударных слогов, а также за счет большей выделенности первых на фоне последних. В свою очередь, в образовании выделенности ударных слогов на фоне безударных слогов участвуют все компоненты просодии, включая ЧОТ, значения вариативности которой с возрастом повышаются, поскольку показатели ЧОТ ударных слогов становятся больше с увеличением возраста информантов. Таким образом, увеличивающиеся с возрастом показатели вариативности ЧОТ в речи американцев свидетельствуют о наличии большей акцентной выделенности в их речи, которая обеспечивает распознавание слов и понимание смыла высказываний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Benjamin B. Phonological performance in gerontological speech // Journal of Psycholinguistic Research. 1982. No. 11. P. 159–167.

Benjamin B. Dimensions of the older female voice // Language and Communication. 1986. No. 6. P. 35–45.

Cutler A. Spoken word recognition and production // Speech, language and communication / J.L. Miller, P.D. Eimas (Eds.). New York: Academic Press, 1995. P. 97–136.

Cutler A. Lexical stress in English pronunciation // The Handbook of English Pronunciation / M. Reed, J.M. Levis (Eds.). Wiley-Blackwell, 2015. P. 106–124.

Endres W., Bambach W., Flosser G. Voice spectrograms as a function of age, voice disguise and voice imitation // Journal of the Acoustic Society of America. 1971. No. 49. P. 1842–1848.

Godfrey J., Holliman E., McDaniel J. SWITCHBOARD: Telephone speech corpus for research and development. ICASSP'92. 1992. URL: catalog.ldc.upenn.edu/LDC97S62

Grabe E., Low E. L. Durational variability in Speech and the Rhythm Class Hypothesis // Papers in Laboratory Phonology 7 / C. Gussenhoven, N. Waner (Eds). 2002. P. 515–546. URL: wwwhomes.uni-bielefeld.de/gibbon/AK-Phon/Rhythmus/Grabe/Grabe_Low-reformatted.pdf

Helfrich H. Age markers in speech // Social markers in speech / K. Scherer, H. Giles (Eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 1979. P. 63–93.

Laver J., Trudgill K. Phonetic and linguistic markers in speech // Social Markers in Speech (European Studies in Social Psychology) / K. R. Scherer, H. Giles (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 1–32.

Linville S. E. Vocal Aging. San Diego: Singular Publishing Group, 2001. 320 p.

Linville S. E., Fisher H. Acoustic characteristics of women's voices with advancing age // Journal of Gerontology. 1985. No. 40(3). P. 324–330.

McQueen J. M., Cutler A. Cognitive Processes in Speech Perception // The Handbook of Phonetic Sciences, Second edition / W.J. Hardcastle, J. Laver, F.E. Gibbon (Eds.). Wiley-Blackwell, 2013. P. 489–520.

Mysak E. D. Pitch and duration characteristics of older males // Journal of Speech and Hearing Research. 1959. No. 2. P. 46–54.

Rastatter M., McGuire R., Kalinowski J., Stuart A. Formant frequency characteristics of elderly speakers in contextual speech // Folia Phoniatrica et Logopaedica. 1997. No. 49. P. 1–8.

Reubold U., Harrington J., Kleber F. Vocal aging effects on F0 and the first formant: A longitudinal analysis in adult speakers // Speech Communication. 2010. No. 52. P. 638–651.

Weismer G., Liss J. Speech motor control and aging // Handbook of geriatric communication disorders / D. Ripich (Ed.). Austin: PRO-ED, 1991. P. 205–225.

Woods A., Fletcher P., Hughes A. Statistics in language studies. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 322 p.

Xue S. A., Hao G. J. Changes in the human vocal tract due to aging and the acoustic correlates of speech production: a pilot study // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2003. No. 46. P. 689–701.

УДК 81’42

М. В. Хитина

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: khitina49@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЧИТАЕМЫХ ТЕКСТОВ В «БЕЛОМ ШУМЕ»

В статье рассматриваются результаты перцептивно-слухового восприятия читаемых текстов, проводится оценка качества их восприятия в условиях «белого шума», дается сравнение результатов восприятия по разным темам, дикторам, аудиторам; предлагается список признаков, которые могут оказать влияние на восприятие читаемых текстов в затрудненных условия.

Ключевые слова: восприятие; перцептивно-слуховой эксперимент; «белый шум»; аудиторы.

M. V. Khitina

Doctor of Philology (Dr.habil), Professor,
Department of Applied and Experimental Linguistics, MSLU;
e-mail: khitina49@mail.ru

PECULIARITIES OF PERCEPTION OF READ TEXTS IN WHITE NOISE

The article presents the results of an experimental study of the problem of auditory perception of read texts in white noise. Quality of perception is assessed; influence of various factors (topics, speakers, auditors) is analyzed. A set of features that might affect the perception of read texts in difficult conditions is proposed.

Key words: perception; auditory-perceptual experiment; white noise; auditors.

Введение

В данном исследовании было рассмотрено и проанализировано восприятие аудиторами читаемых текстов различной тематики в затрудненных условиях (в белом шуме при соотношении сигнал / шум -10 дБ). В ходе исследования была сформирована база данных (БД) ответов аудиторов, проведена статистическая обработка результатов эксперимента. Материалы были получены из аннотированной устноречевой базы данных (УРБД, НИР шифр «Описание-СРФ», науч. рук. д-р филол. наук, проф. Р. К. Потапова).

Следует отметить, что первые исследования в области восприятия звучащего материала были получены на основе данных изучения именно процесса чтения. В настоящее время основной интерес вызывает исследование восприятия материалов различного качества (устно-речевого дискурса) в процессе аудирования [Потапова 2003]. Одной из нерешенных до настоящего времени проблем является установление зависимости восприятия от различных факторов, среди которых: форма продуцирования речи; характеристики говорящего (речевые, социолингвистические, социальные и др.); условия, в которых происходит коммуникация; особенности перцептивно-слухового восприятия устно-речевого дискурса человеком; фоновые знания партнеров по коммуникации (говорящего / говорящих и слушающего / слушающих) и др.

Так, в ряде работ подробно исследовалась эффективность восприятия письменных и устных текстов массовой коммуникации в зависимости от факторов (личностных психологических и социально-психологических), характеризующих аудиторию, воспринимающую текст.

В частности, оценивалось влияние на восприятие аудиторией таких факторов, как интерес и внимание. Помимо этого, анализировалось смысловое восприятие речевого сообщения в различных ситуациях и условиях коммуникации (в естественных и в затрудненных для восприятия условиях – «белом шуме») [Кулиш 1991]. Проблемой восприятия речи в затрудненных условиях занимались различные специалисты: А. В. Венцов, Р. К. Потапова, А. С. Штерн, Е. В. Ягунова и др. [Абрамов и др. 2011; Венцов, Касевич 2003; Потапова и др. 2010а; Потапова и др. 2010б; Штерн 1990; Ягунова 2008]. На основании проведенных экспериментов было показано, что в разных условиях восприятия в качестве доминирующих могут выступать различные признаки речевого сигнала. Так, например, при относительно хороших условиях восприятия (когда уровень сигнала значительно выше уровня шума) аудиторы используют преимущественно фонетические признаки, при «средних» условиях они, в основном, опираются на семантические признаки, а при наихудших условиях восприятия, при значительном уровне шума, в качестве ведущего выступает фактор частотности (частоты употребления данного слова в речевых высказываниях) [Штерн 1990].

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько вариантов возможных классификаций слушания.

Первая из них предполагает выявление целей слушания и соответствующих установок на смысловое восприятие звучащего текста, что позволяет выделить следующие виды слушания: глобальное, детальное, критическое. Вторая классификация оценивает слушание как пассивное и активное. Так, активное слушание предполагает наличие определенной реакции слушающего на то, что он слышит (сомнение, одобрение, поощрение к дальнейшему рассказу и т. д.). Пассивное слушание такой реакции не предполагает. Третья классификация основана на определении цели слушающего и особенностей текста, что позволяет выделить текст информативный, предполагающий понимание мыслей партнера; эмпатический, связанный с восприятием и оценкой чувств говорящего; инструктивный, предполагающий преобразование информации в некоторое действие [Паклина 2009].

Эксперименты, проведенные Л. Л. Залевской, позволяют предположить, что в памяти человека хранятся определенные эталоны: речевые штампы, высокочастотные словосочетания, фразеологические единицы, которые служат опорой при восприятии [Залевская 2001]. При этом одним из важных моментов восприятия текста является извлечение из долговременной памяти (и, соответственно, переход в кратковременную память) некоторого фрейма или сценария, соответствующего содержанию текста [Костылева 2004].

В эксперименте мы имеем дело с письменной речью, которая прежде всего ориентирована на перцептивно-зрительное восприятие. Она обладает логической и четкой формальной организацией. Помимо этого, письменная речь предполагает использование определенного стиля, что находит отражение в выборе языковых средств. Отметим, что письменная форма является основной формой существования речи в научном, публицистическом, официально-деловом и художественном стилях, она регламентируется и обусловливается конкретным стилем [Бубнова, Гарбовский 1991].

Материал и методика

В качестве экспериментального материала были использованы тексты небольшого объема (от 0,3 до 0,5 страниц), представляющие разные жанры и относящиеся к различным функциональным стилям.

Подбирались блоки, состоящие из трех текстов, предполагающие сочетание различных в стилистическом и жанровом отношении материалов: тексты информационных сообщений (стиль «массмедиа»); тексты научного и официально-делового стиля. Читаемые дикторами тексты были посвящены различным темам: образование, политика, электромагнитное излучение в ходе повседневного использования бытовой техники, страхование, проблема космических исследований, альтернативные источники энергии, лингвистика.

В процессе звукозаписи каждый из трех дикторов читал определенный блок текстов, затем на полученные фонограммы был наложен «белый шум» (соотношение сигнал / шум -10 дБ). В качестве дикторов выступали студенты (два юноши и одна девушка). Все родились в России, проживают в Москве или ближнем Подмосковье. Возраст – 20–22 года. Родной язык – русский. На момент проведения эксперимента изучали английский и немецкий языки.

В Эксперименте 1 приняли участие 21 аудитор (16 девушек и 5 юношей – студенты МГЛУ), возраст от 20 до 22 лет. Родной язык всех испытуемых – русский. На момент проведения эксперимента аудиторы изучали английский и немецкий языки. Сроки изучения языков были различными.

Аудиторам не были заранее известны темы текстов. Прослушивание осуществлялось однократно, без предварительной подготовки. Инструкция предполагала запись аудиторами слов, которые удалось воспринять в ходе прослушивания.

Полученные данные были обработаны следующим образом: было подсчитано количество слов каждого текста; количество слов, воспринятых каждым аудитором для каждой записи; подсчитано количество слов, внесенных (отсутствовавших в исходных текстах) каждым аудитором для каждой записи; среднее количество распознанных слов для каждой записи; среднее количество внесенных слов для каждой записи; отношение (в %) количества воспринятых слов к количеству внесенных слов для каждой записи; для всех аудиторов также было подсчитано количество слов различных частей речи; среднее количество слов различных частей речи для каждого текста.

На основе полученных результатов была подготовлена база данных реляционного типа (БД) .xls, созданная с помощью программы Microsoft Excel. Общий объем файла составляет примерно 4 Мб.

Рабочая книга состоит из 12 листов. На первом листе находятся ссылки на файлы, содержащие орфографические записи текстов. Со 2-го по 10-й листы расположены данные, полученные в ходе перцептивно-слухового эксперимента (слова, воспринятые аудиторами), а также дана характеристика аудиторов, уровня шума. На одиннадцатом и двенадцатом листах представлены данные статистического анализа в табличном виде и в виде диаграмм. На двенадцатом листе дан список слов, воспринятых лучше других, которые послужили материалом для проведения эксперимента 2 по определению темы текста. Анализ частей речи воспринятых слов включен в поле каждого листа, относящегося к определенному тексту. Основными полями таблиц, входящих в БД являются: аудитор (фамилия, имя, отчество); уровень шума (отношение сигнал / шум в дБ); исходное слово (слова, произнесенные диктором); часть речи, к которой относится исходное слово; воспринятое слово; внесенное слово.

Результаты проведенной статистической обработки данных показали, что для записи, где отношение сигнал / шум составляло -10дБ, аудиторы распознавали незначительное количество слов. Это верно для всех девяти текстов. Можно отметить, что восприятие текстов аудиторами зависело от темы текста, его длительности, диктора. Причем у некоторых аудиторов большинство воспринятых слов не принадлежало к исходным текстам (внесенные слова).

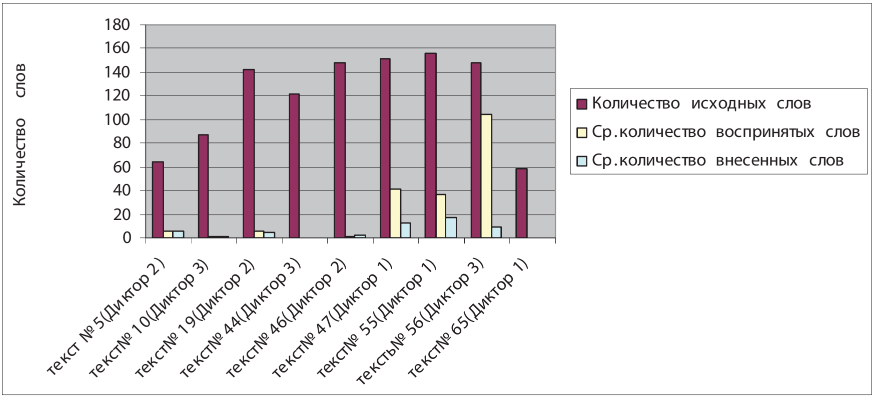

Рис. 1. Среднее количество воспринятых слов при соотношении сигнал / шум -10 дБ

Можно увидеть (см. рис. 1), что лучше других оказались результаты восприятия текста № 56, прочитанного Диктором 3 (Д.3). Как показывают полученные данные, все аудиторы распознали примерно 100 единиц при общем объеме текста в 148 слов. Этот текст был посвящен теме электромагнитного облучения в условиях использования бытовой техники, транспортных средств человеком.

В данном тексте присутствуют слова из нескольких семантических полей (например, семантическое поле «транспортное средство», куда входит троллейбус, трамвай, метро; семантическое поле «бытовые приборы» – кухонный комбайн, стиральная машина, электрочайник и т.п.). Можно предположить, что аудиторы, опираясь на имеющиеся фоновые знания и языковой опыт, достраивали высказывания [Рафикова 1999]. Также могло иметь место его речевое прогнозирование. Элементы, которые было трудно воспринимать из-за наложения шума, возможно, были восприняты благодаря контексту.

Исследование показало, что данный уровень шума является весьма высоким, что создает трудности для восприятия слов. Этим объясняется присутствие среди воспринятых слов различных частей речи. Исходя из анализа полученных данных, лучше всего во всех девяти текстах аудиторами были восприняты имена существительные. Такие части речи, как имя прилагательное, глагол, наречие, местоимение, союз и предлоги были распознаны в среднем одинаково. При этом, анализируя количество исходных частей речи и воспринятых, а также тексты, в которых было воспринято наибольшее количество слов, можно прийти к выводу, что вводные слова и числительные были восприняты плохо.

При соотношении сигнал / шум, равном -10 дБ результаты восприятия текстов некоторых аудиторов выделяются на фоне других. Это касается и максимальных, и минимальных значений. Так, лучше всех тексты были восприняты аудитором 1 и аудитором 3. В отношении внесенных слов имеются только приблизительные данные (примерно 5 % от общего количества исходных единиц было внесено аудиторами).

Предварительный анализ воспринятых единиц показал, что часть из них отличалась от исходных слов по ряду грамматических признаков, таких как род, число, падеж. Множественное число заменялось единственным, а косвенные падежи заменялись именительным (в редких случаях было наоборот).

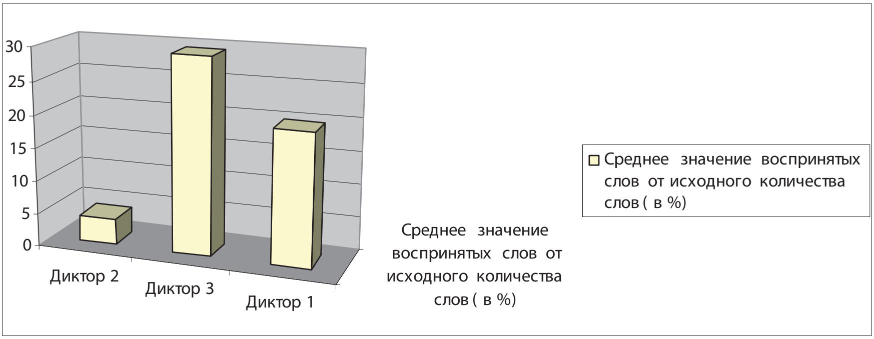

Рис. 2. Среднее значение (в %) воспринятых аудиторами слов для трех дикторов

Лучше всего аудиторами была воспринята речь Диктора 3. При этом стоит заметить, что тексты подбирались таким образом, что дикторы читали тексты примерно с одинаковым количеством слов (350-360). Хуже других было воспринято чтение диктора 2. Можно предположить, что это связано с тематикой текстов (они относились к сфере политики, стиль публицистический). Кроме того, можно заметить, что темп речи диктора 2, по сравнению с другими дикторами, более высокий, что могло также оказать влияние на восприятие аудиторами его чтения.

Для проведения эксперимента 2 было отобрано шесть вариантов списков воспринятых слов с различным количеством единиц с целью определения темы текстов (3, 16, 70 79 и 123 слова). В нем принимали участие 20 информантов (студентов), не участвующих в эксперименте 1 и не знакомых с исходными текстами.

Основная тема текста содержит совокупность слов, наиболее значимых для передачи его содержания, эти слова можно назвать опорными в данном понимании. Как правило, они обладают высокой частотой встречаемости. Подтемы текста служат раскрытию взаимоотношения между основными понятиями и объектами, стоящими за данными словами.

В результате эксперимента было выявлено, что хуже всего удалось определить тему текста, посвященного системе страхования (текст №10). Все информанты на основе списков воспринятых аудиторами слов определили тему как «законы о рекламе», что можно объяснить тем, что текст был плохо воспринят аудиторами в эксперименте 1. Среднее значение воспринятых слов текста №10 от исходного количества составляет примерно 1%.

Лучше всего была определена тема текстов №55 (о возобновляемых источниках энергии) и № 5 (о введении ЕГЭ), хотя процент воспринятых слов от исходных слов текста составляет 24% и 5%, соответственно.

Также хорошо была определена тема текстов №56 (о влиянии электромагнитных полей на здоровье человека), №47 (о введении нового предмета в школьную программу) (примерно 95%) и №19 (об исследовании космоса) (86%).

Анализируя результаты эксперимента по всем шести спискам, можно прийти к выводу, что информанты часто определяли общую тему текста более узко, предлагая вместо нее одну из подтем исходного текста. Число информантов (в %), которые заменяли глобальную тему локальной, составляет в среднем 53%, а определявших тему более абстрактно, составляет примерно 13,6%.

Выводы

Анализ результатов проведенных экспериментов показал, что существует зависимость определения темы текста от набора предъявленных слов. Так, для текстов, содержащих наименьшее количество слов (3 и 14, соответственно), некоторыми информантами была определена только предметная область; для текстов, чье восприятие аудиторами оказалось лучше, информанты пытались сформулировать тему текста. Кроме того, важную роль играли и конкретные слова. Так, при большом количестве воспринятых служебных слов определение темы было затруднено.

На основе полученных результатов можно сказать, что при среднем значении (в %) числа воспринятых слов от исходных, равном 15,3 %, определить общую тему и подтемы исходных текстов на основе списков воспринятых слов возможно. Примерно в 50% случаев была определена общая тема, в 25% случаев информанты фиксировали общую тему, близкую по смыслу к исходной. При этом необходимо отметить, что полученные результаты значительно варьируются в зависимости от предложенного списка воспринятых слов. Также необходимо учитывать индивидуальные характеристики участников эксперимента (их восприятие информации и смысла текста, интеллектуальные и личностные качества).

Учитывая общие результаты, полученные в ходе экспериментов, можно прийти к выводу, что восприятие текста в затрудненных условиях зависит от следующих факторов:

1. Фактор материала (качественные и количественные характеристики, такие как жанр, стиль текста, его объем).
2. Фактор диктора и аудитора – половые признаки, голосовые характеристики, просодическая составляющая речи.
3. Качество работы испытуемых, насколько внимательно и ответственно они подходили к эксперименту.
4. Специфика восприятия материала в шуме, адаптация к нему слухового восприятия.
5. Влияние «внесенных» слов на восприятие текста, определение его основной темы и подтем.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что аудиторы, имеющие одинаковое образование, возраст, схожие фоновые знания могут по-разному определять тему текста. В работе принимала участие Е. В. Александрова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов Ю. В., Потапова Р. К., Хитина М. В. Специфика смыслового восприятия спонтанного звучащего текста (в условиях эскалации уровня шума) // Сессия научного совета РАН по акустике и XXIV сессия Российского акустического общества «Акустика речи». Т. 3. Акустика речи. Медицинская и биологическая акустика. Саратов, 2011. С. 40–45.

Бубнова Г. И., Гарбовский Н. К. Письменная и устная коммуникации: Синтаксис И просодия. М. : МГУ, 1991. 194 с.

Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2003. 240 с.

Залевская А. А. Текст и его понимание : монография. Тверь : Тверской государственный университет, 2001. 177 с.

Костылева Е. А. Особенности смыслового восприятия текста реципиентами разного возраста : дис. … канд. филол. наук. СПб., 2004. 136 с. Режим доступа : www.1ib.ua-ru.net/diss/cont/93 1 10.html

Кулиш Л. Ю. Психолингвистические аспекты восприятия устной речи (зависимость восприятия от речевых характеристик говорящего) : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1991.

Паклина А. В. Теория формирования речевой готовности дошкольников к учебной деятельности // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4 (68). С. 212–221.

Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика: учеб. пособие, 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 568 с.

Потапова Р. К., Потапов В. В., Хитина М. В. К опыту смыслового восприятия звучащей речи в условиях акустического шума // Речевые технологии. М., 2010а. № 2. С. 3–18.

Потапова Р. К., Потапов В. В., Хитина М. В. Исследование перцептивно–слухового восприятия звучащих текстов в затрудненных условиях // Речевые технологии. М., 2010б. № 3. С. 8–13.

Рафикова Н. В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста // Проблемы психолингвистики: слово и текст. Тверь, 1999. С. 75–76.

Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Ленинград, 1990. 31 с.

Ягунова Е. В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей) : монография. Пермь : Ред.-изд. отд. Пермского гос. ун-та, 2008. 395 с.

REFERENCES

Abramov Ju. V., Potapova R. K., Hitina M. V. Specifika smyslovogo vosprijatija spontannogo zvuchashhego teksta (v uslovijah jeskalacii urovnja shuma) // Sessija nauchnogo soveta RAN po akustike i XXIV sessija Rossijskogo akusticheskogo obshhestva «Akustika rechi». T. 3. Akustika rechi. Medicinskaja i biologicheskaja akustika. Saratov, 2011. S. 40–45.

Bubnova G. I., Garbovskij N. K. Pis'mennaja i ustnaja kommunikacii: Sintaksis I prosodija. M., MGU, 1991. 194 s.

Vvncov A. V., Kasvvich V. B. Problemy vosprijatija rechi. 2-e izd. M. : Editorial URSS, 2003. 240 s.

Zalevskaja A. A. Tekst i ego ponimanie: monografija. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2001. 177 s.

Kostyleva E. A. Osobennosti smyslovogo vosprijatija teksta recipientami raznogo vozrasta : dis. … kand. filol. nauk. SPb., 2004. 136 s. Rezhim dostupa : www.1ib.ua-ru.net/diss/cont/93 1 10.html

Kulish L. Ju. Psiholingvisticheskie aspekty vosprijatija ustnoj rechi (zavisimost' vosprijatija ot rechevyh harakteristik govorjashhego) : dis. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1991.

Paklina A. V. Teorija formirovanija rechevoj gotovnosti doshkol'nikov k uchebnoj dejatel'nosti // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 4 (68). S. 212–221.

Potapova R. K. Rech': kommunikacija, informacija, kibernetika : ucheb. posobie. 3-e izd., ster. M. : Editorial URSS, 2003. 568 s.

Potapova R. K., Potapov V. V., Hitina M. V. K opytu smyslovogo vosprijatija zvuchashhej rechi v uslovijah akusticheskogo shuma // Rechevye tehnologii. M., 2010a. № 2. C. 3–18.

Potapova R. K., Potapov V. V., Hitina M. V. Issledovanie perceptivno-sluhovogo vosprijatija zvuchashhih tekstov v zatrudnennyh uslovijah // Rechevye tehnologii. M., 2010b. № 3. C. 8–13.

Rafikova N. V. Psiholingvisticheskoe issledovanie processov ponimanija teksta // Problemy psiholingvistiki: slovo i tekst. Tver', 1999. S. 75–76.

Shtern A. C. Perceptivnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. Leningrad, 1990. 31 s.

Jagunova E. V. Variativnost' strategij vosprijatija zvuchashhego teksta (jeksperimental'noe issledovanie na materiale russkojazychnyh tekstov raznyh funkcional'nyh stilej) : monografija. Perm' : Red.-izd. otd. Permskogo gos. un-ta, 2008. 395 s.

УДК 81'34

Н. Б. Цибуля

кандидат филологических наук,
доцент каф. фонетики английского языка
факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: cybnb@mail.ru

ТЕМБР ГОЛОСА И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С НЕВЕРБАЛЬНЫМИ СОСТАВЛЯЮЩИМИ КОММУНИКАЦИИ

В статье представлен анализ работ, посвященных тембру голоса. Рассматриваются подходы к изучению этого явления, характерные для зарубежных лингвистов, а также традиционные для отечественных исследований. Особое внимание уделяется классификации типов голосов, соотносящихся с такими природными явлениями, как *огонь*, *земля*, *вода* и *воздух*. Анализируя данную систему тембров, коррелирующих с определенным невербальным поведением говорящих, автор делится собственными наблюдениями и примерами. В целом, положительно оценивая существующие дыхательные и звуковые упражнения, направленные на развитие тембральных возможностей человеческого голоса, автор высказывает некоторые замечания и пожелания. Обсуждается также вопрос о происхождении различных тембров, связанных с формированием эмоций у человека в процессе эволюции.

Ключевые слова: тембр голоса; тембральный диапазон; тип голоса; невербальные составляющие; коммуникация; дыхательные упражнения; эмоции; эволюция.

N. B. Tsibulya

PhD (Philology), Assoc. Prof., Department of English Phonetics,
English Language Faculty; e-mail: cybnb@mail.ru

VOICE TIMBRE AND ITS CORRELATION WITH NONVERBAL COMPONENTS OF COMMUNICATION

Analysis of works devoted to timbre involves researches carried out abroad and traditional in Russian linguistics. Classification of the types of voice correlating with such natural phenomena as “fire”, “earth”, “water”, and “air” being in the focus of the present study, the author shares own observations and examples on the subject. On the whole, highly estimating the existing system of breathing and voice exercises aimed at developing human timbre capacities, the author suggests an alternative opinion on some points. The problem of timbre origin and its development in the context of human emotions formation in the process of the evolution is also discussed.

Key words: voice timbre; timbre range; type of voice; nonverbal means; communication; breathing exercises; emotions; evolution.

Введение

Качество голоса, его тембр, сила резонанса имеют большое значение в передаче модально-эмоциональных значений устного высказывания. Западные лингвисты обычно относят тембр к разряду паралингвистических явлений [Crystal 2010; Crystal 2013]. В традициях отечественной школы языкознания тембр принято рассматривать как один из компонентов интонации. Это особая окраска голоса, передающая модальные отношения и чувства говорящих [Шевченко 2011; Веренинова 2012; Цибуля 2013; Медведева 2016; Васильев 2017; Лукина 2018].

Каждый человек обладает своим неповторимым тембром голоса, который несет в себе определенные свойства в силу специфики его физиологии. Можно с уверенностью утверждать, что общий тезис о том, что какая-то фраза выражает удивление, восхищение, грусть или иные коннотации, требует некоторой поправки. У разных людей с разной тембральной окраской голоса одни и те же модально-эмоциональные значения будут характеризоваться некоторой вариативностью.

Такой авторитетный исследователь, как Барбара МакЭфи (Barbara McAfee), выделяет пять типов голосов, связанными с пятью стихиями:

1) первый тип ассоциируется со стихией земли (the Earth Voice);
2) второй тип метафорически обнаруживает качества огня (the Fire Voice);
3) третий сравнивается со стихией воды (the Water Voice);
4) четвертый – металлический – характеризуется оттенками металлических звуков (the Metal Voice);
5) пятый тип – воздушный (the Air Voice) [McAfee 2011].

То, что МакЭфи называет типом голоса, практически представляет собой определенный тембр голоса. Как утверждает автор этой классификации, ни один тип голоса не встречается в чистом виде, однако каждый из них, как правило, превалирует в голосовой гамме.

Таким образом, с одной стороны, голос человека характеризуется сложным тембром, или типом голоса. С другой, каждый его компонент связан с выражением специфических модальных и эмоциональных значений и поэтому лучше подходит для реализации в одних ситуациях по сравнению с другими. Остальные составляющие можно развить с помощью дыхательных и звуковых упражнений с целью расширения возможностей своего голосового диапазона для более успешной коммуникации.

Типы голосов по Б. МакЭфи

Рассмотрим типы голосов подробнее.

Первый тип «the Earth Voice», который ассоциируется со стихией земли, является самым глубоким и низким из пяти голосов. Он имеет гортанный, горловой оттенок, а вибрация в основном распространяется в торсовой части туловища, как при рычании, стоне или зевании. Просыпаясь утром, многие люди издают подобные звуки инстинктивно. В ногах и в нижней части тела вибрации не ощущается. Этот голос связывается с такими чертами личности, как сильный характер, сила воли, авторитарность, устойчивость, фундаментальность.

Автор называет людей, у которых данный тип голоса является преобладающим: Марлен Дитрих (Marlene Dietrich), Цезария Эвора (Cesaria Évora), Маргарет Тэтчер (Margaret Thatcher), Рональд Рейган (Ronald Reigan), Арнольд Шварценеггер (Arnold Schwarzenegger), Сильвестер Сталлоне (Sylvester Stallone) и др. [McAfee 2011].

Второй тип голоса «the Fire Voice», который сравнивается со стихией огня, характеризуется сильной вибрацией в солнечном сплетении. Говорящий делает много вдохов и выдохов в короткий промежуток времени, насыщая кислородом все свое тело, что, в свою очередь, стимулирует силу голоса. Таким образом, создается замкнутый контур (петля «loop»), активизирущий работу всего организма.

Данный тип голоса указывает на такие черты, как страсть, личная власть, жизненная сила, энергия.

По мнению автора, к людям с преобладанием такого типа голоса относятся Маршия Болл (Marcia Ball), Арета Франклин (Aretha Franklin), Этта Джеймс (Etta James), Энни Ленокс (Annie Lenox), Мартин Лютер Кинг (Rv. Martin Luther King), Лучано Паваротти (Luciano Pavarotti), Брус Спрингстин (Bruce Springsteen), Майкл Джэксон (Michael Jackson) и др. [McAfee 2011].

Третий тип голоса «the Water Voice», связанный со стихией воды, является голосом сердца, выражает доброту, ласку, искренность и сердечность. Он концентрируется в груди и в горле и характеризуется более теплой и мягкой тональностью по сравнению с «the Earth Voice» и «the Fire Voice».

Люди, говорящие искренне, нередко прикладывают руку к сердцу или соединяют руки на уровне сердца. Пытаясь подавить слезы, человек прикасается к горлу или обхватывает его рукой.

Голосом «the Water Voice» обладают Барбара Стрейзанд (Barbara Streisand), Сьюзан Бойл (Susan Boyle), Джулия Чайлд (Julia Child), Джимми Картер (Jimmy Carter), Тони Беннет (Tony Bennett), Эл Грин (Al Green) и др. [McAfee 2011].

Четвертый тип – металлический голос «the Metal Voice» имеет вибрацию в области носа, лба и глаз. Звук фокусируется в синусовых полостях, служащих мощным резонатором работы голосовых связок. По сравнению с “Fire Voice”, сильный металлический тембр формируется на фоне слабого выдоха. Металлический звук также резонирует вокруг головы говорящего.

В соответствии с точкой зрения МакЭфи, этот тембр является преобладающим в голосах таких людей, как Эдит Пиаф (Edith Piaf), Мадонна (Madonna), Леди Гага (Lady GaGa), Джордж Буш (George W. Bush), Пол Маккартни (Paul McCartney), Боб Дилан (Bob Dylan) и др.

Пятый тип – воздушный голос «the Air Voice» характеризуется легкостью и воспринимается как приглушенное волнение. Это достигается тем, что несильный звук исторгается мощной волной выдоха и резонирует в области над головой. Этот тип тембра ассоциируется с легким движением ветра, вдохновением, воображением, ангельским голосом, духовной связью с высшим началом и т. п.

Преобладание воздушного тембра отмечается у таких людей, как Мэрилин Монро (Marilyn Monroe), Шаде (Sade), Эния (Enia), Джеймс Моррисон (James Morrison), Смоки Робинсон (Smokey Robinson), Джон Мэйер (Jonh Mayer) и др. [McAfee 2011].

Комментируя данную классификацию, следует отметить, что метафорические названия тембра голоса давно утвердились в фонетических исследованиях и в художественной литературе и являются общепринятыми. Так, например, бархатный, шелковый, мягкий, теплый, сладкий, резкий, плавный, глубокий и множество других оттенков тембра имеют в своей основе осязательные, вкусовые, двигательные и иные ощущения.

Классификация МакЭфи является весьма оригинальной, но в ней также, как и в существующих системах, достаточно четко и логично выявляются общие признаки качества голоса, предметов и явлений. Она сравнивает черты, свойственные голосу, и в данном случае природным стихиям.

Хотя у каждого человека один из представленных типов голоса является преобладающим, в его тембральном диапазоне присутствуют остальные окраски, но в меньшей степени. Поэтому в общении, в зависимости от коммуникативной установки говорящего, следует целенаправленно использовать другие возможности тембра.

Будучи певицей и специалистом в области постановки как певческого, так и речевого голоса, МакЭфи убедительно и последовательно следует своей концепции, предлагая различные ситуации, в которых проявляется тот или иной тембр голоса.

Ситуации, характерные для пяти типов голоса

1. Тембр голоса «the Earth Voice» сравнивается с предупреждающим ворчанием медведицы, охраняющей своих детенышей, с лаем сенбернара, стерегущим свою территорию, с возгласами наших доисторических предков, с голосом героя А. Шварценеггера из фильма «Терминатор» и др.

Тембр «the Earth Voice» придает особую весомость высказыванию, поэтому более всего подходит для демонстрации силы и власти. Он также свойствен родителям в строгом разговоре с серьезно провинившимися детьми; людям, профессионально владеющим самообороной в ситуации конфронтации с соперниками и т. п.

Воспитатели, родители, преподаватели, руководители, врачи с помощью этого тембра способны оказать положительное влияние на окружающих, находящихся в состоянии кризиса или паники.

Голос должен быть спокойным, медленным и полным уверенности.

2. Тембр голоса «the Fire Voice» больше всего подходит для выражения страсти, увлеченности, энтузиазма и поэтому часто используется великими ораторами для убеждения аудитории.

Зажигательная речь Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта» характеризовалась этим тембром голоса. Вспомним также Долорес Ибаррури, выдающего политического деятеля Испании, которую называли «Пламенная Долорес», страстно обличавшую в своих речах фашизм.

Спортсмены – метатели копья, тяжеловесы, игроки в регби – нередко прибегают к этому тембру для самоподбадривания и концентрации энергии в движениях, а также для отвлечения внимания соперников, особенно в боевых видах искусства, сопровождая свои выкрики ритмическими покачиваниями тела.

Использование «the Fire Voice» демонстрирует власть, а также силу и энергию. Экспрессивная мимика, горящий взгляд, энергичные жесты соотносятся с этим типом голоса. Поэтому не следует злоупотреблять этим тембром голоса и соотносящимся с ним невербальным поведением в обычной жизни. Этот тембр и связанная с ним невербалика ограничены некоторыми ситуациями профессионального общения, изложенными выше. Они также характерны для футбольных болельщиков на трибунах, для речи сержанта, отчитывающего новобранцев, или для нью-йоркских таксистов в час пик и т. п.

3. Тембр «the Water Voice», который сравнивается со стихией воды, характеризуется теплым, умиротворяющим, успокаивающим звуком, напоминающим журчание воды. Одновременно в нем проявляется подбадривание, придающее собеседнику уверенность.

Этот тембр свойствен родителям, которые хвалят малыша, начинающего ходить. Проявление любви или примирение супружеской пары также происходят в похожей тональности. Мужчины, исполняющие женские роли, например Дастин Хоффман в фильме «Тутси» («Tootsie»), имитируя женский голос, используют этот тембр. Бывший президент США Джимми Картер, говоря о своей работе по борьбе с болезнями в разных регионах мира, голосом выражает озабоченность, сочувствие и одновременно уверенность в том, что болезни можно победить.

Этот тембр инстинктивно используется людьми при выражении ласки и сочувствия. Он звучит, когда мы успокаиваем друзей или родственников, хвалим их и воодушевляем. При необходимости сообщить кому-то о чем-то неприятном эта окраска голоса смягчает воздействие на собеседника. В конфликтных ситуациях она помогает снять или уменьшить напряженность.

Следует учесть, однако, что как доминантная составляющая, этот тип голоса не эффективен в публичных выступлениях, презентациях или телеконференциях. Его доверительный интимный характер при обращении к большой аудитории может быть использован только в кратких отступлениях от основной темы для иллюстрации собственного опыта или выражения одобрения кому-то из слушателей.

Исключение составляет проповедь священника. В данной тональности она звучит более проникновенно и убедительно.

4. Металлический голос «the Metal Voice» сравнивается с неожиданным кошачьим криком на улице среди ночи, он свойствен некоторым сказочным персонажам, таким как ведьма, Баба-Яга и др.

Его острый характер «прорезает» не только тишину, но и все остальные фоновые звуки. Поэтому он может быть использован в толпе для привлечения внимания. Резкость этого тембра оказывается полезной в опасных ситуациях, требующих быстрой реакции: предупреждение человека о приближающейся машине; ребенка, собирающегося схватить горячий предмет; или коллег в офисе о случайно воспламенившейся корзине для бумаг и т. п.

Металлический голос применим, таким образом, в достаточно ограниченных случаях, выполняя функцию привлечения внимания для сигнала об опасности. Экспрессивная мимика, особая выразительность взгляда усиливают значение описываемых ситуаций.

Наряду с этим, как отмечает МакЭфи, металлический звук лежит в основе многих музыкальных жанров, таких как блюграсс, кантри, китайская опера и др. Автор высказывает интересное предположение о том, что зарождение этих музыкальных традиций связано с открытыми, охватывающими большие пространства, ландшафтами. Человек использовал металлическую окраску своего голоса, чтобы он далеко раздавался и резонировал среди гор, долин и лугов.

5. Воздушный тембр голоса «the Air Voice» можно услышать, когда счастливые родители разговаривают с новорожденным ребенком, по-особому называя малыша и любовно обращаясь к нему, произнося бессмысленные, но полные бесконечной нежности слова. В ответ младенец начинает гукать, улыбаться, бить ножками, издавать радостные звуки.

Или, например, читая детям сказку и наклоняясь к ним, рассказчик несколько приглушенным голосом говорит: «Давным-давно, жили-были…». Этот тембр способствует проявлению большего интереса, и дети слушают, затаив дыхание.

Похожей тональностью характеризуется разговор пожилой леди со своей собачкой, что вызывает у животного ответную реакцию: она извивается и виляет хвостом от радости и счастья.

Однако этот тембр подходит не только для общения с детьми или животными. Придавая речи приглушенный тембр и наклоняясь к собеседнику, можно воодушевить его, например, относительно планов на будущее или на принятие каких-либо решений. Доверительный характер «воздушного» тембра используется при сообщении секретов или тайн.

Эта окраска голоса отличается теплотой и мягкостью, снимает мышечное напряжение, так как глубокое дыхание, лежащее в основе этой тональности, насыщает организм кислородом, тело оживляется, выражение лица просветляется. Используя этот тембр, можно услышать и почувствовать движение воздушной струи в ротовой полости.

Представляют интерес некоторые наблюдения МакЭфи относительно роли дыхания во время общения. Например глубокий медленный вдох одного из собеседников во время напряженного разговора обладает эффектом зеркальности – остальные участники беседы начинают спонтанно дышать глубже и медленнее, что в целом делает ситуацию менее напряженной. Однако резкий выдох, выражающий нетерпение, несогласие или раздражение, в совокупности с соответствующей мимикой, производит обратную реакцию – возрастает напряжение, и изменяется тональность диалога.

Упражнения для развития и совершенствования тембра

Практика развития и совершенствования пяти типов голоса, разработанная МакЭфи, включает в себя различные упражнения. Их текст не только представлен в книге, но и озвучен. Устный вариант содержит определенные звуки и интонации для тренировки каждого тембра. Критически оценивая предлагаемый тренинг, следует сказать, что установочные упражнения следует больше связывать не с воображаемыми, а с возможными реальными ситуациями, с их модально-эмоциональными коннотациями.

В целом упражнения, особенно дыхательные, представляют значительный интерес не только для фонетистов, но и для всех желающих развить возможности своего голоса для успешного общения.

Добавим, что важным компонентом тренировки определенной окраски голоса является невербальная составляющая, с которой реализация конкретного тембра образует некое единство.

Установочные упражнения для «the Earth Voice», выполняемые лежа, стоя или сидя, включают медленные, расслабленные движения, релаксацию мышц лица, потягивания, направленные на ощущение тяжести всего тела, глубокие зевки, многократное произнесение низкого звука «uuuh», который должен звучать все ниже и ниже.

Для овладения тембром «the Fire Voice» необходимо тренировать максимальные возможности громкости и высоты голоса, выбирая такие места и пространства (например, берег моря, отдаленный уголок парка, салон автомобиля и т. п.), где, не мешая другим, можно полностью сосредоточиться на упражнениях. Фразы следует пропевать и выкрикивать, обязательно сопровождая их соответствующей невербаликой: жесты рук должны подчеркивать ударные слова, ладони раскрыты, осанка прямая, мимика живая. Взгляд выражает интерес и устремлен на воображаемую аудиторию, устанавливая с ней контакт. Дыхательные упражнения – частые вдохи и выдохи, направленные на раскрытие «the Fire Voice», заряжают энергией всё тело для активной деятельности. Этот тембр голоса характеризуется страстностью, уверенностью и силой убеждения.

Ключевым моментом в раскрытии и совершенствовании «the Water Voice» является максимальное расслабление мышц речевого аппарата, особенно ротовой полости и нижней челюсти, где обычно наблюдается наибольшее напряжение. Следует начать с глубокого зевка, сопровождая его более высоким звуком по сравнению с «the Earth Voice». Рекомендуется также спеть колыбельную или выразить сочувствие близкому человеку в трудной ситуации, не используя при этом слова, а только тембр голоса.

При тренировке «the Water Voice» особую выразительность приобретает мимика. Жесты спокойные и плавные, корпус тела слегка наклоняется в сторону собеседника.

Для развития «the Metal Voice» необходимо сосредоточиться на артикуляции высокого пронзительного звука, имеющего назализованный оттенок. Для достижения носовой окраски голоса рекомендуется зажать ноздри пальцами и произнести долгий гласный звук, придав ему соответствующий оттенок. Затем, убрав пальцы, следует снова произнести этот звук, стараясь сохранить его качество. Горло не должно быть сильно напряжено, внимание направлено на носовую полость, область вокруг глаз и лба. Полезно также имитировать звуки мяукающей кошки и хныкающего ребенка.

Людям, обладающим глухим или монотонным голосом, а также нечетким произношением, эти упражнения помогают сделать артикуляцию более четкой. Когда она становится отчетливой, живой и ясной, то и невербальные составляющие коммуникации – движения тела, жесты, мимика – приобретают более гармоничный характер.

Чтобы выявить в своем тембральном диапазоне «the Air Voice» и развить его, следует начать с шепота, сосредоточившись на силе воздушной струи в ротовой полости. Для привлечения внимания воображаемого коммуниканта, находящегося на отдалении, следует многократно произнести слово «Hey», постепенно увеличивая громкость, а затем снова понижая ее до шепота. При этом необходимо постоянно концентрировать внимание на силе выдыхаемого воздуха.

В общении с маленькими детьми тембр голоса высокий и мягкий, мимика живая, глаза широко открыты, брови приподняты, на лице улыбка. Поэтому, тренируя «the Air Voice», необходимо также контролировать свое невербальное поведение.

У людей, в чьем голосе превалируют другие тембральные оттенки, упражнения на постановку «the Air Voice» обычно вызывают головокружение. В таких случаях рекомендуется расслабиться и сделать несколько спокойных вдохов и выдохов как при тренировке «the Earth Voice».

Обсуждение

Как отмечают исследователи происхождения языка, например Стивен Митен (Steven Mithen) в своей известной книге «Поющие неандертальцы» («The Singing Neanderthals») [Mithen 2006] или всемирно признанный ученый Дерек Бикертон (Derek Bickerton) [Bickerton 2000], древние предки современного человека имели достаточно развитый лексикон, который отражал понятия, связанные с жизненно важными ситуациями, в том числе относящиеся к явлениям природы.

На основе процесса взаимодействия с окружающей средой происходит «развитие внутренних отношений и состояний организма» [Леонтьев 2003, с. 9]. Реконструкции костей черепа и нижней челюсти древнего человека позволили выявить у него разнофункциональность полушарий мозга и развитый голосовой аппарат [Мак-Фарленд 2003]. Такие слова, как «земля», «ветер»,«огонь», «вода» и др., соотносились с природными стихиями. Можно предположить, что наши далекие предки имитировали в речи различные свойства природных явлений посредством мелодических модуляций, тембра и темпа. Как указывает МакЭфи, тип голоса «the Earth Voice» связан с активностью одного из древних отделов человеческого мозга – рептильным мозгом (reptile brain) [McAfee 2011].

Представляется, что в процессе жизнедеятельности древнего человека формировались и другие тембры голоса. Находясь в полной зависимости от окружающей среды, он взаимодействовал со своими сородичами в поисках пропитания, в заботе о потомстве, в совместной охоте, в защите от стихий и диких зверей и т. д. Поэтому избегание опасности, сигналы об опасности были жизненно необходимы. Высокий резкий звук («the Metal Voice»), далеко раздававшийся в окружающем пространстве, был кратчайшим и эффективным способом предупредить о какой-то угрозе и поднять тревогу. Современные люди часто используют этот тембр с такой же целью. Более того, мы слышим искусственно созданный высокий резкий звук, например при включении сирены полицейской машины или пожарной сигнализации. Вероятно, ассоциация подобного звука с ситуацией опасности не является произвольной, но заложена в генах человека.

Многолетние исследования американского антрополога Пола Экмана (Paul Ekman) свидетельствуют об особенностях формирования человеческих эмоций в ходе эволюции и о той роли, какую они играли в процессе выживания [Ekman 2004]. В выражении ярости, страха, печали, отвращения, удивления, радости и других чувств особое значение имели интонация, в том числе тембральная окраска голоса, а также мимика и телодвижения. Манифестация власти, проявление гнева, страсти, любви, нежного отношения к потомству и многое другое передавались различными оттенками тембра.

Они развивались и совершенствовались в течение длительного исторического периода. Их появление уходит в глубокую древность и связано с формированием эмоций и когнитивной деятельности в процессе эволюции в контексте взаимодействия древних людей с окружающим миром.

Выводы

1. В тембре голоса каждого человека превалирует, как правило, один из пяти выделенных типов.
2. Остальные компоненты тембрального диапазона можно развить с помощью специальных дыхательных и звуковых упражнений.
3. Более тонкое варьирование тембральной окраски в передаче различных оттенков модально-эмоциональных значений должно способствовать успешной коммуникации.

4. Каждый тембр голоса соотносится с определенными выражениями лица, жестами, движениями тела. Поэтому, тренируя тембральную вариативность, следует обращать внимание на невербальные составляющие общения.

5. Качество голоса и коррелирующие с ним невербальные характеристики являются отражением когнитивных процессов, происходящих у человека во время коммуникации.

6. Различные оттенки тембра голоса формировались и совершенствовались в течение долгого периода времени. Их возникновение уходит в глубокую древность и связано с развитием эмоций, отражая формирование когнитивных процессов в ходе эволюции в контексте взаимодействия древних людей с окружающим миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В. А., Катанская А. Р. и др. Фонетика английского языка: Практический курс. Новое издание / под ред. Ж. Б. Верениновой : учебник на англ. яз. Дубна : Феникс+, 2017. 375 с.

Веренинова Ж. Б. Фонетическая база английского языка с сопоставлении с фонетической базой русского языка: учеб. пособие для факультетов иностранных языков и факультетов повышения квалификации. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. 148 с.

Леонтьев А. Н. Проблема возникновения ощущения // Сравнительная психология и зоопсихология / сост. и общ. ред. Г. В. Калягиной. СПб. : Питер, 2003. С. 7–20. (Серия «Хрестоматия по психологии»).

Лукина Н. Д. Практический курс фонетики английского языка: учебн. пособие для студентов I курса, обучающихся по направлению «Лингвистика» / под ред. канд. филол. наук, проф. Ж. Б. Верениновой. 3-е изд., испр. и доп. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 238 с.

Мак-Фарленд Д. Язык и психические представления // Сравнительная психология и зоопсихология / сост. и общ. ред. Г. В. Калягиной. СПб. : Питер, 2003. С. 321–338. (Серия «Хрестоматия по психологии»).

Медведева Т. В. Специфика качества голоса в академической презентации. Вестник МГЛУ «Фонетико-фонологические аспекты дискурса». Вып. 1 (661). Серия «Языкознание». М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 89–98.

Цибуля Н. Б. Курс практической фонетики английского языка. Британский и американский варианты / учебник. М. : Гнозис, 2013. 384 с.

Шевченко Т. И. Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. Дубна : Феникс +, 2011. 256 с.

Bickerton D. How Protolanguage Became Language. In: The Evolutionary Emergence of Language / C. Knight, M. Studdert-Kennedy, and J. Hurford (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 264–284.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 516 p.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 499 p.

Ekman P. Emotions Revealed. Understanding Faces and Feelings. London : Phoenix, 2004. 282 p.

McAfee B. Full Voice. The Art and Practice of Vocal Presence. San Fransisco : Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2011. 215 p.

Mithen S. The Singing Neanderthals. The Origins of Music, Language, Mind, and Body. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2006. 374 p.

REFERENCES

Vasil'yev V. A., Katanskaya A. R. i dr. Fonetika angliyskogo yazyka: Prakticheskiy kurs. Novoye izdaniye / pod red. Zh. B. Vereninovoy: uchebnik na angl. yaz. Dubna: Feniks , 2017. 375 s.

Vereninova Zh. B. Foneticheskaya baza angliyskogo yazyka s sopostavlenii s foneticheskoy bazoy russkogo yazyka: ucheb. posobiye dlya fakul'tetov inostrannykh yazykov i fakul'tetov povysheniya kvalifikatsii. Izd. 3-e, pererab. i dop. M. : FGBOU VPO MGLU, 2012. 148 s.

Leont'yev A. N. Problema vozniknoveniya oshchushcheniya // Sravnitel'naya psikhologiya i zoopsikhologiya / sost. i obshch. red. G. V. Kalyaginoy. SPb. : Piter, 2003. S. 7–20. (Seriya «KHrestomatiya po psikhologii»).

Lukina N. D. Prakticheskiy kurs fonetiki angliyskogo yazyka: uchebn. posobiye dlya studentov I kursa, obuchayushchikhsya po napravleniyu «Lingvistika» / pod red. kand. filol. nauk, prof. Zh. B. Vereninovoy. 3-e izd., ispr. i dop. M. : FGBOU VO MGLU, 2018. 238 s.

Mak-Farlend D. Yazyk i psikhicheskiye predstavleniya // Sravnitel'naya psikhologiya i zoopsikhologiya / sost. i obshch. red. G. V. Kalyaginoy. SPb. : Piter, 2003. S. 321–338. (Seriya «Khrestomatiya po psikhologii»).

Medvedeva T. V. Spetsifika kachestva golosa v akademicheskoy prezentatsii. Vestnik MGLU «Fonetiko-fonologicheskiye aspekty diskursa». Vyp. 1 (661). Seriya «YAzykoznaniye». M. : FGBOU VPO MGLU, 2013. S. 89–98.

TSibulya N. B. Kurs prakticheskoy fonetiki angliyskogo yazyka. Britanskiy i amerikanskiy varianty / uchebnik. M. : Gnozis, 2013. 384 s.

Shevchenko T. I. Fonetika i fonologiya angliyskogo yazyka: Kurs teoreticheskoy fonetiki angliyskogo yazyka dlya bakalavrov. Dubna : Feniks, 2011. 256 s.

Bickerton D. How Protolanguage Became Language. In: The Evolutionary Emergence of Language / C. Knight, M. Studdert-Kennedy, and J. Hurford (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 264–284.
Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 516 p.
Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 499 p.
Ekman P. Emotions Revealed. Understanding Faces and Feelings. London: Phoenix, 2004. 282 p.
McAfee B. Full Voice. The Art and Practice of Vocal Presence. San Fransisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2011. 215 p.
Mithen S. The Singing Neanderthals. The Origins of Music, Language, Mind, and Body. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2006. 374 p.

УДК 81'34

Т. И. Шевченко, Д. Т. Поздеева

Шевченко Т. И., доктор филологических наук, профессор;
профессор каф. фонетики английского языка факультета английского языка
ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: tatashevchenko@mail.ru

Поздеева Д. Т., кандидат филологических наук;
ст. преподаватель каф. фонетики английского языка
факультета английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: da_pozdeeva@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ФОРМА И ЧАСТОТНОСТЬ «ТРЕТИЧНОГО» УДАРЕНИЯ В БРИТАНСКОМ, АМЕРИКАНСКОМ И КАНАДСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Характерные признаки так называемого третичного ударения основаны на данных экспериментальных работ и лексикографических источников. Благодаря своей ритмической природе и позиции после главного ударения «третичное» ударение в данной работе было названо «посттоническим ритмическим» ударением. Фонетически посттоническое ударение отмечено такими базовыми «акустическими ключами», как качество гласного и длительность ударного слога. Лексикографические источники обеспечивают данные о частотности определенных акцентных моделей в английском языке для британского, американского и канадского вариантов. Согласно статистике, выявляется более высокая частотность предтонического ударения в британском и американском вариантах, в отличие от более типичной модели посттонического ударения в канадском варианте английского произношения.

Ключевые слова: просодия; ударение; британский, американский, канадский варианты английского языка; акустические «ключи»; частотность.

T. I. Shevchenko, D. T. Pozdeeva

Shevchenko T. I., Doctor of Philology (Dr. habil.), professor,
Professor at the Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

Pozdeeva D. T., PhD (Philology), senior lecturer
at the Department of English Phonetics, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University; e-mail: da_pozdeeva@mail.ru

PHONETIC FORM AND FREQUENCY OF “TERTIARY” STRESS IN BRITISH, AMERICAN AND CANADIAN ENGLISH

The distinctive features of the so-called “tertiary” stress are defined, based on experimental studies and lexicographic sources. Due to the rhythmic nature of “tertiary” stress emergence and its position after the main stress, in the present paper “tertiary” stress is termed "post-tonic rhythmical stress". Phonetic evidence suggests that vowel quality and duration are the basic acoustic cues of the post-tonic stress. Lexicographic sources provide data on the relative frequency of certain stress patterns in British, American and Canadian English. Statistically it is found that pre-tonic rhythmical stress pattern is more frequent in British and American English, whereas the post-tonic pattern is more common in Canadian English.

Key words: prosody; stress; British, American, Canadian English; acoustic cues; frequency.

Введение

Как отмечает в своей статье об английском ударении А. Фокс, начиная с основателя английской фонетики, британского фонетиста Г. Суита, до настоящего времени теоретики-фонологи и практики преподавания английского языка признают, что существует несколько степеней ударения в английском языке [Fox 2007; Бурая и др. 2018]. Противоречивым остается выделение фонологически значимых степеней ударения, а также признание либо непризнание дифференциации словесного и фразового типов ударения, т. е. вопрос о том, действуют ли обозначенные степени ударения на уровне слова или только на уровне фразы. Если Г. Суит признавал три степени ударения: главное, второстепенное и слабое, то у О. Есперсена этих степеней было четыре (добавилось третичное), но при этом великий лингвист отмечал, что их выделение носит произвольный (arbitrary) характер [Fox 2007]. Согласно Словарю по лингвистике и фонетике Д. Кристала, четыре степени ударения ассоциируются с американским структурализмом XX в. [Crystal 2008]. В настоящее время в англоязычной литературе сохранилось только три термина применительно к степеням ударения: главное, второстепенное и слабое (или нулевое), очевидно, в силу того, что предполагаемое третьестепенное выделение не было доказано. В русскоязычной англистике термин «третичное ударение» сохранился благодаря следующим признакам, его определяющим:

1. Позиционный: третичное ударение занимает позицию после главного ударения, в отличие от второстепенного, которое предшествует главному.
2. Качественный сегментный состав: в слоге с третичным ударением сохраняется гласный звук полного качества, долгий или дифтонг.

3. Просодический: как правило, слог с третичным ударением выделен посредством длительности, в отличие от главноударного, в котором собраны максимумы не только длительности, но и высотный компонент в сочетании с интенсивностью.
4. Фонологический: наличие долгого гласного полного качества влечет за собой признак сильного, «тяжелого», слога, который должен быть выделен по сравнению с «легкими» слогами.

Как уже отмечалось выше, сомнительным оказался статус «третичного» ударения относительно «второстепенного», поскольку их сопоставление по степени выделения слогов никем не было доказано.

В настоящем исследовании мы обращаемся к фонетическим доказательствам реально выделенных слогов в английской речи на материале британского и канадского вариантов английского языка, которым можно приписать статус «третичного» ударения. Далее мы рассмотрим, как эти явления отражены в лексикографических источниках, произносительных и прочих авторитетных словарях: издательства Лонгман в Англии, издательства Гейдж (Gage) в Канаде, и с какой частотностью второстепенное и третичное ударение встречаются в лексиконе трех национальных вариантов: британского, американского и канадского.

Фонетическая реальность

Современный взгляд на словесное ударение рассматривает ударение как «метку» сильного слога в английском языке, который выделяется при произнесении благодаря просодическим средствам силы, длительности и высоты тона. При этом даже изолированное произнесение слова несет на себе влияние сопутствующей интонации утверждения либо перечисления (восклицания, удивления, согласия и проч.), что отражается на соотношении просодических средств противопоставления ударного и безударного слогов.

В реальной естественной речи ударный слог выделяется благодаря фразовым акцентам, причем часть ударных слогов может оказаться в неакцентируемой позиции в зависимости от семантико-синтаксической и прагматической роли слов. Анализируя спектр гласных в таких неакцентируемых ударных слогах и предлагая подобные реализации для опознания носителям языка, Е. В. Ефимова установила связь между акцентным выделением слога в слове и модификациями качества гласных от полного качества до редукции, разрушающей облик звукотипа. Вместе с тем автор установила явление обратного порядка по отношению к редукции неакцентируемых ударных: безударные гласные полного качества обретают в связной речи статус полуударных, если они сохраняют свое качество и определенную длительность произнесения. Таким образом, Е. В. Ефимова на материале британской спонтанной речи экспериментально доказала наличие второстепенного ударения в том случае, когда в слоге, не отмеченном ударением в словаре, благоприятное сочетание качества гласного (как правило, долгого или дифтонга) и длительности создает эффект дополнительного ударения. Судя по позиции таких ударений после акцентируемого слога, речь может идти о так называемом третичном ударении, несмотря на то, что автор, как и многие другие современные фонетисты, этот термин не употребляет, называя его «второстепенным» [Ефимова 2010].

Именно о качестве гласного как решающем акустическом ключе ударения, определяющем распознавание слов типа *PERmit* / *perMIT* пишет А. Катлер, основывая свои выводы на многолетних экспериментах с носителями английского языка, австралийцами [Cutler 2015]. В других работах, сравнивая роль просодических признаков ударных слогов в нидерландском и английском языках, тот же автор признает, что австралийцы так же, как и голландцы, считывают просодические ключи в звуковом сигнале и используют их для распознавания слов, но для нидерландского языка роль длительности гораздо важнее [Cooper, Cutler, Wales 2002].

Приведенные экспериментальные данные о фонетических средствах выделения ударного слога, сочетающих сегментные и просодические характеристики, основаны на британском и австралийском вариантах английского языка. В отношении канадского варианта английского языка просодический анализ звучащей речи, выполненный Д. Т. Поздеевой на материале корпусов публичной речи и спонтанных бесед, позволил достоверно установить факты третичного ударения, поддерживаемого фразовыми акцентами в тех словах, которые в британском словаре их не имеют [Поздеева 2016].

Новизна авторского подхода Д. Т. Поздеевой состоит в том, что, вслед за Г. ван дер Хульстом [Hulst 2014], автор подчеркивает ритмическую природу как второстепенного, так и «третичного» ударений, появление которых определяется, прежде всего, позицией главного ударения, а также положением относительно конца слова и фонотактикой английского языка. Признание ритмической природы этих двух типов дополнительных ударений не устанавливает, однако их места в иерархии по степени выделенности, как и средств просодии, которые при этом используются. Неизменным остается только позиционное отличие, в соответствии с которым второстепенное и третичное ударение было предложено называть предтоническим и посттоническим типами ритмического ударения. В отношении просодических «ключей» выделения посттонического ударения, составившего специфику канадского варианта английского языка, экспериментально было установлено, что его особая длительность характерна как для мужской, так и женской речи, в то время как высотный компонент подключается только в женской речи. Выделение посттонического ударения путем увеличения длительности в канадской речи было столь выразительно, что превосходило показатели главноударного слога. Восприятие такого ударения носителями языка подтвердило наличие активно распознаваемой акцентной модели «главное ударение + посттоническое ритмическое» в их ментальном лексиконе [Shevchenko, Pozdeeva 2017].

Учитывая высокую значимость акцентуации для распознавания слов в потоке речи, т. е. понимания ее смысла [Шевченко, Садовникова, Сибилева 2012; Cutler 2015], а также для выявления национальной и социальной идентичности говорящего [Шевченко 2016] и социокультурной компетенции обучающихся английскому языку [Галочкина, Шевченко 2010], обратимся к частотности акцентных моделей с ритмическим ударением указанных двух типов во всем лексиконе наиболее частотных слов, отобранных для словарей, в которых отражены британские и американские различия в ударении.

Частотность в британском и американском вариантах произношения

Проверим по третьему изданию словаря Дж. Уэллза издательства Лонгман [Wells 2008], какие варианты ритмического ударения считаются предпочтительными для британского и американского вариантов, чтобы сопоставить эти данные в отношении канадского варианта. Современные технологии открывают доступ к электронным версиям словарей, которые позволяют автоматически подсчитывать следующие опции: отсутствие ударения (0), ритмическое ударение (1), главное ударение (2) и их сочетания в словах по двум основным моделям: «предтоническое + главное» (12) и «главное + посттоническое» (21). Поскольку в целях экономии места в словаре не отмечены модели произношения, в которых американский вариант совпадает с британским, количество слов в американском варианте меньше, чем в британском. В связи с этим сопоставляется только процентное соотношение моделей в двух вариантах. Кроме того, в словаре допускается сокращение объема путем отдельного написания только части слова, одного слога или морфемы, в которой есть отличие между вариантами, поэтому такие части слов имеют только ритмическое ударение с неустановленной позицией, что недопустимо в реальном произнесении полного слова. Тем не менее с учетом указанных ограничений автоматического метода, мы получаем весьма реалистичную картину определенных предпочтений по британскому и американскому вариантам. К сожалению, программа не разделяет первых вариантов, которые предписываются обучающимся как самые предпочтительные, и последующих альтернативных вариантов. Остановимся на самых важных составляющих лексикона в британском варианте по словарю Лонгман:

- односложные слова – 15 %;
- ритмическое ударение (как альтернатива главному) – 2 %:
- одно главное ударение в слове – 66 %;
- (12) предтоническое + главное – 14,6 %;
- (21) главное + посттоническое – 2 %;
- (112) два предтонических + главное – 0,4 %.

Таким образом, в многосложных словах, как показал анализ, для британского варианта характерно предтоническое ритмическое ударение, которое составляет 14,6 %, в то время как посттоническое отмечено только в 2 %. Для американского варианта, данные по которому менее достоверны в силу указанных выше особенностей составления словаря, предтоническое отмечено в 5 %, а посттоническое – 0,4 %.

На следующем этапе изучение специфики ударения в канадском варианте, основанное на отличиях британского и американского вариантов, дополняется и верифицируется методом сплошного анализа лексикона канадского словаря Гейдж (Gage) [Pratt 2003], включающего

95 тыс. словарных единиц, с целью выявления значимости установленных акцентных моделей для всего лексикона и частотности их позиционных вариантов, предтонического ритмического ударения и посттонического ритмического ударения, в многосложных словах различного состава.

Частотность в канадском варианте английского произношения

В процессе проведения данного этапа анализа из него были исключены многосложные слова, акцентные модели которых:

- имели два главных ударения (как правило, сложные слова или устойчивые словосочетания);
- содержали только второстепенное ударение;
- помимо главного, включали и предтоническое, и посттоническое ритмическое ударения.

Кроме того, в эксперименте не учитывались слова, представленные в словаре без транскрипции, поскольку в данном случае невозможно определить акцентную модель.

В отличие от первой части эксперимента, в которой подсчет слов в рамках установленных ограничений был автоматизирован, на настоящем этапе анализ проводился вручную, что позволило учитывать только первый вариант транскрипции для каждого слова. При помощи метода сплошной выборки подходящие под условия исследования многосложные слова были распределены по двум основным группам:

1) слова с предтоническим ритмическим ударением и главным ударением;
2) слова с главным ударением и с посттоничеким ритмическим ударением.

Общее число слов, включенных в состав двух групп – 3036 единиц, что по отношению к количеству лексических единиц, включенных в национальный словарь, составляет 3,2 %. Тем не менее, как было установлено ранее, значительная часть лексического состава английского языка представлена односложными словами (15 %). Таким образом, если исключить из анализа односложные слова, доля многосложных слов с ритмическим ударением возрастает до 3,8 %.

Что касается распределения многосложных слов с ритмическим ударением по двум группам, необходимо отметить, что наиболее многочисленной стала группа с посттоническим ритмическим ударением – 1,8 % от общего количества слов, в то время как число многосложных слов с предтоническим ритмическим ударением составляет, соответственно, 1,4 % от общего количества слов. Внутри группы многосложных слов с ритмическим ударением это соотношение составляет, соответственно, 56 % (посттоническое ритмическое ударение) и 44 % (предтоническое ритмическое ударение); разница в 12 % представляется статистически значимой. Сопоставление данных по частотности ритмического ударения в трех национальных вариантах английского языка (% от общего количества слов в словаре) приводится в таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление частотности предтонического и посттонического ритмического ударения в британском, американском и канадском вариантах английского языка

Национальный вариант английского языка	Предтоническое ритмическое ударение (в %)	Посттоническое ритмическое ударение (в %)
Британский вариант	14,6	2,0
Американский вариант	5,0	0,4
Канадский вариант	1,4	1,8

Как следует из приведенной таблицы, предтоническое ритмическое ударение гораздо более широко представлено в британском (14,6 %) и американском (5 %) вариантах, нежели в канадском (1,4 %). Посттоническое ритмическое ударение в британском в американском вариантах характеризуется низкой частотностью (2 % и 0,4 % соответственно), в то время как для канадского варианта оно является более типичным, чем предтоническое.

Выводы

После обобщения результатов ранее выполненных работ, включая собственные исследования авторов, по изучению типов дополнительного ударения в трех национальных вариантах английского языка, мы уточняем принципы выделения так называемого третичного ударения: 1) позиционный; 2) качественный сегментный; 3) просодический (длительность); 4) фонологический; 5) ритмический.

В связи с неустановленной степенью выделения слога посредством третичного ударения относительно «второстепенного», предлагаем снять коннотацию третьестепенности, по крайней мере, для канадского варианта английского языка, посредством использования термина посттоническое ритмическое ударение, в отличие от термина предтоническое ритмическое, ранее предложенных в работе Д. Т. Поздеевой.

Используя различные методики подсчта, устанавливаем более высокую частотность предтонического ритмического ударения для британского и американского вариантов, в отличие от посттонического ритмического типа для канадского варианта английского языка, на основе всего лексикона, включенного в национальные словари.

В качестве перспектив дальнейшего исследования ставим задачу уточнения данных по американскому варианту английского языка на базе национальных лексикографических источников и корпусов звучащей речи, с применением единой методики подсчета выявленных моделей ритмического ударения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс : учебник для студ. учреждений высш. образования. 5-е изд., испр. М. : Изд. центр «Академия», 2018. 288 с.

Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. Мелодика и ритм как составляющие социокультурной компетенции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 1 (580). С. 42–54.

Ефимова Е. В. Просодическая структура фразы как фактор аллофонического варьирования английских гласных // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. 2010. № 6. С. 98–105.

Поздеева Д. Т. Ритмическая тенденция словесного ударения в канадском варианте английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 1 (740). С. 125–137.

Шевченко Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. 2-е изд., доп. М. : ЛЕНАНД, 2016. 240 с.

Шевченко Т. И., Садовникова Н. А., Сибилева Л. Н. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 1 (634). С. 175–187.

Cooper N., Cutler A., Wales R. Constraints of Lexical Stress on Lexical Access in English: Evidence from Native and Non-native Listeners // Language and Speech. 2002. Vol. 45 (3). P. 207–228.

Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Sixth Edition. Oxford : Blackwell Publishing, 2008. 524 p.

Cutler A. Lexical Stress in English Pronunciation // Reed M., Levis J. M. (eds.) The Handbook of English Pronunciation. Chichester : Wiley Blackwell, 2015. P. 106–124.

Fox A. Prosodic Features and Prosodic Structure. The Phonology of Supersegmentals. Oxford University Press, 2007. 414 p.

Hulst H. van der. Word Stress: theoretical and typological issues. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 374 p.

Pratt T. K. Gage Canadian Concise Dictionary. Gage Learning Corporation, 2003. 1024 p.

Shevchenko T., Pozdeeva D. Canadian English Word Stress: A Corpora-Based Study of National Identity in a Multilingual Community // Lecture Notes in Computer Science. 2017. 10458. P. 221–232.

Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. 3rd ed. Harlow : Pearson, 2008. 921 p.

REFERENCES

Buraya E. A., Galochkina I. E., Shevchenko T. I. Fonetika sovremennogo angliyskogo yazyka. Teoretickeckiy kurs: uchebnik dlya stud. uchrezhdeniy vyssh. obrazovaniya. 5-e izd., ispr. M. : Izd. tsentr “Akademiya”, 2018. 288 s.

Galochkina I. E., Shevchenko T. I. Melodika I ritm kak sostavlyayushchie sotsiokul’turnoy kompetentsii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. №1 (580). S. 42–54.

Efimova E. V. Prosodicheskaya struktura frazy kak faktor allofonicheskogo var’irovaniya angliyskih glasnyh. Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. Filologiya. 2010. № 6. S. 98–105.

Pozdeeva D. T. Ritmicheskaya tendentsiya slovesnogo udareniya v kanadskom variante angliyskogo yazyka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2016. № 1 (740). S. 125–137.

Shevchenko T. I. Sotsiofonetika. Natsional’naya i sotsial’haya identichnost’ v angliyskom proiznoshenii. 2-e izd, dop. M.: Lenand, 2016. 240 s.

Shevchenko T.I., Sadovnikova N.A., Sibileva L.N. Ritm i smysl prosodii diskursa: kognitivnyy podhod i statistika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. № 1 (634). S. 175–187.

Cooper N., Cutler A., Wales R. Constraints of Lexical Stress on Lexical Access in English: Evidence from Native and Non-native Listeners // Language and Speech. 2002. Vol. 45 (3). P. 207–228.

Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Oxford : Blackwell Publishing, 2008. 524 p.

Cutler A. Lexical Stress in English Pronunciation // Reed M., Levis J. M. (eds.) The Handbook of English Pronunciation. Chichester : Wiley Blackwell, 2015. P. 106–124.

Fox A. Prosodic Features and Prosodic Structure. The Phonology of Supersegmentals. Oxford University Press, 2007. 414 p.

Hulst H. van der. Word Stress: theoretical and typological issues. Cambridge : Cambridge University Press. 2014. 374 p.

Pratt T. K. Gage Canadian Concise Dictionary. Gage Learning Corporation, 2003. 1024 p.

Shevchenko T., Pozdeeva D. Canadian English Word Stress: A Corpora-Based Study of National Identity in a Multilingual Community // Lecture Notes in Computer Science. 2017. 10458. P. 221–232.

Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. 3rd ed. Harlow : Pearson, 2008. 921 p.

УДК 008:80

Н. Б. Ларионова
кандидат культурологии, доцент каф. классической филологии
ФГБОУ ВО МГЛУ; старший преподаватель Института лингвистики
и межкультурной коммуникации Первого Московского
государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова;
e-mail: vorotapystou@yandex.ru

АСТЕРИЯ, ЕПИСКОПА АМАСИЙСКОГО «ПОХВАЛА СВЯТЫМ МУЧЕНИКАМ» (10-Я ГОМИЛИЯ 1–8)

В публикации предлагается перевод с древнегреческого языка первой части 10 гомилии (1–8) святого Астерия, епископа Амасийского, образованного церковного деятеля IV–V вв. н. э. и современника Великих Каппадокийцев. Эта гомилия является одним из важнейших для христианской традиции вероучительных текстов, обосновывающих почитание мучеников, мест их упокоения и святых мощей.

Ключевые слова: Св. Астерий Амасийский; святые мученики; гонения на христиан; похвальное слово; почитание святых.

N. B. Larionova
PhD (Culturology), Assoc. Prof. at Classical Philology Department,
MSLU; senior lecturer at Linguistics Institute
and Intercultural Communication of the First Medical University;
e-mail: vorotapystou@yandex.ru

“ENCOMIA TO THE HOLY MARTYRS” OF ASTERIUS BISHOP OF AMASEA

The publication offers a translation from the Ancient Greek language of the first part of the 10th homily (1–8) of St. Asterius, Bishop of Amasea, an educated church figure of the 4th–5th cc. AD, who was a contemporary of the Great Cappadocians. This homily is one of the most important for the Christian tradition of doctrinal texts that justify the veneration of the martyrs, the places of their repose and their holy relics.

Key words: St. Asterius of Amasea; holy martyrs; persecution of Christians; an encomia; veneration of saints.

Введение

Сохранилось 16 гомилий Астерия, нравственного и похвального содержания. Основной корпус гомилий св. Астерия Амасийского, состоящий из 14 текстов, появился в критическом издании К. Датема в 1970 г. [Datema 1970]. Еще две гомилии были опубликованы тем же издателем несколько лет спустя [Datema 1978–1979]. Бóльшая часть гомилий св. Астерия была переведена дореволюционным исследователем М. Д. Муретовым. Десятая гомилия св. Астерия Ἐγκώμιον εἰς τοὺς ἁγίους μάρτυρας (*Похвала святым мученикам*) оставалась непереведенной на русский язык вплоть до 1987 г. Перевод этой гомилии вышел на страницах журнала «Православная Русь», официального издания Русской Православной Церкви Заграницей [Православная Русь 1987]. Вниманию читателя предлагается авторский перевод первой половины текста (1–8), в которой св. Астерий обосновывает значимость мучеников и практику их почитания в Церкви.

Основная часть

Астерий Амасийский († до 431 г.) (Amasya – город в нынешней Турции) был талантливым епископом и плодотворным писателем. Он незаслуженно остался незамеченным как своими современниками, так и последующими поколениями, так как сочинения его, не имеющие даже латинского перевода, долгое время были известны только читателю, знающему греческий язык. Писатели и историки IV в. ничего не говорят нам о скромном пастыре далекой Понтийской Амасии, св. Астерии Амасийском. Молчат о св. Астерии и известные древние церковные историки: Сократ, Созомен, Феодорит [Модест 1911, с. 3]. С IV по VIII вв. мы не имеем почти никаких сведений о св. Астерии. Это можно объяснить тем, что св. Астерии, скромный пастырь далекой Амасии, «не искал деятельности вне своей Церкви и не увлекался модными тогда догматическими спорами» [Модест 1911, с. 5]. Кроме того, св. Астерию было тяжело привлечь внимание жителей столицы, «где сияла слава Златоуста, где неустанно звучало его мощное слово» [там же].

Только в 787 г. Седьмой Вселенский Собор возродил память об Астерии Амасийском, так как использовал описание образа мученичества св. Евфимии, которой Астерий посвятил свою 11-ю гомилию. Где и когда родился Астерий Амасийский неизвестно. Получив блестящее юридическое образование в Антиохии, Астерий Амасийский долгое время работал юристом. Его гомилии (проповеди) показывают, что он с легкостью владел риторическими канонами, знанием языческого и греко-римского мира, философией и этикой. Астерий Амасийский претерпел непосредственное влияние свт. Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского. Однако известность Великих Каппадокийцев оттенила св. Астерия и его сочинения. Патриарх Фотий (IX в.) в своем произведении «Библиотека» замечает, что было два Астерия – один Астерий был арианином, а другой – Астерий Амасийский. Православный Астерий был игуменом монастыря, придерживался формулы ἐκ μὴ ὄντων (из не сущих) рождения Сына Божия, был учителем, пастырем и добродетельным епископом. Согласно патриарху Фотию, он умер в глубокой старости [Photius 1977, c. 79–100].

В области Амасии проживало множество иудеев, язычников и евномиан, которые презирали и критиковали почитание, воздаваемое христианами святым мученикам. Этот факт стал поводом для появления 10-й гомилии Астерия Ἐγκώμιον εἰς τοὺς ἁγίους μάρτυρας (*Похвала святым мученикам*). Эта гомилия по содержанию относится к похвальным словам и представляет собой введение к четырем другим гомилиям Астерия, темой которых является восхваление конкретных мучеников: св. апостолов Петра и Павла (гомилия 8) [Астерий Амасийский, свт. Слово в похвалу св. Ап. Петра и Павла 1892], священномученика Фоки (гомилия 9) [Астерий Амасийский, свт. Похвальное слово в день св. мч. Фоки 1894], св. Евфимии (11) [Астерий Амасийский, свт. Слово о иконе св. мц. Евфимии 1827] и св. первомученика Стефана (гомилия 12) [Χρήστου 1989, c. 226]. Мученики являются, по словам Астерия, διδάσκαλοι ἀγαθῆς πολιτείας καὶ κατήγοροι τῆς ἁμαρτίας (учителями благого жительства и обличителями греха), которые ἔπαθον διὰ Χριστὸν (пострадали за Христа) и потому имеют дар παρρησίας (дерзновения), т. е. они получили возможность предстательствовать и молить Бога за верных христиан. Верующие обращаются к Владыке через мучеников, которые имеют дерзновение, засвидетельствованное чудесами.

Астерий особенно подчеркивает дар дерзновения мучеников, поскольку они являются предстателями перед Богом. Эта идея была развита также Иоанном Златоустом. Кроме того, Астерий проводит богословское различие между терминами «поклонение» (προσκήνησις) и «почитание» (τιμή или θαυμασμός), воздаваемое мученикам, мощи которых сохраняются как κειμήλια πολυτίμητα (многоценные сокровища) в специальных гробницах (θήκας).

Астерия Епископа Амасийского[1] «Похвала Святым Мученикам» (10-я Гомилия 1–8)

I. 1. Это похоже на то, как от крайне враждебных и непримиримых врагов приносится великая польза, в чем удостоверяет как весь жизненный опыт, так и происходящее ныне. Ведь если бы Диавол не изгнал христиан и не воздвиг брань против Церкви, у нас бы не было мучеников, а без мучеников наша жизнь была бы мрачной и без праздников. Что другое может быть равноценно этим праздникам? И что может быть столь благочестивым и прекрасным, как не вид целого города со всеми людьми, выходящими за его пределы и заполняющими святое место для совершения чистых таинств истинного благочестия? 2. Истинное же благочестие – это поклоняться Богу и чтить стойко перенесших ради Него страдания и приготовившихся к крайней смертельной опасности; таковые стали предводителями и предстателями, ныне направляющими нас. Мужи – через благую кончину – бессмертные, через презрение жизни – живущие вечно, обменявшие кровь на царство и провозгласившие коварную плоть благодетельницей души. 3. Так, когда благой выбор был возложен на человека, то подчинил себе все стремления и движения, словно возничий, осторожно, как вожжами, он управляет мыслями, поражая праздность и прогоняя безмерное напряжение и остроту ситуации; тогда и путь жизни перестает быть беспорядочным и опасным.

II. 1. Однако мы имеем мучеников Христовых не только учителями благого жительства, но и обличителями греха. Как же мученик стал обличителем, послушай! Если тот терпением победил пламя огня, то почему ты не укрощаешь блуд воздержанием? Если мученик не пожалел богатства и имущества, которое бросил, то почему ты хоть немного не пренебрежешь серебром ради праведности? Если мученик не пренебрег родом Божиим, но разлучился с женой, детьми, любимыми, то почему ты не обуздываешь свое пристрастие, но

[1] Перевод осуществлен по изданию *Asterius of Amasea*. Homilies I–XIV / ed. C. Datema. Leiden : E. J. Brill, 1970. P. 135–144.

ради лиц, имеющих к тебе родственную связь, переступаешь через справедливость и обманываешь страх Божий? Если мученик ради Бога совлек с себя свое тело, то почему сам не пренебрежешь одним коротким хитоном, дабы прикрыть нагого? 2. Всё это сравнение обличает наше своенравие. Поэтому либо как учителей святых устыдимся, либо как обличителей убоимся и покажем свою жизнь сообразно с почитаемыми нами. Доверимся же и мы так Богу, как святые доверились заповедям и как уповали твердо на обетования.

III. 1. Ибо твердое упование на духовные бла́га есть весьма хороший учитель мужества и стойкости. Оно, как надежнейший залог и незыблемый задаток, находящийся в мыслях, призывает всегда бесстрашно взирать на опасность и мужественно переносить испытания, и именно так и происходит. Ибо мы, люди, по природе получили в удел быть изнеженными и терять волю от трудов, за которые не воздаются награды, но, напротив, браться мужественно за те из них, окончанием которых являются награды и почести. 2. Поэтому все мученики устремляют свой ум к Евангельскому Писанию, в котором Господь, ободряя священных и боголюбивых атлетов, говорит: «Если кто исповедует Меня перед людьми, исповедую его перед Отцом Моим»[1]. За это исповедание они с непреклонными мыслями перенесли раскаленное железо, взошли на костер, предали тело в пасть зверей, каждый спину подставил под удары и был терзаем по ребрам остриями когтей. Они были связаны железными оковами и терпели мрачные подземелья темниц. 3. Были мучимы голодом и изнемогали от жажды, предоставили, словно камни, свои лица бичующим. Словно глухие слушали злословия, словно немые не отвечали бранящим и поносящим, были сопровождаемы народом и зеваками, совершенно обнаженными были водимы по рынкам и улицам, и самое страшное, что не только мужи, но и жены. Одни были сожжены огнем, другие терзаемы холодом; различными способами разделили с нами свои подвиги, чтобы, умерев, победить.

IV. 1. Поэтому благоговейно похоронив священные тела мучеников, сосуды избранные[2], орудия блаженных душ, жилища любомудрых жителей, как сокровища многоценные сохраняем их на всю жизнь, оберегаем их, как наше достояние, ведь Церковь ограждается мучени-

[1] Мф. 10, 32.

[2] Деян. 9, 15.

ками, как город мужественными гоплитами, собираются всенародные празднества и мы наслаждаемся радостью праздников. 2. Люди, угнетаемые несчастиями и бедствиями, как к некому прибежищу спешат к местам упокоения преблаженных, делая их ходатаями в своих молитвах и прошениях по причине их беспредельного дерзновения. Оттого и бедность уничтожается, и болезни врачуются, и угрозы правителей прекращаются. Тихой гаванью во всех житейских волнениях и ненастьях являются священные гробницы мучеников.

3. Так, отец или мать, взяв больное дитя и укрыв в своих объятиях, прибегает к лечению и врачам, а от неумелой помощи бежит прочь, и, нуждаясь в посреднике, приходит к одному из мучеников, через которого такими словами возносит моление Владыке: «Пострадавший ради Христа, защити от страдания и болезни. Имеющий дерзновение, дай ответ своим сорабам. Хотя ты и оставил нашу жизнь, но ты знаешь беды человечества. И ты просил, когда претерпевал мучения, перед тем, как стать мучеником. Тогда искав, ты получал, теперь имея – дари. В награду себе проси пользу для нас. Да исцелимся твоей раной, как мир – раной Христовой». 4. Кто-то на брак спешащий, творит молитву мученикам при входе в палаты; кто-то, торопясь в плавание, не развязывает канаты судна, до тех пор пока не призовет через мучеников Владыку моря; группы бедняков и неимущих толпами получают общий кров и пищу в местах упокоения мучеников: мученики воспеваются повсюду – на земле и на море. Заслуженно и по достоинству. 5. Ведь они не добились правосудия, как многие, но прославили своим телом крест, не собрали имения, но пролили кровь; не жалели бедного, а самих себя не пожалели; не посещали в тюрьме мучимого, но сами носили цепи. За такое терпение и поношение они приобрели соответствующую славу и честь.

V. 1. Итак, таковы суть мученики. А как же их мучители и убийцы, о высоком мудрствовавшие и горделиво угрожавшие, что сидели на высоких тронах и не знали никакого начальника над собой? Они рычали яростнее львов, бежали быстрее леопардов, терзали сильнее медведей, проливали кровь по-волчьи, творили зло как лисы. Они лежат позорнее мертвых ослов, их жизнь покрыта забвением Ад – гробница для них, нечестие и презренная память – их надгробный столб: они сожалеют напрасно, стенают бесплодно. 2. Гонимые же ими показали память непрестанную, похвалу неувядаемую. Ибо младшие перенимают рассказы и почести от старших: дед, передавая почитание внуку, или отец – ребенку, создают им бессмертную похвалу. Вследствие чего в чередованиях этих праздников жизнь сохраняет некоторое неприкосновенное наследство или, скорее, нечто куда более ценное, чем наследство. Ведь блага наследства либо грабитель может отнять, либо враг, как добычу, унести, либо состояние дел может упразднить, а день празднования святых мужей никто не сможет отнять у года до тех пор, пока будут существовать годы, будет бежать время, на небе будет солнце, земля будет выпасать своих обитателей, а море – своих. 3. Хотя, по правде говоря, когда прекратят существовать эти стихии, даже если кому-то так не кажется, слава мучеников и праведников не угаснет, не прекратится вместе с творением, но еще больше расцветет, после того как человечество перейдет к нетленной жизни.

VI. 1. Позволяется же неверным и в нашей надежде на будущее усомниться, – что от совершаемого в этой жизни мы намереваемся получить залог благого упования. Ибо вот весь круг Вселенной переполнился подвижниками Христовыми, и всякое место имеет свою память о святых, а все времена года лучше даров и произрастаний земли даруют празднующим рассказы о святых. И если бы кто-то был хорошим другом мучеников, то он проявил бы заботу о праздновании всех пострадавших, дабы не проходило и дня в году без празднования. Ведь лучшее украшение всех дней солнечного круга – подвиги благородных людей. 2. Ибо сильно противящийся благим людям сопротивляется таинству христиан и, посыпая пеплом, пытается погребсти всех своими наветами, но тщетно занимается этим грязным ремеслом, поскольку Бог, умастив множество лучших мужей наставлениями и обучив стойкости и силе, противопоставил их бесстыдству и коварству человечества. Ибо они участвовали в новой и непривычной борьбе. Ведь, не поражая или сокрушая, удержались, но, будучи страдающими и умерщвляемыми, одолели в брани.

VII. 1. И в чем, ты спросишь, о слушатель, сила в брани? В чем почет – испытывать мучения и бичевания, от огня, меча или тягот темниц расстаться с жизнью? Но узнай, как брани за благочестие достигают противоположного результата. Ибо одни – в убийстве находят для себя доблесть, другие же – одерживают победу через страдание и смерть. Дерзновение же праведников служит предстательством за мир: враг был изгнан, получив противоположное тому, что желал. Ибо скольких он, замучив, убил, стольких он сотворил помощниками для людей. 2. И во всяком деле он оказывается в этом положении; потому, когда он надеется помешать благочестию, то тем самым способствует приумножению благочестия. Ведь мудрый Бог приводит к противоположному замыслы глупца и безумца. И это мы находим, прослеживая дела всех эпох – в рассказе о Моисее, деятельности Иосифа. Сразу же, еще вначале, дабы прервать семя благочестивых, он (Диавол) убил второго человека – Авеля, но вышло все наоборот. С тех пор как Каин был проклят от Бога, человекоубийцы испытывают на себе сильнейшую ненависть. И в отношении Христа – Сатана подействовал на иудеев, чтобы те распяли Его. 3. То же самое случилось и с мучениками, которых по собственному безрассудству презирают многие, ни во что не ставя их достоинство. Не человек ли мученик есть? Не истощил ли он свое тело? Не в малых ли и уже погребенных останках их память? Более всего так вопрошают эллины и евномиане; ответим же мы и тем и другим.

VIII. 1. Мы не поклоняемся мученикам, но почитаем, как подлинных поклонников Бога: не чтим людей, а восхищаемся теми, кто доблестно почтил Бога во время испытаний. Мы помещаем их в благоукрашенные раки и воздвигаем дома их упокоения в виде величественных сооружений, дабы прославить почестями тех, кто прекрасно окончил свою жизнь. И недаром мы оказываем им усердие, так как пользуемся их предстательством перед Богом. 2. Поскольку нашей молитвы недостаточно, чтобы достичь Бога во время нужды или бедствия – ибо наше моление не призывание есть, а воспоминание грехов – по этой причине мы прибегаем к своим сорабам, которых возлюбил Владыка, дабы те, собственными добрыми делами исцелили наша прегрешения. Ибо в чем преступление, что, почитая мучеников, мы и сами стремимся угодить Богу? В чем обвинение – прибегать к защитникам? Наконец, рассмотрим и твои (аргументы), если считая себя безупречным, являешься обличителем преступления. Но как? Ты, кто тысячи умерших людей даже не почитаешь, а поклоняешься им как богам?

Заключение

Публикуемая десятая гомилия святого Астерия содержит ряд высказываний, являющихся достаточно оригинальными для автора IV в.

Так, Астерий указывает, что именно Диавол, воздвигнувший гонения на христиан, стал причиной того, что в Церкви появились первые святые. Этими святыми стали мученики, поскольку до IV в. еще не возникла устойчивая традиция почитания иных чинов святых, таких как, например, преподобные и святители. Стремясь защитить от критики, возникшее в Церкви почитание мучеников как ходатаев за нас перед Богом, Астерий один из первых в христианской письменности разделяет поклонение (προσκύνησις), которое подобает воздавать только Богу, от почитания (τιμή), которое христиане обращают в отношении святых мучеников. Мученики, презрев свою земную жизнь, получили бессмертие в вечной жизни. Для христиан мученики – это не только живой пример благочестия, но и обличение греха, поскольку их подвиг обличает нерадение повседневной жизни. Именно твердая вера на получение воздаяния от Бога на небе является главной причиной мужественного поведения мучеников и их стойкости в перенесении страданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Астерий Амасийский, свт. Похвальное слово в день св. мч. Стефана / пер. и примеч. М. Д. Муретова // Богословский вестник. 1894. Т. 1. (Янв.). С. 1–14.

Астерий Амасийский, свт. Похвальное слово в день св. мч. Фоки / пер. и примеч. М. Д. Муретова // Богословский вестник. 1894. Т. 4. (Окт.) С. 1–25.

Астерий Амасийский, свт. Слово в похвалу св. Ап. Петра и Павла / пер. и примеч. М. Д. Муретова // Богословский вестник. 1892. Т. 2. (Июнь) С. 379–412.

Астерий Амасийский, свт. Слово о иконе св. мц. Евфимии // Христианское чтение. 1827. Ч. 27. С. 33–42.

Модест (Никитин), архим. Св. Астерий Амасийский: Его жизнь и проповедническая деятельность. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1911. 153 с.

Православная Русь. Церковно-общественный орган Русской Православной Церкви Заграницей. № 10. 1987. С. 1–3.

Asterius of Amasea. Homilies I-XIV / Ed. C. Datema. Leiden : E. J. Brill, 1970. 366 p.

Datema C. Les homélies XV et XVI d' Amasée // Sacris Erudiri. 1978–1979. № 23. P. 63–93.

Photius. Bibliothèque / ed. R. Henry. Paris : Société d' Edition "Les belles Lettres", 1977. V. VIII. 233 p.

Χρήστου Π. Ελληνική Πατρολογία. Περίοδος θεολογικής ακμής 4 και 5 αιώνες. Θεσσαλονίκη: εκδοτικός οίκος Κυρομάνος, 1989. V. IV. 573 σ.

REFERENCES

Asterij Amasijskij, svt. Pohval'noe slovo v den' sv. mch. Stefana / per. i primech. M. D. Muretova // Bogoslovskij vestnik. 1894. T. 1. (Janv.). S. 1–14.

Asterij Amasijskij, svt. Pohval'noe slovo v den' sv. mch. Foki / per. i primech. M. D. Muretova // Bogoslovskij vestnik. 1894. T. 4. (Okt.) S. 1–25.

Asterij Amasijskij, svt. Slovo v pohvalu sv. Ap. Petra i Pavla / per. i primech. M. D. Muretova // Bogoslovskij vestnik. 1892. T. 2. (Ijun') S. 379–412.

Asterij Amasijskij, svt. Slovo o ikone sv. mc. Evfimii // Hristianskoe chtenie. 1827. Ch. 27. S. 33–42.

Modest (Nikitin), arhim. Sv. Asterij Amasijskij: Ego zhizn' i propovednicheskaja dejatel'nost'. M. : Pechatnja A. I. Snegirevoj, 1911. 153 s.

Pravoslavnaja Rus'. Cerkovno-obshhestvennyj organ Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Zagranicej. № 10. 1987. S. 1–3.

Asterius of Amasea. Homilies I-XIV / Ed. C. Datema. Leiden : E. J. Brill, 1970. 366 p.

Datema C. Les homélies XV et XVI d' Amasée // Sacris Erudiri. 1978–1979. № 23. P. 63–93.

Photius. Bibliothèque / ed. R. Henry. Paris : Société d' Edition "Les belles Lettres", 1977. V. VIII. 233 p.

Χρήστου Π. Ελληνική Πατρολογία. Περίοδος θεολογικής ακμής 4 και 5 αιώνες. Θεσσαλονίκη: εκδοτικός οίκος Κυρομάνος, 1989. V. IV. 573 σ.

УДК 82.02

И. Б. Смирнова

старший преподаватель каф. отечественной
и зарубежной литературы МГЛУ; e-mail: le21mars@mail.ru

СЕКТОР «РОМАНТИЗМ» НА АСТРОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГРАММЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО РОМАНА
(на французском материале)

***Цикл*: Стрелка часов**

Исследуемый материал представляет объект как теоретического, так и практического литературоведения. На астрологической диаграмме «Часов» истории западноевропейского романа рассматривается сектор «Романтизм», противостоящий сектору «Высокое Средневековье». Наглядно демонстрируются астрологические характеристики данного культурного периода и направления, в их соседстве с другими секторами, в противостоянии и в отражениях. В свете данных характеристик по-новому понимается и объясняется состояние автора и героя эпохи Романтизма. Напрашивается вывод, что общий тон и стиль повествования, развитие сюжета, а также исход интриги обусловлены во многом естественным положением периода на диаграмме. Данное открытие снимает с актанта часть моральной вины, вменяемой ему судом Истории или Мифологии, и также обнаруживает новые механизмы урегулирования сюжетообразующих конфликтов и разрешения кажущихся «вечными» проблем.

Ключевые слова: астрономические часы истории; семь этапов культурного процесса; временная и пространственная соотнесенность культурного периода; астрологические ориентиры в оценке состояний и действий литературного героя; циклическое чередование эволюции и инволюции поведенческих составляющих тандема «автор и герой» на диаграмме.

I. B. Smirnova

Senior lecturer at Literature Department,
Moscow State Linguistic University, e-mail: le21mars@mail.ru

ROMANTICISM SECTOR ON THE ASTROLOGICAL DIAGRAM OF WESTERN EUROPEAN NOVEL'S HISTORY
(on the material of French literature)

***Cycle*: Clock hand**

The research and the following article examine the sector of “Romanticism”, opposing the sector of “High Middle Ages” on the astrological diagram “Clock of the Western European novel's history”. The astrological characteristics of the given cultural period and literary trend, bordering on other sectors, are represented with the help of oppositions and reflections. In the light of these characteristics the state of the author and the hero of the Romanticism epoch is analysed and explained in a new way. The conclusion suggests that the general tone and the style of the narration, the development of the plot, and the outcome of the intrigue are largely due to the actual position of the period on the diagram. This discovery removes from the actant part of the moral guilt imputed to them by the Court of History or Mythology, and also reveals new mechanisms for resolving plot-forming conflicts and problems seeming "eternal".

Key words: astronomical clock of history; seven stages of the cultural process; temporal and spatial correlation of the cultural period; astrological reference points in assessing the states and actions of a literary hero; cyclic alternation of evolution and involution of behavioral components of the tandem "author and hero" on the diagram.

Сюжет посвящен
Осеннему равноденствию

Введение. Составляющие принципы оценочной системы

Во вводном сюжете цикла «Стрелка часов»[1], посвященном Весеннему равноденствию, мы продемонстрировали логику деления нашего «Большого Культурного Коло»[2] на малые, и затем также семеричное деление нашего «Малого Культурного Коло»[3] (XI–XXI вв.). При этом мы учли восьмой сектор, который условно отделяет «вечер романа» от начала нового «дня романа» и потому носит название «ночь». Теперь шаг за шагом рассмотрим теоретические и исторические характеристики западноевропейской (на примере французской) литературы в каждом секторе, обозначенном нами как «версты романа», по аналогии с теми мифологическими «Верстами Вселенной», которыми оперирует русский ведизм. Современная эзотерическая и экзотерическая космология утверждает, что число *семь* на нашей планете не случайно почитается как сакральное: человеческое тело на Земле имеет семь качественных уровней, за развитие которых отвечают так называемые чакры. В природе восхождение качественных состояний

[1] См.: [Вестник МГЛУ 2018, с. 145–166].

[2] История земной цивилизации от последней Всемирной катастрофы.

[3] История пятого культурного периода в отражении письменных памятников.

материи отражается, в частности, семью цветами спектра радуги. Такое семеричное деление легко накладывается на троичное (по количеству областей мира славяно-арийской традиции) и на четверичное (по естественному распадению годового цикла на сезоны, а суток – на световые периоды). Добавим сюда принцип пяти, основанный на схеме взаимопорождения стихий, и получим многообразное объяснение тех феноменов, которые заключает в себе каждый сектор.

1. Открытие «романтической» осени

Отчего на долю Романтизма в ряду культурных отрезков нашего «Малого Культурного Коло» (XI–XXI вв.) и соответствующих им литературных направлений выпадает торжественно открыть собой таинственную семерицу «верст»? Причина проста. Современный учебный год в средней и высшей школе в России и на Западе начинается с 1 сентября. В дохристианской Руси считалось, что в период с 7 по 11 святовитеня, т. е. с 29 августа по 2 сентября, Дажьбог сходит в Навь. 10 святовитеня празднуется в народе «Дажьбог тепляк», что означает, Дажьбог рассеивает холод и тьму незнания. Он несет свет, воскрешает мертвых, дает здоровье недужным, возвращает зрение слепым. В эти же дни огнебог Семаргл сходит в Навь к Вию, чтобы обрести великое изначальное знание, духовно прозреть и возродиться в эпоху Рода [Асов 2011, с. 146]. Это и преддверие Осеннего равноденствия: астрономической точки, открывающей ворота наступлению тьмы на мир, в котором с прошлого Весеннего равноденствия количественно и качественно преобладал над тьмою свет. Когда-то на Руси день Осеннего Равноденствия считался днем Новолетия: точкой отсчета Нового года. Ныне же космическое событие пересечения Северного меридиана Неба звездой Спика (α созвездия Девы) находится ближе к началу академического, а не астрономического года в России, но в плане мифологии продолжает отсылать нас к Рождеству и Торжеству Майи: Матери Мира и богов русской ведической традиции, проявившейся на протяжении истории в десятках ипостасей[1]. На смену Майе позднее пришла вместе с христианством Богородица Мария, восприняв в свое имя ночную навскую ипостась Майи – Мару [Чудинов 2012, с. 74].

[1] Макожь, Мара, Лада и т. д.

2. Поэтапное изучение романтического сектора. Тип героя

Если всмотреться в циклическую диаграмму истории западноевропейского романа, то «летние» настроения Яви оканчиваются во Франции XVIII столетием: веком Просвещения, в названии которого также фигурирует «свет», намеренно направляемый на рассеивание «тьмы» неведения. Откуда вытекает, что первые встречи со студентами могут быть посвящены обзору общей логики исторического процесса развития литературы, а затем должно произойти приближение к первому периоду, астрономически совпадающему с Осенинами: «первой, второй и третьей встречами» осени, вокруг события Осеннего Равноденствия[1]. От общей картины романтического века на Западе мы переходим к хронологическим особенностям наступления и развития Романтизма в германских и романских государственных образованиях. От «привязки» данного культурного периода и направления к событиям Великой Французской революции, задавшей тон словесности в Европе с конца XVIII – на всю первую половину XIX столетия, совершаем переход к описанию психологического портрета «автора и героя» романа раннего Французского романтизма. И… что же? Этот портрет может быть легко выделен и очерчен, благодаря автобиографичности раннеромантических сюжетов, таких как, например, «Атала» 1801 г. и «Рене» 1802 г. Ф. Р. де Шатобриана, «Адольф» Б. Констана 1806 г. Неудивительно, если в этом собирательном образе узнаются в равной мере «прохладное» веяние Нави, черту которой мы перешагиваем между августом и сентябрем, а также (после 21 сентября) – наступление в душе «ранних сумерек», лишающих очевидности рассудочные основания душевного здоровья. Литературный типаж «потерявшего себя» в вихре революции молодого человека – дворянина или буржуа – легко объясняется падением мировоззренческого возраста романа к юности (18–21 году), когда человек еще не наработал социальных оснований для развития своей сущности, и потому вынужден в обстоятельствах переворота скорее бежать в путешествие или в эмиграцию, чем сознательно бороться против кого-либо ради чего-либо. Параллелизм биографий авторов и героев не заставляет прилагать каких-либо усилий для своего выявления: иные

[1] То есть к программе второго семестра.

герои носят имена авторов, откровенно снимающих в своих сюжетах «темные очки». Из литературной критики сыплются обвинения суровыми «отцами» науки беззащитных «детей» литературного творчества в эскапизме, преждевременном старении души и тела, безволии, смятении сердца[1] <…>. Здесь мы хотели бы снять подобное осуждение молодого «типа», показывая, какие именно астрологические показатели включаются в действие в сентябре и октябре, графически соответствующих сектору «Романтизм».

3. Воскрешение куртуазного идеала

Обращаясь к схеме четырех ландшафтов, мы видим, что стрелка «Часов» в Романтизме как бы опускается «в воду»: на Юге четверичной диаграммы Мировой Океан (море – река – озеро – пруд) соответствует северной Горной Вершине, как лес на Западе – безлесой равнине Востока. Отсюда в романтической литературе изобилие водной метафорики, присутствие идеи «бури», которая здесь будет символизировать взбунтовавшуюся эмоциональную жизнь человека, громко заявляющую о себе из-под гнета двух неоклассических периодов. Если XVII и XVIII вв. диктовали для жизни и творчества некие «правила», то теперь правил больше нет, произвол «стихии» эмоций свидетельствует о господстве иррационального начала психики актанта. Обращение к идее воды, погружения в «среду» неконтролируемых инстинктивных порывов души к достижению полноты бытия, влечет за собой также идею «отражений» в поверхности вод того культурного периода, который в «астрологии литературоведения»[2] диаметрально противостоит Романтизму. Что же мы находим на нашей диаграмме? Средневековый рыцарский роман! Здесь действует обычный закон пространственных и временны́х отражений, который

[1] Вот пример: « В “Ренэ” гетевское предчувствие новой эры и ожидание великих событий сменилось поэзией разочарования. Недовольство, влекущее за собою новую эпоху, сменилось недовольством неудачи этой эпохи. Борьба за человеческие права личности привела, казалось, к установлению тиранического владычества нового властелина, и вот мы опять встречаем в литературе современного молодого человека. Как он изменился! Мускулы дряблы, морщины покрывают лицо. Не находя себе места в обществе, он бродит среди диких племен в девственных лесах. <…> Молодой человек 1802 года бросился в объятия религии» (*lib.ru/RUSSLIT/WINOGRADOW/Vinogradov_Istoria_Molodogo_Cheloveka.txt*).

[2] Описанию системы посвящена вводная работа цикла «Стрелка часов».

ярче всего проявляется в диаметрально разведенных точках окружности. В секторе Романтизма четко отражается сектор Средневековой рыцарской культуры и литературы, с его куртуазным набором идеалов и установок; вот откуда у авторов романтиков возникает естественная тоска по возвращению к эпохе «дворжества»[1]. Писатели и поэты копируют стиль не только средневековой поэмы о любви (пример: Ж. де Нерваль, «Фантазия», 1832), но также героический эпос (примеры: баллада «Рог» А. де Виньи 1826, поэма «Сватовство Роланда» В. Гюго 1859). Тут и там сквозит дух рыцарской культуры и присутствует соответствующая атрибутика актанта:

> Как будто на турнир, в моей больной груди
> Три рыцаря сошлись для дерзкого ристанья,
> Затеяли во мне боренье за меня…
>
> *Петрюс Борель*
> *«Пролог к “Мадам Пютифар”».*
> *Пер. Г. Русакова*

> В погоне за стихом, за ускользнувшим словом,
> Я к замкам уходить люблю средневековым:
> Мне сердце радует их сумрачная тишь…
>
> *Теофиль Готье «Средневековье».*
> *Пер. М. Донского*

4. «Стихийное» управление процессами романтизма

Еще один шаг в сторону интерпретации символизма воды откроет перед нами тайну перехода в мир образов. Взгляды Освальда и Коринны из «итальянского» романа Мадам де Сталь встречаются после разлуки на взаимных отражениях в поверхности вод паркового фонтана, что отсылает историка литературы к средневековому аллегорическому «Роману о Розе» двух авторов, где влюбленный (автор и герой Гийом – также совпадение характеров в имени) обретает видение Истины в кристаллах, лежащих на дне фонтана. Вода как бы становится здесь, спустя шесть веков, снова границей перехода в тот

[1] Термин из статьи: Брокгауз и Эфрон. Французская литература [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь. Режим доступа: slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1956981.html

мир, где невозможное может стать возможным. Где возможность воплощения мечты становится на порядок ближе, чем в физическом.

Культурологи подчеркивают главенство музыки среди искусств эпохи Романтизма. Именно благодаря совершенной музыкальности стиха почитается первым мастером среди французских символистов Поль Верлен с его «Осенней песней» из сборника «Сатурнические поэмы». Легко и надолго запоминаются с первого же знакомства строки, ассонирующие с октябрьскими дождями:

> Les sanglots longs des violons de l'autumne
> Blessent mon cœur d'une langueur monotone
> <…>
> Et je m'en vais au vent mauvais qui m'emporte…
>
> *1866*

Музыка как вид искусства в ряду искусств «архитектура – скульптура – музыка – живопись – проза – поэзия – “умное делание”…» также предположительно соответствует водной среде, жидкому состоянию материи в ряду: «камень – земля – вода – воздух – огонь – эфир…». Постепенный уход вниз, к земле – словно падение струй водопада – мы замечаем в «понижающихся» мотивах ранних лириков старшего поколения, а затем – также уход сквозь землю в «ад» безнадежности – в демонизированных мотивах младших поэтов. Подобная направленность чувств и мыслей отражается семантикой французского термина «décadence» – инволюция, употребляемого для обозначения того периода культуры Франции и России, с которым символизм считают связанным неразрывными узами до 1885 г., пока не произошло разделение на «декадентов» и «символистов» [Illouz 2005, с. 95][1].

5. Гравитационная динамика основных мотивов лирики старшего поколения романтиков

Первая череда выглядит так:

- взгляд на мир «глазами осени»: «Равнина» (*Шарль-Огюстен Сент-Бёв, пер. И. Шафаренко*);
- осенняя буря:

> Люблю смотреть, как буря *злая*,
> Всё нарастая,

[1] URL : www.persee.fr/doc/litt_0047-4800_2005_num_139_3_1905 .

Бушует, яростно срывая
Горы желтеющий наряд…

Альфред-де-Мюссе «Стансы».
Пер. А. Ладыгиной

- буря «судьбы»:

Под бурею судеб, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытия,
Нести ярмо мое утрачивая силу,
Гляжу с отрадою на близкую могилу,
Приветствую ее, покой ее люблю
И цепи отряхнуть я сам себя молю.

Андре Шенье «Под бурею судеб…».
Пер. Е. Баратынского

- изображение темного времени суток, призывание смерти:

Мучительная ночь!
Да скоро ли заря Взойдет?
Скажите мне: дождусь утра я ?...
<…>
О бог забвения! Приди, закрой мне очи,
Задерни их навек завесой смертной ночи!...

Андре Шенье «Мучительная ночь».
Пер. В. Бенедиктова

- ассоциация наступающей тьмы с вращением Сансары, которая представляется замкнутой:

Перетерпи, душа; как все пройдет, пройдет и это;
Кружится колесо; перетерпи , не сетуй.
Не век же изнывать под бременем невзгод;
Суровая зима царит не круглый год…

Андре Шенье «Перетерпи, душа…».
Пер. Г. Кружкова

- призрак предательства и грядущего неотменно одиночества:

О, женская любовь! Надежды, обещанья,
Свиданья тайные, поспешные признанья,

И вдруг – все кончено! Лишь память-западня
Воспоминаниями мучает меня…

Андре Шенье «Я разлюбил ее…».
Пер. Д. Веденяпина

- самообвинение в мечтательности:

Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастье сердцу внятен!..

Эварист Парни «Элегия».
Пер. К. Батюшкова

- человек-листок:

Что медлить? Время наступило:
Вались, вались, поблеклый лист!
Судьбе противиться бессильный,
Я жажду ночи гробовой.
Вались, вались! Мой холм могильный
От грустной матери сокрой!

Шарль Мильвуа «Падение листьев».
Пер. Е. Баратынского

Листок иссохший, одинокий,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчик мой? –
«Как знать мне! Налетели тучи,
И дуб родимый, дуб могучий
Сломили вихрем и грозой…»

Антуан Арно «Листок».
Пер. Д. Давыдова

Когда увядший лист слетает на поляну,
Его подъемлет ветр и гонит под уклон;
Я тоже желтый лист, и я давно уж вяну:
Неси ж меня отсель, о бурный аквилон!

Альфонс де Ламартин «Одиночество».
Пер. Б. Лившица

- сгущение красок в одиночестве:

С холма на холм вотще перевожу я взоры,
На полдень с севера, с заката на восход,
В свой окоем включив безмерные просторы,
Я мыслю: «Счастие нигде меня не ждет!»

Альфонс де Ламартин «Одиночество».
Пер. Б. Лившица

- тень и пустота:

И час за часом понемногу
Ползет от дома на дорогу
Тяжелая немая тень;
Но кроме этой мертвой тени
Никто на ветхие ступени
Не спустится за целый день!

Альфонс де Ламартин «Дом и виноградник».
Пер. Д. Кружкова

- плачи, вздохи, сожаления, перерастающие в апатию:

…Несчастие повсюду,
Прошедшее темно, и мерзко верить чуду.
Тогда в самих себе опоры лишены,
Тогда не любят нас и мы не влюблены,
Тогда впиваемся полуугасшим взглядом
В неверный счастья мир, что и далек, и рядом,
И создан для таких, как мы – но не для нас –
И видим: луч дрожит, уходит… и погас.

Марселина Деборд-Вальмор «Безразличие».
Пер. А. Шараповой

6. Усиление гравитации эмоциональных состояний и мотивов у младших романтиков

Вторая череда – мотивы младших романтиков – выглядит еще патетичнее:

- фантазии о мертвецах:

Как часто дни мои однообразной мукой
Отпугивали мысль, ее венчая скукой,

И каждый мой порыв был обречен – увы!
В огромном городе мне нестерпимо душно,
Толпа вокруг глуха, тупа и равнодушна,
Здесь благородства нет, и все сердца мертвы.

Филотэ О'Недди «Сплин».
Пер. Р. Дубровкина

- «Песня мертвых» (*Жюль Лафорг, пер. Е. Баевской*);
- животное неможение:

...Забыться бы теперь
Тупым, тяжелым сном – как спит в берлоге зверь…
Забыться и забыть, и сбросить это бремя,
Покуда свой клубок разматывает время.

Шарль Бодлер «De Profundis Clamavi».
Пер. А. Эфрон

- богооставленность: «Христос в Гефсиманском саду» (*Жерар де Нерваль, пер. Н. Стрижевской*);
- могила – это я:

Ни я не мил, ни мне ничто не мило;
Моей душе со мной не по пути;
Во мне самом готова мне могила –
И я мертвей умерших во плоти.

Теофиль Готье «Змеиная нора».
Пер. Ю. Даниэля

- конец света:

Немым обломком, тяжело
Дух погружается покорный
В морей безлунное жерло.
И с ним все гибнет, все ушло:
Мысль, память, гений животворный,
Пространство, Время и Число –
В морей безлунное жерло.

Шарль Леконт де Лиль «Вилланелла».
Пер. М. Лозинского

- разбитого сердца: «Разбитая ваза» (*Сюлли-Прюдом, пер. А. Апухтина*);

- мученье неуверенности: «Сомнение» (*Сюлли-Прюдом, пер. И. Анненского*);
- человек это тень: «Тени» (*Сюлли-Прюдом, пер. В. Алексеева*);
- предчувствие Ночи романа:

> Нам Солнце, уходя, роняет луч прощальный…
> Подруга, слышишь ты, как шествует к нам Ночь,
> с Востока волоча свой саван погребальный?
>
> *Шарль Бодлер «Раздумье».*
> *Пер. М. Донского*

- дождь в душе:

> Глаза мои полузакрыты,
> А тихий дождь слышней, слышней…
> Роняет капли сад забытый
> В блаженный мрак души моей
>
> *Анри де Ренье «Сад под дождем».*
> *Пер. Э. Шапиро*

- человек в темнице: «Больницы узник, пациент тюрьмы…» «Человек» (*Жермен Нуво, пер. Ю. Даниэля*);
- усталость «…певца бесцветных дней» «Цветы» (*Стефан Малларме, пер. А. Раевича*);
- воспевание Небытия:

> Глаза открыты и не видят… Я – мертвец…
> Я жил… Теперь я только падаю…
> <…>
> Я – груз, и медленно сползаю в ночь немую
> <…>
> О ночь Небытия ! Возьми меня… я твой…
>
> *Леконт де Лилль «Последнее воспоминание».*
> *Пер. И. Анненского*

- самоубийство через повешение : «Звонарь» (*Стефан Малларме, пер. Р. Дубровкина*).

Из духовной науки известно, что самоубийство – предел абсурдного саморазрешения судьбы, и оно замораживает эволюционное развитие сущности. Идея убить себя приходит, конечно, в крайнем нижнем положении астрологического «маятника» состояний, который может выйти из него предположительно только с «посторонней» помощью: естественной или божественной.

Выводы об астрологических закономерностях литературных эффектов «сектора» романтизма, с графическими иллюстрациями

Так в секторе Романтизма – в прозе как и в так называемой «поэзии»[1], движущейся от индивидуалистического лиризма эскапистов к демонизму символистов – наглядно проявляются астрологические эффекты нашей диаграммы, вот они.

1. Возобладавшие в юго-восточной части Коло дремота, скука и лень обусловливают известную пассивность характеров (см. рис. 1 Приложения). Например, Адольф (одноименного романа Б. Констана) «все только намеревается приобрести некоторые права на уважение людей, оставаясь пассивным наблюдателем своего безвыходного положения» [Бондарев 1982, с. 94]. Вера и Усердие, за которые ответственна Вишудха, становятся в «слабом» рождении унынием и ленью. А Доброта и Любовь, развиваемые Анахатой ближе к «югу» диаграммы, имеют опасность перерождения в гнев, что и происходит при известном максимализме актанта (см. рис. 2 Приложения) и отчасти резонирует с революционной действительностью.
2. «Овца» большого 12-летнего цикла, зеркально «отражающая» сектор «Овна» малого 12-месячного цикла, ведет к «ослаблению» и «смерти» перед весенним перерождением (см. рис. 3 Приложения).
3. Месяц «Листич» располагает к образному переосмыслению человеком себя в образе фрагмента (листка), оторванного от единого целого (Мирового Древа – например, славянского Вяза, сВЯЗующего Небо и Землю) (см. рис. 4 Приложения).
4. Активация восприятий через нижние энергетические центры притупляет ясность видения, создает гравитационный настрой на загробные фантазии (см. рис. 5 Приложения).
5. Мировоззренческий возрастной регресс ограничивает силу суждения. Еще одно подтверждение этому – факт, что «автор не возвышается над своим героем, а следует за ним» [Бондарев 1982, с. 82] (см. рис. 6 Приложения).

[1] Здесь термин оговаривается в связи с тем, что поэзия изначально в древности призвана была нести только возвышенные смыслы.

6. Сезонное понижение «квалификации» актанта буквально понижает «сферу обслуживания» литературного героя как репрезентанта человечества и также тормозит желаемое благое духовное перерождение (см. рис. 7 Приложения).

7. Переход на «иньское» полукружие обусловливает преобладание женственных, то есть слабых, поведенческих характеристик персонажей: податливости, покорности, пассивности, «замирания» в мечте, впадения в «прелести», любви к лести, ожидания похвалы… Список можно продолжить (см. рис. 8 Приложения).

Гипотеза относительно чередований «интроверсивности / экстраверсивности» литературного творчества каждой «версты» и ее апробация на изучаемом секторе

Здесь вероятно также работает астрологическое чередование: чет / нечет в отношении «верст» в том смысле, что нечетный век и период больше внимания уделяет внутреннему миру героя, а четный – внешнему миру и социальному жизнеустроению. Так, нечет, не делящийся на два, всегда сосредоточивает внимание актанта на себе самом. Например, «Ученик» П. Бурже как роман, в котором действие романа актант дублирует ведением дневника, «эстетически значимыми утверждает события не внешней, а внутренней жизни» героя, подобно тому, что отмечает А. П. Бондарев касательно «Рене» Шатобриана [Бондарев 1982, с. 85]. Романы третьей, пятой и седьмой верст должны делать акцент более на поведении одного из героев, чем на обоих, поскольку автор исследует внутренний мир своей литературной проекции. Вот почему лирика и роман этих «верст» будут давать «крен» в субъективное. Так называемый «субъективный символизм» отличает творчество А. Жида, Реми де Гурмона, Гюстава Кана [Бархатова О. Н.].

Известно, что символизм как логическое продолжение и вырождение романтизма в борьбе с реалистической и натуралистической школами противопоставляет «действительности» «грезу», но мы конкретизируем в свете нашего астрологического подхода, какую именно грезу, словами критика «Mercure de France» Джона Шарпантье: «Ментальному и чувственному началам своих предшественников символисты ответили эстетикой *астрального*» [Le Studio Franco-Russe, с. 383][1] (Курсив наш. – *И. С.*). Причем, преимущественно грезы второго поколения посвящены астралу нижнему.

Во второй половине XIX в. постепенно пропадает из ткани романа сама «красная нить», собственно живая любовь, которую постепенно подменяют «игра», «эксперимент» и «опыт» : таким по замыслу автора Поля Бурже должен был быть и роман «Ученик» 1889 г. Здесь однако учителем героя становится не только и не столько любимый и почитаемый философ Адриен Сикст (вымышленный образ), сколько целый набор французских авторов века Романтизма (не вымышленных). Свежее непосредственное чувство героя, развившееся в нем помимо рефлексии и ей наперекор, выявляет несостоятельность авторского замысла относительно «преступления» и дальнейшего «наказания» Робера. Искренность Грелу перед самим собой выводит его судьбу за предел «позитивистской» парадигмы, принятой за руководство к жизни Сикстом, и дает ему в его недолгой любовной истории ту каплю «*живой воды*» романтического взаимопонимания, которая способна вознести реальное событие жизни в область мифа, искупая нечаянную трагедию Шарлотты[2].

Интеграция отдельных частей романтической реальности в единое цельное полотно бытия: исключительный пример Виктора Гюго как возвышение над общей схемой

Контрапунктом «сезонных» мотивов старших и младших романтиков звучит развернутая метафорика Гюго, превращающего каждый отдельный фрагмент картины «Осени» именно в составную часть общего пейзажа, который в свою очередь – предстает одной из четырех «сезонных» ипостасей человеческой души и вместе с тем является именно состоянием, а не приговором. Только Гюго, обладающий «редким душевным здоровьем»[3] смог как учитель показать современникам романтикам и многим поколениям поклонников его изобильно-

[1] Цитируется по: *Полонский В. В.* О типологии восприятия символизма в России и во Франции (по материалам парижских дискуссий 1929–1931 годов). 2014. URL : elibrary.ru/item.asp?id=21218447 .

[2] Пример мотива самоубийства в прозе, завершающий понижающуюся градацию образов старших поэтов-лириков.

[3] С. Великовский в кн: Поэзия Франции. Век XIX. С. 8.

го творчества, что «романтическая меланхолия» – просто болезнь, что ее не только возможно, но и необходимо перерасти тому, кто желает превзойти юношеский мировоззренческий возраст романа. Тому пример – его собственная жизнь, целиком перелитая в художественное и социальное творчество, переведшая образный строй юношеской лирики в историческое мышление зрелости и мудрость «волхва» преклонных лет. Не отдельные фрагменты мозаики становятся объектами завороженного созерцания поэта, а духовно-душевные процессы целиком, создающие живые и цельные картины-поэмы посредством развернутых метафор. Вот один из примеров:

<…>
Mais toi, rien ne t'efface, amour ! toi qui nous charmes,
Toi qui, torche ou flambeau, luis dans notre brouillard !
Tu nous tiens par la joie, et surtout par les larmes.
Jeune homme on te maudit, on t'adore vieillard.

<…>

Quand notre âme en rêvant descend dans nos entrailles,
Comptant dans notre cœur, qu'enfin la glace atteint,
Comme on compte les morts sur un champ de batailles,
Chaque douleur tombée et chaque songe éteint,

Comme quelqu'un qui cherche en tenant une lampe,
Loin des objets réels, loin du monde rieur,
Elle arrive à pas lents par une obscure rampe
Jusqu'au fond désolé du gouffre intérieur ;

Et là, dans cette nuit qu'aucun rayon n'étoile,
L'âme, en un repli sombre où tout semble finir,
Sent quelque chose encore palpiter sous un voile...
C'est toi qui dors dans l'ombre, ô sacré souvenir !

«Tristesse d'Olympio», 1840

…Когда душа скорбит наедине с собою
И в темной глубине ей явственно видны,
Как трупы воинов на страшном поле боя,
Надежды павшие, несбывшиеся сны –

Тогда *любовь*, как тот, кто в поисках упорно
Со светочем в руке обходит все углы,

Спускается туда, где в недрах бездны черной
Отчаянье и скорбь таятся среди мглы…

И вот в глухой ночи без проблеска дневного,
В могильной тишине, под кровом темноты
Душа вдруг чувствует – ты оживаешь снова,
Воспоминание, – как сердце, – бьешься ты.

В. Гюго «Грусть Олимпио».
Пер. В. Зиминой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Illouz J.-N. Les manifestes symbolistes // Littérature. P., 2005. № 139, Sept. P. 93–113.

Le Studio Franco-Russe / Textes réunis et présentés par L. Livak. Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto : Toronto Slavic library, 2005. Vol. 1.

Асов А. И. Календарь русских волхвов. М. : ФАИР, 2011. 384 с.

Бархатова О. Н. Символизм как явление в западноевропейской художественной культуре последней трети XIX – начала XX вв. 2015. URL : p.120-bal.ru/kultura/4815/index.html

Бондарев А. П. Пособие по истории французской литературы эпохи Просвещения и романтизма М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1982. 124 с.

Бондарев А. П. Диалогическая поэтика: Теория и история литературы: учебн. пособие для студентов разных специальностей. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. 360 с.

Брокгауз и Эфрон. Французская литература [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь. URL : slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1956981.html

Вестник МГЛУ. 2018. № 15 (810). URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/15_810.pdf

Виноградов А. К. Р. Шатобриан. Ренэ. Б. Констан. Адольф. «История молодого человека XIX века» : серия романов / под ред. М. Горького. М. : Журнально-газетное об'единение, 1932. С. 15–49. URL : lib.ru/RUSSLIT/WINOGRADOW/Vinogradov_Istoria_Molodogo_Cheloveka.txt

Поэзия Франции. Век XIX: пер. с фр. / вступ. ст. С. Великовского ; поэтич. ред. Б. Дубин ; комм. Ю Гинзбург. М. : Худ. лит., 1985. 464 с.

Чудинов В. А. Идея расширенного эволюционного словаря. Статьи и комментарии по этимологии слов русского языка. 2-е изд., доп. М. : ИП Бурина А. В. («Традиция»), 2012. 304 с.: ил.

REFERENCES

Illouz J.-N. Les manifestes symbolistes // Littérature. P., 2005. № 139, Sept. P. 93–113.

Le Studio Franco-Russe / Textes réunis et présentés par L. Livak. Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto : Toronto Slavic library. Vol. 1. 2005.

Asov A. I. Kalendar' russkih volhvov. M. : FAIR, 2011. 384 s.

Barhatova O. N. Simvolizm kak javlenie v zapadnoevropejskoj hudozhestvennoj kul'ture poslednej treti XIX – nachala XX vv. 2015. URL : p.120-bal.ru/kultura/4815/index.html

Bondarev A. P. Posobie po istorii francuzskoj literatury jepohi Prosveshhenija i romantizma M. : MGPIIJa im. M. Toreza, 1982. 124 s.

Bondarev A. P. Dialogicheskaja pojetika: Teorija i istorija literatury: uchebn. posobie dlja studentov raznyh special'nostej. M. : FGBOU VO MGLU, 2016. 360 s.

Brokgauz i Jefron. Francuzskaja literatura [Jelektronnyj resurs] // Jenciklopedicheskij slovar'. URL : slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1956981.html

Vestnik MGLU. 2018. Vyp. 15 (810). URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/15_810.pdf

Vinogradov A. K. R. Shatobrian. Renje. B.Konstan. Adol'f. "Istorija molodogo cheloveka XIX veka". Serija romanov / pod redakciej M. Gor'kogo. M. : Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 1932. S. 15–49. URL : lib.ru/RUSSLIT/WINOGRADOW/Vinogradov_Istoria_Molodogo_Cheloveka.txt

Pojezija Francii. Vek XIX : Per. s fr. / vstup. stat'ja S. Velikovskogo ; pojet. red. B. Dubin ; komm. Ju. Ginzburg. M. : Hud. Lit., 1985. 464 s.

Chudinov V. A. Ideja rasshirennogo jevoljucionnogo slovarja. Stat'i i kommentarii po jetimologii slov russkogo jazyka. 2-e izd., dop. M. : IP Burina A. V. («Tradicija»), 2012. 304 s.: il.

Приложение

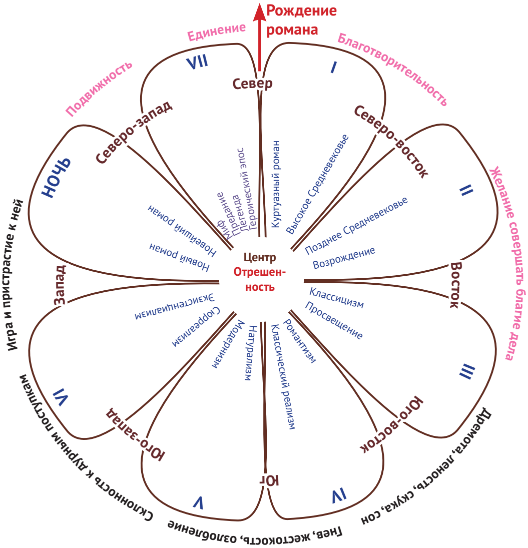

Рис. 1. Версты романа и свойства человеческой натуры, связанные с различными географическими направлениями (сторонами света)

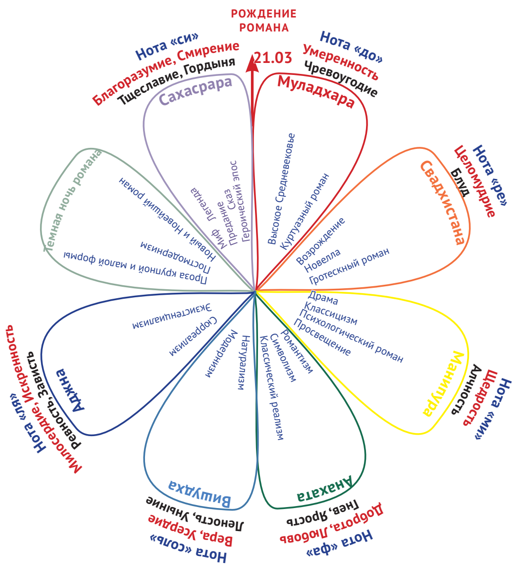

Рис. 2. Чакры и версты романа

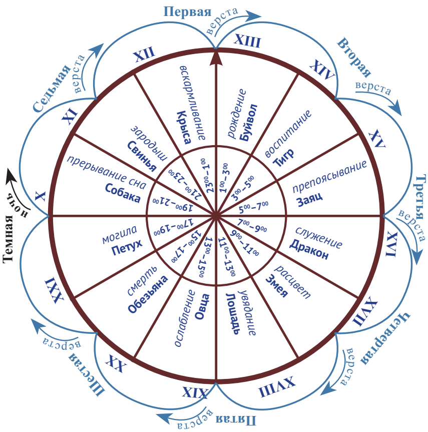

Рис. 3. Версты романа и фазы развития живых организмов, творческих, художественных, научных и социальных проектов

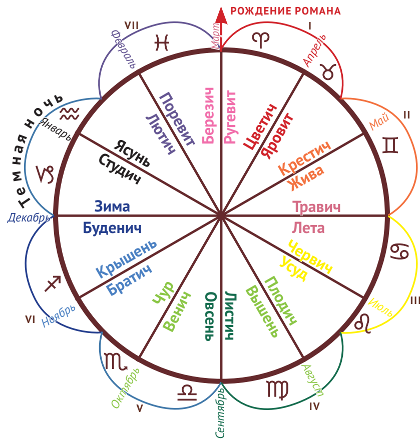

Рис. 4. Семь верст романа и Два Круга славянского Пантеона Божичей (Первый и Второй)

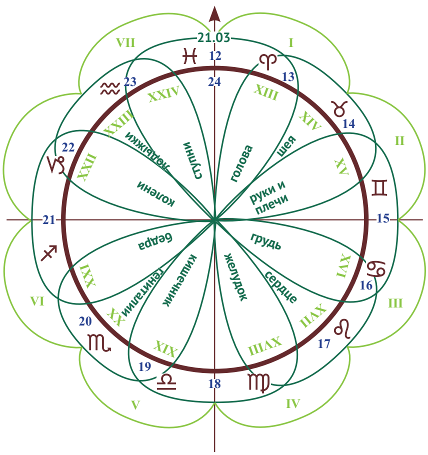

Рис. 5. Версты романа и части тела, находящиеся под управлением Зодиака

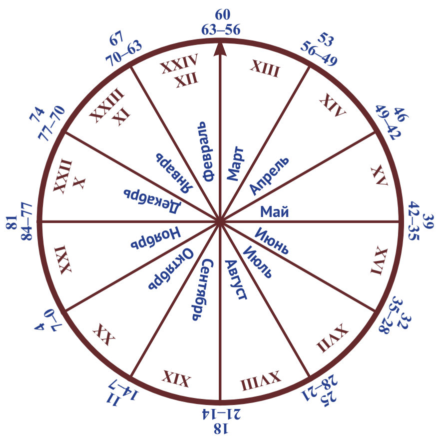

Рис. 6. Мировоззренческий возраст романа. Современность: XX и XXI вв.

Рис. 7. Квалификационные индийские варны

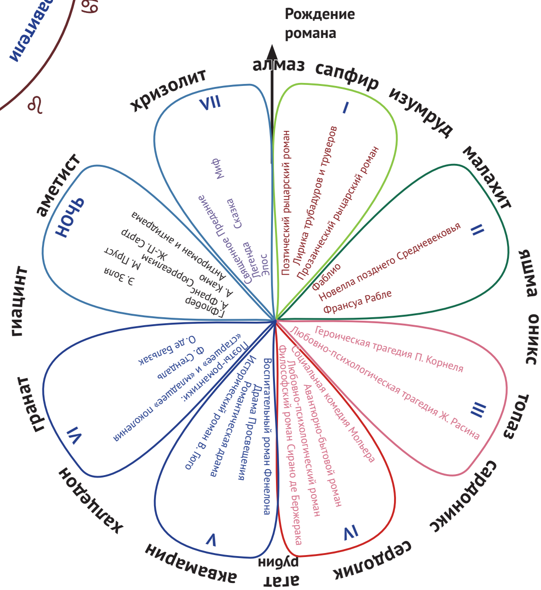

Рис. 8. Тематика французского УМКД на «семи верстах» романа и минеральные породы в годовом и недельном циклах

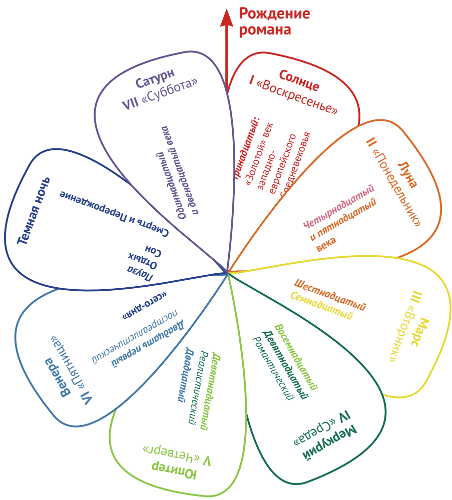

Рис. 9. Управляющие светила и планеты каждой из семи верст романа

УДК 82.091

С. П. Толкачев
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы МГЛУ;
e-mail: stolkachov@yandex.ru

«ПУТЕШЕСТВИЕ В СЕРДЦЕ ТЬМЫ»: ТРАВЕСТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СЮЖЕТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются проблемы творческого переосмысления традиционных сюжетов английской литературы мультикультурными писателями постколониального пространства. Показан процесс обогащения мировой литературы, прежде всего, англоязычными писателями бывших британских колоний, которые в своих произведениях ставят важнейшие вопросы истории, памяти, философии языка и этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: мультикультурализм; постколониальное пространство; гибридность; диаспора; повествовательная техника.

S. P. Tolkachev
Advanced Doctor (Dr. habil), Professor,
Department of Literature, MSLU;
e-mail: stolkachov@yandex.ru

“THE TRAVEL INTO THE HEART OF DARKNESS” TRAVESTY OF TRADITIONAL STORYLINES IN MULTICULTURAL AUTHORS WORKS

The article touches upon the problems of the creative reinterpretation of traditional English literary storylines by modern multicultural authors. The article shows a process of enrichment of the world literature by the authors from the former British colonies writing in English who raise important questions of history, memory, philosophy of language in their stories and novels as well as those of ethnic and cultural identity.

Key words: multiculturalism; postcolonial space; hybridity; diaspora; techniques of narration.

Произведения писателей, принадлежащих к категории мультикультурных, – это те, кто пишет на языке бывшей метрополии, а происхождение этих писателей из бывших колоний (еще их называют писателями постколониальной эпохи) – часто повествуют о принадлежности личности к тому или иному этносу, к узловому историческому отрезку времени, причем главным качеством состояния этой личности становится ощущение неустойчивости миропорядка, поскольку чаще всего это результат колониальной травмы и потеря человеком и целыми народами своего привычного локуса пребывания и своей этнокультурной принадлежности. Темой литературных произведений многих постколониальных писателей Великобритании, США, Канады и других мультиэтнических регионов, становится чаще всего насильственное перемещение мигрантов в колониальную и постколониальную эпохи, потеря людьми своей родины, а мысленный возврат в свое прошлое при этом уподобляет путешествию «в сердце тьмы». Недаром известный роман с названием «Сердце тьмы» английским писателем польского происхождения Джозефом Конрадом, опубликованный в самом начале XX в., стал очень популярным у мультикультурных писателей и хрестоматийным у представителей постколониальной теории.

Так, произведения нигерийского писателя Чинуа Ачебе, барбадосского поэта и драматурга Камау Брайтуэйта, индийского англоязычного прозаика Раджи Рао, британского писателя индо-пакистанского происхождения Салмана Рушди и ряда других авторов могут прочитываться как альтернативные сюжеты классических произведений XIX–XX вв., которые одновременно отрицают колониальный дискурс и озвучивают мнение тех общностей, чья судьба игнорировалась или замалчивалась официальной западной историей. Многие постколониальные тексты также явно и скрытно «подгоняются» под колониальные сюжеты, посылая, таким образом, «ответ империи». Известный теоретик постколониального дискурса Л. Хатчеон для характеристики таких произведений использует термин «историческая метапроза», давая характеристику романам, в которых важнейшей составляющей композиции и системы аллюзий становится диалог с колониальными нарративами истории [Hutcheon 1988].

Концепция «написания империй ответа» («writing back») – своего рода реакция колонизированных народов в постколониальную эпоху, когда метрополия, наконец, начинает «слышать» своих бывших подданных и даже принимать их в ряды своих сограждан – является центральной для одного из самых авторитетных изданий по постколониальным проблемам под названием «Империя пишет ответ» (1989) Билла Эшкрофта, Гарет Гриффитс и Хелен Тиффин [Ashcroft 1989].

Трое этих ярких австралийских критиков стали ведущими исследователями в сфере литературоведения Британского Содружества наций. Название их книги – цитата из высказывания Салмана Рушди, который по поводу постколониального пространства сказал, что «империя пишет ответ метрополии» [Rushdi 1982, с. 8]. В книге «Империя пишет ответ» исследуются феномены постколониального прочтения локальных историй покоренных прежде народов, а также произведения постколониальной литературы, которые пересоздают и переписывают известные (по западным версиям) исторические сюжеты.

Так, многие критики до 60-х гг. прошлого века полагали, что «интеллектуальный читатель» может вполне предсказуемо высказываться по поводу того, как интерпретировать текст и реагировать на сюжеты известных классических произведений. Но такие общие рассуждения оказались под пристальным вниманием общественности в связи с развитием феминистской литературной теории в 1970-х гг., и появлением понятия «читать глазами женщины» (женское прочтение, женский взгляд на литературу и т. д.). Теоретики феминизма исходили из данности, согласно которой многие писатели прошлого видели перед собой исключительно мужскую аудиторию, либо, по крайней мере, считали очевидным тот факт, что ценности и позиция такой аудитории должны быть в центре внимания. Кроме того, считалось, что писатели-традиционалисты волей-неволей ставят в центр повествования белого героя-мужчину, которому приписываются все доблести и достоинства, но при этом забывается о том, что при этом чувствует читающая книгу женщина или читатель неевропейского происхождения.

Показательным примером для новой, постколониальной, интерпретации служит роман Дж. Конрада «Сердце тьмы», о котором в свое время с возмущением отзывался Ч. Ачебе. Писатель вспоминал, как он впервые прочел этот роман в колледже и обратил внимание на образы африканцев в этом произведении, которые представлены как «субальтерны» – подчиненные, якобы не умеющие говорить (прежде всего, на языке метрополии) дикари, «склонные к каннибализму», «погруженных в свои бессловесные таинственные ритуалы», враждебные цивилизованному европейцу. Причем, как заметил нигерийский писатель, выполняют эти образы чисто служебную функцию – некоего экзотического фона для сюжета, связанного с рассказчиком Марло и зловещей фигурой Куртца

[Achebe 1988]. В то же время, будучи по происхождению африканцем, Ч. Ачебе особенно хорошо был осведомлен по поводу того, что в то время, когда появился роман Дж. Конрада африканское искусство и музыка оказывали значительное воздействие на европейцев, например, на Дебюсси и Пикассо, а артефакты, такие как бенинская бронза – собрание из тысячи латунных пластинок с изображениями из дворца правителя Бенинского царства, найденных все-таки на территории Нигерии – на самом деле являлись одним из ценнейших приобретений Британского музея и дворца архиепископа Кентерберийского. Ч. Ачебе также вспоминает о той совершенно отличной реакции на роман ирландского писателя Дж. Кэри «Мистер Джонсон» (1939), которую он испытал со своими учениками-соотечественниками в противовес британским ученикам, которые находились в том же классе. Это рассказ о наивном нигерийском парнишке по кличке «мистер Джонсон», который испытывает искреннюю симпатию к колониальному комиссару – официальному представителю Великобритании в доминионе, – к его английским манерам, привычкам, традициям, которым он следует. Но жизнь распоряжается по-своему, и подросток заканчивает жизнь трагически: его казнят за случайное непреднамеренное убийство белого европейца. Кстати, многие английские критики говорили о романе Дж. Кэри как об одном из лучших в истории литературы, воплотившем образ нигерийца, который написан трагикомическими красками и одновременно по-детски наивен, непосредственен. Ч. Ачебе вспоминает, что, когда британский учитель спросил учеников, что им больше всего понравилось в романе, один из учащихся-англичан ответил: «Расстрел мистера Джонсона».

Именно этот роман Дж. Кэри послужим стимулом для нигерийского писателя, который решил создать новую версию «Мистера Джонсона», поставив перед собой задачу «рассказать ту же самую историю изнутри». Первоначально Ч. Ачебе планировал изложить сюжет в одной книге, но в результате получилось два произведения: «Вещи распадаются» («Things fall apart») (1958) и «Покоя больше нет» («No longer at ease») (1960). В первом изображается исторический момент появления первого колонизатора на африканском континенте, и события излагаются с точки зрения коренного жителя. Во второй книге, подобно роману Дж. Кэри, рассказывается история о некоем нигерийском клерке Оби, который совершает преступление, и его увольняет (хотя до казни дело не доходит, как в романе ирландского писателя) хозяин-англичанин. Однако у Ч. Ачебе частная судьба героя показана на фоне глобальных исторических и культурных перемен. Судьба его тесно «переплетена» с дедом Оконкво и отцом Нвойе, о которых рассказывается в первой части дилогии – романе «Вещи распадаются».

Подобным образом в романе «Рай» (1994) Абдулразака Гурнаха, британского писателя танзанийского происхождения, представлен новый, африканский, вариант «Сердца тьмы» Дж. Конрада, а также восточно-африканская и арабская версии колониального человеческого опыта, о котором рассказано в романе «Вещи распадаются». Так, «Рай» А. Гурнаха, опубликованный почти полвека после одного из первых постколониальных произведений, романом Ч. Ачибе, повествует о событиях, которые происходят на другом краю африканского континента. В нем создана обширная галерея типов и характеров европейцев, которые в разное время приезжают в Африку в качестве поселенцев или военных оккупантов, и «Рай» А. Гурнаха представляет собой палимпсест этнокультурных образов: торговцев-мусульман из Йемена, Омана и других арабских стран, индийских купцов, представителей самых разных группы африканского населения. Это сложное и достаточно уникальное по эпическому размаху произведение, и оно не так прямолинейно, как творения Ч. Ачебе, хотя он и считается классиком африканской литературы. Роман Гурнаха уходит от простой бинарной оппозиции между африканцами и европейцами, заявленной в романах, в которых понятие о постколониальном начиналось – «Вещи распадаются», «Пшеничное зерно» и «Сердце тьмы». Отзвук сюжета «Сердца тьмы» можно увидеть и у А. Гурнаха. Его «Рай» повествует о путешествии главного героя Юсуфа, мальчика, родившегося в вымышленном танзанийском городе Кава в начале XX в., в глубины африканского континента. Отец Юсуфа, владелец отеля, оказывается в долгу у богатого и могущественного торговца Азиза, и мальчик оказывается у него в заложниках. Юсуф совершает путешествие в составе каравана Азиза в районы центральной Африки, в частности, в бассейн реки Конго, – по его представлениям в «рай» – и там им приходится столкнуться со многими испытаниями: враждебностью местных племен, хищными животными, труднопреодолимым рельефом местности.

Когда караван возвращается в восточную Африку, начинается Первая мировая война, и Азиз сталкивается уже с германскими военными, которые проникают в Танзанию и начинают насильно вербовать местных жителей в свои ряды. По мнению исследователя постколониальной литературы С. Л. Инна [Innes 2007, с. 41], роман «Рай» недвусмысленно перекликается с романом Дж. Конрада «Сердце тьмы», и А. Гурнах посредством своего произведением борется против господствующего западного контекста, в свете которого всё «африканское» до сих пор носит характер непонятного, страшного, враждебного – образ, который продолжает преобладать в западном культурном сознании.

У писателей-женщин, равно, как и у их читательниц, в ходу термин «двойная колонизация», поскольку, по их мнению, от них дистанцируются по двойному принципу – цвета кожи и пола [Petersen 1986]. По этому поводу Ч. Ачебе, которого в основном интересует тенденциозное изображение африканцев и Африки в романе «Сердце тьмы» Дж. Конрада, почти ничего не говорит об образах женщин европейского и африканского происхождения, которые, согласно конрадовской фабуле, в то или иное время интересовали Куртца. Одна из возлюбленных человека, в образе которого британский писатель с польскими корнями прозорливо предсказал зарождение фашизма в Европе, рисуется как некое небесное создание, слишком нежное и безукоризненное, чтобы увидеть в нем живого человека. Образ чернокожей «невесты» героя написан просто как некий, почти абстрактный символ Африки – дикое, одержимое первобытными инстинктами, а порой и просто устрашающее создание. Никто из женских образов вообще у Дж. Конрала, как и большинства европейских писателей, пишущих об Африке, не наделен более-менее осмысленным голосом или хотя бы каким-то намеком на причастность к разумной человеческой деятельности.

Другие африканские писатели также предлагают своего рода «антивзгляд» на роман Дж. Конрада «Сердце тьмы». В своем романе «Пшеничное зерно» (1968) кенийский писатель Нгуги Ва Тхионго использует аллюзии на это произведение, создавая образ представителя местной, аборигенной власти в одном из районов Кении, в его отношениях с окружающими и осознании цели колонизаторской миссии, что приводит в конце концов к тому, что он в своем преклонении перед колонизаторами начинает прибегать к пыткам и истреблению местного населения.

Еще одно произведение, которое также «переписывает» конрадовский сюжет, рассказ южноафриканской англоязычной писательницы, лауреата Нобелевской премии по литературе 1991 года, Надин Гордимер «Африканский волшебник» (1965), повествующий о подобных событиях во время путешествия героев вверх по реке Конго.

О подобных путешествиях по затерянным территориям Гайаны пишет в своем романе «Дворец павлина» (1960) и других произведениях, принадлежащих к так называемой гайанской тетралогии англоязычный писатель из бывшей Британской Гвианы Уилсон Харрис. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1973 года австралийский писатель Патрик Уайт в романе «Голос» («Voss») (1957) «отслеживает» примерно такой же маршрут, по которому движутся его герои, но уже по австралийскому континенту.

Сложный экспериментальный роман, который можно рассматривать как игровую инверсию сюжета «Сердца тьмы» с акцентом на вопросы философии истории и способы ее интерпретации представляет собой произведение ганской англоязычной писательницы Амы Эйду «Наша сестра ворчунья, или Размышления с точки зрения чернокожего» [Aidoo 1977]. Ее литературным дебютом стала драма «Дилемма призрака» (The Dilemma of a Ghost) (1964), сделавшая ее первым женщиной-драматургом Африки. Одна из первых в Гане А. Эйду обратилась к теме конфликтов традиционного образа жизни и культуры с современными. Главная тема рассказов писательницы – самоутверждение женщины как личности, преодоление предрассудков стародавнего уклада жизни.

Прозаик А. Эйду, как и Ч. Ачебе и другие постколониальные авторы, привержена идее меняющейся и освобождающейся от рабской зависимости Африки, и эти перемены она пытается изобразить, также переписывая традиционные исторические сюжеты. Сама писательница в одном из интервью призналась, что идея свободной и сильной Африки может быть выражена только через прозу, которая затрагивает «тонкие измерения» континента, интерпретации мечты об альтернативных, более благополучных судьбах африканцев, что возможно осуществить только через искусство настоящей прозы [Aidoo 1987, с. 25].

В первой части романа «Наша сестра ворчунья…» А. Эйду в художественной форме излагается концепция о том, что глобальная попытка изменить порядок вещей в исторической перспективе неизбежно влечет за собой трансформацию описания окружающего мира, а это, в свою очередь, приводит к метаморфозам в языке и жанре повествования, которые используются для воссоздания того или иного феномена реальности. Писательница прибегает к экспериментальной технике изложения, которая пересматривает условности традиционного классического романа от Диккенса и Теккерея до Голсуорси и Моэма, хотя в ее прозе можно найти и некоторые элементы «потока сознания» английских и американских писателей-модернистов. «Наша сестра…» – своего рода серия инверсий сюжета и фабулы, системы образов героев, которые формируют «африканский» вариант конрадовского сюжета. В этой связи необходимо напомнить, что «Сердце тьмы», как и некоторые другие произведения Дж. Конрада, можно считать «одноголосым», поскольку повествование в них ведется от лица рассказчика Марло, все события подаются сквозь призму его видения, и в этом отношении это произведение можно считать почти цельным и органичным. Рассказчик у Конрада общается с другими европейцами – моряками, работниками компании, которые разделяют его ценности и взгляды: об идее империи, прирожденной порядочности британцев, относительной неразвитости африканцев, о необходимости почитать и защищать женщин. Как и многие другие произведения, повествующие об Африке, «Сердце тьмы» – повествование о паломничестве, в котором главную роль играют белые мужчины, а чернокожие – часть внешнего ландшафта, который иногда «сливается» с метафизическим и аллегорическим пейзажем. Миссия Марло происходит от имени некоей компании, под которой может подразумеваться бельгийская компания Свободного Конго с тем, чтобы спасти и вернуть домой торговца слоновой костью Куртца, который якобы затерялся в тропических дебрях. Вся информация о зловещем Куртцу, которую узнает Марло, отправляется в Европу, где, как становится понятно, будучи трансформированной, она используется для очищения души цивилизованного человека, предотвращения ее вырождения. Дж. Конрад не мог знать о двух мировых войнах, которыми будет «освещена» история XX в., но в образе Куртца он как раз гениально предсказал появление фашизма. То, о чем рассказывает Марло, подается как материал слишком сложный для понимания женщиной, и несмотря на свою приверженность правде и честности, рассказчик скрывает часть правды от «суженой» Куртца, которую он считает слишком мягкой и неподготовленной, чтобы открыть ей всю правду. Кроме того, герой Конрада совершает путешествие из Европы в Африку с тем, чтобы открыть иррациональность чернокожего человека, которая подспудно все-таки скрывается в сердце европейца – темнота, которая проявляется в чудовищных ритуалах по обезглавливанию аборигенов, в которых принимает участие Куртц.

Писательница А. Эйду заменяет Марло на Сиси – героиню, которая достаточно реально воспринимает действительность, но в романе «Наша сестра…» – это африканка, которая совершает прямо противоположное путешествие – из Африки в Германию 1960-х гг. Ее цель – открыть загадку белого человека, найти «сердце света». Сиси уверена в значимости своей поездки, ее цивилизаторской миссии, несмотря на еще свежую память о гитлеровском фашизме (оба единственных немца, которые упоминаются в тексте, носят имя Адольф). Героиня посещает бывшие концлагеря; места, связанные в боями минувшей войны, и это вызывает подлинный ужас в сердце чернокожей женщины, «ужас от осознания того, на что способен человек со светлым цветом кожи», что становится для нее достаточно трагичным, но предсказуемым откровением, и это заставляет Сиси вернуться в родную Африку с чувством того, что ее жизнь никогда не будет прежней. Примечательно, что в своем произведении А. Эйду заменяет монотонную, гипнотическую интонацию, присущую роману Дж. Конрада, фрагментированной многоголосой повествовательной матрицей, которую даже сам автор не решился назвать романом. Нарратив разделен на серию диалогов между внутренним голосом героини и другими персонажами, который как бы вступает в спор не только с окружающими, включая самого автора. В результате образ самой Сиси становится многоплановым, многоголосым, постоянно подвергающим свои мысли и опыт сомнению. Поверх всего – повествовательное полотно, в подтексте «сплетенное» с нарративом Марло, которое «нарезается» на маленькие кусочки, иногда приобретающие относительную художественную свободу, иногда «сплетаемые» вместе опять, и такой своеобразный прием становится главной техникой автора, предупреждающее о такой отрывочности.

«Расщепление» повествования у А. Эйду – прием, который позволяет создать эффект сомнения в абсолютности приобретенного знания, свойственный рефлектирующим натурам, и это имеет прямое отношение и к вопросу о языке; как можно и нужно взывать к человечеству о своей колониальной травме и постколониальном состоянии отчужденности от своей этнокультурной идентичности, – на языке метрополии или на своем родном. Это важнейшая проблема, которая ставится на повестку дня вместе с распадом империи.

В третьей части романа А. Эйду «Наша сестра…» главная героиня пользуется тем самым «сомнительным орудием», английским языком, для того, чтобы говорить и обсуждать политические проблемы. Спор, в который она вступает, касается мифа о «сердце тьмы» и его приспособлении белыми людьми для своего «спасения». Сиси вступает в фантасмагорический спор о целесообразности пересадки сердца чернокожего африканца в тело белого европейца, сделанной доктором Кристианом Барнардом[1], и вдруг понимает, что ее оппоненты, коллеги по работе – почти все мужчины, которые на словах выступают за равенство всех культур, но на самом деле они сторонники освобождения науки от человеческих ценностей и нравственности, с чем героиня категорически не согласна. При разговоре присутствует герой по имени Кунли, поклонник опытов доктора Барнарда и всего западного. Позже Кунли сам станет жертвой западных технологий: он погибнет, попав на своей дорогой европейской машине в аварию, а его семья лишится компенсации от страховой компании, что символически демонстрирует бессилие языка человеческого над бездушным, но всесильным языком юридической машины. Но сюжет романа А. Эдду на этом не исчерпывается, как следовало бы ожидать, поскольку роман, скорее, о том, что женский голос не имеет права на существование в патриархальном мире, хотя коллеги главной героини делают всё возможное, чтобы успокоить ее и намекнуть на то, африканской женщине «должно знать свое место». В завершающей части романа под названием «Любовное письмо», героиня пишет послание своему возлюбленному по-английски. Как нам становится понятно из авторской позиции, личное общение в постколониальном мире напрямую зависит, в том числе, и от проблемы общественного положения мужчины и женщины в обществе, а также от последствий колониальной травмы, что усиливает разделение по классовому, гендерному и расовому

[1] Белый хирург из Южной Африки, который выполнил первую операцию по пересадке сердца в 1967 г. Донором стал чернокожий, погибший в автомобильной катастрофе, реципиентом – белый пациент.

принципу, в то же самое время, обеспечивая жизнь «сомнительному орудию», с помощью которого эти разделения могут быть преодолены, то есть, языку. В начале своего письма Сиси волей-неволей поднимает эту проблему: «Этот язык… Моя любовь, что хорошего в том, что я не могу озвучить свою душу и в то же время слышу, как она говорит? Уже давно я могу использовать этот язык, который поработил меня и поэтому глашатаи моего разума всегда приходят заключенными в кандалы чужого языка» [Aidoo 1977, с. 112].

В финале романа А. Эйду героиня понимает, что истинная цель письма – примирение с бывшим возлюбленным – не может быть достигнута, и в любом случае, дело уже не в этом, а в том, что героиня возвышается над собой прежней в результате сложной, порой мучительной работы души, а это самом по себе – уже важнейший шаг к свободе. В отличие от Марло, Сиси не лжет близкому человеку, она говорит ему достаточно жесткую истину о соучастии мужчин-африканцев, которые являются членами образованной элиты, в косвенном сотрудничестве с колониальными властями в порабощении женщины. «Ценности» Марло озвучиваются только лишь для его друзей – людей, которые разделяют его взгляды и в силу этого по умолчанию одобряют его мнение. Взгляды Сиси начинают звучать в письме для тех, с кем она находится в неравном положении. Таким образом, ее письмо как попытка вступить в общение, превращается в феномен самопознания, что очищает ее разум от власти времени над разумом и позволяет ей примириться с противоречиями внутри себя и приготовить ее к возвращения в новую, постколониальную Африку. Горькая ирония состоит в том, что на родину она возвращается в самом что ни на есть западном олицетворении европейской цивилизации – авиалайнере, от чего уйти невозможно. Таким образом, А. Эйду, Ч. Ачебе и многие другие мультикультурные писатели постколониального пространства, хотя посредством образов своих героев и оспаривают правомерность действий в пользу западной цивилизации, используют язык, словесные формы, технологии колонизатора, чтобы вернуться на родину, в обновленную, свободную Африку (хотя слово «свободная» так и напрашивается на кавычки). И эта Африка, как становится понятно из их творчества, скорее, некая метафора, чем объективная данность[1], но вопреки философии текста она как раз и становится истинным домом

[1] Вспомним роман К. Бликсен «Из Африки».

этих героев – это Африка или другой колонизированный в прошлом континент, чья физическая реальность зовет их и бросает им вызов: «Наконец она вернулась в Африку. И эта мысль на вкус напоминала что-то горько-сладкое: начинаешь с приятного, но потом понимаешь, какую боль это приносит. Но всё же, в конце концов, ты возвращаешься домой. В дом с его теплом, где все, тем не менее, может поменяться сразу и до неузнаваемости» [Aidoo 1977, с. 133]. Именно так ганская писательница очень точно и глубоко фиксирует «мерцающее» психологическое состояние постколониальной личности.

Таким образом, Дж. Конрад, по мнению писателей и теоретиков, в той или иной степени разделяющих постколониальные идеи, дал канонический сюжет, в котором присутствует важный и для сегодняшнего дня колониальный контекст. Современные постколониальные писатели, таким образом, судя по рассмотренным выше произведениям, не только очень критично переосмысляют колониальный дискурс, многие из них рассматривают глубинные конфликты человеческого духа, которые «взрывают» понятия «национального», своего и «чужого», гендерного, психологического, бытийного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Achebe C. An image of Africa // Achebe C. Hopes and impediments: Selected essays, 1965–1987. Oxford : Heinemann, 1988. 130 p.

Aidoo A. A. Interview with Sarah Chetin // Wasafiri 6/7. L. : Open University & Routledge, 1987. P. 25.

Aidoo A. A. Our Sister Killjoy: or Reflections from a Black-eyed Squint. Harlow : Longman, 1977. 134 p.

Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The empire writes back. L. & N.Y : Routledge, 1989. 246 p.

Hutcheon L. The Canadian postmodern. Toronto : Oxford University Press, 1988. 230 p.

Innes C. L. The Cambridge Introduction to Postcolonial Literature in English. Cambridge : Cambridge University Press. 2017. 295 p.

Petersen K.H., Rutherford A., eds. A double colonization: Colonial and post-colonial women's writing. Sydney and Oxford : Dangaroo Press, 1986. 190 p.

Rushdi S. The empire writes back with vengeance // The Times. L., 3 July 1982. P. 8.

УДК 17+719+94(47)

Е. Ю. Перова
кандидат культурологии,
доцент каф. мировой культуры ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: eperova71@list.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ «СТАРЫЕ ГОДЫ» ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматривается публикационная деятельность ежемесячника «Старые Годы», который выходил в Петербурге в 1907–1916 гг. В начале XX в. на волне интереса к народному быту, к феномену иконы как отражению мировоззрения, позволяющего реконструировать историческое развитие народа, к патриархальной усадебной культуре возникают специализированные издания. Среди них журнал «Старые Годы», на материале статей постоянно с ним сотрудничавших авторов можно проследить основные темы и вопросы, волновавшие ревнителей сохранения старины. На фоне в целом патриотического оттенка публикуемых материалов интересным представляется проанализировать материалы этого периодического издания, выходившие в год начала Первой мировой войны.

С последней четверти XIX в. основное внимание в отечественной культуре (в русле государственной политики консерватизма) уделялось русскому искусству, вместе с тем приблизительно четверть опубликованных в издании «Старые годы» материалов была посвящена европейскому и восточному искусству, тем памятникам, которые находились в отечественных музейных и частных собраниях. Собрания и изучение зарубежного искусства в отечественных коллекциях можно рассматривать в контексте национального и имперского величия государства.

Несмотря на военное время 1914–1918 гг. среди музейных сотрудников и исследователей старины продолжалась традиция сохранения, иногда жертвенного, памятников и традиций русской культуры. Подобное отношение к историческому наследию, памяти и преемственности поколений сохранялось и в военные годы середины XX в. И в наше время не менее масштабной утраты памятников может стать залогом будущего развития государственности и самосознания народа.

Ключевые слова: русская история и культура; сохранение и изучение памятников старины; журнал «Старые Годы»; XX век; война; патриотизм; самосознание.

E. Yu. Perova
PhD (Culture Studies), Assoc. prof.,
Faculty of the Humanities and Applied Science, MSLU;
e-mail: eperova71@list.ru

DIRECTIONS OF RESEARCH IN MILITARY PERIODICAL «OLD YEARS»

The article focuses on the monuments of Russian antiquity on the basis of the pre-revolutionary edition for art lovers. In the early twentieth century the interest in common people's life and the phenomenon of the icon as a reflection of the world view, there emerged specific publications reflecting patriarchal manor culture. Among them there was the magazine "Old Years." On the basis of articles of collaborating authors it is possible to trace the main themes and issues that worried the zealots of antiquity preservation. Patriotic experiences during the First World War are manifested particularly vividly. Taking in consideration the patriotic background of the published materials, it seems interesting to analyze texts of this periodical related to the beginning of the First World War.

Since the last quarter of the XIX century, the main focus of Russian culture was Russian art. About a quarter of the materials published in the "Old Years" were devoted to European and Oriental art pieces and monuments that were kept in Russian museums and private collections. The study of foreign art in domestic collections can be understood in the context of the national and imperial grandeur of the state.

Despite the wartime, the museum staff and researchers of antiquity kept the tradition of preserving monuments and traditions of Russian culture. A similar attitude to the historical heritage and the continuity of generations was maintained in the war years of the mid-twentieth century. In our time, when the issue of loss and the need to preserve the national and world heritage is acute, the research of a hundred years ago in this direction becomes extremely relevant.

Key words: Russian culture and history; preservation and protection of ancient monuments; the magazine «Old Years»; the 20th century; war; patriotism; self-consciousness..

> Но если бы… научились ценить не только зодческие, но и вообще типично-бытовые и художественные детали минувшего – этот город мог бы стать музейно-интересным, так как нигде в России не сохранилось такого количества домиков, заборов, ворот начала прошлого столетия… Тем более надо жалеть о разрушенных и разрушаемых памятниках художественного творчества.
>
> *Георгий Лукомский*
> *об одном из провинциальных городов России*

Введение

Ежемесячник «Старые годы» издавался в Петербурге, но охватывал своим вниманием и далекую провинцию. Постоянными рубриками, кроме основных статей, посвященных тому или иному памятнику, автору или собранию (их, как правило, было по четыре-пять в каждом выпуске), были «библиографические листки» (обзор новых изданий по искусству в России и за рубежом), «хроника» (обзор последних событий в европейской и отечественной культурной жизни) и «мелкие заметки» (например, о найденном документе, рисующем «некоторые детали личной жизни архитектора Баженова» [Старые годы, апрель 1914, с. 64]).

Среди ведущих авторов, представителей разных поколений и специалистов в узких областях культуры и искусства, были П. П. Вейнер, Г. К. Лукомский, А. А. Ростиславов, С. Р. Эрнст, барон Н. Н. Врангель, Н. Е. Лансере, В. А. Верещагин и др. Публиковались статьи и европейских исследователей искусства. Некоторые авторы указывали сокращенно фамилию. В приложении к альманаху присутствуют сведения о поступлении в продажу изданий по соответствующей тематике. Среди этих изданий выделяются достаточно объемные научные исследования вышеназванных авторов. Например, Г. К. Лукомский «Вологда в ее старине», издание Северного кружка любителей изящных искусств, 1914 г. (365 стр., 195 иллюстраций, цена вариативна и колеблется в зависимости от качества печатной бумаги и соответствует приблизительно 5-й части расходов на питание в месяц или 10-й части прожиточного минимума того времени); роскошное издание В. А. Верещагина «Памяти прошлого» и др. Анонсируется подписка на следующий год на периодические издания, сообщается информация о текущих выставках и аукционах. В небольшой рубрике «Почтовый ящик» читатели могли послать фотографии и задать вопросы, чтобы уточнить датировку и школу того или иного предмета старины; сотрудники журнала в следующем выпуске предоставляли информацию. Эта публичная переписка также отражала черты и интересы того времени.

Объем издания в среднем насчитывал около ста страниц; иногда выпуск объединял несколько месяцев (обычно летних, июль – сентябрь). Издание отличалось превосходным качеством иллюстраций.

Основные векторы изучения культуры в России на рубеже XIX–XX вв.

Несмотря на то, что с последней четверти XIX в. основное внимание в культуре (в русле государственной политики консерватизма императора Александра III) уделялось русскому искусству, приблизительно четверть опубликованных в издании «Старые годы» материалов была посвящена европейскому и восточному искусству, тем памятникам, которые находились в отечественных музейных и частных собраниях. Можно вспомнить, что на волне интереса к национальной культуре и традиции с середины XIX в. появляются и этнографические общества. В художественной среде возрастает интерес к народному быту (например: выходит издание, подготовленное Е. Г. Мамонтовой и Е. Д. Поленовой и посвященное народному орнаменту; описываются и вводятся в использование народные музыкальные инструменты и др.). Открываются в это время музеи, посвященные русской истории и культуре: Галерея русской живописи П. М. Третьякова в Москве, Русский музей имени Императора Александра III в Петербурге и др.).

Непосредственно по инициативе и при участии императора Александра III появляются: первый в России Исторический музей (сам император был почетным председателем Русского исторического общества); Музей обороны и освобождения Севастополя (для увековечения памяти Крымской войны); освящается храм Спаса на крови в Петербурге, Храм Христа Спасителя в Москве, Владимирский собор в Киеве, исторические общества ведут свою работу при научных заведениях и т. д.

В целом, такое внимание к отечественной культуре прослеживается в течение всего XIX в. как отголосок победы в Отечественной войне 1812 г., связанной с ростом национального самосознания. Эта черта стала связующей для «золотого века» русской культуры (не только в художественной словесности, но, например, и в музыке наблюдается активное привлечение народных мелодий и национальной тематики композиторами А. Е. Варламовым, М. И. Глинкой, А. А. Алябьевым и др.). Собрания зарубежного искусства в отечественных коллекциях также рассматривалось и в качестве национального и имперского величия государства. В многонациональной Российской империи «разнородные элементы» объединялись «рамками русского государственного тела» и «возникала та самая “цветущая сложность” (по выражению философа и византолога К. Н. Леонтьева), всё то сказочное великолепие и культурное изобилие, которыми славилась императорская Россия» [Дронов 2015, с. 464].

Такой вектор в культурной политике сохранялся и в правление императора Николая Александровича. Сама значимость и величие открывшейся в этот период собственно русской культуры неизбежно привлекала внимание как специалистов, так и любителей, а обнаружившееся пространство культуры давало возможность плодотворного и неограниченного научного ее освоения.

«Старые Годы» 1914 г.: направления исследований и авторы

Статьи в ежемесячнике «Старые годы» за 1914 г. посвящены изучению и описанию коллекций прежде всего Эрмитажа (мартовский выпуск) и пригородов Петербурга (например, Гатчине посвящен объемный выпуск около 200 стр. за июль – сентябрь 1914 г.).

На страницах журнала фиксировалась и критически осмыслялась деятельность археологических комиссий, аукционов и т. д. Так, например, археологической находке в районе Приднепровья и Причерноморья посвящена статья Н. И. Веселовского «Серебро скифского царя из кургана Солоха» (март 1914 г.), в которой описаны памятники древнегреческой культуры, имеющие мировое значение (эти памятники из впервые обнаруженных курганов пополнили коллекцию Эрмитажа).

Собранию испанских картин Эрмитажа посвящено исследование барона Н. Н. Врангеля. Из статьи видно, что в это время расширяется особый научный интерес к испанской живописи, в которой особенно привлекало «загадочное и… своеобычное», к этому времени была издана только одна монография А. Н. Бенуа о Гойе. Императорский Эрмитаж лучше всего представляет, после Прадо и провинциальных музеев Валенсии и Севильи, испанское искусство. Автор статьи системно представляет эту коллекцию Эрмитажа, комментируя отдельные работы [Старые годы, январь 1914, с. 25–33]. Испанскому искусству и в майском номере посвящена статья А. Кубе «Испано-мавританские фаянсы Императорского Эрмитажа».

«Художники, отдававшие свою жизнь украшению книги, руководствовались совершенно особенными стремлениями, в наши дни мало даже понятными <…>. Работали они большею частью бескорыстно»,

– так начинается статья С. П. Яремича «Миниатюры западноевропейских рукописей XIII–XVI столетий», посвященная юбилею Императорской публичной библиотеки [там же, с. 34]. Выставке «Русская и иностранная книга» посвящена статья В. Воинова в апрельском выпуске. Вообще среди публикуемых материалов достаточно много посвящено библиографическим редкостям, феномену книги.

Также на страницах издания описывались и научно комментировались коллекции из частных собраний. Их появление в отечественной культуре относится к рубежу XVII–XVIII вв., а расцвет приходится на вторую половину XIX – начало XX вв. Многие частные художественные собрания в определенные дни недели были доступны свободному посещению, причем экскурсии проводились для желающих самим владельцем. В предисловии к первому изданию 1990-х гг., посвященному данному вопросу, отмечается, что на рубеже XIX–XX вв. менялись понятия об объектах коллекционирования, о их культурной значимости, всё большее внимание привлекали, с одной стороны, современное изобразительное искусство, отечественное и зарубежное, с другой стороны, «русская старина – бытовая повседневность и барской усадебной культуры, и обиход простолюдина», коллекционирование «способствовало расширению представлений об источниках “отечествоведения”… и становлению отраслей специальных научных знаний, особенно в сферах книговедения и искусствознания и, конечно же, музееведения (атрибутирование и научное описание музейных предметов)» [Полунина, Фролов 1997, с. 5–6]. В издании «Старые Годы» поднимался вопрос о технике реставрации художественных произведений (проблема, особенно актуальная в наше время, когда памятники могут быть утрачены в руках специалистов-реставраторов), «реставрация от “навыков” должна перейти к научной обоснованности» [Старые годы, январь 1914, с. 57].

В информационном разделе обращалось внимание на следующие знаменательные моменты и проблемы: необходимость образования национального фонда для ремонта старинных деревянных церквей Севера (поднятый А. В. Щусевым); освещался юбилей творческой деятельности профессора Д. В. Айналова в области византийского и древнерусского искусства; отмечался почетный отзыв на книгу С. П. Бартенева «Московский Кремль в старину и теперь»; обсуждались интересные детали последней реставрации «многострадального

Кремля», в том числе успешный опыт раскрытия фресок XV–XVI вв. в Успенском соборе: «комиссией по реставрации собора решено их окончательное открытие, что в свое время явится крупным событием» [Старые годы, май 1914, с. 53]; назывались отдельные памятники Торжка, Царицына, Калуги и других провинциальных городов, подлежащие неотложному сохранению (например, образовался провал на набережной Царицына рядом с памятником, что повлекло за собой не только укрепление его, но и археологические исследования, так как предполагалось открытие потаенного хода); обнародовался готовящийся протест против использования памятника архитектуры в качестве ресторана; комментировался закон об охране старины (февраль). Кроме того, анонсируются и подводятся итоги многочисленных выставок, лекций, событий в области искусства и просвещения.

В последнем выпуске 1914 г., объединяющем три месяца, небольшая статья А. А. Ростиславова «Отражения войны» начинается словами: «Перед теми ужасающими опустошениями памятников старины и искусства, которые производила и производит война в Бельгии, Северной Франции, Польше, многим наши вопли последних лет по поводу “тихих погромов” (выражение Н. К. Рериха), вандализмом, чинимым над нашими памятниками старины, кажутся сейчас чуть ли не жалким и ненужным писком. Большое заблуждение. Существо дела остается тем же, происходит ли оно при громе орудий и свете пожаров или под мирным на вид флагом благолепия и утилитарных потребностей <…>. Мало того: может быть, именно сейчас в нашей борьбе за старину и искусство не надо уступать ни одной пяди, ибо с ужасающей наглядностью обнаружилось, что “культурные завоевания” идут рука об руку не с искусством и наукой, а с военным варварством» [Старые годы, октябрь – декабрь 1914, с. 120].

Вообще в 1914 г., судя по «хронике» издания, наблюдается всплеск активной, целенаправленной деятельности по сохранению памятников и в сфере культуры в целом. К вышеуказанной реставрационной деятельности можно добавить: на средства из Государственного казначейства устройство нового читального зала и картинной галереи Румянцевского музея (к его юбилею); проект объединения зданий московского Исторического музея и городской думы; подготовка к открытию театрального музея А. А. Бахрушина; реставрация усадьбы

«Дубровицы»; выделение средств на реставрацию провинциальных памятников и т. д.

Почти в каждом выпуске издания присутствуют материалы, посвященные Русскому музею. Это неслучайно, так как основным объектом изучения является русская старина и искусство. За 1914 г. в разделе «Вести за месяц» (январский выпуск) говорится об открытии отдела христианских древностей Русского музея: оно было отложено на три месяца из-за пожара в мастерских, где были подготовленные витрины. В февральском номере статья П. И. Нерадовского посвящена новым приобретениям Русского музея. В апрельском выпуске говорится о вошедшей в состав Русского музея личной коллекции Н. П. Лихачева и о посвященных этой части собрания научных комментариях исследователей П. П. Муратова, Н. П. Сычева и др. Рисункам князя Г. Г. Гагарина в Русском музее посвящена статья С. Р. Эрнста в мартовском номере. Подробно и комплексно изучается творчество художника А. П. Лосенко (январь), архитектурные ансамбли (Гатчине посвящен выпуск за три месяца), образ русских правителей, запечатленных в художественных произведениях (статья В. А. Щавинского «Профиль Петра Великого» – в феврале) и др.

Вызывают отклик события, произошедшие в Третьяковской галерее: «перевеска картин», «очень энергично произведенная новым ее попечителем И. Э. Грабарем; споры эти… касались… принципиального вопроса о том, можно ли изменять расположения картин, существовавшее при покойном основателе галереи» [Старые годы, апрель 1914, с. 48]. Однако собрание расширялось («кстати,.. скоро появится новое очень ценное приобретение Галереи – «Разборчивая невеста» П. А. Федотова, законченная картина масляными красками, принадлежавшая Хлудовскому собранию»), «Галерея остается крайне тесною,.. вопрос о расширении самого здания является насущным. Как оно будет расширено – еще неизвестно, но решить его надо, и поэтому настоящее… приходится рассматривать, как временное» [там же]. Эти замечания были сделаны до появления Инженерного корпуса, сегодня интересно проследить динамику, материалы и формы расширения здания.

Немаловажное значение в наше время имеет внимание на страницах издания к памяти значимых для изучения отечественного культурного наследия личностей. Регулярной рубрикой в издании был

«Некролог», где давался отчет о вкладе исследователя, иногда приводилась библиография его трудов. Так, в февральском выпуске – посвящение памяти академика М. П. Боткина (кроме важных занимаемых должностей и помощи в сохранении и изучении памятников – им изданы отдельные тома, имел собственную коллекцию: «При малочисленности у нас крупных коллекционеров, собирательская деятельность является заслугою пред родиною и за нее М. П. Боткину мы должны быть благодарны» [Старые годы, февраль 1914, с. 68]. В выпуске марта говорилось о кончине известного ученого П. П. Семенова-Тянь-Шанского и собрании его картин, которое по договору поступит в Эрмитаж (720 картин), тогда собрание приобретет «такую полноту голландской и фламандской живописи, с которой не может сравниться ни одна из европейских галерей» [Старые годы, март 1914, с. 38]. В. А. Щавинский писал: «Твердо помня, что мне никогда более не придется встретить подобного ему человека, в последние годы я с жадностью изучал Петра Петровича, и все-таки теперь, когда его не стало, вижу, как плохо воспользовался я редкою возможностью…» [там же, с. 57]. Далее в заметке показано, как можно посвятить жизнь науке и «практическому делу на пользу родной страны» в области географии, статистики, палеонтологии, геологии, ботанике, энтомологии и др. [там же, с. 58].

Таким образом в данной статье сделан обзор основных тем и направлений публикаций в ежемесячнике «Старые Годы» за указанный период времени, отмечены значительные события в области культуры, приведены фрагменты статей, выявляющих бережное отношение и патриотические основания деятельности сотрудников журнала, специалистов и подвижников в своей области.

Выводы

Издание «Старые Годы» до сих пор недостаточно изучено. Несмотря на то, что отдельным аспектам (в основном филологическим и искусствоведческим) его деятельности посвящены диссертации [см. Золотинкина 2009, Минкина 2007], нет целостного подхода в изучении этого издания, направлений его деятельности и роли в общественной и культурной жизни того времени. Вместе с тем благодаря профессиональному и точному выбору объектов (памятников культуры), подлежащих защите, реставрации и их фотофиксации, деятельность ежемесячника «Старые Годы» трудно переоценить как в отношении методов исследования отдельного памятника, так и в пробуждении в обществе патриотических настроений и национального самосознания.

Несмотря на военное время с 1914 г. среди музейных сотрудников и исследователей старины продолжалась деятельность по сохранению, иногда жертвенному, памятников и традиций русской культуры. Ежемесячник продолжал издаваться, продолжалась кропотливая работа по изучению объектов культуры, к этому привлекалось внимание общественности, и это доказывает, что сохранение культурной традиции, памятников – это тоже своего рода борьба и помощь на пути к победе в ситуации войны. Эта «линия ответственности» в отношении к историческому наследию, памяти и преемственности поколений сохранялась и в военные годы середины XX в. И в наше время (не менее масштабной утраты памятников) может быть залогом будущего развития государственности и самосознания народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дронов И. Е. Сильный, Державный: Жизнь и царствование Александра III. М. : ИХТИОС, 2015. 632 с.

Золотинкина И. А. Журнал «Старые годы» и ретроспективное направление в художественной жизни Петербурга : 1907–1916 : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2009. 21 с.

Минкина Е. В. Редакционно-издательская и публицистическая деятельность П. П. Вейнера в журнале «Старые годы» : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 219 с.

Полунина Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы: Биографический словарь / предисл. академика С. О. Шмидта. М. : Независимая газета, 1997. 528 с.

Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. Январь, 1914. 68 с. ; Февраль, 1914. 68 с. ; Март, 1914. 60 с. ; Апрель, 1914. 64 с. ; Май, 1914. 64 с. ; Июнь, 1914. 56 с. ; Июль – сентябрь, 1914. 206 с. ; Октябрь – декабрь, 1914. 150 с.

REFERENCES

Dronov I. E. Sil'nyj, Derzhavnyj: Zhizn' i carstvovanie Aleksandra III. M. : IHTIOS, 2015. 632 s.

Zolotinkina I. A. Zhurnal «Starye gody» i retrospektivnoe napravlenie v hudozhestvennoj zhizni Peterburga : 1907–1916 : avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedenija. SPb., 2009. 21 s.

Minkina E. V. Redakcionno-izdatel'skaja i publicisticheskaja dejatel'nost' P. P. Vejnera v zhurnale «Starye gody» : dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007. 219 s.

Polunina N., Frolov A. Kollekcionery staroj Moskvy: Biograficheskij slovar' / predisl. akademika S. O. Shmidta. M. : Nezavisimaja gazeta, 1997. 528 s.

Starye gody. Ezhemesjachnik dlja ljubitelej iskusstva i stariny. Janvar', 1914. 68 s. ; Fevral', 1914. 68 s. ; Mart, 1914. 60 s. ; Aprel', 1914. 64 s. ; Maj, 1914. 64 s. ; Ijun', 1914. 56 s. ; Ijul' – sentjabr', 1914. 206 s. ; Oktjabr' – dekabr', 1914. 150 s.

УДК 30+316.7

В. М. Соловьев

доктор исторических наук, проф. каф. мировой культуры
института гуманитарных и прикладных науки ФГБОУ ВО МГЛУ
e-mail: v-soloviev@mail.ru.

КУЛЬТУРОСОФСКИЕ СУЖДЕНИЯ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ Г. В.ФЛОРОВСКОГО

Статья посвящена труду «Пути русского богословия» – главной книге о русской культуре видного мыслителя, православного философа и священника о. Георгия Васильевича Флоровского (1893–1979). В ней раскрыты как уникальность и мировая значимость русской культуры, так и ее вечные проблемы и острые противоречия. Истина, красота, правда, любовь, добро – константы и абсолюты русской культуры, которые для Г. В. Флоровского не отвлеченные категории, а ценности собственного бытия. Основное внимание в статье акцентируется на актуальных культуросфских суждениях о. Георгия о русской культуре, осмыслении им особенностей ее становления и развития. Особую значимость приобретают сходство культурных ситуаций в России 80 лет назад, когда была опубликована работа Г. В. Флоровского, и сейчас. Новый век и новое тысячелетие отмечены теми же кризисными явлениями, которые зафиксированы автором «Пути русского богословия» во второй четверти XX в.

Ключевые слова: культурогенез; патристика; гуманизм; русская культура; православный духовный опыт; экуменизм; дискурсивное мышление.

V. M. Soloviev

Doctor of History (Dr. habil), Prof., World Culture Department,
Faculty of the Humanities and Applied Science, MSLU;
e-mail: v-soloviev@mail.ru.

G. V. FLOROVSKY'S APPROACH TO RUSSIAN CULTURE FROM CULTURAL PHILOSOHY PERSPECTIVE

The article is dedicated to the work *The Ways of Russian Theology* which is known to be the magnum opus on Russian culture by Fr. George Vasilievich Florovsky – a prominent thinker, an Orthodox Christian priest and philosopher. In this work the author focuses not only on the uniqueness and global significance of Russian culture, but also on its perennial problems and sharp contradictions. Truth, beauty, love, good – these are the constants and absolutes of Russian culture, which are not some abstract notions for George Vasilievich Florovsky , but the essential values of his own being. The article focuses on Fr. George's topical judgments on Russian culture and features of its formation and development from the cultural philosophy perspective. The issue is now becoming ever more relevant, regarding the resemblance of the cultural situation in Russia 80 years back, when Fr. George

Vasilievich Florovsky's work was published, to what happens in cultural life today. The same critical phenomena, which were described by the author of *The Ways of Russian Theology* in the second quarter of the XX century, are being observed in the new century and in the new millennium.

Key words: culturogenesis; patristics; humanism; Russian culture; the Orthodox Christian experience; ecumenism; discursive thinking.

Введение

В предлагаемой статье рассмотрены вопросы изучения русской культуры, которые поднял и полемически развил Г.В.Флоровский, концептуально обобщивший свои взгляды на основные этапы в развитии русской культуры в критическую ретроспективу ее исторического пути. Им разработана христианская доктрина русской мысли, фундаментально исследована историко-философская рефлексия как существенная составляющая русской культуры. Религиозные прозрения, по его разумению, не противоречат научному мышлению, и собирание духа лишь способствует по-настоящему творческому ответу православия на совокупные вызовы природных, политических, социальных, экономических, а в конечном счете культурных проблем, от решения которых зависят будущее цивилизации, прогресс человечества и судьбы мира.

Культурогенез русской культуры

Г. В. Флоровский не оперирует терминами, составляющими словарь современных теории и истории культуры, но это не значит, что понятие «культурогенез» в его работе не присутствует. Пристальное внимание к началу русской культуры выводит его на изучение и сопоставление разных идейно-мировоззренческих, философских, теологических точек зрения на культурные явления, приходящиеся на языческие века, предшествующие русской истории. «Младенческая» стадия русской культуры живо интересует о. Георгия, и он останавливается на тех родовых чертах, которые оказали формирующее влияние на ее последующее развитие.

Диалектический подход к культурогенезу русской культуры не диссонирует у Флоровского с богословскими суждениями. Религиозные прозрения, по его разумению, не противоречат научному мышлению, и собирание духа лишь способствует накоплению православием защитного опыта.

Признавая, что история русской культуры начинается с Крещения, о. Георгий считает важным отметить и другое: «Языческое время остается за порогом истории. Это совсем не значит, будто не было языческого прошлого. Оно было, и побледневшие, а иногда и очень яркие следы его и воспоминания надолго сохраняются и в памяти народной, и в быту, и в самом народном складе…» Языческий пролог – это объективная необходимость. С него начинается тот естественный метаморфоз, т.е. культурообразующий цикл, сопряженный с рядом последовательных трансформаций и сравнимый с природным процессом превращений у живых организмов. Так появлению на свет прекрасной бабочки предшествуют этапы ее формирования в яйце, куколке, а затем перерождение из гусеницы-личинки в имаго – взрослое насекомое.

Оптимальным для русской культуры Флоровский считал именно греко-византийский вариант православия, потому что он согласовывался с устойчивыми и укорененными в ней общинными формами русского быта, традициями патернализма и народными идеалами, знаковое отличие которых – преобладание духовно-нравственных основ над материально-прагматическими, коллективизм, а не индивидуализм. Эсхатологическую чрезмерность культуры крещеной Руси о. Георгий объяснял своего рода компенсацией за слабость духовного развития и недостаточность аскетического закала [Флоровский 2009, с. 15].

Высвеченные Флоровским истоки русской культуры и сейчас остаются отправными для выяснения культурогенеза культуры российской, поскольку при всем своеобразии культурного развития архаических сообществ, живших на территории современной России, сближающие факторы и общие черты первокультур древнерусской и сопредельных народностей не вызывают сомнения, и такие важные культурообразующие составляющие, как праязык, родноведческие (языческие) ценностные ориентации в синтезе с монотеистическими самоидентификацией и познанием мира и т. п. восходят ко временам, предшествовавшим формированию государственности и периоду раннефеодальных государственных образований. Но и на этой древнейшей стадии как для славян-русов, так и для соседствующей с ними этнически разнородной массы населения характерны общность культурного поля – совокупности взаимосвязанных структур или объектов, составляющих более или менее единую инфраструктуру [Соловьев 2016, с. 331–353].

Своя позиция

На многое в русской истории и культуре у Г. В. Флоровского свой собственный взгляд, особое и отличное от целого ряда авторитетных русских историков XIX – начала XX вв. мнение. Так, он воздерживается от придания времени монгольского господства на Руси характера апокалиптического потрясения и невосполнимого по разрушительности смертоносного бедствия. Своя позиция у о. Георгия по отношению к теории Третьего Рима, которую он называет теократической утопией, так как уверен в неосуществимости реализации идеи построения на земле всемирной монархии под руководством Москвы и видит в этой доктрине несомненный признак сужения православного кругозора.

Однозначно не приемлет автор «Путей» никоновскую унификацию и осуждает ее.

Убежденный противник и критик революции Петра I, Г. В. Флоровский видит в Петровской России реализацию государственной властью замысла создания «полицейского государства». «Полицеизм» есть замысел построить и «регулярно сочинить» всю жизнь страны и народа, всю жизнь каждого отдельного обывателя, ради его собственной и «общей пользы» или «общего блага» [Флоровский 2009, с. 111, 114–115].

Октябрьскую революцию 1917 г. Флоровский однозначно расценивает как губительное явление для России и судеб русской культуры. Он решительно восстает против химерической идеи большевиков насильно осчастливить ближнего. Облагодетельствование вопреки воле другого человека есть, по разумению о. Георгия, неуважение к чужой свободе. Тот, кто продавливает свое и не чтит «чужой свободы каждого единого из малых сих», какими бы лучшими побуждениями ни руководствовался, на самом деле этим агрессивным навязыванием поступает пагубно, нарушает свободу личности, и, стало быть, им движет вовсе не любовь к ближнему, а разрушительная страсть фанатика, лишь мнящего, что им движет любовь <...>. Такая любовь в несвободе и через несвободу только выжигает воспаленное сердце и сожигает мнимо любимых, – убивает их обманом и презрением» [там же, с. 377–378].

Флоровский-почвенник неизменно нацелен на преодоление культурного изоляционизма и совершенно уверен, что сила православия не в конфессиональной замкнутости, а в свободном диалоге с миром и прежде всего с христианским Западом. В этом отношении экуменизм о. Георгия приумножает излюбленную геополитическую мысль и концепцию единения церквей В.С.Соловьева.

Вопреки стереотипам

Г. В. Флоровский предлагает свой «синопсис» истории русской культуры, потому что существующие трактовки его не устраивают схематичностью и повторением одних и тех же стереотипных, но, как правило, далеких от истины и ошибочных построений. Поэтому он столь часто по ходу изложения своей собственной версии подробно и критически вскрывает устойчивые заблуждения, которыми в одинаковой степени буквально усеян во многом слитный путь русского богословия и русского культуры. Примером такого искаженного отражения русского культурного прошлого, выявленного о. Георгием, может послужить устоявшийся и вошедший в научную, справочно-энциклопедическую, учебную и популярную литературу тезис о вопиющем культурном разрыве между Московской Русью и Петровской Россией. Флоровский дезавуирует этот миф и доказывает, что упомянутый контраст, во-первых, не столь велик; во-вторых, московское невежество XVII в. сильно преувеличено и в плане интеллектуальной истории в разы превосходит; в-третьих, заданность и надуманность утверждения о русской культурной отсталости в царствование Алексея Михайловича сразу отчетливо проступит, если обратиться к образцам духовной дикости и чисто среде710невековой практики петровского времени [там же, с. 111]. Кроме того, и в плане культурной и духовной перспективы допетровская интеллектуальная история в разы превосходит пытливостью познания трактаты Феофаны Прокоповича. И действительно бедность и скудость рационализма этого столпа ученой дружины Петра I разительно уступает широте и свободе мысли скромного монаха Артемия Троицкого (ок. 1500–1570), который «премудрости путешествие» считал бесконечным [Зимин 1958, с. 153–168].

Равнодушие к культуре

Неисчислимые беды, указывает философ, коренятся в равнодушии к культуре. По его словам, завязку русской трагедии культуры, упрямое недоверие к культуре нужно искать в безответственности народного духа. Флоровский не обвиняет народ, но и не идеализирует его: «Слишком привыкли русские люди праздно томиться на роковых перекрестках, у перепутных крестов» и не находили себя в «культурном делании» [Флоровский 2009, с. 371, 635, 639].

По Флоровскому, русская культура глубоко страдает от постоянного злоупотребления идеалом, которое с удивительной периодичностью и почти системно проявляется как триумф мечты над реальностью. Оборотная сторона открытости миру – это «утопическое злоупотребление категорией идеала, злоупотребление правом “морального суждения” и оценки…». И ведь именно в торжестве таких догм и отвлеченных и самодовлеющих идеалов, считает Флоровский, заключается всегдашняя готовность с легкостью необычайной браться за перекраивание действительности [там же, с. 323, 364–365].

Философско-теологические размышления приводят о. Георгия к заключению, что пагубный для России соблазн Запада не компенсирован ориентацией на Восток. Путь русской культуры выверен идеями православия, патристической традицией, чем и объясняются разочарования Флоровского в евразийстве и отход от него. Учение Отцов Церкви как основа для христианского религиозного мировоззрения – становой «хребет» русской культуры, и Г. В. Флоровский сквозь смятение мыслей и духовных исканий, обуревающих Россию, различает тот громадный потенциал, которым она располагает и который равновелик римскому и греческому направлениям патристики.

Преимущество гуманизма

В «Путях русского богословия» понятие «русская душа» у Флоровского воспринимается как собирательный образ нации и знаковый маркер идентификации культуры. Нетленная ценность личного бытия раскрывается в контексте соборности – свободного единства уникальных личностей. Антоним соборности – деперсонализация, расцениваемая философом как распад духовной цельности и деформация личного бытия. Рано или поздно человек, подобно витязю на распутье, попадает на развилку, когда нужно сделать судьбоносный выбор в пользу духовной цельности или стихийного начала. Предпочтение второго первому означает отказ от Бога и утрату нравственных ориентиров, т. е. низкий порог волевой сопротивляемости и податливость козням дьявола. Превратно понятая свобода распоряжаться собой иллюзорна и на самом деле оборачивается рабством, одержимостью утопией, зависимостью от ложной и тлетворной идеи, подменой истинных ценностей утилитарным суррогатом. При столь жесткой максималистской мерке, не оставлявшей места неизбежным человеческим порокам и слабостям, Флоровский вряд ли мог стяжать репутацию гуманиста. И действительно многочисленные оппоненты указывали ему на идеалистическое завышение человеческих возможностей. Лишь избранные способны быть носителями одухотворенной индивидуальности и ходячим олицетворением благогого мироздания, тогда как абсолютное большинство открыто соблазнам и искушениям и не стремится к жертвенному богопознанию. Однако о. Гергий не мыслил ни православие, ни христианство вне аскетического собирания духа, дистанцируясь от западноевропейского гуманизма, поставившего человека в зависимое положение от потребностей капитала. Как один из плеяды мыслителей русского духовного Ренессанса Г. В. Флоровский гневно осудил развязанную хищными империалистическими дельцами Первую мировую войну, обернувшуюся миллионами жертв и восстал против искаженно понимаемого бессмертия души, якобы нивелирующего ценность человеческой жизни. Нет никаких оснований отказывать о. Георгию в гуманизме. Нет никаких оснований отказывать о. Георгию в гуманизме. Он не приемлет ни традиционный рационализм, ни рациовитализм в духе учения Х. Ортеги-и-Гассета, в котором обосновывается идея единства жизни и разума. Однако в неменьшей степени ему чуждо отрицание или принижение отдельного человека. Философ убежден, что абсолютное раскрывается лишь в личности: есть образ Божий в человеке, но нет его в государстве и обществе. «Свобода, – провозглашает Флоровский, – вполне осуществима только через любовь и братство, – в этом тайна соборности, тайна Церкви, как братства и любви во Христе. Это и был внутренний отклик на все тогдашнее гуманистическое искание братства, на тогдашнюю жажду братской любви» [там же, с. 634].

Бинарность русской культуры

При характеристике русской культуры Г. В. Флоровский постоянно оперирует бинарными оппозициями – универсальным средством рационального описания мира, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое – отрицает. В сущности, утверждает философ, «слагались две культуры: дневная и ночная. Носителем «дневной» культуры было, конечно, меньшинство, впрочем, ведь так всегда бывает, и уравнение духовных потенциалов не есть свидетельство жизнедеятельности и жизнеспособности исторических формаций. Русская культура сродни русской душе. Всего настойчивее она проявляется в отрицаниях и отречениях. Монолитность и стабильность в русской культуре постоянно борются с дискретностью и прерывистостью: «История русской культуры вся в перебоях, в приступах. Всего меньше в ней непосредственной цельности. Несоизмеримые и разновременные душевные формации как-то совмещаются и срастаются сами собой. Но сросток не есть синтез», – полагает Флоровский [там же, с. 633, 634]. Фактически диалектические рассуждения философа не только далеко выходят за рамки неметафизической трактовки и интуитивизма, но представляют собой не что иное, как бесспорный образец дискурсивного мышления, для которого характерно соотнесение различных вариантов решения стоящей задачи на основе их последовательного перебора и алгоритма, где каждый последующий шаг обусловлен результатом предыдущего. Безусловно, это свидетельствует, что автору «Пути русского богословия» была доступна наукометрия нового поколения, тогда еще практически неизвестная.

Выводы

В заключение правомерно сделать следующие выводы. Во-первых, «Пути русского богословия» – центральное сочинение Г. В. Флоровского о русской культуре, ибо в этом сочинении всего полнее глубоко и оригинально раскрыт интеллектуальный образ России. Во-вторых, труд о. Георгия содержит новый взгляд на культурогенез русской культуры, учитывающий все основные культуросоставляющие компоненты. В-третьих, Г. В. Флоровский критически деактуализирует целый ряд стереотипов, утвердившихся в теории и истории русской культуры, противопоставив им собственный взгляд на вещи. В-четвертых, заострив внимание на проблемах равнодушия в России к культуре и выдвинув как альтернативный западноевропейскому православно-соборный гуманизм, философ ввел в русское почвенническое мировоззрение исходные посылки, препятствующие отодвиганию в «зону культурного отчуждения» национально приоритетных смыслов и ценностей. В-пятых, в работе «Путь русского богословия» Флоровский, опередив свое время, продемонстрировал особый, дискурсивный, уровень абстрактного мышления, и это положило начало новой трактовке русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1958. 498 с.

Соловьев В. М. Из предыстории российской культуры: у истоков культурогенеза // SCIENCE TIME. 2016. № 10 (34). С. 331–353.

Флоровский Г. В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

REFERENCES

Zimin A. A. I. S. Peresvetov i ego sovremenniki. M. : Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1958. 498 s.

Solov'ev V. M. Iz predystorii rossijskoj kul'tury: u istokov kul'turogeneza // SCIENCE TIME. 2016. № 10 (34). S. 331–353.

Florovskij G. V. Puti russkogo bogoslovija / otv. red. O. Platonov. M. : Institut russkoj civilizacii, 2009. 848 s.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 5 (821)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanitarian Sciences
Issue 5 (821)

Ответственный редактор выпуска 5 (*821*)
кандидат филологических наук, профессор Т. В. Медведева

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 26.04.2019
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 20,8
Заказ № 58/19

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ